ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ГАРРИ ГАРРИСОН

Планета проклятых

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГАРРИСОНА —
ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ МОНУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НФ.
ПОЛ ДИ ФИЛИППО, SCIFI.COM

АЗБУКА

Планета проклятых. Планета, с которой не возвращаются. Звездные похождения галактических рейнджеров

Гарри Гаррисон

Аннотация
Гарри Гаррисон. Планета проклятых. Планета, с которой не возвращаются. Звездные похождения галактических рейнджеров
Планета проклятых
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13

Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Планета, с которой не возвращаются
Глава 1. Одиночка
Глава 2. Запах смерти
Глава 3. Дерзкий план
Глава 4. За день до операции
Глава 5. В Аду и без оружия
Глава 6. Первая встреча
Глава 7. Первый контакт
Глава 8. Неприятный сюрприз
Глава 9. Электронный допрос
Глава 10. Вступление в должность
Глава 11. Навстречу опасности
Глава 12. Открытие
Глава 13. Враг обнаружен
Глава 14. Машины–убийцы
Глава 15. Экспедиция в ущелье
Глава 16. Тайна черной колонны
Глава 17. Убийцы
Глава 18. Кошмар милитаризма
Глава 19. Конец операции
Звездные похождения галактических рейндже-

ров
Глава 1. Шутка напряжением в 89 тысяч вольт
Глава 2. Ошеломляющее открытие
Глава 3. Неожиданное путешествие
Глава 4. Победоносная битва
Глава 5. Поражение оборачивается победой
Глава 6. Ненавистные гарниши и лишенная разума оболочка
Глава 7. Великая победа оканчивается трагедией
Глава 8. Страшная тайна раскрыта
Глава 9. Последняя битва… а может, и не последняя
Глава 10. Подготовка и начало величайшего крестового похода
Глава 11. Неожиданная встреча в глубоком космосе
Глава 12. В шахтах
Глава 13. Брошенные на Хаггисе
Глава 14. Рождение галактических рейнджеров
Глава 15. Таинственный кракар
Глава 16. Загадка в космосе
Глава 17. Чудеса, да и только!
Глава 18. Самая могучая в галактике космическая армада? Смех, да и только!
Глава 19. Тайна ненавистных лортонои рас-

крыта
Глава 20. Секрет салями
Глава 21. Полная победа!

Аннотация

Куда только не посылал Гарри Гаррисон своих отважных героев. На Солнце разве что, и то вряд ли. Что Солнце таким славным ребятам, как Стальная Крыса, Язон динАльт или герой всея Галактики Билл.

Вот и в очередном томе, предлагаемом читателям, мастер мировой фантастики ведет нас вместе со своими героями то на планету Дит, прозванную планетой проклятых и угрожающую жизни Вселенной, то на ощерившуюся оружием и не менее смертоносную Сельму, планету-робот, то, чтобы разрядить обстановку, устраивает "веселенькую" прогулку в компании бравых американцев, решивших прогуляться по космосу, но ставших в результате героями.

Гарри Гаррисон
Планета проклятых. Планета, с которой не возвращаются. Звездные похождения галактических рейнджеров

Планета проклятых

Человек сказал Вселенной:
— Я существую!
— Этот факт, — ответила Вселенная, — не вызывает во мне чувства долга.
Стивен Крейн

Глава 1

Пот струился по телу Брайна и стекал в набедренную повязку — другой одежды на нем не было. Легкая фехтовальная рапира будто налилась свинцом и оттягивала руку. Болели мышцы — сказывались перегрузки последнего месяца.

Впрочем, все это не имело значения. Порез на груди, из которого сочилась кровь, боль в глазах, даже огромный амфитеатр с тысячами зрителей — все было сейчас несущественно. От всей необъятной вселенной осталось лишь сверкающее стальное острие — тонкая полоска металла, рвущаяся к его груди и отводящая его оружие. Он чувствовал хищное дрожание этого острия, заранее догадывался, когда и куда оно двинется, и всякий раз парировал удар.

Выпад! Брайн мгновенно среагировал, но его рапира пронзила воздух, и в следующую секунду он ощутил острый укол в грудь.

— Удар! — проревел заполнивший весь мир голос, и в ответ обрушилась лавина аплодисментов.

— Одна минута! — произнес тот же голос; пошел отсчет времени.

Брайн немедленно расслабился. Минута это не много, нужно использовать каждую секунду. Под мерный стук метронома он расслабил каждый мускул — только сердце и легкие продолжали работать в прежнем ритме — закрыл глаза и позволил секундантам отнести себя на скамью. Пока они массировали его и промывали рану, Брайн отключился и впал в полузабытье. Сразу же всплыло неприятное воспоминание, и он снова попытался проанализировать странные события прошлой ночи.

Случившееся было для Брайна полной неожиданностью. Покой участников Игр тщательно оберегался, поэтому по ночам в спальнях было тихо, как на кладбище. Разумеется, в первые дни распорядок соблюдался не очень строго: все пребывали в возбужденном состоянии и почти никто не ложился спать после отбоя. Но состязания шли своим чередом, и очень скоро тишина стала воцаряться в спальнях сразу после наступления темноты. А в последнюю ночь занятыми остались всего две спальни, тысячи других пустовали, и ничто не могло нарушить покоя двух претендентов на звание Победителя.

Тем не менее Брайна разбудила какая-то перепалка. Сквозь тонкую металлическую дверь ясно

доносились слова: два человека о чем-то спорили. Один громко назвал его имя.

— Брайн Бренд? Конечно нет! Кто вам сказал? У вас будут крупные неприятности.

— Не будьте идиотом! — прозвучал другой голос, резкий, явно принадлежащий человеку, привыкшему командовать. — Я здесь по делу чрезвычайному, и мне необходимо срочно видеть Бренда!

— Но Игры…

— К черту ваши проклятые Игры! У меня важное дело, иначе ноги моей здесь не было бы!

Второй — это, скорее всего, был дежурный — ничего не ответил, но Брайн понял, что он уже вне себя. Очевидно, он достал пистолет, потому что незваный гость быстро сказал:

— Уберите. Не валяйте дурака!

— Вон! — услышал Брайн, потом наступила тишина и, все еще удивленный, он опять заснул.

— Десять секунд… — голос вернул Брайна к действительности, он почувствовал, что тело опять напряжено, и в этот момент с огорчением осознал, что силы его на исходе.

Целый месяц он находился в постоянном напряжении, и вот наступил предел — трудно было даже стоять. Но Брайн понимал: сейчас необходи-

мо собрать в кулак всю свою волю, мобилизовать все свое искусство и во что бы то ни стало выиграть бой.

— Какой счет? — спросил он у секунданта, с трудом переводя дыхание.

— Четыре–четыре. Для победы тебе нужен только один удар.

— И ему тоже… — прошептал Брайн, глядя на другой конец ковра, где разминался его противник. Слабый боец вообще никогда не добирается до финала Игр, а Ироли был не просто сильным — он был одним из сильнейших на планете. Этот рыжеволосый гигант с неистощимым запасом энергии, искусный в бою, представлял серьезную опасность.

Итак, последний раунд! Один удар — и ты Победитель…

Брайн снова закрыл глаза и понял, что наступил момент, которого он надеялся избежать. Каждый участник Игр владел каким-то особым, только ему известным, приемом. У Брайна таких приемов было несколько, и до сих пор они всегда ему помогали.

Например, он считался довольно сильным шахматистом и почти всегда выигрывал. Как правило, победу ему приносил оригинальный

стиль игры, выработанный в результате многолетних занятий. У Брайна было много знакомых среди торговых агентов на других планетах: они доставали ему старые книги по теории шахматной игры, изредка попадались совсем древние… Он изучил и проработал тысячи партий. Законами Игр это не запрещалось. Законами вообще разрешалось все, что не было связано с использованием наркотиков или механических приспособлений.

Разрешался и самогипноз… Брайну пришлось упорно трудиться два года, чтобы научиться в полной мере использовать скрытые силы организма. Хотя явление это было давно известно и неоднократно описывалось в литературе, проделать такое самому оказалось невероятно сложно. Подобные эксперименты могли привести человека к полному истощению и даже к смерти. В истории были известны случаи, когда берсеркеры[1] продолжали сражаться, не обращая внимания на смертельные раны: люди, пораженные в сердце или в голову, бились с врагом, пока не умирали.

Существовала и другая возможность — гипнотическая жесткость — сила, позволяющая, например, поддерживать тело в горизонтальном

состоянии, опираясь только на две точки. Для этого нужно было входить в транс: в нормальном состоянии такие штуки невозможны. Работая в этом направлении, Брайн овладел искусством черпать силу из того источника, который поддерживает в человеке жизнь.

Такая форма самогипноза тоже могла привести к гибели от истощения, но сейчас у него не было выбора. Участники Игр умирали и раньше, а в финале смерть всегда предпочитали поражению.

Глубоко и размеренно дыша, Брайн постепенно погружался в транс. Усталость и боль исчезли, зрение и слух обострились до предела, с каждой секундой он черпал новые силы из источника своей жизни, истощая тело и приближаясь к той грани, за которой нет ни жизни, ни смерти.

Когда прозвучал гонг, Брайн выхватил рапиру из рук секунданта и стремительно бросился вперед — Ироли едва успел схватить оружие и парировать удар. Сила натиска была столь велика, что противники столкнулись, а их рапиры буквально переплелись между собой. Не ожидавший такого начала Ироли немного опешил, но быстро пришел в себя и улыбнулся — он решил, что это последняя вспышка Брайна. Поэтому, когда их развели, Ироли не стал атаковать: он предпочел

дождаться, пока противник растратит последние силы в бесплодных атаках, и тогда…

Но Брайн и не думал уставать. Он неудержимо рвался вперед, усиливая натиск. Улыбку на лице Ироли сменил ужас — он осознал свою ошибку. Брайн увидел отчаяние в глазах противника и понял, что пятый удар за ним.

Выпад. Еще один… С каждой секундой Ироли реагирует все хуже, его оружие движется все медленнее и уже не угрожает, а только пытается отразить мощные удары Брайна. Собрав все силы, Брайн рванулся вперед, нырнул под рапиру противника, и в следующее мгновение кончик его рапиры коснулся груди Ироли!

Аплодисменты и крики приветствия обрушились на арену, подобно горному обвалу, но Брайн почти ничего не слышал. Он только видел, как Ироли выронил рапиру и пытается пожать ему руку… а потом стал падать. Брайн подхватил противника и потащил навстречу секундантам; ему казалось, что он очень долго пробирается сквозь густой туман… Ироли потерял сознание, а Брайн опустился на колени и понял, что наступил долгожданный миг — наконец-то он может позволить себе упасть и закрыть глаза.

Глава 2

Ночной гость Брайна появился в больнице через день после окончания Игр. Он узнал, что новый Победитель не умер, и, хотя еще ночью был очень плох, теперь его жизнь вне опасности. Этого незнакомцу было вполне достаточно.

Он с рычанием прокладывал себе путь к палате Брайна, но возле самой двери натолкнулся на сильное сопротивление.

— Вы не имеете права, Победитель Айджел! — кричал на него врач. — И если вы будете рваться силой, мне придется разбить вам голову.

Айджел начал было объяснять врачу, насколько малы его шансы осуществить задуманное, но тут их прервал Брайн. Он узнал голос ночного гостя.

— Впустите его, доктор. Я очень хочу увидеть человека, который считает, что на свете есть что-то важнее Игр.

Пока врач нерешительно мялся на пороге, Айджел быстро вошел в палату и, захлопнув дверь у него перед носом, внимательно посмотрел на лежащего в постели Победителя. Борьба со смертью, которую Брайн только что пережил,

оставила отпечаток на его лице: глаза глубоко запали и налились кровью; квадратная челюсть напоминала кость, обтянутую кожей; картину довершал заострившийся нос и выступающие скулы. Лишь ежик коротко стриженных волос напоминал прежнего Брайна. Вообще он был похож на человека, перенесшего длительную и тяжелую болезнь.

— Примерно так должен выглядеть кающийся грешник после долгого поста, — заметил Айджел. — Поздравляю вас с победой.

— А вы что-то не очень похожи на Победителя, — парировал Брайн.

Айджел не обратил на эту шпильку никакого внимания, наверное, он уже привык к такой реакции на свой титул. Все его тело обросло жиром, и на Анваре, где почти не встречаются толстые люди, он выглядел довольно необычно. С трудом верилось, что такой толстяк мог стать Победителем Игр. Но вместе с тем чувствовалась в нем какая-то внутренняя сила, и в глазах его читалась такая уверенность в себе, что Брайн смущенно отвел взгляд. Он зря обидел гостя — человек с такими глазами вполне мог быть Победителем.

Он вновь взглянул на Айджела и понял, что того сейчас занимают проблемы поважнее, чем

внешний вид Брайна или его уколы; похоже, что и Игры интересовали этого человека, как прошлогодний снег.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Неожиданно за спиной Айджела беззвучно отворилась дверь — в проеме показался врач и двое полицейских. С грацией, доступной лишь спортсмену, толстяк обернулся и шагнул им навстречу. В следующую секунду клубок барахтающихся тел вылетел в коридор, а Айджел плотно закрыл дверь и щелкнул замком.

— Мне нужно поговорить с вами. — Он выключил видеофон на тумбочке. — Наедине!

— Ну давайте, если я смогу…

— От вас ничего не требуется, лежите и слушайте. Минут через пять они выломают дверь, поэтому не стоит зря терять время. Хотите отправиться со мной на другую планету? Необходимо выполнить важное задание. Это моя работа, но мне нужна помощь. Вы — единственный человек, который может мне помочь. — Айджел сделал паузу и, прежде чем Брайн успел ответить, добавил: — А теперь отказывайтесь.

— Конечно, я отказываюсь, — сказал Брайн и тут же почувствовал себя одураченным, словно именно этих слов и добивался от него Айджел. —

Анвар — моя родина, чего ради я должен отсюда улетать? Здесь у меня работа, друзья… Кроме того, я только что победил в Играх, и это налагает на меня определенные обязательства.

— Глупости! — отрезал Айджел. — Я тоже Победитель, но вот улетел же и ничего. На самом деле вам просто хочется насладиться славой, которая досталась с таким трудом. Ведь здесь титул Победителя приносит почет и уважение, а за пределами Анвара никто даже не знает, что такое Игры. Перед вами, Бренд, открылась дверь в необъятный мир, и вполне понятно, что вы немного… испуганы.

В этот момент кто-то громко заколотил в дверь.

— У меня даже нет сил рассердиться. Вы полагаете, это дает вам право оскорблять меня?

— Извините, — сказал Айджел без тени раскаяния в голосе. — Но есть на свете вещи поважнее, чем ваше оскорбленное самолюбие. Объяснять все подробно нет времени, придется ограничиться кратким изложением основной идеи.

— Как я понимаю, идея окажется столь привлекательной, что я сразу соглашусь покинуть родную планету.

— Отнюдь… Вряд ли мне удастся переубедить

вас сию секунду. Но советую хорошенько обдумать мои слова и после этого, надеюсь, рухнут ваши иллюзии. Как и все жители Анвара, вы исповедуете идеи гуманизма, занимаетесь наукой, а почти все свободное время отдаете подготовке к Играм. Вы принимаете все это как должное. А задумывались вы о тех, — кто обеспечил вам такой образ жизни? Думали вы когда-нибудь о многих поколениях людей, тысячелетиями влачивших жалкое, полуголодное существование? Пока человечество медленно карабкалось по лестнице цивилизации и прогресса, миллиарды никому не известных людей жили и умирали в нищете, страдали под властью тиранов и боролись против суеверий. Вы никогда о них не думали, а ведь именно эти люди своим потом и кровью создали те блага, которыми вы ежедневно пользуетесь.

— Конечно, я никогда об этом не думал. А к чему? Я ведь все равно не могу изменить прошлое…

— Зато можете изменить будущее! Вы изрядно задолжали предкам и должны это понимать. Не хотите отдать хотя бы часть долга и помочь тем, кому сегодня приходится так же несладко, как вашим далеким предкам?

В дверь забарабанили сильней. Стук мешал

Брайну сосредоточиться, а голова плохо работала после лошадиной дозы лекарств. Он с трудом собрался с мыслями.

— В принципе, я с вами согласен. Но вы же знаете, что логическое решение имеет смысл только тогда, когда оно подкреплено эмоциональной сопричастностью. Я ничего не смогу сделать, пока не буду вовлечен в ваше дело лично.

— Вот мы и добрались до самого главного, — мягко сказал Айджел. Он прижался спиной к двери, в которую били уже чем-то тяжелым, и быстро продолжал: — Как видите, мне некогда входить в подробности, но даю честное слово Победителя, что лично для вас это дело значит очень много. И кроме того, если вы мне поможете, мы спасем восемь миллионов жизней. Вот так!

Замок наконец не выдержал, и дверь начала поддаваться. Айджел снова изо всех сил навалился на нее и с трудом закрыл.

— И последнее… — он перевел дыхание. — Подумайте, почему когда в галактике свирепствуют войны и льется кровь, на Анваре люди поставили свою жизнь в такую зависимость от сложной системы Игр?..

Глава 3

Больше держать дверь Айджел не стал. Он отступил в сторону, и в комнату ворвались люди. Пока они осматривались, Айджел, не говоря ни слова, спокойно вышел.

— Что случилось? Что он здесь делал? — спросил врач, испуганно глядя на Брайна.

Остаток дня Брайну было над чем поразмыслить. От избытка лекарств и сильной усталости перед глазами стоял туман, мысли лениво перепрыгивали с одного на другое, неизменно возвращаясь к словам Айджела.

Что же он все-таки имел в виду? Что за ерунду нес об Анваре? Анвар такой, потому что… Да просто потому, что он такой, и все тут!

История планеты проста и незатейлива. Она лежала в стороне от торговых путей, на ней не было залежей полезных ископаемых или драгоценных металлов — словом, ничего интересного с коммерческой точки зрения. Охота на пушного зверя, правда, приносила определенный доход, но о завоевании мирового рынка не могло быть и речи. Нет ничего удивительного, что не делалось никаких попыток колонизировать Анвар.

Заселение носило случайный характер. Сначала группа ученых построила здесь обсерваторию и несколько исследовательских станций для наблюдения за необычным анварским годом, потом многие перевезли на Анвар семьи, и население планеты стало медленно, но верно, увеличиваться. Со временем к ученым добавилось некоторое число охотников… Такой была заря цивилизации на Анваре. От тех времен не сохранилось почти ничего, и история первых шести веков Анвара по большей части основана на вымыслах и мифах.

Затем произошел Великий Перелом: Земная Империя распалась, галактику охватили войны и хаос. Для Анвара это был тяжелый удар. Обсерватория и исследовательские станции обнаружили, что представляют несуществующие более научные институты; охотники потеряли рынок сбыта; на планете не осталось ни одного космического корабля. Анвару пришлось начать нелегкую борьбу за существование.

Правда, лишения периода Перелома почти не затронули Анвар — планета могла обеспечить себя всем необходимым. Когда поселенцы свыклись с мыслью, что они теперь народ независимого мира, а не сборище постояльцев с различным подданством, жизнь пошла своим че-

редом. Трудности — жить на Анваре всегда было тяжело — внешне как будто не отражались на поведении анварцев, но их образ мыслей и привычки претерпели значительные изменения.

В те времена было сделано много попыток создать на планете стабильное общество и наладить устойчивые социальные связи. К сожалению, и об этом периоде не сохранилось почти никаких письменных свидетельств. Известно лишь, что кульминацией этих поисков стало появление Игр.

Чтобы понять, что такое Игры в жизни Анвара, надо иметь некоторое представление о необычной природе планеты. Продолжительность анварского года — семьсот восемьдесят дней. Большую часть этого времени планета, вращающаяся по сильно вытянутой орбите, находится вдали от солнца — и тогда на ней царит зима. Когда Анвар наконец приближается к своей звезде, наступает короткое жаркое лето, длится оно всего восемьдесят дней.

Местные флора и фауна давно приспособились к резкой смене времен года. Зимой большая часть животных впадает в спячку, только в покрытых снегом тропиках некоторые хищные виды сохраняют активность и охотятся на немногочис-

ленных травоядных. Все формы растительной жизни пережидают холода в виде спор или семян. В общем, зима на Анваре — это сезон мира.

Зато лето — это время бешеного роста. Летом все пробуждается к жизни, все растет, цветет и активно размножается. Изменения происходят прямо на глазах — снежный покров тает и поля за день превращаются в джунгли. Растения карабкаются друг на друга и рвутся вверх, стараясь получить побольше живительной солнечной энергии. В этот короткий период каждый ест и каждого едят…

Чтобы выжить, людям тоже пришлось приспосабливаться к анварскому циклу. Адаптация произошла не сразу, сменилось не одно поколение, пока безумное лето и бесконечная зима перестали казаться анварцам чем-то из ряда вон выходящим. Теперь первая оттепель вызывала глубокие изменения в организме человека: исчезали слои подкожного жира, почти пропадала потребность в отдыхе — нескольких часов сна хватало на неделю. Люди привыкли к бешеному темпу анварского лета: они собирали урожай и готовили запасы на зиму. К первым морозам зерно и мясо были уже законсервированы в специальных хранилищах, и теперь поселенцы

могли не опасаться голода.

За несколько веков человек сумел стать неотъемлемой частью природы Анвара, ему удалось приспособиться и выжить… Но оставалась еще одна проблема. На смену короткому лету приходила долгая анварская зима, и тогда главным врагом каждого жителя планеты становилась скука. Даже охотники не могли заниматься своим делом всю зиму, а каково было остальным?! На Земле эскимосы умели впадать в случае необходимости в полубессознательное состояние, почти в спячку… Для Анвара это был не выход. Разве можно проводить так зиму, которая длится почти два земных года?

Одни нашли для себя выход в пьянстве, другие — в ярости. Алкоголизм и убийства — двойной ужас зимних сезонов после Перелома. Конец этому кошмару положили Игры.

Когда они прочно вошли в жизнь Анвара, трудности зимы отошли на второй план, а лето стало восприниматься лишь как перерыв между Играми. Это были не просто соревнования — это был образ жизни, который идеально соответствовал условиям планеты. В основе Игр лежало десятиборье, причем шахматы и создание поэтических композиций занимали такое же место, как прыж-

ки с трамплина или стрельба из лука.

Каждый год устраивались два всепланетных турнира: один — среди мужчин, другой — среди женщин. О дискриминации не было и речи, просто такой порядок отражал реальное положение вещей. Половые различия мешают справедливому соревнованию: например, всем известно, что женщина не может выиграть большой шахматный турнир.

Принять участие в Играх мог любой. Никаких преимуществ или ограничений не существовало. Побеждал лучший, и это действительно был лучший. Сложная система соревнований и всевозможных чемпионатов держала население планеты в напряжении всю зиму. Но все это служило лишь прелюдией к финалу… Выигравший финал получал титул Победителя.

Брайн повернулся в кровати и посмотрел в окно. Он — Победитель Анвара! Теперь его имя попадет в книги по истории, он станет одним из героев планеты. Теперь школьники будут учить его биографию, как сам он когда-то учил биографии Победителей прошлого. Вдохновленные его примером, они будут мечтать о победе и ежедневно готовиться к ней. Ведь быть Победителем — величайшая честь для жителя Анвара!

Полуденное солнце слабо светило в темном небе, и этот тусклый свет поглощали бесконечные ледяные поля. Одинокий лыжник медленно пересекал безжизненную равнину… На Брайна обрушилась бесконечная усталость, и вдруг жизнь предстала перед ним в совершенно ином свете. Неожиданно он ясно понял, что быть Победителем на Анваре ровным счетом ничего не значит! Это все равно, что быть лучшей крысой на какой-нибудь захудалой помойке.

Что такое Анвар? Закованная в лед, никому не известная планета… Помойка на краю галактики, населенная несколькими миллионами крыс. Здесь абсолютно не за что было бороться. Войны, захлестнувшие галактику после Перелома, обошли планету стороной. Анварцы всегда очень гордились этим, как будто тот факт, что никто не обращает на вас внимания, может служить предметом гордости. Другие миры сражались, побеждали или терпели поражения, росли и, самое главное, — менялись. Лишь на Анваре ничего не менялось; жизнь повторялась, как заезженная пластинка.

Глаза Брайна увлажнились, он заморгал. Слезы!.. Он плачет? Осознав этот невероятный факт, Брайн даже немного испугался. Неужели на-

пряжение финального поединка сказалось на психике? Никогда в жизни он не испытывал жалости к себе, откуда она взялась теперь?! Анвар — его родина, его вселенная, как он может так думать о ней? Что же с ним случилось? Кто внушил ему эти мысли?

Ответ пришел быстро — Победитель Айджел, этот толстяк, заявившийся к нему со странным предложением и не менее странными вопросами. Он что, волшебник? Или дьявол? Нет, это чепуха! И все-таки ему удалось каким-то образом заронить в Брайне сомнение. Брайн по–прежнему не понимал, что произошло, но теперь он не сомневался, что виновником случившегося был Айджел.

Брайн включил видеофон — на экране появилась дежурная сестра.

— Ко мне сегодня приходил человек, — начал Брайн, — Победитель Айджел. Вы не знаете, где он сейчас? Мне надо его увидеть…

Вопрос явно застал сестру врасплох: она принялась путанно извиняться, а потом экран погас. Когда он засветился вновь, вместо сестры Брайн увидел человека в форме охранника.

— Вы спрашивали о Победителе Айджеле? Он задержан охраной больницы за бесчестный по-

ступок — вторжение в вашу палату.

— Я никому не собираюсь предъявлять обвинение. Попросите его зайти ко мне.

— Мне очень жаль, Победитель Брайн, но… доктор распорядился, чтобы вы…

— Доктор не имеет никакого права вмешиваться в мою личную жизнь! Я не инфекционный больной, чтобы запрещать мне контакты. Я вообще не болен, просто сильно истощен. Я хочу его видеть!

Охранник вздохнул:

— Сейчас он будет у вас.

— Как вы это сделали? — воскликнул Брайн, едва увидев Айджела. — Надеюсь, вы не будете отрицать, что засунули мне в голову чужие мысли?

— Нет, не буду, — невозмутимо ответил Айджел. — Я как раз этого и добивался.

— Но как вы это сделали? — повторил Брайн.

— Хорошо, сейчас расскажу. Я вам еще много чего расскажу… Важно, чтобы вы не только услышали, но и поверили. А ключ ко всему — это истинное положение вещей здесь, на Анваре. Как, по–вашему, возникли Игры?

Брайн запил водой двойную порцию стимуляторов.

— Точно не знаю, я ведь не историк. Помню только, что основателем Игр был Джиральди, а первые соревнования состоялись в триста семьдесят восьмом году. С тех пор Игры проводились ежегодно и очень скоро стали всепланетными.

— Все верно. Но вы рассказываете, *что п*роизошло, а я спрашиваю, *как э*то произошло. Как мог один человек превратить планету, населенную полубезумными охотниками и спившимися фермерами, в отлаженную социальную машину? Вам никогда не приходило в голову, что этого просто–напросто не могло быть?

— Но было же! С фактами не поспоришь! Игры — естественное решение проблем жизни на Анваре. Все ведь логично.

Айджел иронически хмыкнул:

— Ну–ну… Логично, значит? А часто вы видели, чтобы социальные группы или правительства руководствовались логикой? Поставьте себя на место Джиральди: представьте, что вы чудесным образом додумались до идеи Игр, и теперь осталось только убедить всех остальных в своей правоте. Вы идете к первому попавшемуся вшивому, пьяному и наверняка осатаневшему от скуки охотнику и четко и ясно излагаете ему программу спасения планеты. Вы рассказываете, как

его любимые виды спорта — шахматы, стрельба из лука, поэзия — изменят всю его жизнь, сделают ее интересной и добродетельной. Так вот, когда закончите, мой вам совет — побыстрей уносите ноги.

Брайн улыбнулся — очевидный абсурд; конечно же, так не могло быть. Но так или иначе Игры прочно вошли в жизнь Анвара, и этому должно иметься какое-то простое объяснение.

— Мы можем толочь воду в ступе хоть целый день, но до истины не дойдем, пока… — Айджел неожиданно замолчал и посмотрел на видеофон. Пустой экран слабо мерцал в полумраке комнаты. Толстяк подошел к тумбочке и выдернул штекер. — Ваш врач слишком любопытен. Я ему уже сказал один раз, что это не его дело. Что касается истины… Вы должны понять — социальная структура Анвара создана искусственно. Ваш образ жизни разработан экспертами–социологами и внедрен усилиями полевых агентов.

— Чепуха! Социальную структуру нельзя изменить без насилия, да еще так быстро.

— Нет, это не чепуха. Просто вы начитались земной классики и вообразили себе, что любые перемены обязательно замешаны на крови. Человечество всегда стремилось к изменениям в

социальной сфере. То, что считается нормой сегодня, еще вчера было смелым новшеством. Уже в древности люди пытались создать такое общество, где все были бы счастливы. Кстати говоря, большая часть этих попыток провалилась из-за излишнего радикализма идеи. Анвар — пример того, что может дать разумный подход. Однако с тех пор много воды утекло. Мы уже не пытаемся толкать цивилизации на путь всеобщего благоденствия. Как известно, благими намерениями выстлана дорога в ад… Теперь мы стараемся защитить молодые культуры и дать толчок развитию окостеневших, чтобы предотвратить их гибель. Когда велись работы на Анваре, наука еще не продвинулась так далеко, не было еще теории искусственных культур…

— Но как это делается? — перебил его Брайн. — Как это делали на Анваре?

— О, вы делаете успехи! Уже спрашиваете «как». В операции были заняты сотни агентов, и стоила она немалых денег. Сначала внедрялось понятие личной чести, потом вводились дуэли… Постепенно в обществе возник интерес к поединкам, они вошли в обиход, стали обыденным явлением. Вот тогда-то и возникла мысль, что специальные соревнования могут быть даже интересней,

чем дуэли. С интеллектуальными состязаниями были, конечно, определенные сложности, но мы решили и эту проблему. Детали я опускаю, сейчас нас интересует конечный результат. А конечный результат — это вы и есть. Вы мне нужны!

— Но почему именно я? Что во мне такого особенного? Да, я победил в Играх, но ведь дело не в этом. По совести говоря, я ничем не лучше других Победителей. Почему вы не обратились к кому-нибудь из них? Они справятся не хуже меня.

— Нет, не справятся. Чуть позже я объясню, почему только вы можете мне помочь. Но не сейчас. В моем распоряжении осталось всего три часа, и за это время я должен убедить вас присоединиться к нам.

— Да… Непростое дело. На вашем месте я для начала объяснил бы, кто такие «мы».

— Центр развития и усовершенствования — тайная неправительственная организация. Центр считает своей главной задачей поддержание мира в галактике во имя процветания независимых планет… а также в интересах распространения идей гуманизма.

— Смахивает на цитату.

— Это и есть цитата из устава нашей организации. Все это, конечно, хорошо и красиво, но

сейчас речь идет о конкретном деле. И на мой взгляд, дело как раз для вас. Вы родились и выросли на Анваре, в мире, где правительство не оказывает практически никакого давления на граждан. Образование вы получили прекрасное, участие и победа в Играх тоже немало значат. Будет весьма обидно, если с такими данными вы проведете остаток жизни где-нибудь на ферме в горах.

— Хорошего же вы обо мне мнения! Я, между прочим, собираюсь учиться…

— Забудьте Анвар! — Айджел хлопнул рукой по столу. — Этот мир прекрасно обойдется без вас, здесь и так все в порядке. Вы должны понять, что в масштабах галактики Анвар — пылинка. Подумайте о сотнях других планет, где сегодня нет мира, где страдают миллиарды людей. Им надо помочь. Употребите свои знания и способности на благое дело.

— Но что я могу? Что вообще может один человек, когда речь идет о судьбе целых миров? Я ведь не Наполеон, не Александр Македонский, да и времена сейчас не те, чтобы вершить историю в одиночку.

— Все это правильно, в принципе… и совершенно неверно по существу. Некоторые люди,

оказавшись в центре событий, попав в круговорот борьбы; действуют, как катализатор — говоря языком химии, они ускоряют прохождение реакции. Вы — такой человек. Объективности ради, должен заметить, что не могу подкрепить это утверждение никакими доказательствами. Вам придется поверить мне на слово. А поскольку я не могу больше тратить время на дискуссии, мне остается воззвать к вашему чувству долга.

— Долга? Перед кем это?

— Перед человечеством, конечно. Перед теми миллиардами мертвецов, которые крутили колесо истории, пока вам не досталась ваша удобная и счастливая жизнь, с чем вас и поздравляю. Видит Бог, они немало сделали для вас, теперь и вы должны кое-что сделать для других. Все очень просто — этот принцип лежит в основе любого гуманистического учения.

— Согласен. Ваши аргументы были бы хороши в ученом диспуте, но вряд ли они убедят меня покинуть эту кровать, а тем более Анвар.

— О, уже лучше! Вы согласились со мной в главном, и теперь мы можем перейти к деталям. Я хочу сообщить вам следующее… Существует планета с населением восемь миллионов человек. Ситуация такова, что все они могут погибнуть.

Я отправляюсь туда, чтобы предотвратить катастрофу. Но я знаю, что один не справлюсь, поэтому мне необходима ваша помощь. Никто другой для этой миссии не подходит, только вы!

— Хорошо, позвольте мне вставить несколько слов. Предположим, я вам поверил. Вы говорите правду, и будь у нас время, с легкостью доказали бы мне истинность каждого слова. Но я никак не могу взять в толк, почему никто кроме меня не может вам помочь?

На секунду Айджел задумался, потом, как бы решившись, коротко сказал:

— Вы обладаете уникальной способностью!

— Какой способностью? — растерялся Брайн. — Я ничем не отличаюсь от остальных жителей планеты.

— Ошибаетесь, Брайн Бренд. Отличаетесь, и очень сильно отличаетесь. Вы обладаете способностью *проникновения. Т*аких людей ничтожно мало в галактике, а на Анваре первые появились всего два поколения назад.

— Ничего не понимаю. Что такое это ваше *проникновение? И* с чего вы взяли, что именно мне присуще это, как вы говорите, уникальное качество?

— Мне оно тоже присуще, — улыбнулся Ай-

джел, — поэтому я могу видеть эту способность в другом человеке. Вы хотите знать, что такое проникновение?.. Ну вспомните, какие необычные мысли об Анваре посетили вас каких-нибудь полчаса назад. Вы еще спрашивали, как я «засунул» чужие мысли вам в голову. Вот лишнее доказательство того, что вы, Бренд, обладаете этой способностью. Пройдет, конечно, еще немало времени, прежде чем вы научитесь в полной мере пользоваться своим даром, но он у вас есть — тут спорить не о чем. Проникновение — это мысленное прикосновение к чувствам или, если хотите, к душе другого человека. Вы проникаете в его эмоции, в его радости и печали, вы ощущаете его отношение к миру, к вам, к людям вообще. Здесь ничего не зависит от разума, поэтому абсолютно невозможна никакая ложь или фальшь. Ваш талант уже оказал вам большую услугу — благодаря ему вы победили в Играх. В бою или в шахматном поединке вы всегда на ход впереди противника: вы угадываете направление удара еще до того, как он поднял рапиру. Не трудитесь отвечать, я по вашим глазам вижу, что прав.

— Откуда вы знаете? — изумился Брайн. Он никогда никому об этом не говорил; это был главный секрет его успеха — самая сокровенная

его тайна.

— В основном догадки, — усмехнулся Айджел. — Но не забывайте, в свое время я тоже стал Победителем. И тогда я тоже ничего не знал о проникновении. Как видите, у нас много общего. А теперь вернемся к нашим баранам. Минуту назад вы хотели получить четкий и ясный ответ на вопрос, почему никто другой не может мне помочь. Сейчас я отвечу. Но я не буду ничего говорить, не буду больше произносить речей о процветании галактики и развитии культуры. В конце концов, на словах всегда можно солгать. Я дам вам ответ на том единственном языке, который не умеет лгать. Хотите узнать, что я чувствую? Хотя нет, «узнать» — не то слово. Лучше будет сказать: хотите разделить мои чувства, проникнуть в мой мир? Хотите?

Брайн хотел что-то сказать, но не успел.

— Дис… — громко произнес Айджел. — Восемь миллионов жизней. Водородные бомбы. Брайн Бренд…

Это были ключевые слова. С каждым звуком на Брайна волнами обрушивались эмоции собеседника. Айджел сказал правду — здесь не было места неискренности.

Дис… Дис… Дис… этот мир… эта планета… это

слово гремит, как гром… гром… гром… и окружает пустыня… пустыня… планета смерти… планета смерти… планета… там жизнь есть смерть, и смерть гораздо лучше жизни.

Смерть… Смерть…

Восемь миллионов трупов… восемь миллионов обгоревших трупов… они навсегда останутся в твоих снах… навсегда…

Водородные бомбы… Водородные бомбы…

Они несут смерть… смерть… остановить их… остановить… ты, Айджел… ты должен… остановить смерть… смерть… смерть… ты не сможешь один… один… помощь… помощь!.. Брайн Бренд…

Брайн Бренд… он один может помочь!!!

Когда все кончилось, Брайн обнаружил, что лежит весь в поту, откинувшись на подушку, и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Айджел сидел около кровати, закрыв лицо руками, — он медленно поднял голову, и Брайн только сейчас заметил, что вокруг глаз у него — черные круги.

— Смерть… — прошептал Брайн. — Запах смерти! Какой-то кошмар. И я знаю, гибель Диса тут ни при чем… Это что-то очень личное.

— Да, — подтвердил Брайн. — Это смерть… Моя смерть. Она уже близка. Страшную цену подчас

приходится платить за свой дар. Я могу чувствовать будущее; не знать, а именно чувствовать. Как-то это связано со способностью проникновения, но как — никто не знает. Пока феномен предвидения или, точнее, предчувствования плохо изучен.

Смерть даже одного человека так ужасна, что отбрасывает отражение в прошлое. Чем ближе я к ней, тем сильнее ощущаю ее приближение. Но самое страшное, что я не знаю точной даты. Скорее всего, я погибну вскоре после прибытия на Дис, но задолго до завершения операции. А провалить операцию нельзя ни в коем случае. Я знаю только одного человека, который способен справиться с этой задачей… Теперь вы знаете все. Вы пойдете со мной?

Да, — ответил Брайн, не раздумывая. — Я пойду с вами.

Глава 4

— Доктор был просто вне себя, — сказал Брайн. — Мне и в голову не приходило, что человек может так рассердиться.

— Его можно понять. — Айджел общался с бортовым компьютером. Он быстро пробежал пальцами по клавишам и глянул на экран. — Мы лишили его возможности прославиться. Не каждый день выпадает возможность вернуть здоровье Победителю.

— Да, пожалуй. Интересно, и как это он поверил, что на корабле мне будет не хуже, чем в больнице? Как ты ухитрился убедить его?

— И не пытался. Просто и у Центра, и у меня есть влиятельные друзья на Анваре. Должен признаться, я даже немного перегнул палку. — Он взял распечатку курса следования. — Время терпит, но я предпочитаю ждать на другом конце дистанции. Сейчас одену на тебя статис–поле, и сразу тронемся в путь.

Статис–поле было замечательно тем, что человек, попав туда, не чувствовал ни боли, ни перегрузок, ни страха — он вообще ничего не чувствовал. Брайн пришел в себя, когда Айджел

ловко снимал с него специальные ремни. Внутри корабля все осталось по–прежнему, и только в иллюминаторах мелькала красная пустота, как это обычно бывает в джамп–режиме.

— Как ты себя чувствуешь? — осведомился Айджел.

Очевидно, корабельный компьютер интересовало то же самое — откуда-то, как чертик из коробки, выскочил датчик и моментально впился Брайну в руку. Врач с Анвара дал инструкции на все случаи жизни, и теперь компьютер регулярно обследовал пациента, каждый раз снимая десятка два показаний. Вероятно, здоровью Брайна пока ничего не угрожало, потому что «доктор» ограничился инъекцией глюкозы с витаминами.

— Не могу назвать свое состояние великолепным, — отозвался Брайн, когда датчик исчез в своем гнезде, — но с каждым днем мне становится лучше.

— Будем надеяться. Мы доберемся до Диса через две недели. К этому времени ты должен быть в форме.

— Ничего не обещаю, но думаю, что справлюсь. Завтра начну делать легкие упражнения — это пойдет мне на пользу. А теперь, может, ты расскажешь мне о Дисе? И кстати, что мы там будем

делать?

— Мне очень не хочется читать эту лекцию дважды, поэтому умерь свое любопытство. Наш отряд должен состоять из трех человек — через несколько дней мы возьмем на борт экзобиолога.[2] Как только он окажется здесь, я введу вас обоих в курс дела. А пока советую вплотную заняться изучением дисанского языка — через две недели он тебе понадобится.

С помощью гипноизлучателя Брайн за несколько дней освоил дисанский словарь и грамматику. Но возникли сложности с произношением: язык был богат звуками, произносимыми на выдохе, и Брайн постоянно глотал окончания. Когда он, вооружившись звукоотражателем и анализатором, пытался освоить дисанскую речь, Айджел уходил на другую палубу. Язык и без того нельзя было назвать благозвучным, но в интерпретации Брайна получалась такая жуть, что мороз продирал по коже.

Корабль продолжал полет в джамп–режиме по заданному курсу. Он справно кормил и поил свой немногочисленный экипаж, аккуратно восстанавливал свежий воздух и следил за температурным режимом. Компьютер заботился о здоровье Брайна и отмечал постоянное улуч-

шение. В то же время умный корабельный мозг старательно отсчитывал секунды, и когда наступил расчетный момент, сработала система оповещения. Вспыхнула красная лампа, и по всему кораблю мягко, но настойчиво, загудели зуммеры.

Айджел зевнул, отложил в сторону документы по проблеме Диса и направился в контрольную рубку. Проходя мимо каюты, где Брайн упражнялся в произношении, он невольно вздрогнул и стукнул в дверь.

— Эй, Брайн, выключи этого умирающего бронтозавра и пристегнись. Мы прибыли в точку рандеву и скоро выйдем в нормальное пространство.

Они оба успели добраться до рубки и пристегнуться, когда компьютер отключил джамп–режим и корабль выбросило из подпространства в обычный космос. Они не стали отстегиваться, а спокойно сидели и смотрели на непривычный рисунок созвездий за иллюминатором.

Компьютер тем временем вычислял координаты и определял местонахождение корабля. Вскоре зазвенел предупредительный звонок, включился и тут же опять выключился джамп–режим. Эта операция повторялась еще дважды,

пока компьютер не удовлетворился наконец результатом, и тогда в рубке загорелась надпись: «Двигатели выключены».

Айджел отстегнул ремни, потянулся и отправился готовить обед…

Вскоре показался другой корабль — пассажирский рейсовый лайнер. Айджел немедленно передал свои позывные. Вместо ответа встречный корабль выбросил капсулу — металлическое яйцо метров трех длиной и исчез в подпространстве.

Айджел записал координаты яйца, ввел их в компьютер и засел за расчеты. Минут через десять ему удалось вычислить точку встречи с учетом углов движения, силы отталкивания, эффекта Доплера и прочих параметров.

Еще минут через пять сверкающее яйцо появилось на главном экране, потом подплыло к входному люку корабля. Магнитные захваты мягко щелкнули и втянули яйцо внутрь.

— Иди и выпусти доктора Морриса из этой скорлупы, — сказал Айджел Брайну. — А я на всякий случай останусь у приборов.

— Как это делают? — поинтересовался Брайн.

— Одень скафандр, спустись к внешнему люку и открой капсулу. Не советую утруждать себя

поисками люка — его там нет. Надо просто сделать резаком дыру. А когда доктор будет на борту, выбросишь остатки капсулы. Только захвати передатчик и локатор — могут пригодиться.

Оказавшись во входном тамбуре, Брайн первым делом закрыл внешний люк, а потом занялся капсулой. Он осторожно взрезал тонкую металлическую фольгу, и в тот же миг доктор Моррис вылетел из яйца, отбросив Брайна в сторону.

— В чем дело? — ошарашенно спросил Брайн.

В скафандре Морриса не было радио, и он только гневно потрясал кулаками, что само по себе довольно красноречиво свидетельствовало о его настроении. Брайн попытался разглядеть лицо доктора, но ничего не увидел сквозь темный пластик шлема и, пожав плечами, вернулся к люку, чтобы выбросить капсулу. Когда давление опять пришло в норму, он снял шлем и жестом предложил Моррису сделать то же самое.

— Вы все — свора грязных лживых псов! — таковы были первые слова доктора.

Брайн удивленно посмотрел на него и потерял дар речи. Волосы у доктора были длинные и черные, глаза — большие и очень красивые, рот — правильной формы… Доктор Моррис оказался женщиной.

— Значит, вы и есть та грязная свинья, которая затеяла эту авантюру? — гневно зашипела гостья, подступая к Брайну.

— В контрольной рубке, — быстро ответил тот, — вы можете найти человека по имени Айджел. Ему как раз по силам выдержать такой натиск. Вы это сразу же поймете, а я готов присоединиться к вам…

Последние слова он договаривал уже на ходу — доктор Моррис не дослушав пулей вылетела в коридор, и Брайн отправился за ней следом, не желая пропускать интересное зрелище.

— Это же самое настоящее похищение! Какая низкая ложь! Какое возмутительное насилие над личностью! Не думайте, что это сойдет вам с рук! Я буду просто визжать от радости, когда увижу вашу толстую рожу за решеткой!

— Идиоты! — вздохнул Айджел, словно не слыша ее. — Кого они нам прислали! Я дал запрос на квалифицированного экзобиолога, достаточно молодого и крепкого для работы в полевых условиях повышенной сложности. И что же? Эти кретины из отдела вербовки прислали сюда какую-то паршивую фитюльку, которая растает под первым же дождем!

— Не бойтесь! Не растаю! — у доктора Моррис

самолюбие тут же взяло верх над злостью. — Женская выносливость вошла в пословицу, а мои физические данные много лучше, чем у средней женщины, — парировав таким образом выпад Айджела, она без передышки продолжала: — Я — доктор Леа Моррис. На Земле меня наняли для работы в университете планеты Моллер. Я подписала соответствующий контракт. Потом этот дурак, агент, заявил, что контракт изменен — смотри параграф сто восемьдесят девять, пункт два — и меня передают какому-то Айджелу для другой работы. Даже не извинившись, меня затолкали в это чертово яйцо и вышвырнули за борт! Это грубое нарушение неприкосновенности личности и…

— Ясно! — довольно бесцеремонно оборвал ее Айджел. — Брайн, нам придется прокладывать новый курс. Разыщи какую-нибудь населенную планету поблизости и направляйся прямо к ней. Там мы высадим эту истеричку и подберем себе стоящего парня. Я, конечно, просил специалиста — хотя бы потому, что для экзобиолога нет места интересней, чем то, куда мы направляемся — но нам нужен человек, который умеет четко и правильно исполнять любые приказы и не падает в обморок при первом удобном случае.

Брайн немного растерялся. До сих пор навигацией занимался исключительно Айджел, и Брайн даже не знал, с какой стороны подходить к карте. Но тут вмешалась Леа.

— Ну уж нет! — заявила она, моментально изменив позицию. — Так легко вы от меня не избавитесь! Я, между прочим, заняла первое место на курсе, а там было пятьсот человек, и почти все — мужчины. Вселенная для мужчин, да? Слышали, слышали… Старый миф. И держится только благодаря титаническим усилиям самих мужчин. Короче говоря, как называется эта ваша райская планета?

— Дис, — ничуть не удивившись такому повороту событий, ответил Айджел. — Я расскажу вам о ней, как только мы ляжем на курс. — И он отвернулся к приборам.

Леа Моррис хмыкнула, выскользнула из скафандра и отправилась в приготовленную для нее каюту наводить красоту.

Только тут Брайн понял, что уже довольно давно наблюдает за всем происходящим открыв рот и поспешил изобразить на лице подобающую мину.

— Это, по–вашему, называется прикладной психологией? — как можно серьезней спросил

он у Айджела.

— Не совсем, — ответил тот. — Подумай сам, она все равно должна работать — она ведь подписала контракт, пусть даже и не удосужилась ознакомиться со всеми его пунктами. Просто–напросто ей надо было на ком-то сорвать злость. Ну я помог ей, натолкнув на мысль о вечном мужском превосходстве. По опыту знаю, большинство женщин, выполняющих мужскую работу, очень болезненно воспринимают эту тему.

Айджел не спеша ввел в компьютер курсовые данные и задумался. Неожиданно он помрачнел и тихо сказал:

— Но, к сожалению, в моих словах большая доля истины. Нам действительно нужен молодой, выносливый и квалифицированный экзобиолог, причем доброволец. Но я никак не думал, что мне пришлют женщину, а сейчас уже нет времени отправлять ее обратно… Дис — не место для женщины.

— Почему? — спросил Брайн.

В этот момент в рубку вошла Леа.

— Ну, вот и все в сборе, — заметил Айджел. — Садитесь. Теперь, пожалуй, самое время ответить на твой вопрос, Брайн.

Глава 5

— Дис… — Айджел заглянул в толстую папку, — третья планета системы Эпсилон Эридана. Четвертая Ниджор, запомните, это очень важно. Мало кто посещает Дис без крайней нужды, и уж точно никто не горит желанием там задерживаться. Слишком жарко и слишком сухо — температура там редко опускается ниже сорока градусов; вся планета — сплошь обожженный камень и горячий песок. Местами встречаются соленые озера, вода в которых совершенно непригодна для питья. В этой папке собрана подробная информация о Дисе, и чуть позже вы сможете с ней ознакомиться. Пока же я хочу убедить вас, что эта планета — самое отвратительное и негостеприимное место во вселенной. То же самое можно сказать о ее обитателях… Вот так выглядит дисанец…

Леа с интересом посмотрела на экран компьютера… Ее поразили не физические отличия — как специалист по чужим формам жизни она видела много странного — нет, ее поразило, другое: поза, выражение лица, зловещий оскал.

— Он так смотрит… будто хочет убить фотогра-

фа, — прошептала она.

— Он так и сделал, — отозвался Айджел. — Все дисанцы ненавидят и презирают чужеземцев. Эта раса возникла во времена Перелома. Подробностей я не знаю, но общая картина ясна. Очевидно, раньше на Дисе велась добыча полезных ископаемых — планета очень богата залежами минералов, и разработка этих месторождений не представляет труда. Но воду там необходимо очищать, и по большей части она ввозилась с других планет. В начале Перелома о Дисе забыли, как, впрочем, и о многих других планетах. Дальнейшее подтверждает теорию о безграничной приспособляемости человека. Вода и пища исчезли, а изношенная техника перестала работать, и людям пришлось не сладко. Многие умерли, умерли в страшных мучениях, но в целом раса выжила. Когда сломалась последняя машина, достаточно много людей уже приспособились к окружающей среде.

Их потомки, по–прежнему, населяют планету. Они сильно изменились, но остались человекоподобными. Нормальная температура тела у дисанцев — пятьдесят четыре и четыре десятых градуса, у них развились органы, накапливающие воду. Есть и другие изменения, не такие

заметные. Я не вдавался в детали, но доклад нашего эксперта полон восторгов по поводу симбиоза человека и природы Диса. И еще в докладе утверждается, что впервые человек стал частью экологической системы чужой планеты.

— Удивительно! — воскликнула Леа.

— Неужели? — нахмурился Айджел. — С научной точки зрения, это, наверное, интересно. Вы, доктор Моррис, можете делать заметки, а потом напишите книгу. Ничуть не сомневаюсь, что все эти морфологические изменения приведут вас в восторг. Но когда будете определять группу крови и колдовать над термометрами, не забудьте уделить должное внимание дисанцам. Вы должны выяснить, почему они такие, — в противном случае мы станем свидетелями гибели этого замечательного мира!

— То есть как?! — возмутилась Леа. — Вы что, хотите уничтожить их? Почему?

— Потому, что они невменяемы, вот почему! К ним в руки попали несколько примитивных кобальтовых бомб. Теперь они хотят подпалить фитили и закидать этими погремушками Ниджор — соседнюю планету. От Ниджора требуют полной капитуляции, уже установлен крайний срок для выполнения этих безумных требова-

ний. Ниджорцы капитулировать не собираются: им самим нравится их планета, и они не желают никому ее отдавать. Переговоры ничего не дали — дисанцы помешаны на идее расового истребления. Уже несколько недель флот Ниджора висит над Дисом. У ниджорцев есть водородные бомбы, и, поверьте мне, их достаточно, чтобы сжечь в атомном пламени всю планету. Мы должны это предотвратить.

Айджел замолчал. Брайн взглянул на экран, стараясь составить представление о дисанцах. Почти голый человек, всей одежды — клок материи на бедрах. С плеча свисает какая-то веревка, похожая на кусок лозы. За поясом — несколько странных предметов из камня, металла и кожи. Единственная знакомая вещь — большой нож с непонятным орнаментом: какие-то петли, колокольчики и узелки сплетались в бессмысленном рисунке, возможно, религиозного значения. Но выглядел нож так, будто им часто пользовались. Брайн почувствовал некоторое беспокойство: если им пользовались, то для чего?

— Не могу поверить, — наконец заключил он. — Этот низколобый субъект похож на выходца из каменного века. Не понимаю, как такие существа могут угрожать целой планете.

— Ниджорцы верят, и мне этого достаточно, — отрезал Айджел. — Они заплатили Центру хорошие деньги, чтобы мы предотвратили войну. Короче говоря, нас наняли, и мы обязаны выполнить просьбу клиента.

Брайн проигнорировал эту ложь, решив, что она предназначена для Леа. Но про себя решил при случае расспросить Айджела об истинном положении вещей.

— Вот доклад инженеров, — Айджел бросил на стол пачку бумаг. — Как я уже говорил, у Диса есть кобальтовые бомбы. Но это еще полбеды. У них кроме того имеется установка джамп–режима, которая может доставить бомбы на Ниджор. Дисанцы заявили, что когда они это сделают…

— И когда же? — перебила Леа. — Когда истекает срок ультиматума?

— Через восемь дней, если все осталось по–прежнему и ниджорцы еще не стерли Дис с лица галактики. Уверяю вас, они никому не хотят зла — они очень мирные люди, но им придется сбросить эти проклятые бомбы, чтобы уцелеть.

— А что должна делать я? — спросила Леа, перелистывая страницы доклада. — Я ведь экзобиолог с уклоном в антропологию. Чем я могу вам помочь?

— Вы для нас просто находка! — радостно заявил Айджел. — Вы сухопары, как недокормленный цыпленок, достаточно молоды и имеете шансы выжить, особенно если мы за вами присмотрим. Так что моя вера в наших вербовщиков полностью восстановлена. — Он жестом остановил девушку, которая уже собралась достойно ответить на его колкости. — А теперь хватит болтать, у нас и так мало времени. Пытаясь найти бомбы, ниджорцы потеряли тридцать человек. Наша организация потеряла шесть агентов, в том числе моего предшественника на посту руководителя операции. Он был хорошим человеком, но пошел по неверному пути. Я думаю, что эта проблема из области культуры.

— Проблему надо изучать в развитии, — Леа слегка нахмурилась, — а пока речь идет исключительно о сегодняшнем дне.

— Вопрос о происхождении проблем такой же древний, как история про Ньютона и яблоко. Все когда-то имело начало. Если мы найдем причину, по которой эти люди так хотят отправиться в преисподнюю, возможно, нам удастся ее устранить. С другой стороны, я не собираюсь прекращать поиски бомб и установки джамп–режима. Надо использовать все шансы.

— Вы умнее, чем кажетесь на первый взгляд, — заметила Леа, собирая со стола бумаги и вставая. — Можете на меня рассчитывать. Все это я изучу в постели, если кто-нибудь из вас покажет мне каюту с крепким замком. И не надо меня беспокоить — я сама вас позову, когда проголодаюсь.

Брайн проводил девушку до ее каюты и отправился на поиски Айджела. Тот обосновался на камбузе и самозабвенно уписывал огромную порцию холодца.

— Тебе не кажется, что она слишком мала для землянки? — спросил Брайн. — Ниже меня на голову.

— Вполне возможное дело. Земля — свалка старых генов: слабые спины, плохие глаза… Не будь там университетов, Земля вообще ничего не стоила бы.

— Зачем ты ей солгал насчет Центра?

— Затем, что Центр — организация секретная, — пробурчал Айджел с набитым ртом. — Это для тебя достаточно веская причина? Чем задавать дурацкие вопросы, лучше съешь что-нибудь. Восстанавливай силы. Мы должны действовать тайно, только тогда мы добьемся успеха. Зачем мисс Моррис знать, кто в действительности про-

водит операцию? Она отработает и спокойно вернется домой. Если же она вдруг надумает присоединиться к нам… Вот тогда можно все и рассказать. Но лично я сомневаюсь, что ей понравятся наши методы и… В общем, если мы не сумеем предотвратить войну, я сам сброшу на Дис несколько водородных бомб.

— Что ты сказал?! — изумился Брайн.

— Именно то, что ты услышал, и нечего таращить на меня глаза. Лучше я сам скину бомбы, но не дам сделать это ниджорцам. Тогда есть шанс спасти их.

— Как спасти? Они же все перемрут от радиации! — воскликнул Брайн.

— Речь идет не о дисанцах. Я хочу спасти Ниджор. Перестань сжимать кулаки, лучше сядь и возьми кусочек этого восхитительного торта. В этой игре стоит принимать в расчет только ниджорцев. Когда Дис оказался отрезан от мира, его обитатели превратились в банду помешанных убийц. Ниджор чаша сия миновала. Климат там благодатный: можно круглый год питаться фруктами и жить себе, не зная забот. Небольшое население планеты отличалось образованностью и интеллектом. Другие на их месте предавались бы безделью и потихоньку деградировали, а ни-

джорцы создали жизнеспособное процветающее общество. В основе их цивилизации лежит не инженерная мысль — когда Ниджор вновь открыли, там даже колесом не пользовались, — а гуманитарная культура. Они далеко продвинулись в сфере человеческих взаимоотношений — машинной цивилизации еще никогда не удавалось преуспеть в этой области. Разумеется, для нашего Центра они были находкой. Миролюбие — врожденная черта этих людей. И если им придется уничтожить Дис, вся их философия рухнет. Они, конечно, уцелеют, но на планете воцарятся такие же волчьи законы, как и на Дисе.

— Тебя послушаешь — так у них там рай.

— Не кощунствуй. Это нормальный человеческий мир со своими проблемами, но они научились жить без злобы и крови. А это уже очень много! Возможно, в будущем именно они укажут путь всему человечеству. Ниджор стоит того, чтобы заботиться о нем. Теперь иди к себе — учи язык и читай доклады. Скоро все это пригодится.

Глава 6

— Пожалуйста, назовите себя, — донеслось из динамика на контрольной панели.

Спокойный тон говорящего никак не соответствовал изображению на главном экране. Корабль, который шел параллельным курсом, еще не так давно был торговым судном. Теперь же его украшала внушительная орудийная башня; черное жерло орудия глядело прямо на них. Айджел включил передатчик.

Я — Айджел, код сетчатки глаза 490–ВИ-67. Одновременно это пароль для вашей эскадры. Хотите проверить код?

— В этом нет необходимости. Включите, пожалуйста, запись, для вас получено сообщение от Прима-1.

— Давайте, записываю, — сказал Айджел и добавил, обернувшись к Брайну: — Черт! Опять какие-то неприятности. Всего за четыре дня до срока! Прима-1 — наш штаб на Дисе. Чего хорошего можно ждать от штаба! Мы можем идти прямо в космопорт — у нас на борту груз для Диса. Но, похоже, обстановка опять изменилась, и мне это очень не нравится.

Айджел что-то не договаривал, и Брайн сам того не желая заглянул в его мысли. Айджел волновался: внизу их ждали неприятности, и, возможно, подстерегала опасность.

Компьютер застрекотал, и из щели принтера поползла лента с записью. Наклонившись над ней, Айджел читал слово за словом по мере их появления. Когда лента кончилась, он еще раз перечитал все сообщение, раздраженно фыркнул и отправился на камбуз.

Брайн подобрал ленту с пола и прочитал:

«Айджел! Айджел! Айджел! Садиться в космопорту опасно! Координаты для посадки: 46 92 МН 76. Рекомендуем садиться ночью. Корабль немедленно отошлите. Вас встретит Рион. Конец.»

Рекомендуют садиться ночью, — подумал Брайн. Надо понимать, что у дисанцев нет аппаратуры для обнаружения космических кораблей.

Через несколько часов мягкий толчок оповестил экипаж, что посадка благополучно завершилась. Все огни на корабле были погашены, лишь лампочки на панели слабо светились в темноте. Приборы ночного видения ничего тревожного не зафиксировали: экран заливал серовато–белый свет — почва еще не успела остыть, но вокруг корабля не было никакого движения.

— Кажется, мы первые, — заметил Айджел, быстро затемнив иллюминаторы и включив свет.

Они посмотрели друг на друга — их лица блестели от пота.

— Зачем вы устроили эту парилку? — спросила Леа, входя в рубку и вытирая лицо платком.

В легком коротком платье она показалась Брайну еще стройней и изящней. Хотя Леа была маленького роста, выглядела она очень женственно, чтобы не сказать — соблазнительно: высокая грудь, тонкая талия, пышные бедра… Брайн не мог отвести взгляд.

— Может быть, мне повернуться, чтобы вы могли осмотреть меня и со спины? — ехидно осведомилась Леа.

За несколько дней Брайн уже усвоил, что на такие замечания лучше не реагировать. Девушка за словом в карман не лезла, и с чувством юмора у нее тоже все было в порядке, поэтому он не стал вступать в пререкания, а только сказал:

— Снаружи еще жарче. Мы подняли температуру, чтобы немного привыкнуть. Иначе тепловой удар почти гарантирован.

— Я прекрасно знаю теорию, но потеть от этого не перестаю.

— Ничего другого я вам предложить не могу, — заметил Айджел. В шортах и майке он был похож на мокрый волейбольный мяч. Допив бутылку пива, он достал из холодильника еще одну. — Пива хотите?

— Нет, спасибо. Боюсь, что почки выплывут наружу. На Земле мы никогда…

— Брайн, вынеси багаж доктора Моррис, — прервал ее Айджел. — Кажется, приближается Рион — вон он сигналит. Как только выйдем, я отошлю корабль, не дай Бог, туземцы увидят…

Когда они ступили в кромешную тьму ночного Диса, лица им опалила волна сухого, горячего воздуха. Брайн услышал, как Леа тихо вскрикнула от неожиданности, и помог ей спуститься по трапу. Кругом простиралось мертвое песчаное море; горячий песок жег ступни даже через подошву обуви.

Айджел с небольшим передатчиком в руках спустился последним и, как только они отошли подальше от корабля, нажал кнопку старта. Черная махина бесшумно взмыла вверх и быстро исчезла из виду. На гребне одной из дюн вдруг возникло темное пятно — легкий вездеход с выключенными огнями направлялся в их сторону. Айджел шагнул ему навстречу…

Мощный электрический разряд сбил его с ног, и яркое синее пламя охватило тело. Почти одновременно раздался крик со стороны вездехода и тут же оборвался, будто кричавшему полоснули ножом по горлу. Раньше чем погасла вспышка, Брайн отшвырнул пакеты и ящики в темноту и бросился на песок. Падая, он успел увлечь за собой Леа, надеясь, что у нее достанет ума лежать тихо и не двигаться.

Еще одна лиловая вспышка разорвала ночь — заряд лег совсем близко, в долю секунды испепелив их багаж. Этот выстрел уже не застал Брайна врасплох: он еще сильнее вжался в землю, но все таки успел заметить, откуда по ним стреляют. Он медленно поднял пистолет… Когда за несколько часов до посадки Айджел протянул ему оружие, Брайн без разговоров сунул пистолет в кобуру и забыл о нем думать: ему и в голову не могло прийти, что оружие понадобится так скоро. Тщательно прицелившись, Брайн нажал на спуск. По пустыне прокатился грохот выстрела, и с гребня соседней дюны скатилось тело — пуля нашла цель. В следующий миг кто-то прыгнул ему на спину — страшный удар вдавил Брайна в песок, а жгучая боль обожгла горло.

В бою Брайн никогда не терял рассудка, все-

гда умел подчинить эмоции разуму. Но ведь то были соревнования — игры, пусть даже и с большой буквы. А сейчас в двух шагах отсюда лежал мертвый Айджел — его друг, которого эти гады хладнокровно убили… И Брайн первый раз в жизни почувствовал ненависть, настоящую ненависть к противнику. Холодная ярость захлестнула его и заставила встать…

Всем известно, что глупо и опасно курить сидя на бочке с бензином или совать пальцы в розетку, но мало кто знает, что гораздо опасней посягнуть на жизнь Победителя. Нападавших было двое, но для Брайна это не имело никакого значения. Первый умер сразу — стальные пальцы Победителя быстро нашли его горло; второй успел перед смертью вскрикнуть.

Разгоряченный, с пистолетом наготове Брайн бросился на поиски остальных, но больше поблизости никого не оказалось. Тогда он опустился на песок рядом с Леа, сунул оружие в кобуру и позволил себе немного расслабиться. После схватки гудело в голове, болело тело, пот заливал глаза, дыхание было тяжелым и неровным. Минут через пять Брайн сел и занялся девушкой. Она была без сознания, но зато жива и невредима, если не считать небольшой ссадины на виске. Очевидно,

Леа ударилась головой, когда падала, и это спасло ей жизнь.

Брайн окончательно пришел в себя и почувствовал наконец резкую боль в горле. Пальцы нащупали какой-то шнурок на шее, он снял его и внимательно осмотрел. Это была тонкая, но очень прочная веревка, похожая на металлическую струну, с железными шариками на концах — орудие убийства, варварское, но весьма эффективное. Струна разрезала кожу на шее, впилась в мясо и все-таки не смогла перепилить могучие мышцы Победителя. Презрительно усмехнувшись, Брайн отбросил удавку в сторону.

Прекрасно понимая, что нет никакой надежды, он подошел к Айджелу. Одного взгляда было вполне достаточно…

В темноте жалобно застонала Леа, и Брайн быстро двинулся к вездеходу. Переступив через обугленное тело у дверцы — очевидно, это был Рион — он заглянул в кабину. Водитель, сидел запрокинув голову — ему перерезали горло той же страшной струной. Брайн положил убитого на песок и закрыл ему глаза, полные ужаса и боли. Потом, взяв из кабины флягу с водой, вернулся к Леа.

Девушка уже очнулась.

— Голова… я разбила голову, — прошептала она с явным усилием.

— Это всего лишь ушиб. Выпейте воды, вам станет легче. Лежите спокойно, все уже кончилось.

— Они убили Айджела! — Леа вдруг все вспомнила. — Что произошло?

Она попыталась встать, Брайн осторожно поддержал ее.

— Я сейчас все расскажу, вы только не вставайте. Мы нарвались на засаду. Они убили Айджела, убили Риона и водителя вездехода. Их было трое, и теперь они мертвы. Похоже, что больше здесь никого нет. Сейчас мы немного подождем, пока вам станет лучше, а потом возьмем вездеход и поедем.

— Верните корабль! — в голосе девушки послышались истерические нотки. — Нам нельзя здесь оставаться! Мы не знаем, куда идти и что делать. Айджел мертв — все пропало! Надо улетать.

— Мне очень жаль, Леа, но о корабле лучше забыть, — Брайн старался говорить мягко, чтобы хоть немного сгладить впечатление от своих слов. — В Айджела стреляли из ионного бластера, передатчик сгорел. У нас нет выбора. Остается попробовать добраться до города.

К его удивлению, Леа не стала спорить. Ни

слова не говоря, она встала и пошла к вездеходу. Над дюнами взошла красная неяркая луна, и в ее неровном свете Брайн вдруг увидел, что двигатель вездехода раскрыт. Он стремительно бросился к машине, уже заранее зная, что там увидит. Нападавшие, к несчастью, оказались людьми проворными и сообразительными. За несколько минут они успели не только убрать Риона и водителя, но и превратить двигатель в груду бесполезного железа.

— М–да… — вырвалось у Брайна, но он вовремя вспомнил о своей спутнице и взял себя в руки. — Похоже, придется идти пешком. Город отсюда километрах в ста пятидесяти. Мне кажется, если не спеша…

— Это верная смерть! — Леа была на грани истерики. — Вся эта планета — смертельная западня! К черту все, вернемся на корабль!

Брайн не стал ее утешать или уговаривать: он понимал, что это шок. Посадив девушку в вездеход, чтобы она немного отдохнула и пришла в себя, он стал готовиться к долгому переходу.

Итак, прежде всего — одежда. С каждой минутой становилось все холоднее, дневное тепло стремительно улетучивалось. Леа уже мерзла, Брайн достал из чудом уцелевшего баула кое–

какие вещи и велел ей одеться. Найти удалось не много — фляжка с водой, аптечка… Ни карт, ни радио не оказалось. Очевидно, в этой голой пустыне направление определялось по компасу. Вездеход был оснащен гиромагнитным компасом, но его тоже разбили во время нападения.

Брайн постарался припомнить карту, которую видел на корабле, и пошел искать следы вездехода. Он нашел прямую, ровную колею — скорее всего, вездеход шел из города по кратчайшему пути, никуда не сворачивая. Придется ориентироваться по следам, — подумал он.

А между тем время шло… Брайн очень хотел похоронить Айджела и Риона с водителем, но сейчас каждая минута была на счету. Единственное, что он мог для них сделать — это положить трупы в вездеход, чтобы уберечь их от хищников. Заперев дверцу, Брайн зашвырнул ключ подальше в темноту.

Леа спала, и он осторожно ее разбудил.

— Вставайте. Нам придется немного прогуляться.

Глава 7

Идти по слежавшемуся песку было сравнительно нетрудно. Ночная прохлада бодрила, и путешествие представилось Брайну не таким уж тяжелым. Но все портила Леа… Оглушенная событиями последних часов, девушка впала в глубокий шок и совершенно потеряла способность трезво мыслить. Мозг ее дремал, зато язык работал без отдыха. Бессознательно бредя вслед за Брайном, она высказывала все свои страхи и опасения, которые в данном случае было бы гораздо лучше оставить при себе. Она бормотала, что они никогда не найдут дорогу, ни за что не доберутся до города, а так и умрут в этой проклятой Богом пустыне от жажды, жары и ночного холода. Сюда же примешивались страхи прошлого, выплывшие из глубины подсознания. Кое-что из этого бреда Брайн понял, хотя и старался не слушать ее причитания. Ее преследовал страх лишиться доверия, потерять хорошее место, остаться позади всех, затеряться среди людских орд, борющихся за место под солнцем в перенаселенных городах–государствах Земли, — страх женщины в мире, которым правят мужчины. Ее

терзало и еще что-то, какой-то почти животный ужас, но для человека с Анвара это и вовсе было лишено смысла.

Брайн остановился и взял девушку на руки. Она покорно приникла к его широкой груди и немедленно уснула. Идти сразу стало легче, несмотря на дополнительную ношу, и Брайн быстро двинулся вперед своим обычным широким шагом, стараясь не потерять ни минуты драгоценного ночного времени.

Иногда следы гусениц пропадали на каменных россыпях и приходилось их искать. Он внимательно следил за звездами и вскоре определил, где находится север — похожее на квадрат созвездие медленно поворачивалось вокруг невидимой оси планеты. Им нужно было на запад, поэтому Брайн старался все время оставлять это созвездие справа.

Когда заболели руки, он бережно опустил Леа на песок, а сам лег рядом. Девушка даже не проснулась. Глядя в ночное небо чужой планеты, Брайн вдруг поразился окружающей пустоте. Вокруг, сколько хватало глаза, не было никого и ничего — сплошная тьма и мертвая тишина под куполом незнакомых звезд. Он привык к уединению, но сейчас со всех сторон подступа-

ло одиночество — жуткое, первобытное… Оно пронизывало до костей, проникало в душу и выворачивало человека наизнанку. По спине пробежала странная дрожь, но Брайн уже отогнал непонятные мысли и встал. Пора идти.

Он тщательно укутал Леа в свою куртку. Если подвесить ее за спину, идти будет гораздо легче. Вскоре местность изменилась: на смену ровному, как стол, плато пришли пологие песчаные дюны, протянувшиеся в бесконечность. Следующие несколько часов мучительные восхождения на гребень очередного холма чередовались с не менее мучительными спусками во тьму к подножию следующего.

При первых проблесках света на востоке Брайн остановился, чтобы немного отдохнуть. Казалось, что грудь вот–вот разорвется от напряжения. Он выпил немного воды и сел на песок рядом со спящей Леа. Золотые полосы света пронизывали серое небо, сметая звезды. Зрелище было настолько величественное, что Брайн замер от восхищения.

Это надо запомнить, это ощущение стоит сохранить на всю жизнь. Лучше всего подойдет четверостишие — короткое, но способное отразить всю гамму переживаний. Брайн прославился

своими четверостишиями в Играх, но это будет особенным. Тэйн — его учитель поэзии — был бы им доволен.

— Что вы там бормочете? — сонно спросила очнувшаяся Леа, с удивлением глядя на его орлиный профиль, темнеющий на фоне розоватого утреннего неба.

— Стихотворение. Тсс… минутку.

После такой ночи это было, пожалуй, уже слишком, и девушка в голос расхохоталась. Ее смех звонким эхом разнесся между дюн…

Взошедшее солнце осветило горизонт. Стало теплее.

— Брайн! — испуганно воскликнула Леа. — У вас на горле рана. Вы истекаете кровью!

— Нет, — спокойно ответил он, слегка дотронувшись до кровоточащего пореза. — Рана поверхностная.

События прошедшей ночи вдруг отчетливо встали перед глазами, и ему стало не по себе. Леа не видела его лица, она рылась в аптечке, но Брайну пришлось быстро помассировать скулы, чтобы согнать гримасу боли и отвращения. Как легко он убил! Трех человек… Как быстро пробудились в нем звериные инстинкты! Он применял эти приемы сотни раз, никогда даже не помышляя

о смерти противника — ведь эти схватки были неотъемлемой частью Игр. Он всегда свято верил, что жизнь человека неприкосновенна… Но когда убили его друга, сам стал хладнокровным убийцей. Он не выдержал испытания, но даже сейчас не чувствовал за собой никакой вины. Он пережил шок, и не более того…

— Поднимите подбородок! — Леа размахивала каким-то флаконом, найденным в аптечке.

Брайн послушался, и холодная жидкость обожгла ему шею. Антибиотики были бы лучше, поскольку рана почти затянулась, но он не стал говорить этого вслух. Потом они проглотили по таблетке стимулятора.

— Начинает припекать, — сказала Леа, сбрасывая верхнюю одежду. — Нам надо побыстрее найти салун с кондиционером или, на худой конец, холодную пещеру, где можно будет отсидеться до вечера.

— Что-то я сомневаюсь насчет пещеры. Здесь кроме песка вообще ничего нет. Нужно идти…

— Нечего мне лекции читать. Я и сама прекрасно знаю, что нужно идти. Вы серьезны, как земной банк. Расслабьтесь. Сосчитайте до десяти тысяч, глубоко вдохните и начните сначала, — Леа говорила и говорила не останавливаясь,

пытаясь в словах выплеснуть наружу весь свой страх и неуверенность.

— У нас нет времени. Идемте. — Брайн с трудом поднялся на ноги и закинул за спину узел с поклажей. Он посмотрел на запад и не увидел там никаких ориентиров — одни только дюны до самого горизонта.

— Подождите минуточку. Куда мы идем? — Леа тоже встала.

— Вон туда, — Брайн показал рукой. — Ориентироваться придется по солнцу, а если не дойдем до ночи — то по звездам.

— И это все на пустой желудок? А как насчет завтрака? Я голодна и хочу пить.

— Еды нет. Воды очень мало, она нам потом понадобится. — Брайн потряс флягой; когда он ее нашел, там было меньше половины, а теперь…

— А мне она нужна сейчас. У меня рот, как невычищенная пепельница. Я суха, как бумага…

— Один глоток, — сказал он после некоторого колебания. — У нас и так почти ничего не осталось.

Леа проглотила воду с закрытыми глазами. Брайн засунул фляжку в узел, даже не притронувшись к воде. Когда через пять минут они взобрались на гребень первой дюны, оба обли-

вались потом.

Пустыня была совершенно безжизненна — только они одни шли вперед под палящим солнцем. Тени понемногу укорачивались, а жара усиливалась. Платье на Леа промокло насквозь, пот заливал глаза, она ничего не видела и могла идти только опираясь на Брайна, который невозмутимо шагал от дюны к дюне, невзирая на жару и прочие мелкие неудобства.

— Вряд ли эти штуки съедобны, но может в них есть вода? — хриплый голос Брайна вывел Леа из оцепенения.

Девушка заморгала и, когда к ней вернулось зрение, увидела на песке какие-то странные предметы. Круглые, сморщенные, усеянные толстыми шипами… Это могли быть в равной степени и растения, и животные. Брайн пнул один шар — тот покатился вниз и зарылся в песок, а на башмаке осталась царапина и пятно зеленоватой жидкости.

— Должно быть, яд, — Брайн вытер башмак о песок. — Нам не стоит здесь задерживаться.

В полдень Леа упала… Она хотела подняться, но тело не слушалось. Тонкие подошвы не могли защитить от раскаленного песка, и ступни жгло огнем. Она часто дышала, и горячий воздух

вливался в горло, как расплавленный металл, обжигая легкие. С каждым новым ударом сердце гнало кровь к ране на голове, и ей казалось, что череп сейчас расколется. На ней не было почти никакой одежды: в начале пути она сняла все кроме платья, хотя Брайн предупреждал об опасности ожогов. Теперь она стояла на четвереньках, и горячий песок обжигал руки и колени, но подняться все равно не было сил, и она могла только бороться с собой, чтобы не упасть совсем. А перед глазами плыли бесконечные черные круги.

Брайн поднял девушку и понес ее на руках. Платье Леа было разорвано, и обнаженная грудь неритмично поднималась и опускалась в такт дыханию. Кожа сильно покраснела, и, когда Брайн дотронулся до ее руки, он ощутил зловещую сухость… Налицо были все признаки теплового удара: неровное дыхание, сухая обожженная кожа. Тело перестало бороться с жарой, и его температура стремительно поднималась, а тонкая одежда не могла служить защитой от палящего солнца. Брайн влил ей в рот часть оставшейся воды и упорно продолжал идти вперед.

Неожиданно на горизонте появился небольшой утес. Даже не утес, а так — обломок скалы. Но там была тень! Собрав все силы, он двинулся туда…

Под скалой песок, защищенный от прямых солнечных лучей, по контрасту казался холодным. Когда Брайн положил Леа в тень, девушка открыла глаза. Она хотела извиниться за свою слабость, но пересохшее горло отказывалось издавать звуки.

Перед глазами еще мелькали круги и точки, и Леа показалось, что Брайн раскачивается над ней взад и вперед, словно дерево под напором ветра. Но понемногу у нее прояснилось в голове, и она увидела, что он и в самом деле качается. Внезапно Леа поняла, что сейчас ее жизнь целиком и полностью зависит от этого человека, от его силы и выносливости… И вот, кажется, он тоже дошел до последней черты и не может больше бороться. Брайна водило из стороны в сторону, хотя он и пытался сохранить равновесие. Мышцы его напряглись, потом опали, жилы на шее чудовищно вздулись, рот был широко открыт, и этот беззвучный крик был ужасней самого неистового вопля. Прошло несколько долгих секунд — Брайн рухнул на песок, как подрубленное дерево.

Обморок или смерть? Леа поднялась и шатаясь побрела к нему. Брайн без движения лежал на раскаленном песке и стремительно потел. Значит, жив! — мелькнуло в голове у девушки.

Но что это с ним? Она лихорадочно рылась в памяти, вспоминая все, что знала или слышала из области медицины, но все равно не понимала, что происходит. А происходило с Брайном что-то невероятное, причем происходило прямо у нее на глазах. Его тело покрылось потом — из всех пор сочились крупные капли жидкости; потовые железы работали в непостижимом темпе. Взглянув на его руку, Леа испуганно вскрикнула: волосы на руке стояли дыбом — каждый волосок раскачивался, дрожал и, казалось, жил совершенно самостоятельной жизнью. В полной растерянности девушка смотрела на Брайна и думала, что она, наверное, сошла с ума перед смертью.

Внезапно Брайн закашлялся, потом открыл глаза. Пот все еще ручьями струился по телу и медленно стекал в песок.

— Я не хотел вас пугать, — сказал он. — Слишком неожиданно все получилось. Хотите воды? У нас еще осталось немного.

— Что случилось? Вы упали… Я в жизни ничего такого не видела.

— Два глотка, не больше, — он протянул ей флягу. — Всего лишь летнее изменение. На Анваре это ежегодно происходит с каждым, но, конечно, не так явно. Зимой почти полностью прекраща-

ется потовыделение и на теле нарастает слой жира — защита от холода. А когда становится тепло, начинается обратный процесс: жир усваивается, и интенсивно работают потовые железы. Благодаря этому человек нормально переносит жаркое лето, да еще все время работает и почти не спит. Здесь климат похожий, и, наверное, организм среагировал на привычные раздражители.

— Вы хотите сказать, что вот так просто, за пять минут ваш организм приспособился к условиям этой кошмарной планеты?

— Почти. Но здесь все-таки жарковато. Скоро мне потребуется много воды, поэтому не стоит задерживаться. Выдержите переход, если я вас понесу?

— Не знаю… — Леа говорила с трудом, кружилась голова. — Но здесь тоже не сахар. Лучше пойдем.

Едва они вышли на солнце, на девушку обрушилась волна горячей, обжигающей боли — она почувствовала, что теряет сознание. Брайн взял ее на руки и двинулся вперед, но через несколько шагов песок неумолимо потянул его к себе, и он понял, что силы на исходе. Теперь каждая следующая дюна казалась выше и круче предыдущей. Он шел все медленнее и медленнее, и все чаще и

чаще попадались обломки скал, которые приходилось обходить.

Рядом с одним таким обломком Брайн заметил узловатый сухой куст и сначала прошел мимо, но потом остановился, пытаясь понять, что же привлекло его внимание. Что-то там было необычное… Он стоял и, беспомощно мигая, смотрел на растение. Несколько ветвей были срезаны у самого основания — не обломаны, а именно срезаны чем-то острым, скорее всего, ножом. Перед Брайном замаячила слабая надежда: он получил первое подтверждение того, что в этой выжженной солнцем пустыне живут люди. И если кому-то понадобились эти ветки, значит, от них есть польза! Может быть, они съедобны, а может, там — вода. При одной мысли об этом у Брайна задрожали руки, и он тяжело опустил Леа в тень скалы. Девушка даже не пошевелилась.

Хватая пересохшим ртом воздух, Брайн с остервенением принялся пилить крепкий ствол ножом. Нож был острый, но силы покидали его, и работа шла тяжело. Когда ветка наконец поддалась, на срезе показались капли жидкости. Брайн вылил ее в горсть и поднес ко рту. Жидкость приятно холодила ладонь и быстро испарялась. Он поднес руку ко рту — очень хотелось пить, но

заставил себя остановиться и попробовал непонятный сок на язык. В первую секунду ничего не произошло, потом острая боль обожгла рот и его вырвало.

От отчаяния Брайн чуть не заплакал. Проклятое растение несомненно можно как-то использовать! Наверняка существует способ очистки сока… Но Брайн — чужак на этой планете, он умрет раньше, чем узнает все эти тонкости. Он попытался отогнать мысли о неизбежном и скором конце.

Взвалить Леа на спину не удалось, и несколько минут он боролся с искушением оставить ее здесь. Потом заставил себя поднять девушку и двинулся дальше. Каждый шаг требовал неимоверных усилий. Сам уже не зная, на каком он свете, Брайн вскарабкался на гребень очередной дюны и в нескольких метрах от себя увидел дисанца.

Оба они замерли и почти минуту не двигаясь смотрели друг на друга. Наконец Брайн уронил Леа и потянул из кобуры пистолет. Дисанец в свою очередь выхватил из-за пояса духовую трубку и поднес ее ко рту. Действие разворачивалось, как в замедленном кино.

И тут Брайн вспомнил о *проникновении. О*н окунулся в чувства дисанца и ощутил страх,

ненависть, недоверие, но сильнее всего было нежелание убивать — туземец не хотел их смерти. Резким движением Брайн отбросил оружие в сторону и тут же подумал, что поступил опрометчиво: не стоило рисковать, не стоило так полагаться на свою способность проникновения, мало ли что говорил Айджел… Пистолет упал на песок — дисанец не шевельнулся и не опустил трубку. Прошла минута… Наконец он оценил поступок Брайна и сунул свое оружие за пояс.

— У тебя есть вода? — спросил Брайн, с трудом выдавливая из себя дисанские слова.

— Есть. — Дисанец по–прежнему не двигался с места. — Кто вы? Что вам здесь надо?

— Мы с другой планеты. У нас случилась… авария. Нам нужно в город. Вода…

Дисанец бросил взгляд на потерявшую сознание девушку и, видимо, принял решение. Он снял с плеча зеленую веревку, Брайн уже видел такую — на фотографии, и она зашевелилась у него в руках. Веревка была живая — трехметровая зеленая плеть, кусок лозы, без листьев, но с каким-то странным бутоном на конце. Туземец достал из-за пояса заостренный крючок, сунул его в бутон и тут же выдернул. Лоза дернулась, как от боли, и обвилась вокруг его руки, бутон

раскрылся. Дисанец протянул извивающуюся плеть Брайну.

— Пей.

Леа больше нуждалась в воде, но Брайн решил проверить этот странный живой источник на себе. Раскрывшийся бутон был наполнен мутной жидкостью неопределенного цвета. Брайн осторожно сделал несколько глотков — вода оказалась горячей и пахла болотом. Внезапно вокруг рта вспыхнула резкая боль, и он отшатнулся как ужаленный… Из «лепестков» вылезли мелкие острые шипы, они-то и впились ему в лицо. Брайн резко обернулся к дисанцу, но промолчал, увидев его лицо: вся кожа вокруг рта была иссечена мелкими, едва заметными шрамами.

— *Веда н*е любит отдавать воду…

Брайн еще немного отпил, потом поднес веду ко рту Леа. Девушка застонала и рефлекторно потянулась к спасительной жидкости, но в себя так и не пришла. Когда она напилась, Брайн осторожно вытащил из ее губ шипы и напился сам. Дисанец присел на корточки и смотрел на них безо всякого интереса. Брайн вернул ему веду и прикрыл Леа остатками одежды, чтобы хоть немного защитить ее от солнца.

Покончив с этим, он опустился на песок и вни-

мательно посмотрел на дисанца. Тот неподвижно сидел на корточках и, казалось, наслаждался отдыхом под палящим солнцем. Из одежды на нем была только набедренная повязка, но на теле не было ни капли пота. Веда снова висела на плече и все еще недовольно подергивалась. На поясе болтались те же самые непонятные предметы, что Брайн видел на фотографии. Впрочем, теперь уже не все они были непонятными: трубка — своеобразное духовое ружье, а вот этим крючком открывают веду. Логично предположить, что и остальное имущество аборигена имеет какое-то практическое назначение. В таком случае, его нельзя считать темным дикарем.

— Меня зовут Брайн. А тебя?

— Тебе ни к чему знать мое имя. Зачем вы здесь? Чтобы убить мой народ?

Брайн отогнал воспоминания о ночной схватке. Да, ему пришлось убить… В глазах туземца читался искренний интерес, и Брайн сказал правду:

— Я здесь, чтобы предотвратить гибель вашей планеты.

— Докажи.

— Отведи меня в город, в штаб–квартиру Центра развития, и я докажу.

Впервые лицо дисанца утратило выражение

непроницаемости и на нем явственно отразилась внутренняя борьба, происходящая в этом человеке. Он нахмурился и что-то пробормотал себе под нос. Через минуту он решительно встал.

— Идем. Я отведу вас в город. Но сначала скажи — вы с Ниджора?

— Нет.

Дисанец неопределенно хмыкнул и отвернулся. Брайн поднял Леа и двинулся за ним. Они шли часа два, потом туземец остановился и указал не небольшую скалу.

— Ждите здесь. За вами придут, — он подождал, пока Брайн уложит девушку в тень, и нерешительно сказал: — Меня зовут… Ульв. — И тут же исчез.

Устраивая Леа поудобней, Брайн подумал, что ей срочно нужна медицинская помощь, иначе обезвоживание организма и шок прикончат ее.

Незадолго до захода солнца он услышал гул вездехода.

Глава 8

Гул стремительно приближался, и вскоре вездеход в облаке пыли вылетел из-за скалы и остановился рядом с ними. Водитель распахнул дверцу.

— Забирайтесь и побыстрее! Напустите жары в кабину, — раздраженно крикнул он, сердито глядя на Брайна.

Брайн, не обращая на водителя никакого внимания, бережно уложил Леа на заднее сиденье и только после этого закрыл дверцу. Вездеход рванул с места, из кондиционера ударила волна прохладного воздуха. В машине температура была градусов на пятнадцать ниже, чем снаружи, и Брайн прикрыл Леа какими-то тряпками, чтобы защитить ее обожженную кожу от таких резких перепадов.

Водитель, вцепившись в руль, гнал вездеход на предельной скорости и больше не проронил ни слова и даже ни разу не посмотрел на своих пассажиров. Неожиданно из задней части вездехода вышел худой седовласый человек. Остановившись в метре от Брайна, он направил на него пистолет и холодно спросил:

— Кто вы?

К таким приветствиям Брайн как-то не привык. Разговор начинался странно, но он уже понимал, что Дис — вообще место довольно странное. Не видя реакции на свой вопрос, седой нервно закусил губу. Брайну совсем не хотелось получить пулю в живот, и он спокойно сказал:

— Меня зовут Бренд, Брайн Бренд. Мы высадились в пустыне прошлой ночью. А теперь я сообщу вам неприятную новость, только не вздумайте стрелять. Айджел убит и Рион тоже…

Пистолет в руке седого дрогнул, глаза его расширились. Водитель бросил на него испуганный взгляд через плечо и снова склонился к рулю. Проверка удалась. Кто бы ни были эти люди, но о Центре они знают. Хотя Брайну; было бы намного спокойней знать наверняка, что они из Центра.

— Нам с девушкой удалось спастись. Мы шли через пустыню. Хотели добраться до города и найти вас. Вы ведь из Центра, да?

— Да–да, конечно, — рассеянно отозвался седой, опуская пистолет.

Какое-то время он молча смотрел сквозь Брайна ничего не видящим взором и нервно покусывал губы, потом, опомнившись и, вероятно, испугавшись собственной небрежности, снова поднял

пистолет.

— Если вы Бренд, то должны знать… — Свободной рукой он вытащил из нагрудного кармана желтый листок и что-то там прочитал. — Теперь скажите мне, из каких соревнований состоит финал… — тут он снова заглянул в листок, — в Анварских Играх?

— Шахматы, стрельба из лука и фехтование. Ну и что?

Седой удовлетворенно усмехнулся и сунул листок в карман, а пистолет — в кобуру.

— Я — Фоссел, — он протянул Брайну руку. — С ниджорской эскадры нам передали приказ Айджела… последний приказ. Видимо, Айджел знал, на что идет, и предчувствия его не обманули. Он назначил вас своим преемником, и с этой минуты вы — директор группы ЦРУ на Дисе и руководитель операции. Я был заместителем Мерва, пока его не убили. Потом я был заместителем Айджела… Теперь, по–видимому, буду вашим заместителем. По крайней мере, до завтра, пока мы не упакуем вещи и не уберемся с этой проклятой планеты.

— А почему завтра? Срок ультиматума истекает только через три дня. Мы еще можем успеть.

Фоссел, который тяжело опустился на сиденье,

снова вскочил на ноги и вцепился в поручень, чтобы не упасть — вездеход мотало из стороны в сторону.

— Три недели, три дня, три минуты — какая разница? — с каждым словом его голос поднимался все выше;, затем он сделал видимое усилие, чтобы овладеть собой, и продолжал: — Послушайте! Вы же ничего не знаете. Вы только что прилетели, и видит Бог, как я вам завидую! А я уже давно тут и всякого насмотрелся. И туземцы эти проклятые!.. Они убивают моих друзей, а я должен смотреть и ничего не могу сделать. А на орбите кружат ниджорцы и держат палец на кнопке бомбосбрасывателя. Один раз у кого-нибудь не выдержат нервы, и вся эта чертова планета сгорит!

— Сядьте, Фоссел. Сядьте и успокойтесь, — Брайн старался говорить мягко, но в его голосе отчетливо слышались командные нотки.

Фоссел покачался еще секунду, потом упал на сиденье и отвернулся к окну. Остаток пути до города они проделали в полном молчании.

В штаб–квартире Центра царила атмосфера отчаяния и уныния. Единственным человеком, не разделявшим общего настроения, оказался доктор Стайн — он без лишних слов утащил Леа в госпиталь. Наверняка у доктора было много па-

циентов и мало свободного времени. Остальные уже давно впали в депрессию, свежему человеку это сразу бросалось в глаза. Пораженческие настроения буквально витали в воздухе, все сидели на чемоданах и с нетерпением ждали приказа об эвакуации. Все, что он увидел, Брайн определил для себя одним словом — развал.

Поев, он в сопровождении Фоссела отправился в кабинет директора, теперь — его кабинет. Одна стена в кабинете была из толстого прозрачного стекла, и Брайн увидел, как в большом зале сотрудники упаковывают архивы. Фоссел уже не казался таким взвинченным — он больше не отвечал за исход операции.

Брайн твердо решил никому не говорить, что работает в Центре без году неделю. Сейчас не время пускаться в откровения, сейчас нужно употребить власть, и чем дольше никто не узнает о некомпетентности нового начальника, тем лучше.

— Запишите, Фоссел, и распорядитесь отпечатать. Печатное слово имеет больший вес. Пишите: «С этой минуты все приготовления к эвакуации прекращаются. Мы покинем планету только в случае окончательного провала операции. Если до этого дойдет, разрешаю брать с собой только

личные вещи — прочее имущество останется здесь.» Может быть, вы этого и не понимаете, но мы должны спасать планету, а не архивы. — Краем глаза он заметил, как лицо Фоссела вспыхнуло от гнева. — И принесите мне доклады по операции. Пока все.

Фоссел вышел, и минуту спустя до Брайна донеслись гневные крики и возмущенные возгласы. С приездом, — подумал он и выдвинул верхний ящик стола. В ящике лежало письмо, адресованное Айджелу. Брайн задумчиво повертел его в руках и вскрыл конверт:

«Айджел! Я получил официальное согласие на замену и очень рад, что мою просьбу наконец удовлетворили. У вас богатый опыт полевой работы, и вы справитесь, я уверен. Что касается меня, то последние двадцать лет я занимался исследованиями, чистой наукой. Я ученый, а не администратор, думаю, никто не будет с этим спорить.

У вас будут трудности с командой. Надо иметь в виду, что почти все сотрудники — добровольцы по необходимости. Некоторые из них религиозны и работают за идею, но большая часть этих людей попала сюда случайно. То, что случилось, для всех было полной неожиданностью. Теперь

я понимаю, что мы сделали очень мало или, лучше сказать, вообще ничего не сделали. Мы не достигли никакого прогресса в отношениях с туземцами. Это ужасно! Их поведение совершенно не укладывается в распределение Пайсона, которое учитывает сотни различных факторов. Экстраполяция Паретто тоже не действует. Нашим полевым агентам не удается даже поговорить с туземцами, двое из них погибли при попытке наладить контакт. До правителей планеты просто невозможно добраться, а остальные держат рот на замке.

Сегодня я попытаюсь поговорить с Лиг–магтом. Возможно, из этого что-нибудь получится. Если я вернусь обратно, вы этого письма не получите, а если нет — прощайте. Постарайтесь справиться с этим делом лучше меня.

Астон Мерв.

P. S. Проблема с командой. Считается, что они спасатели, но все без исключения ненавидят дисанцев. Боюсь, я тоже.»

Брайн вздохнул. Придется выяснять, что такое экстраполяция Паретто. При этом придется тщательно скрывать свое полное невежество в вопросах социологии. Если в команде пронюхают, что новый директор ничего не смыслит в

предмете, их всех через пять минут и след простынет. О распределении Пайсона он, правда, кое-что слышал. В физике этот метод применялся для определения явлений, происходящих постоянно и неизменных с течением времени: например, полураспад радиоактивных изотопов. Из письма Мерва можно было понять, что в общественной жизни тоже существуют такие неизменные явления. Во всяком случае, на других планетах существуют. А на Дисе, похоже, вообще никакие законы природы не действуют. Айджел, кстати, так и говорил, а смерть директора Мерва лишний раз подтверждала его правоту. Интересно, а кто такой этот Лиг–магт? — подумал Брайн.

Осторожное покашливание нарушило ход его мыслей, и он понял, что уже несколько минут не замечает Фоссела, стоящего около стола. Брайн поднял голову и вытер пот со лба.

— У вас, кажется, кондиционер не работает, — сказал Фоссел. — Прислать мастера?

— Не надо. Кондиционер в порядке. Я просто привыкаю к местному климату. Что вы хотели, Фоссел?

Заместитель посмотрел на него с откровенным недоверием и положил на стол несколько папок.

— Вот вся информация, какую нам удалось

собрать о дисанцах. Не очень много, но если принять во внимание кошмарные нравы, царящие на планете… — Тут Фоссела осенила какая-то мысль, глаза его сузились. — Скажите… Этот туземец, который сообщил о вас… Никто не понимает, как вам удалось уговорить его помочь? С нами они даже разговаривать не хотят, а вы не успели приземлиться и уже заставили одного работать на себя. Согласитесь, все это выглядит довольно странно. Вы не можете запретить людям думать об этом…

Он остановился на полуслове, наткнувшись на полный холодной ярости взгляд Брайна.

— Я, конечно, не могу запретить думать, но могу запретить говорить. Наша задача — предотвратить войну, а для этого необходимо наладить контакт с дисанцами. За один день я сделал в этом направлении больше, чем вся ваша команда за несколько месяцев. Отсюда следует только один вывод: я гожусь для этой работы, а вы все — нет. Других объяснений у меня нет и не будет! Вы свободны.

Фоссел переменился в лице и пулей вылетел из кабинета.

Сейчас будет рассказывать всем, что новый директор самодур и деспот, — подумал Брайн.

Очень скоро его возненавидят лютой ненавистью. Впрочем, он сознательно шел на это. Может быть, хоть ненависть расшевелит этих людей, выведет их из оцепенения, толкнет на какие-то действия. Хуже уже все равно не будет.

Впервые с момента прибытия на эту негостеприимную планету у Брайна появилась возможность сесть и спокойно подумать. А не слишком ли много он на себя берет? Он свалился сюда как снег на голову: он ничего не знает об этом мире, о его обитателях, о силах, которые участвуют в конфликте. И вот он сидит здесь и изображает из себя директора организации, о существовании которой даже не подозревал несколько недель назад. Может быть, отступить, пока еще не поздно?

И тут же он понял: нет, нельзя! Сейчас никто лучше него с этим делом не справится. Он вспомнил Айджела. Айджел был уверен, что только Брайн сможет помочь ему завершить операцию, и Брайн наконец сам в это поверил. Была и еще одна причина. Он не мог уронить честь анварца и Победителя. Айджел, тоже анварец и тоже Победитель, верил в него, и теперь, когда Айджела нет, Брайн обязан оправдать это доверие. Пусть все идет как идет.

Приняв решение, он почувствовал облегчение. На столе стоял пульт интеркома, и Брайн нажал кнопку с надписью «Заместитель».

— Да? — в голосе Фоссела слышалась откровенная ненависть.

— Кто такой Лиг–магт? И вернулся ли директор Мерв после встречи с ним?

— Магт — это титул, примерно соответствующий титулу лорда или графа. Иными словами, местный дворянин. Лиг–магт — один из правителей планеты, живет в каменной крепости за городом. По всей видимости, он глава группы магтов, развязавшей эту идиотскую войну. Что же касается вашего второго вопроса, то не могу сказать ни да, ни нет. Голову директора Мерва мы нашли на следующий день у ворот штаб–квартиры. Кожа с нее была снята. Мы опознали его по коронкам во рту. Понятно?! — как ни старался Фоссел держать себя в руках, из этого ничего не вышло, и последнее слово он буквально выкрикнул.

Да они здесь все на грани безумия! — подумал Брайн и быстро сказал:

— Спасибо, Фоссел, это все. Передайте доктору, что я хочу с ним поговорить. Пусть свяжется со мной, как только освободится.

Он отключился и открыл первую папку. К тому времени когда на интеркоме загорелся вызов доктора, Брайн успел, не вдаваясь в тонкости, просмотреть почти все документы. Переодевшись, он направился в больничный корпус.

У доктора Стайна была розовая сверкающая лысина и большая черная борода. Брайну он сразу понравился. Носить бороду в таком климате мог только человек с твердым характером.

— Как ваша пациентка, доктор?

Стайн запустил толстые пальцы в бороду.

— Обезвоживание организма, ожоги и как следствие — длительный обморок. Еще немного — и был бы тепловой удар. Я обработал ожоги, сделал вливание и дал снотворного. Сейчас ей ничто не угрожает.

— Завтра утром мне понадобится ее помощь. Сможет она работать?

— Сможет, но, честно говоря, мне это не очень нравится. Последствия…

— Нужно попытаться, доктор. Меньше чем через трое суток планета погибнет. Чтобы не допустить этого, я готов пожертвовать и собой, и всеми остальными. Вы согласны?

Доктор порылся в бороде и внимательно посмотрел на Брайна.

— Согласен, — произнес он с явным облегчением и после минутного молчания добавил: — Как приятно увидеть человека, не впавшего в отчаяние. Я — с вами.

— Отлично. Тогда приступим к делу прямо сейчас. Я просмотрел список сотрудников и обнаружил, что среди двадцати восьми членов команды нет ни одного ученого, если не считать вас.

— Банда бездельников, — проворчал доктор. — Только и умеют, что кнопки нажимать. Ни один из них не пригоден к полевой работе.

— Тем более мне не обойтись без вашей помощи. Как я понял, операция очень сложная, и обычные методы тут не годятся. Даже распределение Пайсона и экстраполяция Паретто в данном случае не работают.

Стайн кивнул в знак согласия, и Брайн немного успокоился. Он попытался оживить свои знания по социологии, но ничего дельного не вспомнил и продолжал:

— Чем больше я об этом думаю, тем больше склоняюсь к выводу, что перед нами биологическая проблема. Как вы думаете, доктор, может непонятное стремление дисанцев швырнуть бомбу в соседей как-то быть связано с их фанта-

стической способностью существовать в этом адском окружении? Вы понимаете, о чем я говорю?

— Может быть… может быть… — доктор быстро заходил по комнате, сцепив руки за спиной. — Вы чертовски правы, молодой человек! Наконец, кто-то додумался, что нельзя сутками сидеть перед компьютером и ждать от него ответов на все вопросы. Знаете ли вы, что дисанцы добились удивительного симбиоза со всеми формами жизни на этой планете. Даже с паразитическими! У наших дураков это вызывает отвращение, а я восхищен. Отвращение может испытывать только тот, кто никогда не испытывал жажды.

Стайн замолчал, потом быстро подошел к шкафчику в углу.

— Эти разговоры о жажде совсем меня иссушили, — пояснил он, точным движением наливая спирт в колбу. Разбавив его водой и добавив каких-то кристаллов, доктор разлил полученный напиток по стаканам и протянул один Брайну. На вкус оказалось совсем неплохо.

— Что вы имеете в виду, говоря о паразитизме, доктор? — спросил Брайн, немного отдышавшись. — По–моему, человек всегда паразитировал на других формах жизни. Мы потребляем в пищу

мясо животных, вырубаем леса…

— Нет, не об этом речь. Я говорю о паразитизме в прямом значении этого слова. С точки зрения биологии, нет никакой разницы между паразитизмом, комменсализмом, мутуализмом…

— Постойте! Не так быстро, доктор. Я не понимаю и половины из того, что вы говорите.

— Ничего страшного. Попросту говоря, это другие названия симбиоза. Вот вам пример. В местных озерах живет ракообразное с большими клешнями, напоминающее обычного краба. В клешнях этот краб держит анемону — такое животное со щупальцами, которое не может само передвигаться. Своими щупальцами оно собирает пищу и для себя, и для краба. Это тоже симбиоз. Два существа живут вместе, хотя каждое из них способно существовать самостоятельно. Но у того же самого ракообразного есть паразит — деградирующий вид улитки, живущий под его панцирем. Самый настоящий паразит: получает пищу из организма хозяина и ничего не дает взамен. А в кишечнике этой улитки живет простейший организм, питающийся уже переваренной пищей. Но этот маленький организм не паразит, как кажется на первый взгляд, а симбиот. Он берет от улитки пищу, а его выделения помогают ей

эту пищу переварить. Разобрались хоть немного? Между всеми формами жизни существует сложнейшая взаимосвязь.

Брайн сосредоточенно кивнул и отпил из стакана.

— Да, кое-что прояснилось. Паразитизм и все прочее — разные способы совместной жизни. И, очевидно, существуют взаимоотношения, которые трудно причислить к какому-либо разряду.

— Совершенно верно, — доктор явно обрадовался его сообразительности. — Здесь нет конкуренции между видами, она просто невозможна в таких жутких условиях. Все местные формы жизни взаимодействуют между собой, и только благодаря этому они уцелели. Кстати, здешняя жизнь — что-то среднее между растениями и животными. Есть тут такое существо — дисанцы называют его веда, — которое дает туземцам воду. У него сохранилась способность к движению, как у животного, и в то же время в нем происходит процесс фотосинтеза, как в растении. Веда накапливает воду, а когда дисанцы пьют, высасывает у них кровь, получая таким образом необходимые для жизни вещества.

— Знаю, — устало произнес Брайн. — Видите шрамы? Я пил из нее. Я, кажется, начинаю пони-

мать, как дисанцам удалось уцелеть в этом мире. Значительные физиологические изменения были неизбежны. Может быть, они сказались на социальной организации туземцев?

— Вполне возможно. Но, наверное, вам лучше обратиться к специалистам. Я и так высказал уже слишком много ни на чем не основанных предположений.

Брайн просмотрел доклады социологов и не нашел там ничего ценного — сплошная мешанина из непонятных символов и диаграмм.

— Продолжайте, доктор. Специалисты проглядели какой-то важный фактор. А вы — пока единственный, кто дает разумные ответы на мои вопросы.

— Хорошо. Я считаю, что на Дисе вообще нет общества в нашем понимании. Здесь каждый сам по себе. Если у них и есть общество, то оно организовано на других началах, нежели наше, и ориентировано совсем на другие ценности. И уж во всяком случае, это не человеческое общество. Возможно, в их социальной структуре главенствуют иные формы жизни.

— А как же магты? Насколько я понимаю, они — и правители планеты, и причина всех бед.

— А вот магты не укладываются в мою тео-

рию, — согласился доктор. — Магты — исключение, не поддающееся объяснению. Они кровожадны, не внемлют голосу разума, стремятся развязать уничтожительную войну и вообще сильно отличаются от остальных дисанцев. Кстати говоря, никакие они не правители. На первый взгляд кажется, что они захватили власть на планете, но на самом деле, туземцы не имеют никакого представления ни о государстве, ни о власти. Никому кроме магтов эта власть не нужна и не интересна. Кроме того, магты дают инопланетникам концессии на шахты, и опять-таки остальные дисанцы просто не знают, что такое собственность. Конечно, я могу ошибаться… Но мне кажется, если вы поймете, *почему м*агты так не похожи на других дисанцев, вы найдете ключ ко всей проблеме.

Брайн ощутил прилив энтузиазма — впервые с момента прибытия на Дис. Теперь он был почти уверен, что можно найти выход из этого заколдованного круга. Он осушил свой стакан и встал.

— Надеюсь, доктор, рано утром ваша пациентка будет на ногах. Вы должны быть заинтересованы в этом не меньше меня. Если мы с вами на верном пути, то именно она сможет найти ключ. Эта девушка — доктор Леа Моррис, квалифицирован-

ный экзобиолог и антрополог.

— Замечательно! Теперь я буду смотреть за ней с удвоенным вниманием: не только потому, что она хорошенькая женщина, но и потому, что она — великий ученый. Смешно сказать, но после разговора с вами у меня появилась надежда — в первый раз за все время работы на Дисе.

Глава 9

Охранник на пропускном пункте у ворот штаб–квартиры вздрогнул от ужасного грома и схватился за оружие. Но тут же опустил пистолет и, глуповато улыбаясь, отсалютовал новому директору. Брайн еще раз громоподобно чихнул и плотнее запахнул плащ.

— Пойду прогуляюсь, тут у вас воспаление легких схватить недолго, — бросил он на ходу.

Часовой внимательно посмотрел на контрольный экран, погасил свет и осторожно приоткрыл тяжелую дверь. Брайн выскользнул наружу. Воздух еще не остыл от дневного жара, он счастливо вздохнул и распахнул плащ.

С одной стороны, надо было провести разведку, с другой — очень уж хотелось согреться. В штаб–квартире все равно нечего было делать: доклады он перечитал по несколько раз и мог теперь цитировать по памяти, а сотрудники давно отправились спать. Брайн вздремнул полчаса, почувствовал себя свежим и бодрым и решил поближе познакомиться с главным городом Диса. Неторопливо шагая по темным улицам, он начинал понимать, насколько чужд местный

образ жизни и ему, и, наверное, любому человеку вообще.

Название города — Хоувстад — переводилось как «Главное место». Место — и все тут. На самом деле, город возник только стараниями инопланетников. Даже в темноте бросались в глаза многочисленные вывески горнорудных, торговых и транспортных компаний по обеим сторонам улицы. Но сами здания выглядели заброшенными, пустыми, кое–где автоматы еще включали свет, но большинство были погружены во тьму, как и дома дисанцев. Их было совсем немного, этих местных сооружений, и они казались чужими среди панельно–блочных строений пришельцев.

Брайн не удержался, подошел к дисанскому дому и в тусклом свете неоновой вывески «Веганская сталеплавильная компания, лимитед» осмотрел его. В открытую дверь виднелась большая комната с земляным полом, окон не было вовсе, а сам дом был сооружен из каких-то непонятных досок, но без гвоздей. Он уже хотел войти, как вдруг услышал какой-то звук — слабый, еле слышный, сразу затерявшийся в ночи. При обычных обстоятельствах Брайн и не заметил бы ничего, но здесь, на Дисе, он слушал всем телом.

Кто-то шел за ним, прячась в тени зданий. Брайн замер на месте — потом крадучись двинулся назад вдоль стены.

Скорее всего, за ним следит дисанец, кому же еще быть? И тут он вспомнил об отрубленной голове директора Мерва…

Похоже, наступило время прибегнуть к *проникновению. С*начала Брайн ничего не почувствовал — он еще не до конца освоился с новыми возможностями, да и вообще… могло ведь померещиться — но вскоре уловил что-то знакомое, некую душевную ноту, которую он уже где-то слышал. Его осенила догадка.

— Ульв, — очень спокойно произнес он. — Это я, Брайн.

— Знаю, — послышался тихий голос из темноты. — Молчи и спокойно иди, как шел.

Брайн не стал спорить и пускаться в расспросы и как ни в чем не бывало двинулся дальше. Дома попадались все реже и реже, и вскоре он очутился в пустыне. А если это ловушка? Вдруг он ошибся? Вдруг это не Ульв? Он очень тихо говорил, этот дисанец, почти шепотом, Брайн мог и перепутать… Да, риск есть, но упускать такой шанс нельзя.

Из темноты вынырнула какая-то тень, и горя-

чая ладонь коснулась его руки.

— Я пойду вперед. Иди за мной.

Не дожидаясь ответа, Ульв — на этот раз Брайн сразу узнал его голос — снова растворился в ночи. Брайн ускорил шаг, и они долго шли через песчаные холмы в полном молчании.

Постепенно песок под ногами сменился твердой почвой, барханы уступили место оврагам. Ульв спустился в глубокий и совсем уж темный овраг. Они прошли еще немного, и Брайн заметил впереди слабый желтый свет — свет сочился из дыры в склоне оврага. Ульв быстро опустился на четвереньки и, ловко протиснувшись в эту дыру, исчез. Брайн последовал за ним, стараясь заглушить растущее беспокойство и каждую секунду ожидая подвоха. Кривой и узкий туннель стеснял движения — здесь негде было повернуться, здесь он был совершенно беззащитен, и любая неприятность могла стать последней в его жизни. А неприятности не заставили себя ждать. Едва высунув голову из туннеля, Брайн услышал шум и почти физически ощутил ненависть.

Как всегда в минуту опасности он действовал стремительно, не раздумывая. Выкатиться из туннеля, перевернуться на спину, выхватить пистолет — все это было делом двух–трех секунд,

и тем не менее, если бы не Ульв, он уже валялся бы с проломленной головой. Рослый туземец занес над Брайном каменный топор с явным намерением покончить с ним одним ударом, но Ульв вцепился ему в руку и не давал опустить топор. Они боролись в полном молчании, только песок хрустел под ногами. Брайн отодвинулся в сторону и, поднявшись на ноги, на всякий случай направил пистолет на незнакомца. Тот злобно сверкнул глазами и выронил топор — нападение сорвалось.

— Зачем ты привел его?! — закричал он на Ульва. — Почему не дал мне убить его? Почему не убил сам?

— Он уже здесь, Геб, давай выслушаем его.

— Пусть говорит, — согласился Геб со зловещей улыбкой. — Мы выслушаем его, а потом убьем.

Он не шутил, он, наверное, вообще не умел шутить, и Брайн понял, что, хотя опасность миновала, следует держать ухо востро. Спрятав пистолет, он осмотрелся.

Они попали в пещеру — невысокий сводчатый потолок напоминал купол. Здесь было тепло, даже жарко, и Ульв, моментально сбросив кусок шкуры, которым спасался от ночного холода, остался в одной набедренной повязке. У дальней

стены Брайн заметил женщину и девочку — до этого ни женщин, ни детей он на Дисе не видел, впрочем, он много чего не видел на Дисе — они перебирали какие-то коренья. Обе были без одежды, лишь длинные распущенные волосы чуть прикрывали их обнаженные тела. Женщина, отложив корни в сторону, тяжело поднялась и направилась к небольшому очагу, слабый свет которого освещал пещеру. На огне стоял глиняный горшок с каким-то варевом. Женщина разложила еду по мискам и знаками пригласила всех к столу, роль какового выполняла постеленная на пол шкура. Дисанское угощение отвратительно пахло, а вкуса Брайн так и не разобрал, потому что старался глотать целиком, не разжевывая. Ели все руками. Трапеза протекала в полном молчании, было даже не совсем понятно, то ли это такой ритуал, то ли просто привычка. Давясь горячими кусками, Брайн с интересом наблюдал быт туземцев.

Пещера явно служила жилищем этой небольшой семье. Она была вырублена в твердой глине, и Брайн подумал, что строителям пришлось помучиться. Голые стены смотрелись довольно убого, только одна из них была покрыта густой сетью не то корней, не то побегов. Все они тяну-

лись вверх и у самого потолка сплетались в один толстый корень. На этом корне, вцепившись в него шипами, висели три веды, туда же повесил свою и Ульв. Очевидно, здесь веды набирали воду, которую отдавали потом людям — еще одно звено жизненного цикла дисанцев.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Брайн поднял глаза от миски и приветливо улыбнулся девочке, которая смотрела на него совсем не по–детски — очень серьезно и внимательно. Никакой реакции на его улыбку не последовало. С тем же угрюмым выражением на лице девочка взяла у матери какой-то стебель и принялась тщательно очищать его от кожуры. Закончив эту довольно нелегкую работу — стебель все время дергался у нее в руках — она немедленно проглотила его и взяла следующий.

Ульв поставил свою миску и сыто рыгнул.

— Я сдержал слово — отвел тебя в город. А ты выполнил обещание?

— А что он обещал? — спросил Геб.

— Что остановит войну. Ты сделал это?

— Я пытаюсь, но это не так легко, и мне нужна помощь. Вам грозит гибель, вам и вашим семьям. Если вы поможете мне…

— Где правда? — прервал его Ульв. — Я слы-

шу много слов, но не понимаю, где правда. Мы всегда слушали магтов. Мы приносили им еду, а они давали нам воду и железо. Они говорили, что это правильно. Они обещали не убивать нас и отобрать для нас землю у людей с неба. А это хорошо.

— Все знают, что людей с неба надо убивать, — подтвердил Геб.

Брайн посмотрел на них.

— Тогда почему ты не убил меня, Ульв? В пустыне, помнишь?

— Я могу убить тебя и сейчас, но я хочу понять. Это важнее, чем твоя жизнь. Где правда? У магтов? Или здесь? — и он протянул Брайну какую-то пластинку — металлический кружок не больше ладони.

С одной стороны пластинки была кнопка, а с другой — рисунок: рука, нажимающая кнопку. Пластинка оказалась примитивной звуковой листовкой — стоило нажать кнопку, и она начинала вибрировать, как мембрана. Тихий, но отчетливый голос убеждал дисанцев не слушать магтов, которые развязали бессмысленную войну против мирного соседа. Полное уничтожение Диса и гибель всех его жителей — единственный возможный исход этой войны, — объяснял голос

и призывал свергнуть власть магтов.

— Это слова правды? — спросил Ульв.

— Может, это и слова правды, — проворчал Геб, — но мы ничего не можем сделать. Эту говорящую железку нашли мы с братом. Брат пошел к магтам и все рассказал. Они убили его. Если магты узнают, что мы слушаем эти слова, мы все умрем.

— А железка говорит, что мы умрем, если будем слушать магтов! — хрипло выкрикнул Ульв, видимо, совсем отчаявшись разобраться в противоречивых и слишком сложных для него суждениях.

— Это правда, — сказал Брайн. — Но я знаю, как остановить войну… — он замолчал, лихорадочно соображая, как привлечь этих людей на свою сторону.

— Говори, — потребовал Ульв.

— Мне надо встретиться с магтами — я хочу понять их. Я буду говорить с ними и постараюсь убедить их. Помогите мне — и войны не будет.

— Никто не может говорить с магтами, — неожиданно вмешалась женщина. — Они убивают всех, кто с ними не согласен. Их очень легко понять — они никогда не меняются.

— Мор права, — сказал Ульв. — Тебе нельзя

говорить с магтами. Что еще можно сделать?

Брайн взглянул на собеседников и сел поудобней, невольно коснувшись пистолета.

— У магтов есть бомбы, которыми они хотят забросать Ниджор. Если я смогу найти и уничтожить эти бомбы…

— Ты хочешь, чтобы мы помогли врагам! — закричал Геб, вскакивая на ноги. — Ты хочешь превратить нас в рабов!

Ульв усадил его на место и холодно сказал Брайну:

— Ты просишь слишком много! А теперь уходи.

— Но вы поможете мне? Поможете спасти Дис? — Брайн понимал, что зашел слишком далеко, но уже не мог остановиться.

— Ты просишь слишком много! — повторил Ульв. — Уходи. Потом поговорим.

— Когда? Как мне связаться с тобой?

— Мы сами найдем тебя, — ответил Ульв, и больше Брайн не смог вытянуть из него ни слова.

Зато Геб, встав и натянув одежду, внимательно посмотрел на Брайна и заявил:

— Я тебе не верю! Каждое твое слово — ложь. Если я увижу тебя еще раз, ты умрешь… — и с

этими словами скрылся в туннеле.

Переговоры закончились… Ульв, продолжая хранить гробовое молчание, проводил Брайна до города и растворился в темноте.

Стало совсем холодно. Брайн, кутаясь в плащ, рассеянно брел по пустым улицам, мысли его снова и снова возвращались к недавнему разговору с дисанцами. К штаб–квартире Центра он подошел с первыми лучами солнца. Охранник у ворот уже сменился, а новый часовой наотрез отказался пускать незнакомца, заявившего, что он — новый директор. Ни уговоры, ни угрозы на него не действовали, и Брайну пришлось торчать под дверью довольно долго, пока не появился заспанный Фоссел. Зевая и моргая после неожиданного пробуждения, он принялся извиняться, но Брайн быстро прервал его и велел одеваться и приниматься за работу.

Сам он немедленно отправился к себе — его обуревала жажда деятельности. Переступив порог, Брайн громко выругался: за ночь кондиционер основательно выстудил кабинет. Минут через пять явился Фоссел — он все еще зевал в кулак и явно не горел желанием работать.

— Пока вы не упали, пойдите сделайте кофе, — встретил его Брайн. — И сами тоже выпейте.

— В этом нет необходимости, директор Бренд, — в голосе Фоссела звучали металлические нотки. — Если вы хотите кофе, я распоряжусь.

За всеми волнениями Брайн совсем забыл, что успел создать себе среди подчиненных репутацию деспота и тирана, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Приведите себя в порядок, — коротко бросил он, снова входя в роль. — Еще раз зевнете, и в вашем личном деле появится отрицательная запись. Если вам все ясно, то извольте коротко рассказать мне об отношениях Центра с дисанцами. Прежде всего, как они к вам относятся?

Фоссел едва сдержал зевок.

— По–моему, туземцы считают нас людьми слабоумными, но не вредными. Традиционно они ненавидят всех инопланетников — из поколения в поколение передавались рассказы о том, как их бросили на произвол судьбы во времена Перелома. В соответствии с их представлениями о жизни мы должны платить им тем же. Мы же, напротив — раздаем воду, лекарства, продовольствие. Я полагаю, что дисанцы терпят Центр, пока он не причиняет им особого беспокойства, — он героически боролся с зевотой, и Брайн отвернулся, чтобы не мучить человека.

— А ниджорцы? Они знают о нашей операции?

— На Ниджоре каждый гражданин имеет доступ к любой информации. Они знают о проекте и часто помогают нам.

— Что ж, придется обратиться к ним еще раз. Вы можете связаться с ниджорским флотом?

— Да, у нас прямая линия. Одну минуточку, — Фоссел подошел к видеофону и набрал код.

— Вы свободны, Фоссел. — Брайн предпочитал говорить без свидетелей. — Как зовут командующего?

— Профессор Крафт. Он физик — профессиональных военных у них вообще нет — занимался созданием водородной бомбы, а теперь командует флотом. — Фоссел чудовищно зевнул и удалился.

Засветился экран видеофона: изображение мерцало, потом прояснилось. Профессор Крафт оказался человеком почтенного возраста; у него были седые волосы, лицо, испещренное морщинами, и умные, проницательные глаза.

— Вы, должно быть, Брайн Бренд, — обратился он к Брайну. — Нам стало известно о смерти нашего друга Айджела. Мы глубоко скорбим… Он и двое других погибли, помогая нам. Мне очень жаль…

— Да–да… конечно, — Брайн попытался собрать разбежавшиеся мысли. Столько проблем свалилось на него в последние часы, что даже смерть Айджела успела отойти на второй план. — Очень вам признателен за сочувствие, но сейчас мне нужно кое-что узнать.

— Все что угодно. Можете на нас рассчитывать. Но, прежде чем мы перейдем к делу, я хотел бы поблагодарить вас и вашу организацию за участие в этой операции. Даже если придется сбросить бомбы, мы никогда не забудем, что сделал Центр для прекращения войны.

Брайн подумал было, что Крафт лицемерит, но потом вспомнил рассказы Айджела о культуре Ниджора — очевидно, они действительно превыше всего ставили ненасилие. Ему очень захотелось попасть на Ниджор и поближе познакомиться с этими необычными людьми. Впрочем, сначала надо спасти обе планеты от уничтожения.

Профессор терпеливо ждал.

— Будем надеяться на лучшее… — вымолвил наконец Брайн. — Сегодня я собираюсь посетить Лиг–магта — хочу посмотреть на этого вождя. Но мне нужен какой-нибудь повод для визита. У вас есть с ним связь?

— Практически — нет. В самом начале конфликта я отправил ему передатчик, мы думали, что так будет легче вести переговоры. Но Лигмагт отказался вступить в переговоры: от лица всех магтов Диса он потребовал полной и безоговорочной капитуляции Ниджора. И добавил, что ему не нужен передатчик — ему нужен только ответ, причем только один ответ — да.

— Надо думать, он зря рассчитывает на такой ответ, — заметил Брайн.

— Теперь уже да, — со вздохом подтвердил Крафт. — Надеюсь, вы понимаете… Решение о бомбардировке Диса далось нам нелегко… Многие, в том числе и я сам, голосовали за капитуляцию, но, к сожалению, с перевесом всего в несколько голосов верх взяла иная точка зрения.

Брайн задумчиво посмотрел на экран — такое философское смирение никак не укладывалось у него в голове — и решил не отвлекаться от главного.

— Сколько у вас агентов на планете? И смогут ли они оказать мне помощь в случае необходимости? Я все-таки надеюсь найти бомбы и установку, и тогда мне понадобятся люди для захвата оружия.

— В Хоувстаде у нас не осталось ни одного че-

ловека — те, что были, либо эвакуированы, либо убиты. Сейчас на планете действуют несколько групп командос — они должны прикрывать высадку десанта в том случае, если удастся найти оружие. Поисками занимаются специальные агенты, которых мы регулярно забрасываем на Дис. К сожалению, почти все они погибают, так и не успев ничего найти. Кроме того, есть еще одна группа… — Крафт немного поколебался. — Я полагаю, вы должны знать все. В пустыне, недалеко от города, находится небольшой отряд ниджорцев. Они действуют на свой страх и риск: мы запретили им работать на Дисе, хотя они пользуются поддержкой общественности. Отряд в основном состоит из молодых людей, которые задались целью отыскать оружие магтов, не останавливаясь ни перед чем. Они нападают на крепости, убивают… В общем, это террористы, которым неведомы угрызения совести.

Крафт говорил с явным неодобрением, что было вполне понятно, но Брайна такая новость привела в полный восторг. Он постарался овладеть собой и осторожно сказал:

— Может быть, вы знаете, как их найти?

Крафт чуть улыбнулся.

— Вы можете связаться с ними по радио, я дам

вам частоту. Они называют себя «Ниджорская армия». Думаю, если вы вступите с ними в контакт, никакой беды не случится. Все настолько плохо, что хуже уже быть не может. Наши специалисты провели зондирование коры планеты и в нескольких местах обнаружили следы работы установки джамп–режима — очевидно, дисанцы проводят последние испытания. Мы вынуждены перенести сроки бомбардировки. Мне очень жаль, но в вашем распоряжении осталось всего два дня, — в его взгляде читалось сочувствие. — Я понимаю, как это усложнит вашу задачу, но у нас нет другого выхода.

Брайн на секунду закрыл глаза — ему не хотелось даже думать о потере еще одного драгоценного дня.

— Дисанцы знают об этом? — быстро спросил он.

— Еще нет. Мы приняли решение всего полчаса назад. Сейчас я свяжусь по радио с Лиг–магтом и обо всем ему сообщу.

— Не могли бы вы отменить разговор? Я хочу лично передать ему эту новость.

— Я, конечно, могу… — Крафт ненадолго задумался. — Но для вас это означает верную смерть: магты не колеблясь убивают наших агентов и

всех, кто нам сочувствует. Поэтому я все-таки предпочел бы воспользоваться радио.

— Это спутает мне все карты! — довольно резко заявил Брайн. — Под предлогом спасения моей жизни вы ломаете план операции. Мне кажется, я имею право распоряжаться собственной жизнью?

Профессор Крафт сильно смутился.

— Простите, Бренд, я, право же, не хотел навязывать вам свое мнение. Конечно, вы вольны поступать, как считаете нужным… Я отменю разговор. И мы все желаем вам удачи. Конец связи.

— Конец связи, — машинально повторил Брайн и тут же нажал кнопку интеркома. — Фоссел! Вездеход, хорошего водителя и двух человек, которые умеют держать в руках оружие и знают, что такое приказ. Все должно быть готово через десять минут! Мы приступаем к активным действиям.

Глава 10

— Это самоубийство, — пробормотал высокий охранник.

— Я туда пойду, а не вы, — огрызнулся Брайн. — Поэтому извольте не рассуждать, а лучше повторите приказ.

Охранник отвел взгляд и бесстрастно сказал:

— Вы идете в башню, мы остаемся здесь и ждем. Двигатель не глушить, к машине никого не подпускать, самим из вездехода без команды не выходить. Огонь не открывать ни в коем случае. Если возникнет необходимость, вы отдадите приказ по радио, и тогда мы должны обстрелять замок.

— Будь я проклят, если она не возникнет очень скоро — необходимость эта самая… — сказал второй охранник, передернув затвор тяжелого автоматического пистолета.

— Повторяю, — Брайн холодно посмотрел на охранников. — Без команды не стрелять! Начнете палить раньше времени — пеняйте на себя. Выполняйте приказ и зарубите себе на носу: ваше дело — обеспечить прикрытие и отход, все остальное я сделаю сам. Это моя операция!

Понятно?

Дождавшись, пока они хмуро кивнут, Брайн достал свой пистолет и задумчиво на него посмотрел. Брать или не брать? Глупо, конечно, идти без оружия, — подумал он, проверяя обойму, — но и с оружием идти опасно, да и толку от него в замке будет не много. Брайн положил пистолет на сиденье и еще раз проверил миниатюрный передатчик, приколотый к вороту рубашки — передатчик работал. Тогда он сбросил плащ, распахнул дверцу вездехода и спрыгнул на песок.

Было раннее дисанское утро, но солнце уже немилосердно палило, песок плавился под ногами, горячий воздух обжигал лицо. Вокруг лежала мертвая, безжизненная пустыня, а прямо перед ним высилась крепость — одинокая массивная башня из черного камня, окруженная высокой неровной стеной. Брайн осторожно приблизился, время от времени поглядывая вверх — вдруг что-нибудь шевельнется на изломанном гребне стены. Но там ничего не шевелилось: черная крепость хранила мрачное, угрожающее молчание.

Стараясь не думать о голове директора Мерва, Брайн двинулся вдоль стены на поиски входа. Ему пришлось обойти крепость кругом, но ни

ворот, ни двери нигде не было. Да что там ворота — не было даже никакой дыры или щели в черном, твердом камне. Наконец он нашел место, где стена казалась не такой отвесной и гладкой — при желании здесь можно было вскарабкаться наверх. Судя по осыпавшимся камням, торчащим из стены как ступени огромной лестницы, дисанцы так и поступали, чтобы попасть в крепость. С тоской посмотрев на крутой склон, Брайн сложил ладони у рта и громко крикнул:

— Я пришел к Лиг–магту с посланием от ниджорцев!

Ответа не последовало: мертвую тишину по–прежнему нарушал только скрип песка под ногами да негромкое урчание вездехода. Брайн вздохнул и полез на стену. Восхождение не доставило ему удовольствия: камни шатались, некоторые не выдерживали его веса и скатывались вниз — приходилось все время думать, куда поставить ногу, и в то же время он боролся с искушением посмотреть вверх — не летит ли оттуда что-нибудь тяжелое прямо ему на голову…

Но все обошлось. Брайн добрался до вершины живой и невредимый, если не считать нескольких ссадин и ободранной ладони. Подъем порядком его вымотал, и несколько минут он просто

стоял на широком гребне стены — восстанавливал дыхание, а потом начал осматриваться. Снаружи казалось, что за стеной должен быть маленький внутренний дворик, посреди которого возвышается черная башня. На самом деле все оказалось не так. Стены крепости были стенами башни — ее высокая круглая крыша начиналась в метре от того места, где стоял сейчас Брайн.

В нескольких местах были прорублены дыры, служившие, очевидно, входами в башню. Брайн заглянул в одну из них — там было темно, как в могиле. Бросив последний взгляд на вездеход, похожий с такого расстояния на жука, Брайн пригнулся и нырнул в ближайшую дыру.

Внутренняя архитектура крепости оказалась на редкость причудливой и напоминала видения больного разума. Он очутился в комнате — судя по обстановке, это все-таки была комната — которая больше походила на тюремный коридор: достаточно сказать, что в высоту она была больше, чем в ширину. Неровный пол круто опускался вниз, к центру башни, и там темнела еще одна дыра. Брайн двинулся вперед. Миновав два или три темных коридора и несколько раз повернув, он заметил впереди отблески яркого света и пошел на этот свет. Жилые помещения стали

попадаться чаще. В комнатах он видел обычные предметы дисанского обихода — одежду, пищу, посуду, но нигде ему не встретилось ни одной живой души. Свет впереди становился все сильнее, и наконец широкий коридор вывел Брайна в большой круглый зал.

Он сразу понял, что оказался в самом сердце черного замка. Вся эта странная крепость от фундамента и до крыши, от неприступных стен и до самой маленькой комнаты возводилась с единственной целью — защитить от врага этот огромный зал; и все эти лабиринты коридоров и нескончаемые анфилады перекошенных комнат служили лишь подступами к нему. Зал напоминал усеченный конус: черные стены сужались кверху, но потолка почему-то не было, и яркий солнечный свет лился через круглую дыру.

В центре зала стояла группа людей. Магты! Они смотрели на Брайна и ждали. Краем глаза он успел заметить около стены какие-то ящики, тюки, непонятные механизмы, несколько передатчиков и даже что-то похожее на оружие, но разглядывать это добро не было времени — в центре зала стояли закутанные в плащи магты, и Брайн забыл обо всем…

Наконец-то он встретился лицом к лицу с

врагом и только сейчас понял, как ждал этой минуты. Он пережил смерть Айджела, выдержал страшный переход через пустыню, приспособился к Дису, научился постоянно ждать удара из-за угла, но без этой встречи все остальное было бы напрасно. Вот теперь начинается главная игра!

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове у Брайна, пока он медленно шел через зал. А тем временем тренированные мышцы Победителя непроизвольно напряглись, и он с удовлетворением осознал, что готов увернуться от любого коварного удара или ответить ударом на удар. Но пока ему ничто не угрожало — во всяком случае, ничто не угрожало его жизни.

Надо прощупать их сознание, — подумал Брайн и остановился как вкопанный. Какое сознание? С чего он вообще решил, что перед ним люди? Ни один из них не двинулся, не произнес ни слова… Они так закутаны, что кроме глаз ничего не видно… Глаза! Брайн вдруг увидел их пустые, лишенные всякого выражения глаза, и ему стало жутко. Они смотрели на него, как на пустое место, и он неожиданно понял, что точно так же они будут смотреть, если его будут рвать на куски или жарить живьем на костре. Магтов окружала глухая невидимая стена, сквозь которую не про-

сачивались никакие эмоции.

Но так ведь не бывает! Брайн настроился на глубокое проникновение. Сейчас он должен услышать какие-то желания, стремления, подсознательные страхи — хоть малую часть того эмоционального поля, которое есть у каждого человека и которое иногда называют аурой. Владеющий даром проникновения, хочет он того или нет, всегда ощущает это поле. Примерно так человек листает книгу и, даже не пытаясь прочитать и понять написанное, все равно успевает заметить буквы, слова, какие-то заголовки… Перед Брайном лежала абсолютно чистая книга. Он переворачивал страницу за страницей, но тщетно — магты были пусты, как лист белой бумаги. До него доносились лишь основные нервные импульсы, которые постоянно поддерживают жизнеспособность организма… И больше ничего.

Еще пытаясь почти бессознательно хоть за что-нибудь зацепиться, Брайн уже все понял: либо эти люди полностью лишены чувств и эмоций? (что казалось совершенно невероятным), либо они способны свои чувства, и эмоции экранировать? (что уже и вовсе лежало за пределами разумного).

В зале тем временем ничего не изменилось. Мучительно тянулись секунды, но все так же ни один звук не нарушал томительное молчание, и все так же магты стояли плотной группой в центре зала, глядя на Брайна, и ждали. Они даже не проявляли никакого интереса — просто стояли и молча ждали, пока он объяснит причину своего появления. Первый ход был за Брайном, и он начал партию.

— Кто из вас Лиг–магт? Я пришел говорить с ним, — под сводами огромного зала его голос прозвучал слабо и как-то неуверенно, что Брайну очень не понравилось.

Один из магтов сделал слабое движение, давая понять, что он и есть Лиг–магт. Остальные словно вросли в пол.

— У меня к вам дело, — с расстановкой произнес Брайн, тщательно подбирая слова. Сейчас надо действовать наверняка, любая ошибка неминуемо обернется катастрофой, но, как говорится, знал бы, где упасть… — Я из Центра развития и усовершенствования. Вы наверняка о нас слышали. Час назад я говорил с ниджорцами, и они просили передать вам сообщение.

Магты по–прежнему молчали. Брайну это начало надоедать: он не мог говорить дальше,

не получив ответа, он не знал, что говорить, а гробовое молчание магтов сбивало с толку. Напряжение нарастало. Наконец Лиг–магт заговорил:

— Ниджор сдается.

На минуту Брайн потерял дар речи. Мало того, что абсурдность такой мысли была совершенно очевидна, но Лиг–магт произнес эти два слова так, словно… в общем, он их произнес *никак*. Раньше Брайн никогда не задумывался, как много в речи человека значит интонация — она меняет смысл сказанного, придает словам эмоциональную окраску, выдает настроение говорящего. Лиг–магт мог произнести эти слова с подъемом, и тогда они означали бы ликование и радость: «Победа! Враг сдается!» Он мог сомневаться, и тогда это был бы вопрос: «Они сдаются?» Но ничего такого в его словах не прозвучало, как, впрочем, не прозвучало и никакой другой интонации. Голые слова… Чистый лист бумаги… Все очень просто и очень страшно.

Магты готовы были выслушать только один ответ: «Ниджор сдается». Брайн пришел от ниджорцев, и от него ждут именно этих слов. Стоит сказать что-нибудь другое, и магты потеряют к нему всякий интерес. Хотя, нет… Он посланец

врага, и он принес не тот ответ — значит, он сам враг. И тогда его убьют, не задумываясь.

Придя к столь неутешительному выводу, Брайн еще раз взвесил все «за» и «против» и понял, что отступать некуда — придется ему говорить с этими роботами или кто они там есть на самом деле…

— Вы не сможете победить Ниджор, — он старался говорить как можно убедительней, хотя и знал, что напрасно старается.

Никто из магтов даже не шелохнулся.

— Ниджорцы засекли вашу пусковую установку и приняли решение начать боевые действия на день раньше срока. Вы понимаете, что это значит? Меньше чем через двое суток на Дис упадут сотни водородных бомб, и вы все погибнете — все, до последнего человека.

— Это сообщение, — тем же бесцветным голосом сказал Лиг–магт, и Брайн не сразу сообразил, что ему задают вопрос.

— Да.

Два обстоятельства спасли ему жизнь: во–первых, он все время держался настороже, с самого начала подозревая, что разговор с магтами ничем хорошим не кончится, а, во–вторых, никто не мог застать врасплох Победителя.

Лиг–магт напал мгновенно, меньше секунды понадобилось ему, чтобы из неподвижного изваяния превратиться в атакующую пантеру. Выхватив из-под одежды длинный обоюдоострый нож, он стремительно прыгнул. Лезвие сверкнуло на солнце и со свистом рассекло воздух, но удар не достиг цели, Брайн успел броситься на пол. Мгновенно перевернувшись на спину, он увидел нависшего над собой дисанца и сделал подсечку…

Почти одновременно они вскочили на ноги, и схватка продолжалась. Ловко перебросив оружие из одной руки в другую, Лиг–магт сделал неожиданный выпад и едва не распорол Брайну живот — отбить такой удар мог далеко не каждый. Дисанец сражался яростно и умело, он постоянно атаковал — нож так и мелькал в воздухе — и каждая следующая атака оказывалась опасней предыдущей. Брайн прекрасно понимал, что в обороне он долго не протянет, рано или поздно вооруженный противник одолеет его. Пришло время менять тактику.

Улучив момент, он быстро шагнул под удар, навстречу сверкающей стали, и схватил дисанца за руку. На секунду нож замер в воздухе, потом Брайн ощутил резкую боль — свободной рукой

Лиг–магт ударил его по лицу — но не разжал ладонь, а еще крепче стиснул пальцы на запястье противника, стараясь отвести в сторону смертоносное лезвие. Теперь у него не было другого выхода — теперь все решала сила и выносливость: или он дожмет врага, или наоборот. Брайн знал, что держит в руке свою жизнь, поэтому отчаянно сжимал пальцы, не обращая внимания на удары, и лишь старался защитить глаза от острых когтей Лиг–магта. Несколько раз ему не удалось увернуться, по лицу уже текла кровь, но сейчас это не имело значения, сейчас его волновало только одно — не отпустить руку…

Наконец Брайну удалось и второй рукой вцепиться дисанцу в запястье — теперь они стояли лицом к лицу, и оба тяжело дышали. Капюшон слетел с головы Лиг–магта, и холодные, пустые глаза пронизывали Брайна насквозь, но бесстрастное лицо дисанца напоминало восковую маску, лишенную какого-либо выражения — даже сильная боль ничего не меняла в его резких чертах.

Удача медленно, но верно склонялась на сторону Брайна. Навалившись всем своим весом на противника и выкручивая ему руку, он ждал, когда же нож выпадет из ослабевших пальцев

Лиг–магта, но дисанец упорно не выпускал оружие, и тут Брайн с ужасом понял, что он не сделает этого, пока жив. Раздался отвратительный хруст ломающейся кости, Лиг–магт чуть дернулся, Брайн отпустил его руку, и она безжизненно повисла вдоль тела.

На лице дисанца не дрогнул ни один мускул — он рванулся, пытаясь высвободить другую руку, чтобы перехватить нож и продолжать бой. Ударом ноги выбив оружие и отшвырнув его далеко в сторону, Брайн расслабился и тут же пропустил сильный удар в пах — Лиг–магт продолжал сражаться, как будто ничего не случилось.

— Прекратите! — крикнул Брайн, отступая. — Вы все равно не сможете победить. Это безумие! Остановите его!

Он обращался к остальным магтам, которые равнодушно следили за поединком, но никто ему не ответил и никто не двинулся с места. Похолодев внутри, Брайн вдруг осознал, что бой может кончиться только смертью одного из них. Лиг–магт абсолютно не дорожил собственной жизнью, и точно так же не дорожил он жизнью тех людей, которых убивал, и судьба всей планеты тоже была ему безразлична. Он будет нападать снова и снова, и только смерть остановит его.

На секунду перед Брайном мелькнуло жуткое видение: дисанец, весь в крови, со сломанными руками и ногами, ползет к нему, чтобы зубами вцепиться в горло.

Выбора не оставалось. Никогда раньше он не применял этот прием на деле, лишь на тренировках иногда разбивал короткими точными ударами толстые доски. Брайн предельно сконцентрировался, собрав всю свою энергию на кончиках пальцев, и сделал обманный выпад. Пытаясь парировать, Лиг–магт раскрылся — под одеждой хорошо угадывалась точка, которую следовало поразить — главный нервный узел.

Брайн ударил. Он знал, что это смертельный удар — его ладонь глубоко погрузилась в тело противника, и мощный всплеск энергии в долю секунды загасил жизнь. Лиг–магт сложился пополам и рухнул на пол.

Глава 11

Стоя над мертвым дисанцем, Брайн глядел на неподвижных магтов и пытался представить, что будет дальше. Хорошо, с одним покончено. Но эта передышка ненадолго, скоро они опомнятся и тогда… Зря я не взял пистолет, — подумал он. Впрочем, что уж теперь! Что же делать?

Дисанцы молча смотрели на него, но нападать пока не собирались. А ведь они не знают, что Лиг–магт мертв, — осенило Брайна. Ждут, когда он встанет и продолжит бой. Пожалуй, на этом можно сыграть.

— Лиг–магт потерял сознание, но он скоро очнется, — громко произнес он, указывая на распростертое тело.

Магты как по команде посмотрели в сторону мертвеца, и Брайн медленно попятился к выходу.

— Я не хотел причинить ему вреда, он сам виноват! Он не стал слушать меня! А теперь я хочу кое-что показать вам!.. — он пытался отвлечь их внимание, заговорить зубы и плел первое, что приходило в голову.

Продолжая сыпать словами и поправляя на хо-

ду одежду, он прошел через весь зал и был уже почти у цели, когда дисанцы наконец опомнились. Один из магтов наклонился над неподвижным телом и чуть к нему притронулся.

— Мертв! — прозвучало в наступившей тишине.

Брайн не стал дожидаться, пока магты перейдут к активным действиям — он метнулся к выходу и нырнул в темный коридор. За его спиной в стену ударилось несколько ножей, краем глаза он заметил, как один из магтов подносит к губам духовое ружье, но тут коридор резко повернул, и Брайн помчался вверх по крутой лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Его преследовала безмолвная вооруженная толпа — будто сама смерть шла по пятам и дышала в затылок. Он не мог остановить погоню или сбить ее со следа, и оставалось только бежать изо всех сил, надеясь на свои ноги и на удачу. Достаточно споткнуться — и конец.

Вскоре Брайн понял, что этой гонки ему не выиграть: враги настигали, и он был, можно сказать, обречен. Впереди отделилась от стены какая-то фигура, и тускло блеснуло лезвие — женщина с ножом в руке загородила ему дорогу. Она тоже хотела убить Брайна, но допустила ошибку,

слишком рано выскочив в коридор, и тем самым спасла ему жизнь. Легко увернувшись от удара, Брайн схватил женщину за руку и рванул на себя, она выронила нож и тихо вскрикнула — первый человеческий звук, услышанный им в замке. Преследователи были уже совсем близко, и он сильно толкнул женщину прямо на них — передние упали, задние, налетев на упавших, тоже повалились на пол, а Брайн помчался наверх, выигрывая такие драгоценные сейчас минуты.

На гребне стены его ждал вооруженный магт.

Долго не думая, Брайн включил передатчик на воротнике:

— Тревога! Можете стрелять!..

Охранники, похоже, только этого и ждали — его последние слова слились с грохотом выстрелов. Прошитый крупнокалиберными пулями дисанец упал. Брайн перепрыгнул через него и бросился к спуску со стены, прокричав на бегу в микрофон:

— Я спускаюсь. Не стреляйте пока!

Охранники, очевидно, уже пристрелялись и, пропустив его, обрушили на стену шквал огня — кругом свистели пули и осколки камней. Брайн быстро спускался, думая только о том, чтобы не сорваться случайно с этой чертовой стены. Сквозь грохот выстрелов доносился звук рабо-

тающего мотора вездехода, и сейчас он звучал лучше всякой музыки. Войдя во вкус, охранники с упоением палили по крепости.

— Прекратить огонь! — приказал Брайн, скатившись на землю.

Водитель хорошо знал свое дело — вездеход оказался у подножия стены одновременно с Брайном, а едва он протиснулся в дверцу, машина развернулась в облаке пыли и на предельной скорости понеслась в сторону города.

Высокий охранник осторожно вытащил из одежды Брайна короткую деревянную стрелу и брезгливо выбросил ее за окно.

— Хорошо, что эта штука вас не задела. Они пропитывают свои стрелы для духовых ружей ядом, и смерть наступает почти мгновенно. Еще чуть–чуть и вам не жить. Легко отделались.

Легко отделался! Только теперь Брайн начал понимать, что ему просто сказочно повезло: он ушел оттуда живым, да еще узнал много нового о магтах. Да, он много узнал, и сейчас поход в башню в одиночку, без оружия представлялся ему безумной авантюрой. Сумасшествие!

Он уцелел благодаря искусству бойца и везению, но все-таки больше благодаря везению. В крепость его привело любопытство, а вывели

оттуда дерзость и резвые ноги.

Избитый, окровавленный, утомленный, Брайн чувствовал себя почти счастливым. Все, что он сегодня увидел и пережил, хорошо укладывалось в его гипотезу о природе самоубийственных устремлений дисанцев, и постепенно вырисовывалась довольно четкая картина…

Брайн откинулся на сиденье и тут же подпрыгнул как ужаленный, руку пронзила острая боль, и он потерял мысль. Ножевая рана, которую он даже не заметил в суматохе погони, оказалась длинной, но не глубокой — ее быстро обработали и наложили повязку. Заметив, что в машине довольно прохладно — кондиционер работал на полную мощность, — Брайн поспешно натянул плащ.

Никто их не преследовал, а когда черная башня скрылась из виду, охранники совсем расслабились и принялись чистить оружие, прикидывая при этом, кто уложил больше магтов в сегодняшнем бою. Вся их враждебность и настороженность по отношению к Брайну разом исчезли, они улыбались ему и не скрывали своей радости — впервые с начала операции им дали возможность ответить выстрелом на удар, как и подобает мужчине.

Брайн мог быть доволен. Вылазка не прошла даром: его гипотеза обросла фактами и на глазах превращалась в стройную теорию. Теория получалась достаточно радикальная, но она все объясняла; Брайн придирчиво искал какие-нибудь несоответствия и не находил их. Через некоторое время он пришел к выводу, что теорию надо проверить, не откладывая это дело в долгий ящик — пусть специалист либо подтвердит его выводы, либо опровергнет их. На Дисе Брайн знал только одного такого специалиста…

…Леа работала в лаборатории. Когда он вошел, она как раз склонилась над микроскопом, на смотровом столе лежало что-то бесформенное.

Заслышав шаги, Леа подняла голову и, увидев Брайна, тепло улыбнулась ему, как старому знакомому. Тяготы последних суток оставили отпечаток на ее лице: кожа потемнела от загара, местами потрескалась или шелушилась.

— Я, наверное, ужасно выгляжу, — сказала она, сжав виски ладонями. — Похожа, должно быть, на недожаренный ростбиф. — Внезапно она взяла его за руку и тихо сказала: — Спасибо, Брайн…

Леа родилась и выросла на Земле, где люди давно избавились от всякого рода условностей. Они могли спокойно обсуждать любые, самые

щекотливые проблемы и не испытывали при этом смущения или неловкости. Такой стиль общения часто помогает в жизни, но когда нужно поблагодарить человека, спасшего тебе жизнь, возникают некоторые затруднения. Почему-то получается очень похоже на монолог из плохой исторической пьесы.

Наверное, поэтому Леа замолкла на полуслове, но Брайн слышал не только слова, он слышал больше и знал, какие чувства она испытывает. Он ничего не ответил, только ненадолго задержал ее руку в своей.

— Как вы себя чувствуете? — Брайну было немного стыдно, ведь именно он настоял, чтобы девушка принималась за работу, не закончив лечение.

— По всем законам биологии должна чувствовать себя ужасно, — ответила она, слабо улыбаясь, — но почему-то хочется летать. Они так напичкали меня лекарствами, что я собственного веса не чувствую — будто в воздухе паришь. Спасибо, что вытащили меня из клиники и разрешили поработать.

Брайн ответил, что уже сожалеет об этом.

— И не думайте! У меня уже ничего не болит. Честно. Иногда только голова немного кружится,

и больше ничего. А тут такая работа! Вы даже представить себе не можете, как это все интересно… Ради этого стоило печься на солнце и ползать по пескам. — Она склонилась к микроскопу и подкрутила винт. — Бедный Айджел был совершенно прав, помните, он говорил, что для экзобиолога Дис — земля обетованная. Вот посмотрите… У этой водоросли такие глубокие паразитические изменения, что…

— Я тут подумал, — прервал Брайн ее восторженную лекцию из жизни паразитов. — Помнится мне, Айджел выражал такую надежду, что вы будете изучать и туземцев, а не только окружающую их среду. Причина всего происходящего кроется в дисанцах, а не в местных водорослях.

— А я чем, по–вашему, занимаюсь? Но дисанцы так тесно связаны с местными формами жизни, что изучать их самих по себе не имеет никакого смысла. Да и сомневаюсь я, что мы найдем серьезные физические изменения. Уж не больше, чем у этой водоросли. А вот в области психики могли произойти любые сдвиги — они же приспосабливались к таким чуждым человеку условиям. Очень может быть, что стремление к самоубийству — одно из следствий изменения психики.

— Может, вы и правы, но я думаю иначе. Этим

утром я предпринял небольшую экспедицию и обнаружил кое-что интересное.

Только сейчас Леа обратила внимание на его синяки, до этого она была слишком увлечена работой.

— Я наносил визит, — упредил ее вопрос Брайн. — Всю эту суматоху с войной устроили магты — своего рода правители Диса — вот я и решил взглянуть на них поближе, прежде чем принимать решение. Наша встреча не была теплой, но я нашел, что искал… Они полностью отличаются от нормальных дисанцев, с какой стороны ни посмотри. У меня было с кем сравнивать, до этого я немного общался с Ульвом — это туземец, который спас нас в пустыне. Он, конечно, во многих отношениях не такой, как мы с вами, да он и не может быть таким же, живя в этой печке, но он — человек, в этом я уверен. Он дал нам воду, потом привел помощь, в конце концов, я с ним разговаривал, и мы понимали друг друга, пусть и не с полуслова. Магты — полная противоположность. Банда хладнокровных убийц, и только! Не успел я с ними заговорить, как они попытались убить меня, причем совершенно без причины. От остальных дисанцев они отличаются всем: одеждой, привычками, образом жизни и самое

главное — полным отсутствием эмоций. Они не испытывают страха, любви, гнева — они вообще ничего не испытывают, как медузы. Каждый из них — это сумма химических реакций, и больше ничего.

— А вы не преувеличиваете? Можно ведь научиться скрывать свои эмоции…

— Можно, но не так, как они. Так — нельзя. Сейчас некогда все объяснять, и вам придется принять мои слова на веру. Даже перед смертью они не испытывают ни страха, ни ненависти. Я понимаю, что верится с трудом, но это правда.

Леа помотала головой, словно пытаясь избавиться от наваждения.

— Вы меня простите, я какая-то тупая сегодня. Отсутствие у магтов эмоциональных реакций объясняет их тягу к самоубийственной войне, тут все понятно. Но ведь такая гипотеза порождает вопросов больше, чем разрешает. Начать с того, что человек вообще не может жить без эмоций.

— Верно. *Человек н*е может. А я считаю, что магты вовсе не люди. Может, они — пришельцы, может, роботы или андроиды — кто угодно, только не люди. Я думаю, они даже не гуманоиды.

Леа звонко рассмеялась, но сразу же осеклась, посмотрев на Брайна.

— Вы это серьезно?

— Мне сейчас не до шуток. Я вас понимаю — больно уж смахивает на бред, но, с другой стороны — это самое логичное объяснение. Давайте обратимся к фактам. Прежде всего, магты совершенно равнодушны к смерти. Разве это нормально?

— Нет, конечно, но при чем здесь пришельцы и роботы? Да я вам найду сотню естественных причин. Может, магты стали такими в результате длительных мутаций, или, например, они страдают неизвестным генетическим заболеванием.

— Как-то у меня все это не укладывается в голове! Что же это за люди такие, для которых нет разницы — жить или умереть? Ну ладно, бог с ней, со смертью, но есть ведь и другие странности. Что вы скажете насчет полного отсутствия эмоций? А их манера одеваться? Обычный дисанец не носит ничего, кроме набедренной повязки, а магты закутаны в плащи с головы до ног. А эта таинственность? Они живут в укрепленных замках и поодиночке никогда оттуда не выходят. Мертвых своих хоронят неизвестно где… Это уже не просто другой класс или другая каста. Это — народ, другая раса.

— Хорошо. Допустим на минуту, что так оно все

и есть. Сразу же возникает вопрос: откуда они взялись и почему о них до сих пор никто не знает?

— Это как раз просто. Скажем, они прилетели сюда после Перелома и смешались с колонистами, которым тогда, сами понимаете, было не до пришельцев. Очень скоро магты захватили власть на планете, и быстро сообразили, что им надо держаться обособленно, чтобы никто ничего не пронюхал.

— Но кому нужна власть в этой пустыне? И почему они так старательно маскируются? Если уж им на смерть наплевать, то на мнение окружающих и подавно! А зачем они сюда прилетели? И почему остались?

— Сдаюсь! — Брайн развел руками. — У меня нет ответов и на половину ваших вопросов. Я просто стараюсь увязать между собой все факты. А факты просты: магты — существа, ничего общего с людьми не имеющие, этакие мерзкие твари из ночного кошмара. Боюсь, они еще явятся мне во сне, если только эти два дня вообще придется спать. Впрочем, все это довольно неконкретно, а нам сейчас нужна ясность.

— Тогда действуйте! Дайте мне труп, и я вам через полчаса скажу, человек это или нет. Я, конечно, не призываю вас к убийству — можете

выкопать парочку магтов из могилы, — и, давая понять, что разговор ей больше неинтересен, Леа вернулась к микроскопу.

Брайн знал, что она права: этот гордиев узел надо разрубить во что бы то ни стало. Только какие уж здесь могилы! Опять придется убивать, — с отвращением подумал он. Впрочем, сейчас сантименты были неуместны — до начала войны оставалось тридцать шесть часов. Значит, придется убивать!

Он задумчиво посмотрел на Леа, и мысли о смерти и убийстве легко уступили место мыслям о жизни и красоте. Брайн с удовольствием оглядел ее стройную фигуру, и ему вдруг захотелось обнять девушку…

Засунув руки поглубже в карманы, он быстро направился к двери.

— Бросайте эти водоросли, все равно от них проку никакого, — сказал он на ходу. — Лучше отдохните пока. А я попробую достать вам образец поинтересней.

— Я все-таки начну с водорослей, — ответила Леа, не поднимая головы.

Центр связи находился на третьем этаже штаб–квартиры. Дежурный радист, развалившись на стуле и задрав ноги на стол, лениво жевал

огромный сэндвич. При виде нового директора он торопливо попытался нахлобучить на голову наушники, чуть не упав при этом со стула.

— Можете оставаться в прежней позе, — заметил Брайн, — меня это не шокирует. И не суетитесь так, а то сломаете аппаратуру, и мне придется вас расстрелять. Мне нужна связь на этой частоте, — он протянул радисту листок бумаги.

Это была частота, на которой работал передатчик террористов из подпольной «Ниджорской армии».

Радист с минуту щелкал переключателями, потом протянул Брайну микрофон.

— Говорит Бренд, директор группы ЦРУ на Дисе. Вызываю «Ниджорскую армию». Прием!

Ему пришлось повторить вызов раз десять. Наконец эфир ожил.

— Что вам надо? — довольно нелюбезно спросил кто-то.

— У меня для вас важное сообщение. Хотите узнать подробности прямо сейчас?

— Нет. Мы найдем вас после наступления темноты. Ждите.

Брайн мрачно посмотрел на передатчик. До начала войны оставалось всего тридцать пять

часов, а ему опять приходится ждать…

Глава 12

На своем столе Брайн обнаружил две аккуратные папки с бумагами. Он собрался быстро их просмотреть, но тут почувствовал, что в кабинете довольно холодно. Холод нагнетал включенный на полную мощность кондиционер. Регулятор температуры исчез, а на его месте красовалась намертво приваренная стальная пластина. Кто-то неплохо подшутил над новым директором, и в другой раз Брайн сам бы с удовольствием посмеялся, но все же было очень холодно. Пластину удалось оторвать со второй попытки, после чего Брайн внимательно изучил агрегат и отсоединил большой красный провод — кондиционер дико взвыл и отключился.

Весьма довольный собой, Брайн повернулся и увидел на пороге Фоссела с кипой папок в руках — заместитель смотрел на него, как на диковинное животное.

— Что в этой папке? — спросил Брайн, садясь в кресло.

Фоссел опомнился и положил папки на стол.

— Доклады всех групп: подробные наблюдения, выводы, рекомендации…

— А вот в этой?

— Корреспонденция, деловая переписка, статистические отчеты. — Фоссел подровнял пирамиду из папок. — Ну, еще ежедневные рапорты, журнал госпиталя… — он замер с открытым ртом, увидев, как Брайн небрежным движением смахнул все документы в корзину для бумаг.

— Иными словами, канцелярия. Что ж, с этим покончено.

Когда Фоссел, как всегда шокированный поведением нового директора, ушел, Брайн просмотрел на всякий случай отчеты наблюдателей и один за другим отправил их в корзину. Ничего полезного. Он, впрочем, особенно и не надеялся: в Центре работали узкие специалисты, им не хватало системного подхода.

Небо за окном потемнело, и Брайн приказал охране у ворот впустить любого, кто будет спрашивать директора. Время тянулось медленно… Сначала Брайн изнывал от безделья, потом начал звереть: ожидание изматывало хуже самой тяжелой работы. Наконец он не выдержал и решил пойти в лабораторию — может, Леа на что-нибудь наткнулась в своих поисках.

Дверь в лабораторию поддалась с трудом. Леа на месте не оказалось, микроскоп был аккурат-

но зачехлен. Ужинает, наверное, — подумал Брайн, — а может, в госпитале опять.

Госпиталь располагался этажом ниже.

— Конечно, она здесь, — заявил доктор Стайн. — Где же еще быть девушке в ее состоянии? Я думаю, на сегодня с нее хватит, пусть спит. Завтра тяжелый день, а чтобы хорошо работать, человеку надо иногда отдыхать. Сегодня всем надо отдохнуть, сотрудники буквально валятся с ног.

— Завтра целый мир может свалиться с ног. Как состояние Леа?

— Если вспомнить, что она перенесла, то отличное. Можете сами посмотреть, а меня, простите, ждут другие пациенты.

— Доктор, вы чем-то обеспокоены?

— Конечно. Вы что, думаете, я не боюсь? Боюсь, точно так же, как и все остальные. Мы сидим на бочке с порохом, запал вовсю дымится… Я не собираюсь дезертировать и готов работать до конца, но я буду чертовски рад, когда нас наконец вывезут отсюда. Мне дороже всего на свете моя собственная шкура, да и остальным тоже, если хотите знать! Ничего не поделаешь, надо смотреть правде в лицо.

— Я так и делаю, — пробормотал Брайн, провожая доктора глазами.

Слабый лунный свет пробивался сквозь неплотно занавешенное окно в палате Леа. Брайн вошел тихо и, осторожно притворив за собой дверь, приблизился к кровати.

Леа спала… Дыхание ее было ровным и спокойным: ночной сон — лучшее на свете лекарство от переутомления.

Следовало уйти, но вместо этого Брайн сел в кресло рядом с кроватью. Охрана знала, где его искать, и он вполне мог немного посидеть здесь, наслаждаясь минутами покоя, такого неестественного в этом мире, стоящем на краю гибели. Редкий подарок судьбы и тем более ценный сейчас, когда напряжение достигло предела.

В нежном свете дисанской луны лицо Леа казалось удивительно красивым. Повинуясь внезапному импульсу, Брайн бережно взял ее за руку и ощутил умиротворение и полное согласие с миром. На несколько секунд он слился с огромной Вселенной, почувствовал себя частицей космоса, отринул мысли о смерти и разрушении…

Взглянув на Леа, он увидел, что девушка уже не спит — глаза ее были открыты. Когда же она проснулась? Он смутился и убрал руки.

— Хозяин интересуется, готовы ли его рабы к завтрашнему труду?

Подобные замечания Леа отпускала направо и налево, но на этот раз в ее словах не было обычной язвительности. И она улыбалась. Впрочем, Брайн хорошо запомнил ее многочисленные высказывания насчет всякой деревенщины с Анвара или откуда там еще, которая возомнила о себе… Он прекрасно отдавал себе отчет, что это здесь он — директор, а на Древней Земле — чурбан неотесанный, и больше ничего.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, злясь на себя за дурацкий, банальный вопрос.

— Ужасно! Наверное, до утра не дотяну. Дайте мне, пожалуйста, яблоко вон из той вазы, а то у меня во рту словно кошки ночевали. Хорошо, что здесь есть свежие фрукты. Вероятно, это гуманитарная помощь от убийц–гуманистов с Ниджора.

Она взяла яблоко и, откусив кусочек, спросила:

— Вам никогда не хотелось побывать на Земле?

— Никогда. Правда, еще несколько месяцев назад я даже Анвар покидать не собирался. Я участвовал в Играх, а у нас это самое значительное событие в жизни человека и…

— Только избавьте меня от Игр! Вы с Айджелом мне уже на корабле все уши прожужжали этими Играми. Вас послушать, так в мире больше нет

ничего стоящего. Лучше расскажите мне об Анваре. У вас там есть большие города, как на Земле?

— У нас городов вообще нет, только небольшие поселки около университетов или обрабатывающих заводов. На Анваре очень малочисленное население.

— А экзобиологи там есть? — спросила Леа, демонстрируя извечную женскую способность в любом разговоре отыскать личный интерес.

— Может быть, в университетах, хотя точно не знаю. А городов у нас нет, ни больших, ни маленьких. Наше общество организовано иначе: у каждого человека есть семья и определенный круг друзей. Это основа всего, причем друзья всегда стоят на первом месте, потому что семья обычно распадается вскоре после рождения ребенка, а часто и раньше. Что-то в нас есть такое… мне кажется, мы просто любим одиночество.

— Интересно, — заметила Леа, откусывая еще кусок яблока. — Если так пойдет дальше, вы и вовсе вымрете. Насколько я понимаю, для продолжения рода необходима некоторая близость.

— Ну… существуют определенные формы контроля. У каждого анварца высоко развито чувство личной ответственности перед обществом. Мы очень серьезно относимся к таким вещам и

хорошо понимаем, что на этом держится наш образ жизни. Индивидуумы сходятся в основном случайно, и тогда уже возникают необходимые отношения.

— Или это на меня лекарства так подействовали, или вы никак не можете выговорить нужное слово, но я вас что-то плохо понимаю, — заявила Леа. — Вы все время чего-то не договариваете. Ради бога, возьмите двух отвлеченных индивидов и расскажите, что же с ними происходит.

Брайн глубоко вздохнул.

— Ну, хорошо… Скажем, я только что закончил учебу в колледже или в университете и теперь живу с родителями в большом доме у самых гор. Летом я присматриваю за садом, а зимой полностью принадлежу себе. Я катаюсь на лыжах, путешествую по горам, готовлюсь к Играм. Иногда отправляюсь в гости к друзьям, иногда они навещают меня — правда, нечасто, потому что на Анваре люди живут довольно далеко друг от друга. Двери наших домов всегда открыты: вы должны принять любого гостя, но и сами можете прийти в любой дом без всяких приглашений. Кто бы ни пришел — мужчина, женщина, один человек или целая компания — им всегда будут рады.

— Какая же тогда должна быть жизнь у молодой девушки! Наверное, ей все время приходится сидеть одной дома и умирать со скуки.

— Совершенно не обязательно. Она может путешествовать — везде ее радушно примут, как и всякого другого на ее месте. Мне кажется, такого обычая нет нигде в галактике, и на Земле нас просто бы засмеяли, но у нас платоническая дружба между мужчиной и женщиной — очень распространенное явление.

— Скука какая! Если вы все такие сдержанные, то откуда же берутся дети?

Брайн почувствовал, что краснеет. Ему показалось, что Леа специально его дразнит.

— Оттуда, откуда и везде! Но мы не просто удовлетворяем свои инстинкты, как кролики. У нас женщина всегда выбирает того, за кого хочет выйти замуж.

— Ваших женщин только брак интересует?

— Ну почему же? И брак, и… все остальное тоже. Но у нас на Анваре очень остро стоит проблема рождаемости: не все браки дают полноценное потомство, велик процент выкидышей, широко практикуется искусственное оплодотворение, потому что далеко не все могут завести ребенка обычным путем. Никого это не шокирует, но

большинство женщин хотят иметь детей именно от своего мужа. А проверить будущего мужа можно только одним способом…

В глазах Леа появился живой интерес.

— Вы хотите сказать, что ваши девушки еще до свадьбы проверяют, может ли мужчина быть отцом?

— Да, именно так. Иначе, как вы говорите, мы бы все давно вымерли. На Анваре выбор принадлежит женщине. Если мужчина ее интересует, она прямо говорит ему об этом, а если не говорит, мужчина никогда не сделает предложения сам. Я знаю, что это сильно отличается от нравов других планет, но нас такое положение вполне устраивает.

— На Земле все наоборот. — Леа выбросила огрызок и изящно облизала кончики пальцев. — Наверное, вам Земля показалась бы жутким притоном. На планете живет очень много народу. Контроль за рождаемостью установили слишком поздно, и он до сих пор встречает сильное сопротивление — у нас еще достаточно людей, исповедующих архаичные религии. Земля перенаселена — перенаселена сверх всякой меры. Мужчины, женщины, дети, куда ни глянешь — кипящая толпа без конца и края. И все занима-

ются любовью. Женщины готовы выслушивать самую оскорбительную лесть, а мужчины всегда агрессивны. Правда, до физического насилия дело доходит не часто, но постоянно чувствуешь за спиной чье-то горячее дыхание. У девушки должны быть наготове острые когти…

— Что должно быть?

— Это просто такое выражение, Брайн. Проще говоря, девушка все время должна быть настороже, если не хочет слишком часто ложиться в постель.

— Это… — Брайн долго подыскивал подходящее слово, — отвратительно! — наконец сказал он, не придумав ничего лучше.

— У вас другие нравы. А мы, к сожалению, настолько привыкли, что уже почитаем это за норму. С точки зрения… — Леа вдруг замолчала и пристально на него посмотрела, глаза ее расширились. — Дура я! Вы ведь говорили обо мне!

— Пожалуйста, Леа… вы не должны…

— Я все поняла, — она радостно засмеялась. — Я считала вас невоспитанным, бездушным занудой, а вы, оказывается, милый и обходительный человек, просто в лучших анварских традициях вы ждали знака от меня. Мы и дальше бы играли по разным правилам, не окажись у вас достаточ-

но здравого смысла, чтобы откровенно ответить на мои вопросы. А я-то, дура, считала вас законченным холостяком с жуткой ледяной планеты!

Она нежно погладила его по волосам — ей уже давно хотелось это сделать.

— Я не мог вести себя по–другому, — ответил Брайн. — Как я мог вас оскорбить? А обычаев вашей планеты я не знал.

— Что ж, теперь знаете, — мягко сказала Леа. — У нас мужчина выбирает и делает первый шаг. Хотя мне кажется, что ваш обычай лучше. Я только еще не разобралась в деталях. Каким образом я должна сказать, что вы мне очень нравитесь? Вы — настоящий мужчина, я таких нигде не встречала. Сейчас, конечно, не время говорить о браке, но я хотела бы…

Не дав ей договорить, Брайн обнял девушку, и их губы слились в поцелуе.

— Тише… — прошептала она, — мне больно…

Глава 13

— Он отказывается входить, господин директор. Стоит у ворот и твердит, как попугай: «Передайте директору Бренду, что я хочу его видеть.».

— Хорошо. — Брайн взял пистолет и положил в карман запасные обоймы. — Я сейчас уйду и вернусь только утром, пусть к этому времени приготовят вездеход.

На улице было очень темно — кто-то старательно разбил все фонари в радиусе ста метров — но в слабом свете луны Брайн разглядел темные очертания легкого вездехода.

— Брайн Бренд? — послышалось из машины. — Садитесь.

Как только он захлопнул дверцу, мотор взревел, вездеход лихо пронесся по пустым улицам ночного города и вырвался на простор пустыни. Водитель погнал машину еще быстрее, но фары так и не включил, и было совершенно непонятно, как он отыскивает дорогу в полной темноте. Вскоре начался подъем, а когда они достигли вершины холма, вездеход остановился.

Щелкнул выключатель, и в кабине зажегся свет. Брайн увидел ястребиный профиль своего

молчаливого попутчика, потом заметил, что он мал ростом. Очевидно, родовая травма или какая-то трагическая случайность сильно искалечила этого человека, согнув ему позвоночник и на всю жизнь наградив большим горбом. Брайн впервые видел такое и про себя подивился, как вообще удалось медикам сохранить эту жизнь.

— Удосужились ли эти мудрецы с Ниджора сообщить вам, что они на день приблизили крайний срок? — с горечью в голосе спросил незнакомец и добавил: — Этот мир стремительно катится в преисподнюю.

— Да, я знаю. Поэтому и обратился к вам за помощью. Время уходит…

Горбун пробурчал в ответ что-то нечленораздельное и уткнулся в экран радара — он проверял, нет ли за ними слежки.

— Куда мы едем? — спросил Брайн.

— В наш лагерь, тут недалеко. Завтра вся планета провалится в тартарары, поэтому я смело могу сказать вам, что это наш единственный лагерь на Дисе. Там сейчас все наши люди, оружие, вездеходы. Хис, наш командир, тоже там. И завтра все погибнет, вместе с этой проклятой планетой. Так какое у вас к нам дело?

— Об этом я буду говорить только с Хисом.

— Как хотите. — Горбун завел мотор, и вездеход тронулся с места. — Только имейте в виду, мы все добровольцы, и друг от друга у нас секретов нет. Секреты у нас только от дураков, которые хотят уничтожить этот мир, — в его голосе вновь послышалась горечь. — Это же надо, принять решение об убийстве миллионов людей!

— Они о вас не лучшего мнения, — заметил Брайн. — Называют вас армией террористов.

— А мы и есть армия! И ведем здесь войну. А эти доморощенные идеалисты на Ниджоре… Поддержи они нас с самого начала, мы бы успели вскрыть все черные замки, обыскали бы каждый закоулок, но нашли бы бомбы. Так ведь нет! Как же можно?! Это, видите ли, насилие!.. А теперь погибнут все.

Он замолчал и напряженно уставился на приборы.

— Но еще не все потеряно, — сказал Брайн. — У нас впереди целый день, а я, кажется, нашел способ остановить войну.

— Вы директор группы ЦРУ, верно? Ну и что вы сможете сделать вместе со своим Центром, когда вам на голову посыплются бомбы?

— Тогда — ничего, но сейчас я сделаю все, чтобы до этого не дошло. А если вы хотите меня оскор-

бить, то зря стараетесь — у меня высокий порог раздражительности.

Горбун хмыкнул, но ничего не сказал. Вездеход потрясывало на камнях. Несколько минут они молчали, потом ниджорец спросил:

— Что вам надо?

— Мне нужен магт, — немедленно откликнулся Брайн. — Живой или мертвый — неважно. У вас случайно не завалялось подходящего трупа?

— Нет. Мы обычно нападаем на их башни, но они забирают всех своих раненых и даже убитых. А зачем вам труп? Покойник ничего не расскажет ни о бомбах, ни об установке.

— Не вижу необходимости объяснять вам это, раз вы не командир. Впрочем, вы ведь Хис, не так ли?

Горбун раздраженно что-то проворчал и опять замолк. Наконец он спросил:

— С чего вы взяли?

— Интуиция. Сразу видно, что вам не часто приходится водить вездеход. Конечно, ваша армия может вся состоять из генералов, но мне что-то не верится. Кроме того, я прекрасно знаю, как дорога сейчас каждая минута и каждый человек. Вряд ли разумный командир стал бы на целый час занимать вездеход с водителем лишь для того,

чтобы привезти меня в лагерь. А вот отправиться за мной лично — это другое дело. По дороге можно присмотреться к директору ЦРУ и составить себе определенное мнение об этом человеке. Мне кажется, вы уже приняли решение. Я прав?

— Да… я — Хис. Но вы не ответили на мой вопрос. Зачем вам труп?

— А мы его вскроем и внимательно посмотрим, что там внутри. У меня есть такое подозрение, что магты — не люди. Они живут среди людей, выдают себя за людей, но они не люди.

— Пришельцы что ли?

— Не исключено. Вскрытие покажет.

— Вы или глупы, или некомпетентны, — резко сказал Хис. — У вас, должно быть, мозги поджарились на дисанском солнышке. Я в этом балагане участвовать не буду!

— Послушайте, какого черта вы упрямитесь?! Через день планета погибнет. Вы можете этому помешать? Я предлагаю попробовать, и вы не имеете права отказываться, потому что это последний шанс. Если вы искренне хотите спасти Дис, вы должны мне помочь. Если откажетесь — значит, вы заодно с убийцами, и сам — убийца. Решайте.

Хис долго не думал.

— Вы получите труп. Я в ваши бредни не верю, но не вижу ничего плохого, если в этом мире станет одним магтом меньше. Слушайте меня внимательно. Сегодня последняя ночь, и я всех своих людей отправил в рейды. До утра мы атакуем столько замков, сколько успеем — остается еще слабая надежда, что наткнемся на оружие. Конечно, это все равно, что палить наугад в темноту, но больше мы ничего сделать не можем. Все группы уже ушли, а мой отряд ждет, пока я вернусь. Можете присоединиться к нам. Я собираюсь напасть на небольшую крепость — мы уже побывали там как-то раз и захватили много оружия. Эти тупицы вполне могут посчитать, что во второй раз мы туда не сунемся. Иногда мне кажется, что у магтов полностью отсутствует воображение.

— Вы даже не представляете, как вы близки к истине.

Вездеход медленно приблизился к большой черной скале. На приборной доске загорелась красная лампочка, и Хис резко затормозил. Выйдя из машины, Брайн споткнулся о какой-то камень.

Внезапно в глаза ударил яркий свет, Брайн зажмурился. Под самой скалой стояли три мощных

открытых вездехода. От посторонних глаз их скрывало поле переносного поглотителя энергии, которое не пропускало никакое излучение ни в ту, ни в другую сторону. В машинах сидели люди, они негромко переговаривались и чистили оружие. При их появлении все вскочили.

— Собирайтесь, — приказал Хис. — Начинаем операцию. Позовите сюда Талта.

Ниджорские добровольцы бросились выполнять приказ. Большинство из них были на две головы выше Хиса, но подчинялись ему беспрекословно. Они были телом армии, а он — ее мозгом.

К Хису подошел плотный коренастый боец и небрежно отсалютовал. Весь он был увешан сумками и какими-то приборами, карманы его заметно оттопыривались.

— Это Талт, — сказал Хис Брайну, — наш инженер и радиометрист в одном лице. Участвует во всех наших операциях, ищет признаки работы джамп–установки и следы радиации. Выглядит это так: пока мы деремся с магтами в их замках, он сидит около своих приборов и смотрит на стрелки. Пользы от него пока никакой, как и от вас. Я думаю, вдвоем вы составите хорошую команду. Возьмите тот вездеход, на котором мы

приехали.

Широкое лицо Талта расплылось в лягушачьей улыбке:

— Терпение, Хис. Только терпение. Однажды эти стрелки оживут, и тогда конец нашим неприятностям. Что я должен делать с этим незнакомцем?

— Этого незнакомца зовут Брайн Бренд. Он хочет получить труп магта. Помоги ему и не отходи от него ни на шаг. Когда все сделаете, возвращайся сюда. Однажды эти стрелки оживут… Да о чем ты говоришь?! Завтра — последний день!

Он резко повернулся и пошел к вездеходам.

— Он мне нравится, — заявил Талт, прилаживая к одной из сумок какую-то железяку. — Хис — великий человек, но без меня ему все равно ничего не найти. Подержите вот этот прибор.

Брайн помог ему запихать оборудование в машину. Едва они закончили, другие вездеходы тронулись с места — Талт вскочил за руль и поехал за ними следом. Небольшая колонна долго пробиралась между скал, потом скалы кончились и начались песчаные холмы. Здесь вездеходы перестроились и широкой цепью быстро пошли к цели. Талт что-то бормотал себе под нос и лихо крутил руль, внезапно он замолчал и посмотрел

на Брайна.

Брайн не слышал, что спросил у него ниджорец, он как раз собрался подремать, чтобы восстановить силы перед боем, но Талту требовался собеседник, и он сыпал словами, нимало не смущаясь молчанием Брайна.

— Хис — идеалист, — вещал Талт. — Хочет остановить войну, которую не он начал. Они никогда не слушали Хиса, а он с самого начала предупреждал, чем это может кончиться, и оказался прав. Но они считали, что его идеи так же уродливы, как и он сам. Он, между прочим, специалист по военному делу. Военачальник на Ниджоре! Ха! Это все равно, что быть специалистом по льду в преисподней! Но он действительно все знает о войне. И вместо него командующим назначают дедушку Крафта.

— Но ведь Хис командует армией?

— Какая это армия! Горстка добровольцев… Нас слишком мало, и мы опоздали. Мы, конечно, и дальше будем воевать, но я чувствую, что добром это все не кончится. А на родине нас называют мясниками, — в его голосе послышалась обида. — Они там думают, что нам нравится убивать — считают психами. Они не понимают и не хотят понимать, что мы спасаем Ниджор, спасаем

всех их от убийства.

В просвете между холмами показалась вершина черной башни, и вездеходы разом остановились.

— Отсюда пойдем пешком, — сообщил Талт.

Сначала они шли, потом, когда холмы кончились, поползли. Впереди, низко пригнувшись к земле, неслышно скользили темные фигуры. Никем не замеченные, террористы быстро достигли крепости и стали взбираться вверх по отвесной стене.

— Индивидуальные подъемники, — шепнул Талт. — Забрасываешь наверх веревку с присоской и поднимаешься при помощи портативной лебедки. Хис придумал.

— Мы пойдем тем же путем? — спросил Брайн. Они уже стояли у подножия стены.

— Нет, мы туда не полезем — мы просто взорвем стену. У меня есть план этой крепости… — Талт тщательно отмерял расстояние от земли. — Здесь!

В этот момент громкий крик прорезал ночную тишину, и яркая вспышка озарила гребень стены. Сразу же гулко загремели автоматные очереди, сверху посыпались обломки камней и какой-то мусор.

— Началось! — крикнул Талт. — Теперь надо

идти, пока магты заняты наверху.

Выхватив из сумки плоскую коробку, он быстро прикрепил ее к стене и нажал какую-то кнопку.

— Ложитесь! — приказал он Брайну. — Это фугас — пробивает стену направленным взрывом, но иногда срабатывает совсем не в ту сторону.

Раздался грохот, дрогнула земля под ногами, а когда рассеялось облако пыли, они увидели пролом в стене. Талт посветил туда фонариком.

— Все в порядке. Идемте, пока магты не сбежались на шум.

Внутри все было загромождено обломками, и им стоило большого труда перелезть через завал. Талт осветил вход в темный коридор — коридор круто уходил вниз.

— Подземные склады, — пояснил он, — там они обычно прячут оружие.

Черный шар вылетел из коридора и упал у их ног. Талт хотел что-то сказать, но Брайн, не дожидаясь объяснений, стремительно шагнул вперед и пнул шар ногой — тот улетел обратно в темноту. Брайн и ниджорец бросились на пол — из коридора вырвалось оранжевое пламя взрыва, в потолок полетели осколки.

— Гранаты! — крикнул Талт, вставая. — Раньше магты их не применяли. Надо предупредить

Хиса.

Он схватил портативный передатчик и неразборчиво затараторил.

В коридоре что-то шевельнулось, и Брайн несколько раз выстрелил наугад в темноту.

— Атака провалилась, — сообщил Талт. — Нужно уходить. Идите первым, я прикрою.

— Я пришел сюда за магтом и никуда без него не уйду!

— Вы что, рехнулись! Вас же убьют!

Магты появились неслышно, как призраки — выхватывая длинные ножи, они молча устремились вперед. Брайн увидел пред собой застывшие лица и нажал курок… Двоих он убил сразу. Третий — раненный, но еще живой — сжимая в руке нож, полз к нему, оставляя за собой кровавую полосу.

Брайн не шевельнулся. Сколько еще человек он должен убить? Или это не человек? Но все равно, добить раненого не поднималась рука — Брайн готов был умереть сам, лишь бы не убивать…

Талт прошил магта короткой очередью.

— Вот вам труп — и давайте быстрее!

Вдвоем они вытащили труп наружу. Брайн спиной чувствовал опасность, но ничего не произошло, только со стены бросили гранату, да и

то она взорвалась довольно далеко, не причинив им никакого вреда.

Один из тяжелых вездеходов кружил совсем рядом, обстреливая крепость из крупнокалиберного пулемета, и к нему сбегались отступающие ниджорцы. Брайн и Талт тоже бросились к этой машине, волоча за собой труп магта. Талт оглянулся и побежал быстрее.

— Они за нами гонятся! Такого еще не было!

— Наверное, пронюхали, что мы взяли тело, — отозвался Брайн.

— Может, бросим его… тяжело тащить…

— Я скорее вас брошу! — озлился Брайн. — Давайте сюда, я сам понесу. — Он отобрал труп у Талта, который особенно и не сопротивлялся, и взвалил его себе на плечи. — Прикройте меня.

Талт принялся ожесточенно палить в сторону крепости — кто-то из преследователей упал, другие продолжали бежать. С вездехода заметили, что происходит что-то неладное, и двинулись им на помощь. Когда машина приблизилась, Брайн первым делом закинул в кузов труп магта, а потом забрался сам. Через секунду подоспел Талт, и вездеход, развернувшись на месте, быстро пошел прочь от крепости.

— Знаете, Бренд, — сказал Талт, немного отды-

шавшись, — я ведь пошутил… Ну, когда предлагал бросить труп. Вы, наверное, тоже пошутили в ответ?

— Нет. — Брайн уложил труп на сиденье. — Мне было не до шуток.

— У вас тот же недостаток, что и у Хиса, — пробормотал Талт, — слишком серьезно все воспринимаете.

Брайн вдруг почувствовал, что вся его одежда насквозь пропитана кровью — липкой чужой кровью, ему стало нехорошо, и он поспешно перегнулся через борт. Брайн подумал, что он устал убивать. Одно дело — рассуждать об абстрактном трупе, и совсем другое — убить человека, а потом, измазавшись в его крови, тащить на себе тело… Правда, магты не люди, но сейчас это его почему-то не успокаивало.

Скоро они добрались до остальных вездеходов, и все расселись по машинам.

— Разъезжаемся в разные стороны, — сообщил Талт, заводя мотор. — Чтобы сбить их со следа. — Он достал из кармана листок и приладил его около компаса. — Здесь у меня курс. Мы сделаем большой крюк по пустыне и въедем в город с другой стороны. Я вас выгружу, а сам вернусь в лагерь. Вы на меня не сердитесь?

Брайн не ответил, он пристально смотрел в окно.

— Что случилось? — спросил Талт. — Вы разве еще не видели рассвет на Дисе?

— Видел… Но этот — последний…

— Бросьте, Бренд! Я знаю, что этот мир идет к гибели, но я, по крайней мере, сделал все от меня зависящее, чтобы остановить его. Мне вот интересно, что завтра будут чувствовать эти умники на Ниджоре?

— Может быть, мы еще успеем что-то сделать, — медленно произнес Брайн, пытаясь отогнать мрачные мысли. Талт с сожалением посмотрел на него и ничего не ответил.

Пока они кружили по пустыне, солнце уже поднялось довольно высоко и стало жарко. Вездеход несколько раз увязал в песке, а если и ехал, то очень медленно. Талт, исходя потом и проклятиями, колдовал над приборами, прокладывая курс. Наконец они выбрались на твердое покрытие и поехали в сторону города.

Над городом стоял столб черного дыма. Брайн ощутил смутное беспокойство, и чем ближе они подъезжали, тем неспокойней становилось у него на душе. Конечно, могло гореть какое-нибудь брошенное здание… У Брайна язык не поворачивался

высказывать догадки, за него это сделал Талт:

— Что-то горит. Похоже, недалеко от вашей штаб–квартиры.

В городе происходило что-то непонятное. В воздухе пахло гарью, летал пепел, прямо на дороге валялись какие-то обломки, камни… Улицы, обычно пустые, были заполнены людьми, среди дисанцев изредка мелькали инопланетники, и все они двигались в одном направлении. Талт медленно вел машину через толпу.

— Не нравится мне это оживление, — сказал он, посматривая в окно. — Не будь этот день последним, я бы давно повернул обратно. Они хорошо знают наши вездеходы.

Завернув за угол, он резко затормозил. Они увидели разрушенное здание, собственно, здания даже не было — вместо него возвышалась груда обугленных камней. Местами из-под руин пробивались тонкие языки пламени. Внезапно с грохотом обвалились остатки стены…

— Это же ваша штаб–квартира! — потрясенно прошептал Талт. — Они нас опередили…

Брайн замер, не сводя глаз с разрушенного здания. Теперь все погибло. И Дис погиб. В этих руинах погребены все, кто верил и помогал ему… Леа… Она мертва… Доктор Стайл… Фоссел… ко-

манда… Он приказал им остаться — и вот они мертвы. Все мертвы!

Убийца!

Глава 14

Мир рухнул! Жизнь кончилась. Все пропало… Брайна охватило тупое отчаяние. Если бы это было возможно, он приказал бы себе немедленно умереть. Но сердце по–прежнему ритмично билось, легкие размеренно вдыхали пропитанный запахом гари воздух — его здоровое, полное сил тело умирать не собиралось.

— Что вы теперь будете делать? — тихо спросил Талт — даже он был потрясен этим зрелищем.

Брайн не сразу понял, о чем его спрашивают, а когда понял — лишь безвольно покачал головой. Что он теперь может сделать? Что теперь вообще можно сделать?!

— Иди за мной, — тихо произнес кто-то прямо у него над ухом.

Брайн резко повернулся — рядом с машиной никого не было, но на краю толпы он заметил Ульва: дисанец, как всегда спокойный и невозмутимый, не спеша сворачивал за угол.

— Поехали! — Брайн дернул Талта за рукав. — Вон туда.

На секунду перед ним забрезжила слабая надежда, но здравый смысл тут же взял верх.

Надеяться больше не на что. Штаб–квартира разрушена, люди погибли… Надо смотреть правде в лицо.

— Куда мы едем? — спросил Талт. — Кто это с вами говорил?

— Видите туземца впереди? Езжайте за ним потихоньку. Я этому дисанцу верю — он дважды спасал мне жизнь, хотя вполне мог этого и не делать. В отличие от магтов он умеет думать и, по–моему, прекрасно понимает, что его мир стоит на краю гибели, — Брайн говорил, чтобы хоть словами заглушить острую боль утраты.

Ульв шел спокойно, но быстро, не оглядываясь и никуда не сворачивая; Талт осторожно вел вездеход, стараясь не потерять дисанца из виду. Людей на улицах попадалось все меньше и меньше, а вскоре они въехали в покинутый деловой квартал, где уж и вовсе не было ни души, и Ульв исчез в здании с надписью «Трест легких металлов, лимитед». Талт притормозил.

— Подождите, — сказал Брайн, — не останавливайтесь. Сверните за угол.

Он выбрался из вездехода и огляделся. Никого. Тихо и пусто — совсем как у черного замка. Посматривая по сторонам, Брайн пошел к зданию треста.

Ульв совершенно неожиданно возник в дверях соседнего склада и махнул Брайну рукой. Тот метнулся обратно к вездеходу.

— В эту дверь! Быстро! Пока нас никто не заметил, — скомандовал он, на ходу прыгая в машину.

Вездеход по пандусу въехал в склад — двери за ним немедленно закрылись. Внутри было темно и прохладно.

— Ульв! — позвал Брайн, силясь что-нибудь разглядеть. — Ты где?

— Здесь, — дисанец неслышно вынырнул из темноты.

— Как ты…

— Ночью пришли магты. Они приказали отнести в город взрывчатку. Я пошел вместе со всеми. Я не мог помешать магтам — их было много, и предупредить твоих людей я тоже не мог — не было времени.

— Они все погибли… — пробормотал Брайн.

— Нет, не все, — возразил Ульв. — Я знал, что успею спасти только кого-то одного. Но я не мог долго думать, магты убивают быстро. Я забрал женщину, которая была с тобой в пустыне. Сейчас она здесь.

У Брайна подкосились ноги, последний час он

все время надеялся на чудо — и вот чудо произошло. Леа жива! И хотя перед глазами все еще стояли дымящиеся развалины штаб–квартиры ЦРУ, он счастливо улыбнулся и на секунду расслабленно привалился к дверце вездехода.

— Покажи мне ее, — внезапно Брайн испугался, что Ульв ошибся. Может быть, он спас какую-нибудь другую женщину…

Дисанец молча направился в глубину пустого склада. Брайн, уже немного освоившийся в темноте, последовал за ним, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать, и все-таки не выдержал, бросился вперед и, отпихнув Ульва в сторону, первым оказался у дверей небольшого кабинета, отделенного от склада перегородкой с большим окном.

Леа лежала на диване в кабинете — она была без сознания и тихо стонала.

— Я дал ей совер, — сказал Ульв.

В дверь заглянул Талт.

— Это такой местный наркотик, — пояснил он. — Мы проводили опыты — в больших дозах он даже смертелен. У меня где-то было противоядие. Пойду поищу в машине.

Брайн сел рядом с Леа и осторожно дотронулся до ее руки — девушка не пошевелилась. Она

плохо выглядела — большие тени вокруг глаз, осунувшееся лицо, но это все мелочи, главное — она жива.

Брайн оправился от шока, и к нему вернулась способность рассуждать. Несмотря ни на что, надо попытаться завершить операцию. Конечно, Леа следовало бы полежать недельку в постели, но ничего не поделаешь, придется с этим подождать — сейчас он должен поставить девушку на ноги и заставить ее работать, чего бы это ни стоило. Нельзя сдаваться! Время у них еще есть, хотя с каждой минутой у этого мира становится все меньше и меньше шансов уцелеть. И все-таки стоит попробовать.

— Через пару минут все будет в порядке, — бодро заявил Талт, втаскивая в комнату небольшую, но тяжелую аптечку.

Ульв вышел. Талт проводил его взглядом и негромко сказал как бы про себя:

— Надо бы сообщить о нем Хису. Этот парень может нам пригодиться — пусть шпионит за магтами. Хотя какие теперь шпионы! — Он достал из аптечки шприц–пистолет и вставил в него ампулу. — Закатайте девушке рукав, сейчас мы вернем ее к жизни.

Ствол коснулся кожи, и Талт нажал на спуск —

раздался короткий щелчок.

— Когда подействует? — спросил Брайн.

— Через несколько минут. Пусть полежит пока.

На пороге появился Ульв с духовым ружьем в руках.

— Убийцы! — с ненавистью выдохнул дисанец и поднес свое страшное оружие к губам.

— Он нашел труп магта, этот дурак! — закричал Талт, хватаясь за пистолет.

Брайн прыгнул между ними.

— Остановитесь, черт вас возьми! Хватит убивать! — крикнул он дисанцу, потом повернулся к ниджорцу и негромко, но с чувством сказал: — Только попробуйте выстрелить, и я вам шею сверну!

Ульв все еще стоял в дверях с трубкой в руке, он явно колебался. Брайн незамедлительно перешел в наступление:

— Послушай, Ульв! Там в машине лежит труп магта. Да, это я его убил — убил в честной схватке — и чтобы спасти планету, готов убить еще хоть сотню магтов! Ты прекрасно знаешь, что магты сильно отличаются от остальных дисанцев, но ты не знаешь, почему они отличаются, и никто не знает. Я хочу понять, в чем дело — я хочу

вскрыть магта и посмотреть, что у него внутри. И если мне удастся что-нибудь найти, тогда можно будет остановить войну и спасти Дис от гибели.

Ульв чуть опустил ружье.

— Все наши беды от чужеземцев — лучше бы вы ушли и оставили нас в покое. Мы привыкли жить по–своему. У магтов всегда была сила, и они убивали, но они и помогали. Все было просто и понятно. Вы все изменили, а теперь хотите, чтобы я вам помогал.

— Да не нам! — взорвался Брайн. — Не нам, а себе! Может, ты и прав, может, вам и не следовало пускать к себе инопланетников, но сейчас речь о другом. Так или иначе, хорошо это или плохо, но Дис уже вступил в контакт с остальным миром, хотя и не лучшим образом. Сейчас вам надо разобраться со своими делами, неужели тебе не понятно?!

Ульв колебался: трубка замерла у него в руке, а на лице отразилась растерянность. Мир вокруг него стремительно менялся, и нелегко было разобраться в происходящем. Может ли убийство одного человека предотвратить гибель целой планеты? Оправдывает ли цель средства? Где правда? Внезапно он сунул ружье за пояс, отошел к стене и уселся на пол.

— Надоело мне все это, — сказал Талт, убирая пистолет в кобуру. — Вы себе представить не можете, как я буду рад убраться отсюда подальше. Пусть они тут все подохнут — меня это больше не касается. — И бросив настороженный взгляд в сторону Ульва, он вышел из комнаты.

Брайн повернулся к Леа. Девушка уже пришла в сознание и, широко раскрыв глаза, смотрела в потолок.

— Они бежали… — сказала она абсолютно бесцветным голосом, — бежали по коридору мимо моей комнаты. Они убили доктора Стайна — я сама видела — его зарезали, а труп разрубили на куски. А потом… Потом кто-то вошел в комнату, и больше я ничего не помню. — Она медленно подняла голову и посмотрела на Брайна. — Где я? Что случилось с остальными?

— Они погибли… все погибли. Магты взорвали нашу штаб–квартиру. Тебя спас Ульв — дисанец, которого мы встретили в пустыне. Он спрятал тебя здесь, а потом нашел меня.

— Когда мы улетаем? — спросила Леа, поворачиваясь лицом к стене.

— Сегодня последний день — в полночь истекает срок ультиматума. Ниджорцы пришлют за нами корабль. Но мы еще не закончили работу.

Я привез труп магта — ты должна произвести вскрытие и разобраться, что там такое. Это надо сделать, потому что…

— Ничего уже нельзя сделать, — отрешенно сказала девушка. — Ничего, только улететь. Я сделала все, что могла. Пожалуйста, вызови корабль — я хочу улететь отсюда.

Брайн закусил губу. Ничто не могло вывести ее из апатии — слишком много событий обрушилось на нее за последние дни, слишком много пришлось ей увидеть и пережить, и вот — полная отрешенность, глубокий шок… Он бережно повернул девушку лицом к себе — в глазах у нее стояли слезы.

— Увези меня отсюда, Брайн. Пожалуйста, увези меня домой.

Брайн заставил себя ободряюще улыбнуться, но ему было совсем не весело. Время летело, операция проваливалась, а он не знал, что предпринять. Это вскрытие — последний его шанс. Но как заставить Леа? Пока она в таком состоянии, ничего не получится. Он поискал глазами аптечку, но не нашел — очевидно, Талт унес ее обратно в машину. Может, там найдутся какие-нибудь транквилизаторы.

Талт сидел в вездеходе и изучал ленту самопис-

ца. Когда открылась дверца, он нервно вздрогнул и потянулся было за пистолетом, но, увидев Брайна, успокоился.

— Это вы, Бренд? А я подумал, что это ваш туземец. Как-то неуютно я себя чувствую в его обществе. Дурацкое положение! Радио использовать нельзя, а мне нужно срочно поговорить с Хисом. Тут такое дело…

— Какое дело? — не понял Брайн. — О чем это вы?

Талт протянул ему ленту.

— Взгляните сами. Это запись показаний счетчика Гейгера, сделанная сегодня ночью. Красные вертикальные линии отмечают пятиминутные интервалы времени, а черная горизонтальная линия показывает уровень радиации. Вот видите, она поползла вверх — в этот момент началась атака.

— Но тут дальше сильный всплеск!

— Совершенно верно. Уровень сильно повысился — мы с вами тогда как раз пробирались через завал. Пока рано делать выводы, во многих замках наблюдается повышенный радиационный фон, но такого скачка я еще не видел.

— Вы хотите сказать… — Брайн весь напрягся.

— Не знаю. Наверняка ничего сказать не могу.

Надо сравнить эту запись с теми, что хранятся у нас в лагере. Может, это просто случайное повышение естественного фона, а может — какая-то аппаратура или тактическая атомная бомба, вроде той, что они один раз применили против нас. Какая-то сволочь продала им несколько таких бомб.

— А кобальтовая бомба может дать такой след?

— Все может быть, — ответил Талт, быстро укладывая аппаратуру. — Если, например, старая бомба или корпус поврежден…

— Ну так почему вы не свяжетесь с Хисом по радио? Надо ведь ему сообщить!

— Я не хочу, чтобы нас слышали люди дедушки Крафта. Если мои выводы подтвердятся, мы сами справимся с этим делом — без них. И нужно еще все основательно проверить, а я устал как собака, после этого рейда голова раскалывается. Давайте сгрузим ваш труп, и я поеду в лагерь.

Он помог Брайну вытащить мертвого магта из машины и сел за руль.

— Подождите, Талт. Может, у вас найдется какое-нибудь лекарство для Леа. С ней творится что-то непонятное: ничего не желает слушать, ничего не хочет делать и, похоже, вообще ничего не хочет. Лежит на диване, смотрит в потолок и

все время просит забрать ее отсюда.

— Где-то тут было, — Талт полез в аптечку. — Наши врачи называют такое состояние «синдром убийства». Если тебе с детства внушили отвращение к насилию, а потом вдруг приходится воевать, стрелять, даже убивать — это очень трудно. Наши парни впадали в прострацию, некоторые сходили с ума… Ага, вот оно! — Он достал запечатанный пакет. — Хорошая штука. По–моему, тут намешано всяких наркотиков, но действует безотказно. На время человек забывает все, что с ним происходило в последние десять–двенадцать часов, потом, конечно, вспоминает, но шок слабеет или совсем проходит. Желаю удачи!

— Счастливо! — ответил Брайн и пожал ему руку. — Если это действительно бомбы, дайте мне знать.

Он выглянул наружу и, убедившись, что улица пуста, нажал кнопку у дверей. Створки раздвинулись, пропуская вездеход, и снова закрылись, как только он выехал на улицу. Брайн прислушался к удаляющемуся рокоту мотора и отправился обратно к Леа.

Ульв в прежней позе сидел у стены, а девушка тихо лежала на диване. В пакете, который он взял у Талта, оказался одноразовый шприц. Леа

покорно дала сделать себе укол и почти сразу же заснула.

Теперь оставалось только ждать результата (опять ждать!), и Брайн решил заняться магтом. Притащив труп в комнату, он положил его на стол и содрал с тела пропитанный кровью плащ. Под плащом обнаружился обычный дисанский пояс с оружием — его Брайн тоже снял. Теперь перед ним лежало нагое тело.

По своему строению тело это ничем не отличалось от тела любого другого человека. Теория Брайна разваливалась на глазах. Получалась полная ерунда. Как все-таки объяснить эмоциональную стерильность магтов? Мутация? Брайн не понимал, что это может быть за мутация такая. Нет, должно что-то здесь быть! Должно быть в этом теле что-то чужое, враждебное, не человеческое. Сейчас судьба этого мира целиком зависит от них с Леа, да еще от ленты Талта…

Леа спала, и когда она проснется, Брайн не знал, а будить ее не хотелось. Некоторое время он задумчиво смотрел на девушку, прикидывая, сколько нужно времени, чтобы подействовало лекарство, потом решил, что часа будет достаточно. Придется разбудить ее в полдень — останется ровно двенадцать часов до конца света. А сейчас

надо связаться с профессором Крафтом. Брайн хотел иметь гарантии, что в случае провала сможет унести ноги на ниджорском корабле. Связь с эскадрой осуществлялась через тайный ретрансляционный передатчик в пустыне, и если этот передатчик тоже уничтожен, то на ниджорцев можно не рассчитывать — со своей портативной рации Брайну их никак не вызвать. Лучше выяснить этот вопрос сейчас, — подумал он. — Потом поздно будет.

Ниджорская эскадра отозвалась быстро:

— Говорит дежурный радист. Сейчас я соединю вас с командующим Крафтом. Ждите…

— Кто говорит? — прервал радиста Крафт. Старик заметно волновался. — Отвечайте!

— Говорит Бренд. Со мной Леа Моррис.

— И все? Больше никто не уцелел?

— Все остальные погибли. Здание уничтожено вместе со всем оборудованием. Я остался без связи с нашим кораблем на орбите. Вы можете забрать нас отсюда?

— Конечно! Сообщите координаты. Корабль вылетит немедленно.

— Спасибо, но пока в этом нет необходимости. Я остаюсь на планете до самого конца и попытаюсь завершить операцию. Если мне это не удастся, я

вызову ваш корабль.

Крафт долго молчал, потом нерешительно сказал:

— Вам, конечно, виднее, Бренд. Оставайтесь… Но почему бы вам не отправить сейчас мисс Моррис?

— Она нужна мне здесь. Без нее я не смогу найти…

— Что вы еще хотите найти?! — с отчаянием в голосе перебил его Крафт. — Неужели вы всерьез считаете, что можете предотвратить катастрофу?

— Если у меня что-нибудь получится, вы узнаете об этом первым. Конец связи, — ответил Брайн и выключил рацию.

У него оставался еще почти час свободного времени. Чем же заняться? Когда Леа проснется, ей понадобятся инструменты, хотя бы скальпель и микроскоп. А где их взять? Может, в развалинах штаб–квартиры удастся что-нибудь найти? В любом случае, стоит осмотреть руины повнимательней.

Ульв по–прежнему сидел у стены и смотрел на Брайна довольно враждебно.

— Помоги мне еще раз, — обратился к нему Брайн. — Присмотри за девушкой, пока меня

не будет, — и, видя, что дисанец не реагирует, добавил: — Ульв, я все еще пытаюсь спасти Дис.

— Иди, — зло сказал Ульв. — Я буду здесь. Я не знаю, что мне делать, не знаю, кому верить. Иди. С ней ничего не случится.

Брайн выскользнул на улицу и осмотрелся по сторонам. Кругом было пусто, но на всякий случай он пошел к штаб–квартире Центра кружным путем, чтобы сбить магтов со следа. Свернув за угол, он увидел знакомый вездеход. Немного удивленный, Брайн приблизился, вскочил на гусеницу и заглянул в открытое окно. Прямо на него смотрел Талт — лицо его застыло в жуткой улыбке, а из горла торчала тонкая деревянная стрела.

Глава 15

Брайн мгновенно спрыгнул с машины и плашмя упал на землю, лицом в грязный горячий песок. Он ждал смерти. Но секунды шли, а ничего не происходило — не свистели в воздухе стрелы, не возникали словно из-под земли магты с длинными ножами — улица была пуста и безмолвна. Очевидно, убийцы сделали свое дело и ушли. Брайн поднялся, осторожно открыл дверцу и протиснулся в кабину. Здесь хорошо поработали: все приборы были разбиты и с корнем вырваны из панели, на полу валялись обломки измерительной аппаратуры, куски проводов и обрывки лент. На двигатель Брайн даже не стал смотреть — он и так знал, что там увидит.

Без особого труда он представил себе, как все произошло. Скорее всего, магты засекли вездеход на въезде в город, а потом потеряли — и это спасло жизнь Брайну и Леа. Но к Талту судьба оказалась не столь благосклонна, и на обратном пути он все-таки нарвался на отравленную стрелу.

Брайн вдруг осознал, что случилось нечто ужасное и непоправимое. Талт убит! Лента, которую он показывал Брайну, уничтожена.

Хис ничего не знает и не узнает, потому что у Брайна нет передатчика, его портативная рация работает только на одной волне, а передатчик в вездеходе, естественно, разбит. Необходимо во что бы то ни стало известить Хиса о находке Талта — эта информация может решить судьбу Диса. Брайн осторожно выглянул из вездехода; если его заметят — он погиб, а вместе с ним и вся планета — теперь только он один знает, где надо искать бомбы.

Поспешно выбравшись из машины, Брайн поторопился покинуть это место. Никто его не преследовал. Вскоре он попал на какую-то людную улицу — кругом толпились туземцы, многие из них поглядывали на инопланетника с неприязнью, а некоторые — с ненавистью. Брайн нащупал в кармане пистолет и, всем своим видом показывая, что ему нет никакого дела до дисанцев, двинулся сквозь толпу. Он весь взмок от напряжения, пока добрался до развалин штаб–квартиры.

Рядом с развалинами блестел на солнце корпус небольшой космической шлюпки, на краю пепелища стояли два человека. Брайн оступился, и они быстро обернулись в его сторону, подняв бластеры, но увидев перед собой инопланетника,

опустили оружие.

— Кровожадные дикари! — сказал один из них. Это был человек с тяжелой планеты — невысокий, на голову ниже Брайна, но крепкий и плотный, сплошная гора мышц. На рукаве у него виднелась эмблема компьютерного расчета корабля.

— Я думаю, их нельзя осуждать, — возразил другой, с офицерскими нашивками на груди. У него были другие черты лица, но точно такая же фигура, издали их можно было принять за близнецов. — В полночь их мир погибнет. Надеюсь, мы к тому времени уже будем в джамп–режиме. Я видел гибель Зетрады, и этого зрелища мне хватит на всю жизнь.

Компьютерщик внимательно посмотрел на Брайна.

— Вы что, улететь хотите? Наш корабль здесь последний, больше никого не осталось. Если хотите, мы вас возьмем.

— Спасибо, не надо. У меня есть связь с блокирующей эскадрой, они заберут меня до полуночи.

— Вы с Ниджора? — поинтересовался офицер.

— Нет, просто у меня тут одно дело… — Брайн увидел, что оба внимательно смотрят на него, ожидая продолжения, и сам того не желая ска-

зал: — Я, кажется, могу остановить войну. Хотя… теперь уже не знаю, — он вовсе не собирался пускаться в откровения, все получилось как-то само собой.

Офицер хотел что-то сказать, но товарищ толкнул его локтем.

— Подожди! Мы скоро стартуем — капитан велел узнать, что здесь горит, и немедленно возвращаться. Будьте осторожны! Мне не нравится, как эти дисанцы на вас смотрят. — Он пошел к шлюпке, потом остановился. — Может, мы можем чем-нибудь помочь?

При виде развалин и при воспоминании о Талте Брайна охватило уныние, и теперь он попытался взять себя в руки. Конечно, ему нужна помощь!

— Мне нужен скальпель и любые хирургические инструменты, — сказал он и, вспомнив о Хисе, добавил: — И еще мне нужен мощный передатчик. Я могу заплатить.

Тяжеловес исчез в шлюпке и вскоре вернулся с двумя небольшими свертками.

— Здесь скальпель и магнитный зажим — больше я ничего не нашел. А это — передатчик, на длинных волнах работает довольно сносно. Берите.

Брайн полез за деньгами, но космолетчик про-

тестующе поднял руку.

— Не надо! Это мой вклад. Если вы действительно можете спасти планету, я отдам вам все, что есть в шлюпке, да и саму шлюпку впридачу. А капитану скажу, что мы потеряли передатчик в стычке с туземцами. Верно? — он подмигнул и ткнул своего товарища в грудь — человека непривычного такой удар уложил бы на месте, но офицер даже не поморщился.

— Желаю удачи! — сказал он Брайну.

Брайн улыбнулся в ответ и отошел подальше, чтобы его не задело реактивной струей. Провожая глазами шлюпку, он подумал, что этим двоим тоже знакомо чувство, о котором говорил Айджел, — чувство долга. Если бы не эти парни, он, наверное, совсем упал бы духом, но теперь опять появилась надежда, и Брайн энергично принялся осматривать развалины. После долгих поисков он наткнулся на ящик с микроскопом. Одна трубка оказалась разбита, но другая чудом уцелела. Брайн прихватил микроскоп вместе с ящиком и решил, что больше все равно ничего не найдет и пора отсюда убираться. Да и время уже близилось к полудню.

Подозрительно глядя на каждого встречного дисанца, Брайн отправился в свое убежище. На

всякий случай он основательно попетлял по городу и, только убедившись, что никто за ним не следит, пошел наконец к складу.

Там все было в порядке. Леа уже проснулась, и Брайн приветливо ей улыбнулся, про себя с тревогой думая, подействовало ли лекарство.

— Дружеская улыбка среди людоедов, — попыталась сострить девушка. — Что случилось, Брайн? С тех пор как я проснулась, этот каменный идол, — она кивнула в сторону Ульва, — не сказал ни слова.

— Ты что-нибудь помнишь? — осторожно спросил Брайн. Он не хотел, чтобы из-за неосторожного слова девушка снова впала в шок. Пожалуй, Ульв проявил незаурядную сообразительность, когда не стал отвечать на ее вопросы.

— Если хочешь знать, я помню достаточно! Думаю, не стоит вдаваться в детали, тем более при туземце… Во всяком случае, я помню, что заснула, когда ты ушел. А больше ничего. Странно… Я уснула в госпитале, а проснулась здесь, на этом диване, с ужасной головной болью. И еще этот истукан — сидит и смотрит. Может, ты мне объяснишь, что происходит?

Брайн решил, что лучше будет сказать правду, опустив подробности.

— Магты напали на нашу штаб–квартиру. Мы с Ульвом переправили тебя сюда, а голова у тебя болит, наверное, от лекарств.

— Ой, я вспомнила — сегодня последний день, да? — в ее голосе послышался страх. — Пока я разыгрываю из себя спящую красавицу, мир идет к концу! Кто-нибудь из наших ранен или убит?

— Были пострадавшие, — коротко сказал Брайн и, предпочитая не развивать эту тему, подошел к столу и сдернул покрывало с трупа. — Сейчас есть дела поважнее. Вот труп магта, надо произвести вскрытие.

— Что случилось с нашими людьми? — благодаря ниджорскому лекарству Леа забыла о трагедии, но не избавилась от подсознательного страха. — Я так устала… Пожалуйста, расскажи мне. Я вижу, ты что-то скрываешь.

Брайн сел рядом с ней на диван и взял ее холодные руки в свои ладони. Он старался передать девушке хоть часть своей энергии.

— Ты испытала сильное потрясение, это пройдет. Лучше не задавай пока никаких вопросов. Помоги мне разобраться с магтами.

Леа хотела что-то ответить, но потом передумала, закрыла глаза, и Брайн почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь. Наконец она заговорила:

— Произошло что-то ужасное, я знаю. Наверное, ты прав — лучше ни о чем не спрашивать. Помоги мне, ноги не держат.

Брайн помог ей добраться до стола. Взглянув на труп, девушка вздрогнула и пробормотала:

— Он умер неестественной смертью, — и добавила, обращаясь к Ульву, который внимательно следил за каждым ее движением: — Тебе не стоит на это смотреть — неприятное зрелище.

— Я хочу смотреть. — Дисанец не отводил взгляда от тела. — Я никогда не видел мертвого магта без одежды.

— Брайн, принеси мне немного воды и положи тело на брезент, — попросила Леа.

Выпив воды, она собралась с силами и даже смогла стоять, не опираясь на стол. Брайн протянул девушке скальпель, и она сделала длинный глубокий разрез от горла. Ульв чуть вздрогнул, но продолжал смотреть. Леа принялась за работу — она молча орудовала скальпелем и зажимом, быстро извлекая из тела внутренности. Один раз она бросила быстрый взгляд на Брайна и снова склонилась над трупом.

Первым не выдержал Брайн.

— Ну что, Леа? — спросил он. — Есть что-нибудь?

Этот вопрос как будто лишил Леа последних сил — она отошла от стола и беспомощно упала на диван; ее руки были испачканы в крови, а лицо — белее, чем лист бумаги.

— Мне очень жаль, Брайн, но я ничего не нашла. Есть незначительные изменения, например, гипертрофированные легкие, но такие изменения вполне могли произойти в процессе адаптации. Этот твой магт — человек. Да, он приспособился к условиям Диса, но он такой же человек, как ты или я!

— Почему ты так уверена? Ты же не осмотрела его полностью. Вот возьми, — он протянул девушке микроскоп. — Посмотри другие органы, мозг… Ну, делай же что-нибудь!

Леа уронила голову на руки и заплакала.

— Оставь меня в покое! Я устала! Я по горло сыта этой проклятой планетой! Пусть она погибает, мне нет до нее никакого дела. Ты ошибся, Брайн. Вся твоя теория не стоит выеденного яйца! Признай же это, в конце концов! И дай мне вымыть руки!..

У Брайна перехватило дыхание. Неужели он ошибся?! Ему было страшно даже думать об этом. Нет, надо продолжать! Глядя на вздрагивающую от рыданий спину Леа, он почувствовал острую

жалость, но сейчас он не имел права на жалость. Сейчас его вело Чувство долга. Эта хрупкая испуганная женщина — последний его резерв, и он должен убедить ее. Но слова сейчас не помогут, словами ничего сделать нельзя. Брайн вспомнил, как Айджел убедил его покинуть Анвар. *Проникновение! О*н тоже владеет этим даром, и хотя ему далеко до совершенства, стоит попробовать — стоит попытаться отдать Леа часть своей жизненной силы. Все равно ничего другого не остается.

— Ты должна закончить работу. Ничего страшного не случилось, ты отдохнула, набралась сил, можешь работать дальше, — он старался говорить спокойно и размеренно, а перед глазами мелькали яркие вспышки, и сила уходила из тела, и он не знал, забирает Леа эту силу или нет, и только когда девушка подняла голову, и Брайн увидел ее сухие глаза, он понял — получилось!

— Ты будешь продолжать? — спросил он.

Леа кивнула и поднялась. Ее немного шатало из стороны в сторону, и Брайн вспомнил свой финальный бой, когда его точно так же мотало по арене, но силы прибывали с каждой минутой, и он делал выпад за выпадом… Получилось!

Леа вытерла руки и открыла ящик с микро-

скопом.

— Предметные стекла все разбиты.

— Сейчас.

Брайн подошел к перегородке, здесь на полу грудой лежали битые стекла. Выбрав несколько наиболее подходящих, он отдал их Леа. Девушка взяла эти осколки, не сказав ни слова, и, собрав на стекло немного крови, склонилась над микроскопом. Когда она регулировала резкость, руки у нее дрожали. Брайн не находил себе места от волнения.

— Ну что там? — опять не выдержал он.

— Эритроциты… лейкоциты… ничего необычного не вижу… — устало проговорила Леа. Она подняла голову и тоскливо посмотрела на него.

Брайн не мог заставить себя поверить — им овладел гнев. Бросившись к микроскопу, он схватился за ручку регулировки.

— Если не видишь — попробуй большее увеличение. Должно что-то быть! Сейчас я дам образец ткани.

Он метнулся к трупу и тут увидел, как Леа напряглась и принялась быстро настраивать увеличение.

— Что?! — спросил он, затаив дыхание.

— Тут что-то непонятное… в лейкоцитах. Ка-

кая-то необычная структура, но очень знакомая. Я такое уже видела, только не помню где. — Она отвернулась от микроскопа и задумчиво уставилась в дальнюю стену. — Я уверена, что видела.

Брайн посмотрел в микроскоп, но увидел только размытое белое пятно — он подкрутил ручку настройки, и пятно приобрело более четкий вид. Возможно, это и был лейкоцит, но Брайн понятия не имел, как он должен выглядеть, и чем этот конкретный лейкоцит отличается от нормального.

— Видишь зеленые зерна? — спросила Леа, но прежде, чем Брайн ответил, она возбужденно воскликнула: — Вспомнила! Я вспомнила! Есть такое маленькое насекомое на Земле — зеленая мушка. Она называется… ну, не важно. Вот в организме этой мушки я видела точно такие же образования.

— Ну и что? И какое отношение все это имеет к Дису?

— Пока не знаю. Но в клетках человеческого организма я никогда ничего похожего не видела. Вот эти зеленые зернышки — грибок, который живет в организме насекомого — ярко выраженный симбиот… — Леа вдруг замолчала и широко раскрыла глаза.

Симбиот! А ведь на Дисе симбиоз встречается

так часто, как нигде в галактике. Леа напряженно думала, уставясь в одну точку, она очень боялась упустить мысль. Брайн видел, что она вся во власти какой-то идеи, и терпеливо ждал. Ульв тоже выжидающе смотрел на девушку. Леа наконец удалось привести свои мысли в порядок и разложить все по полочкам — она выпрямилась, одернула платье и спросила:

— Здесь где-нибудь есть пила?

Вопрос был настолько неожиданный, что Брайн не сразу нашелся, что ответить. Пока он колебался, Леа, очевидно, что-то вспомнила и сказала:

— И лучше всего электрическая пила, иначе будет очень долго, — и повернулась к микроскопу.

Брайн не стал ничего спрашивать, и тут же отправился искать то, что от него требовали. Он обшарил весь склад и, не найдя ничего даже похожего на пилу, поднялся по лестнице на второй этаж.

Здесь он попал в длинный коридор, куда выходило десятка два дверей. Все они были заперты и ничем не отличались друг от друга, и только в самом конце коридора Брайн увидел табличку с обнадеживающей надписью: «Инструментальная».

Эта дверь тоже оказалась закрыта. Размышляя,

как бы ему попасть вовнутрь, Брайн машинально посмотрел на часы и ужаснулся. Два часа дня! Через десять часов начнется бомбардировка Диса. Нужно спешить. Он вытащил пистолет, потом подумал и обмотал ствол тряпкой — только бы на улице не было слышно. Выстрел прозвучал глухо — замок разлетелся на части, и дверь легко распахнулась.

Когда он вернулся, Леа по–прежнему стояла около трупа. Брайн протянул ей миниатюрную дисковую пилу.

— Подойдет? Электрическая, батареи заряжены, я проверил.

— Отлично! Сейчас вы оба будете мне помогать. Ульв, иди к дверям и наблюдай за улицей — если кто-нибудь появится, дай знать. Боюсь, от этой пилы будет много шума.

Ульв молча кивнул и вышел из комнатки. Через окно в перегородке Брайн видел, как дисанец замер у дверей.

— Брайн, — продолжала распоряжаться Леа, — встань с другой стороны стола и держи подбородок. Крепко держи, чтобы голова не дергалась, когда я буду пилить. Работа неприятная, но другого способа нет.

Пила с визгом вгрызлась в череп магта… Рабо-

та, действительно, была неприятная. Вскоре Ульв замахал рукой — пришлось сделать перерыв и ждать, пока минует опасность. Наконец Ульв знаком показал, что можно продолжать. Леа снова нажала на кнопку, и вскоре пила срезала верхнюю часть черепа.

— Готово, — сказала Леа и выпустила пилу из рук.

Она немного помассировала онемевшие пальцы, потом сняла отсеченную крышку черепа — обнажился мозг.

— Ты был прав, Брайн. Вот чужак!

Глава 16

Брайн взирал на открывшуюся его взору картину с чувством облегчения, к которому примешивались непонимание и страх. Сзади тихо подошел Ульв и заглянул через плечо. Даже ему сразу бросилась в глаза какая-то странность.

— Я видел много мертвых животных и мертвых людей, — задумчиво проговорил дисанец, — но такого я никогда не видел.

— Что это? — спросил Брайн, словно очнувшись.

— Чужак, которого ты так искал, — ответила Леа.

Нормальный человеческий мозг занимал лишь две трети черепа магта — остальное было заполнено аморфной массой зеленого цвета. Внешне она напоминала мозг, но отличалась от него множеством всяких утолщений и узелков. Леа осторожно отделила непонятную массу скальпелем.

— Я же говорила, что видела такое на Земле! Вполне можно проводить параллели. В организме зеленой мушки живет похожее существо. Биологи занимались его изучением много лет и

выдвинули десяток сложных теорий. Наконец кто-то догадался разделить мушку и это странное существо и изучать их отдельно друг от друга. И все встало на свои места. Оказалось, что это растение–симбиот, оно выделяет ферменты, без которых мушка не могла бы усваивать сахар из цветочного нектара.

— А что здесь необычного? — удивился Брайн. — Разве это единственный пример, когда кишечная флора способствует усвоению пищи? Чем эта зеленая мушка отличается от десятков других существ?

— Есть одно отличие… В организм любого другого животного или насекомого микроорганизмы попадают извне и остаются там, если приносят пользу, иначе организм их отторгает. А у зеленой мушки с этим ее растением постоянный симбиоз — он необходим им обоим. Споры растения всегда присутствуют в половых клетках мушки, и каждое яйцо, которое потом развивается во взрослое насекомое, обязательно заражено этим симбиотом.

— И ты думаешь, что зеленые шарики в крови магтов — явление того же порядка?

— Уверена! Тот же самый процесс. И каждый магт уже рождается с этой дрянью. Пока растет

ребенок, растет и симбиот. Наверное, симбиот растет даже быстрее, потому что это простейший организм. Думаю, он прочно закрепляется в мозгу за первые полгода жизни ребенка.

— Но почему так получается? Как это началось?

— Я могу высказать только предположения, но, на мой взгляд, все довольно просто. Скорее всего, симбиот — нечто среднее между животным и растением, как и почти вся жизнь на Дисе. Будущие магты, вероятно, заполучили эту гадость, съев какое-нибудь местное животное. В новой среде симбиот быстро прижился и расцвел под защитой прочной черепной коробки своего хозяина. В обмен на пищу и удобства, он, очевидно, вырабатывал гормоны и ферменты, которое помогали магтам выжить. Может быть, это существо способствовало пищеварению, и магты спокойно могли употреблять в пищу любые растения или животных; не исключено, что симбиот очищает их кровь от токсичных веществ. Короче говоря, благодаря этому союзу магты стали господствующей формой жизни на планете. Но они заплатили дорогую цену. Ты заметил, что мозг магта по своим размерам ничем не уступает мозгу обычного человека?

— Но он должен быть меньше, ведь в черепе живет еще и симбиот, — возразил Брайн.

— Просто симбиот проник в мозг.

Внезапно Брайн все понял.

— Лобные доли! Так вот почему магты эмоционально стерильны! Этот жуткий симбиот поглотил лобные доли — совершил фронтальную лоботомию.

— И не остановился на этом, — заметила Леа, снимая скальпелем оболочку серого вещества, под которой обнаружилась все та же зеленая масса. — Симбиот пронизывает весь мозг, он не затрагивает только мозжечок. Потеряв лобные доли, магты лишились эмоций и способности к абстрактному мышлению — это еще называют воображением. Вероятно, так им было легче выжить на Дисе: нет эмоций — нет никаких моральных проблем, ничего не мешает бороться за жизнь. Наверняка все произошло не в один день, и магтам пришлось пройти страшный путь, пока организм привыкал к захватчику. Зато теперь перед нами конечный продукт — человек–животное или человек–растение, или животное–растение, как вам больше нравится. Замкнутый круг!

— Но остальные дисанцы смогли выжить, не

превратившись в монстров. Зачем магтам надо было заходить так далеко?

— Эволюция не знает слова «надо». Существует множество вариантов развития жизни, но только лучшие из них имеют продолжение. Ты говоришь, что обыкновенные дисанцы тоже выжили, но магты выжили… как бы это сказать… они лучше выжили. Они уже стали господствующей расой на Дисе и, не вмешайся в эту историю инопланетники, стали бы единственной — рано или поздно магты истребили бы остальных дисанцев.

— Тут у тебя концы с концами не сходятся. Предположим, магты выжили и взобрались на самый верх по лестнице эволюции. Но ведь у них напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, вот сейчас, например, они развязали самоубийственную войну. Почему же они до сих пор не погибли?

— Магты агрессивны и безжалостны. Они никогда не отступают, нападают на любого противника и, конечно, иногда погибают. Но у них никогда не было достойного противника — на Дисе ведь нет даже крупных хищников — и как виду магтам ничто не угрожало. Они утратили инстинкт самосохранения за ненадобностью, и

хотя индивидуумы погибали, вид в целом благодаря этому только укрепился. Но вот Дис вышел из изоляции, и ситуация кардинально изменилась. Перед магтами теперь стоит глобальная проблема, проблема выживания расы, с которой они никогда раньше не сталкивались и которую они не в состоянии даже осознать, не то что разрешить. Они продолжают нападать, невзирая на то, что противник вооружен уже не палкой, а пистолетом или бластером, и они будут нападать, пока их не перебьют всех до одного. Отсутствие воображения, неспособность к абстрактному мышлению лишают их возможности понять, что в данном случае привычная тактика приведет к гибели всей планеты, впрочем, вряд ли магты вообще отдают себе отчет, что их планета может погибнуть. Эволюция жестока, но справедлива. Раньше этот симбиот был магтам полезен — он обеспечивал сохранение вида. Теперь из-за того же самого симбиота вид магтов стоит перед лицом полного уничтожения. Изменилась ситуация, и больше нет симбиота — полезного партнера в союзе двух существ, а есть — паразит.

— И паразита надо уничтожить! — подхватил Брайн. — Все, бой с тенью кончился! Мы нашли врага, и этот враг — всего лишь процветающий

паразит, тупой и ограниченный. У него вообще есть мозг?

— Сомневаюсь. Зачем ему мозг? Если и был когда-то, то давно атрофировался: паразиты, живущие внутри другого организма, как правило, очень быстро деградируют, у них сохраняются только самые необходимые функции.

— Что это такое? — внезапно спросил Ульв, указывая на симбиота. Он слышал весь разговор, но не понял из него ни слова.

— Объясни ему, Леа, — сказал Брайн и добавил, увидев, как она измучена: — И сядь, пожалуйста, тебе надо отдохнуть. А я пока… — он взглянул на часы и замолчал.

Было уже четыре часа дня — до конца света оставалось около восьми часов. Что можно сделать за восемь часов? У Брайна сразу поубавилось энтузиазма. Если ему не удастся убедить ниджорцев, они сбросят бомбы точно в срок. А если даже удастся? Пока его открытие ничего не меняет в расстановке сил — в любой момент магты могут запустить свои кобальтовые бомбы на Ниджор.

Кобальтовые бомбы! За всей этой суматохой с трупом Брайн начисто забыл о Талте. Ему стало стыдно. Необходимо срочно связаться с Хисом и обо всем ему рассказать: и о смерти Талта, и

о следах радиоактивного излучения в черной крепости. Конечно, Талт убит, а лента с записью уничтожена, но Хис может организовать еще один рейд и проверить все на месте.

Брайн настроил передатчик на волну террористов и послал вызов — вместо ответа в наушниках защелкали атмосферные разряды. Может, передатчик неисправен? Он сменил частоту, набрал для проверки свои позывные и свистнул в микрофон. Отраженный сигнал больно ударил по ушам. Передатчик работал. Тогда Брайн еще раз вызвал Хиса и на этот раз услышал кодовый сигнал: «Вызов принят». Он схватил микрофон:

— Говорит Бренд. Как слышите? Мне нужно поговорить с Хисом. Прием.

К его удивлению, ответил профессор Крафт:

— Мне очень жаль, Бренд, но поговорить с Хисом вам не удастся. Полчаса назад он и его люди покинули Дис, и сейчас они находятся на пути к Ниджору. Мы все время прослушивали их частоту и поэтому приняли ваш вызов. Вы готовы? С каждым часом становится все опасней садиться на планету. Уже сейчас мне будет нелегко найти добровольцев, которые согласятся лететь за вами.

Хис улетел! Вместе со всей своей армией. Брай-

ну не сразу удалось освоиться с таким поворотом событий. Наконец он вспомнил, что Крафт ждет ответа.

— Ну, что ж… Раз они улетели… тут уж ничего не поделаешь. Я все равно собирался говорить с вами, Крафт — выслушайте меня и постарайтесь понять. Надо отменить бомбардировку. Я все-таки докопался до сути, я узнал, почему магты так странно себя ведут. Все еще можно исправить…

— Это можно сделать до полуночи? — прервал его Крафт; в голосе профессора звучало раздражение — даже святые устают.

— Конечно, нет, — Брайн нахмурился, чувствуя, что разговор принимает нежелательный для него оборот. — Но на это не уйдет много времени. У меня есть доказательства…

— Я и так вам верю, Бренд, — устало сказал Крафт. — Наверное, вы правы. Несколько часов назад я признал, что Хис был прав, когда предлагал свое решение проблемы. Мы наделали кучу глупостей, но самое страшное — мы упустили время. И теперь уже слишком поздно каяться… Мы сбросим бомбы в полночь, и я молю Бога, чтобы мы не опоздали. Вы не знаете, что наши специалисты советовали мне начать бомбардировку еще вчера в полночь, но я отказался от

их рекомендаций и собственной властью продлил это опасное ожидание еще на сутки. За это меня сместили — корабль с моим преемником уже вылетел с Ниджора. Теперь я понимаю, что превысил свои полномочия и поставил на карту судьбу собственной планеты, пытаясь спасти Дис. Но все тщетно! Дис нельзя спасти. Этот мир обречен — он уже почти погиб. И я не хочу больше ничего о нем слышать!..

— Но ваш долг…

— Мой долг — уничтожить эту проклятую планету! Все инопланетники уже покинули Дис, осталась только ваша группа. Я посылаю за вами корабль. Как только он заберет вас и стартует, я сброшу первую бомбу. А теперь сообщите мне ваши координаты.

— Не угрожайте мне, Крафт! — в ярости заорал Брайн. — Вы убийца! И не оправдывайтесь. Вы задумали массовое убийство. А я хочу вас остановить. Я знаю, где магты прячут кобальтовые бомбы — в крепости, на которую Хис напал прошлой ночью, адрес можете узнать у него. Захватите эти бомбы, и вам не придется сбрасывать ваши.

— Мне очень жаль, Бренд, — вздохнул профессор. — Я ценю ваши старания, но их тщетность

очевидна. Я не хочу обвинять вас во лжи, но вы сами-то понимаете, как неправдоподобно выглядят ваши заявления? Сначала — сенсационное открытие природы поведения магтов, потом, когда это не подействовало, вы вдруг вспомнили о бомбах. Мы искали эти бомбы несколько месяцев, вы сами еще три часа назад не знали, где они спрятаны. И вдруг…

— Я сам до конца не уверен, но это шанс! Талт засек в этой крепости источник сильной радиации. Но Талт мертв, его аппаратура уничтожена. Почему вы мне не верите?.. — Он замолчал, понимая, как неубедительна его бессвязная речь.

Передатчик молчал, Крафт терпеливо ждал продолжения, а Брайн уже потерял всякую надежду.

— Высылайте ваш корабль, — устало произнес он. — Мы скрываемся в бывшем здании треста легких металлов на окраине города. На первом этаже там большой пустой склад. Я не знаю точных координат, но, думаю, ваши люди легко его отыщут. Ждем вас. Я проиграл, Крафт… Мы все проиграли.

Глава 17

— Ты что, действительно, сдаешься? — спросила Леа. Она давно все объяснила Ульву и уже несколько минут слушала разговор Брайна с Крафтом.

Брайн неопределенно пожал плечами.

— А что мы можем сделать? Я старался… старался их убедить, ты сама слышала. Что может один человек против целой эскадры?

Словно в ответ на этот риторический вопрос Ульв выхватил из-за пояса духовое ружье и, быстро шагнув к трупу магта, всадил в симбиота острую короткую стрелу.

— Убей врага! Убей *умервика!*

Брайн изумленно уставился на дисанца.

— Ульв все прекрасно понял, — сказала Леа. — Он очень способный ученик, а о симбиозе знает столько, что мог бы читать лекции в любом земном университете. Оказывается, дисанцы хорошо знают, что такое симбиот — в их языке даже есть слово для его обозначения. Существо, союз с которым приносит пользу и ему, и человеку, зовется *мервик. Н*апример, веда — явный мервик. Паразит называется *умервик, и* это враг! Ульв

понимает, что в зависимости от обстоятельств одно и то же существо может быть и мервиком, и умервиком. Теперь Ульву известно, что этот симбиот — умервик, и он горит желанием уничтожать врага. И остальные дисанцы поступят точно так же, если им объяснить, что к чему.

— Ты уверена? — с интересом спросил Брайн.

— Да, уверена. Они по–своему решают проблему выживания — не так, как магты, но результаты получаются схожие. Дисанцы будут уничтожать симбиотов, даже если для этого им потребуется перебить всех магтов.

— Тогда улетать нельзя, — Брайн вдруг понял, что ему делать. — Сейчас придет корабль. Ты улетишь на нем и прихватишь с собой труп магта. А я останусь.

— Что ты собираешься делать? — с тревогой спросила Леа.

— Драться с магтами. Если я останусь на планете, Крафт не посмеет сбросить бомбы раньше срока. Правда, после полуночи его, наверное, уже ничто не остановит, но пока…

— Но ведь это самоубийство! Ты сам говорил, что один человек не может воевать с целым флотом. А если ты не успеешь уйти до полуночи?!

— Тогда я могу погибнуть… Но вот так просто

улететь я не имею права. Это называется «чувство долга». Я пойду в крепость и попытаюсь отыскать бомбы. Возьму с собой Ульва — может, он что-нибудь знает, но раньше не хотел говорить. Может, другие туземцы нам помогут… Надо драться!

Леа хотела что-то сказать, но Брайн не дал ей рта раскрыть.

— Тебе тоже придется поработать. Покажи им труп и постарайся растолковать Крафту, какую роль во всей этой истории играет симбиот в мозгу магта. Поговори со стариком о рейде Хиса и попробуй убедить его отсрочить бомбардировку. Я возьму с собой передатчик и, если что-нибудь найду, сразу сообщу. Шансов у нас почти никаких, но сидеть сложа руки все равно нельзя.

Леа еще пыталась спорить, но Брайн ее не слушал. Он лишь нежно поцеловал девушку и уверил ее, что все будет в полном порядке. В глубине души ни он, ни она в это не верили.

Неожиданно раздался грохот, и небо за окнами закрыла большая тень — прямо посреди улицы приземлялась десантная шлюпка ниджорского флота. В склад опасливо вошли вооруженные люди из спасательной команды. Они проводили в шлюпку Леа, и после недолгих препирательств согласились забрать труп магта. Корабль поспеш-

но взлетел, и Брайн долго провожал его взглядом, пока шлюпка не превратилась в черную точку.

— Пошли отсюда быстрее, — сказал он Ульву, запихивая в карман передатчик, — пока никто нас не заметил.

— Что ты хочешь делать? — спросил дисанец.

— У нас осталось всего несколько часов, — Брайн показал на солнце, которое уже склонилось к горизонту. — Отправимся в ту крепость, где я был прошлой ночью. Может, найдем бомбы… Ты случайно не знаешь, где их прячут?

Ульв отрицательно покачал головой.

— Я не знаю, но другие могут знать. Надо убить магта и показать нашим людям умервик. Тогда они все нам расскажут.

— Тем более надо идти в крепость — даже если там не окажется бомб, то магты найдутся обязательно. Как бы только туда добраться поскорее!

Дисанец на минуту задумался.

— Я знаю, где стоит машина чужеземцев. Мы можем поехать на ней, если ты умеешь управлять. Наши люди не умеют водить эти машины.

— Вездеход? Отлично! Пошли.

Им повезло. Вездеход попался новый, исправный — в замке зажигания торчали ключи, а энергетические батареи были полностью заря-

жены. Кроме того, эта машина оказалась легче обычного вездехода, и за городом Брайну удалось много из нее выжать.

Вездеход мчался по пустыне, оставляя за собой шлейф пыли, а солнце неумолимо скрывалось за горизонтом. Было уже шесть часов вечера… Пока они добрались до крепости, прошел еще час. Брайн чувствовал, как внутри нарастает напряжение…

Карабкаясь вслед за Ульвом по отвесной стене крепости, он отвлекся от мрачных мыслей и даже забыл на время о ниджорских бомбах, которые вот–вот должны были обрушиться на планету — он ждал кровавой схватки, и все остальное отошло сейчас на второй план.

Крепость была пуста. Они обшарили все этажи, добрались до подземелья и там окончательно убедились, что в замке нет ни одной живой души.

— Все ушли, — сказал Ульв, принюхиваясь. — Здесь было много магтов, но они все ушли.

— И часто такое случается?

— Никогда раньше не слышал о таком. Не понимаю…

— А я, кажется, понимаю. Магты сопровождают важный груз. Они решили перепрятать бомбы и… — Брайн запнулся. — Да нет же! Они повезли

их на пусковую площадку — готовятся начать! Пошли отсюда!

— Сюда как-то попадает свежий воздух… — с удивлением обнаружил Ульв. — Откуда он идет?

— Да мы тут прошлой ночью сделали форточку. Давай посмотрим.

Пройдя несколько коридоров, они вышли к пролому в стене.

— А дыра стала больше, — заметил Брайн. — Похоже, магты основательно ее расширили. — Он выглянул наружу и увидел на песке свежие следы колес. — Они тут что-то тяжелое таскали и куда-то грузили… Поехали!

Они бегом бросились к вездеходу — Брайн резко развернул машину и поехал по следам. Он выключил фары — вполне хватало света уже появившейся луны — и старался вести машину осторожно, чтобы не потерять направление. До конца оставалось всего четыре часа. Придерживая одной рукой руль, Брайн включил рацию, настроенную на волну ниджорского флота, и, получив ответ дежурного радиста, коротко сообщил о результатах вылазки и добавил:

— Немедленно сообщите Крафту. У меня нет времени говорить с ним — я иду по следу.

По следу пришлось идти долго. Около девяти

часов вечера они перевалили через гряду холмов и увидели впереди горы.

— Останови, — сказал Ульв. — Тут рядом есть пещеры. Магты могли выставить охрану. Надо идти тихо — на машине нельзя.

Они пошли пешком, по колено увязая в сыпучем песке. Брайн ни на шаг не отходил от колеи, Ульв прикрывал его и высматривал вражеские караулы. Но вокруг никого не было. В половине десятого Брайн понял, что они слишком рано бросили вездеход — колея все тянулась, и, казалось, конца ей не будет. Время от времени Ульв показывал пещеры, но следы упорно вели мимо, и кошмарный поход в неизвестность продолжался.

— Впереди еще пещера, — сообщил Ульв. — Тебе надо идти тише.

Они поднялись на вершину очередного холма и посмотрели вниз, в лощину. Песок серебрился в свете луны, две темных колеи прорезали лощину и исчезали в темном провале пещеры на другой стороне.

Брайн отполз назад и включил свою рацию. Ульв залег на гребне, изучая подходы к пещере.

— Важное сообщение, — прошептал Брайн в микрофон. — Запишите и передайте командую-

щему Крафту, — он твердил эту фразу тридцать секунд, проверяя время по часам, потому что сейчас каждая секунда промедления казалась ему часом, и он не верил сам себе.

Покончив со вступлением, он быстро и четко рассказал о том, как они вышли к пещере.

— …и здесь могут оказаться бомбы. Мы идем в пещеру. Свой передатчик я включу и оставлю здесь, чтобы вы могли его запеленговать. Другой передатчик, более мощный, я беру с собой — попробую вести передачу прямо из пещеры. Сомневаюсь, что сигнал пробьется через скалы, но все равно попытаюсь. Отвечать не надо, у меня нет наушников. Конец связи. Прощай, Леа, — добавил он и переключил рацию на постоянный сигнал.

Прячась за редкими камнями, они подобрались ближе к пещере. Вокруг было тихо. Брайн взглянул на часы — половина одиннадцатого!

Метрах в пяти от входа они залегли в последний раз, теперь от цели их отделял один бросок… Вокруг по–прежнему царила тишина, и Брайн уже приподнялся, чтобы ринуться вперед, но Ульв неожиданно схватил его за плечо и настойчиво потянул вниз. В ответ на удивленный взгляд дисанец показал на свой нос, потом на пещеру —

он услышал запах магтов. Пока Брайн пытался что-нибудь разглядеть в темном провале входа, Ульв вскочил и быстро поднес к губам духовое ружье — раздался тонкий свист, Брайн увидел падающего магта, но прежде чем тело коснулось песка, Ульв метнулся к пещере, оттуда донесся короткий стон, и снова наступила тишина. Вытащив пистолет, Брайн осторожно приблизился к входу, не совсем понимая, что там произошло.

— Их было двое. Можно идти дальше, — послышался из темноты шепот Ульва.

В пещере было темно, как в могиле. Брайн не решился включать фонарь, и, если бы не умение Ульва отыскивать магтов по запаху, они бы долго блуждали в этом бесконечном лабиринте залов и коридоров. Приходилось идти на ощупь, держась за стену, скоро Брайн в кровь расцарапал ладони и совершенно перестал ориентироваться в этом подземелье. Ульв шел по запаху — если запах вдруг слабел, приходилось возвращаться и искать другой путь. Продвигались они медленно, а время летело стремительно, и часы показывали уже без четверти двенадцать.

— Впереди свет, — прошептал Ульв.

Коридор выходил в круглый зал, освещенный мощными переносными фонарями. Брайн с Уль-

вом затаились в тени.

— Что это? — спросил дисанец, мигая от яркого света.

Брайн чуть не закричал от радости.

— Железная клетка в центре зала — это джамп–установка, а рядом — бомбы. Мы нашли их, Ульв!

Установка была примитивная — не установка даже, а наспех переделанный корабельный джамп–генератор средней мощности, от которого тянулись провода к грубой металлической клетке, изготовленной явно вручную. Брайн внимательно рассматривал установку, понимая, что должен подробно все рассказать ниджорцам, иначе ему опять не поверят, а неубедительное сообщение сейчас принесет больше вреда, чем пользы.

Возле генератора он увидел трех инопланетников — они возились с аппаратурой — и мимоходом подумал, что магты, должно быть, хорошо заплатили мерзавцам за работу и, даже разглядев цепи у них на ногах и кровавые полосы на спинах, не почувствовал к инженерам никакой жалости. Очевидно, они, польстившись на деньги, согласились участвовать в войне на стороне магтов, но потом поняли, что сами по-

гибнут — спохватились, стали бунтовать, и тут уж магты поговорили с ними по–своему.

Рядом с установкой лежали бомбы. Двенадцать штук. Больше всего они походили на яйца гигантских птиц — каждая бомба была метра два длиной. По всей видимости, это были снятые с ракет боеголовки — на одной Брайн даже заметил зажимы, которыми она крепилась к носителю. В ярком свете фонарей металлические оболочки ярко блестели.

Без десяти двенадцать!

Брайн отошел шагов на пятьдесят в глубь коридора, чтобы его не было видно и слышно из зала, и достал передатчик. Тщательно настроившись на волну ниджорского флота, он послал вызов, а затем медленно и подробно описал все, что увидел в пещере. Он старался говорить спокойно, без эмоций и комментариев, излагая только факты и напирая на необходимость отложить бомбардировку Диса. Закончил он за шесть минут до полуночи и, переключившись на прием, стал ждать ответа.

Ответа не было…

Еще не осознав, что происходит, Брайн до отказа повернул ручку громкости и все равно ничего не услышал. Мертвая тишина — не было слышно

даже обычного треска атмосферных разрядов. И вот тут он понял… Сигнал не проходил сквозь толщу скал, местные породы образовывали экран, через который не мог пробиться самый мощный передатчик. Ниджорцы просто не услышали его, и через несколько минут начнется бомбардировка. Вот сейчас, наверное, уже распахнулись бомбовые люки, и из них показались водородные бомбы, удерживаемые только тонкой металлической сеткой. Сейчас командир отдаст приказ, сетку отпустят…

— Убийцы! — в отчаянии закричал Брайн в микрофон. — Вы не слушали меня, не слушали Хиса… Кретины! Уничтожить целую планету, хотя в этом нет никакой необходимости! Все можно было сделать иначе, но вы никого не слушали. Сейчас вы уничтожите Дис, но и для Ниджора это не пройдет даром. И не надейтесь! Это я вам говорю — Брайн Бренд. Черт бы вас всех побрал, неудачники проклятые! — Он с силой швырнул передатчик в стену и пошел к Ульву.

Дисанской цивилизации оставалось жить около двух минут.

— Меня не услышали! — мрачно сказал Брайн дисанцу. — Отсюда не доходит сигнал.

— Значит, бомбы упадут? — спросил Ульв, гля-

дя ему в глаза.

— Если не случится чуда… то бомбы упадут.

Им оставалось только ждать. Инженеры в пещере вдруг заволновались, бросили работу, стали что-то кричать магтам, показывая на часы. Но до магтов ничего не доходило, они не могли понять, что происходит, и угрожающе надвинулись на пленников.

Стрелки на часах Брайна коснулись двенадцати, оставалось еще десять секунд. Они прошли очень быстро — секундная стрелка перевалила за роковую отметку и бодро побежала дальше.

Брайн облегченно перевел дух, но тут же вспомнил, что находится глубоко под землей — звук распространяется медленно, если бомбы упали ровно в двенадцать, то…

В эту минуту вздрогнула земля, и он услышал отдаленный грохот — с потолка посыпался песок, в зале замигал свет. Ульв резко повернулся к нему, но Брайн поспешно отвел взгляд, он не мог спокойно смотреть в глаза дисанцу.

Один из инженеров с криком бросился бежать, двое магтов догнали его, сбили с ног и принялись молча избивать. Глядя на это, двое других инопланетников под пристальными взглядами магтов вернулись к работе. Как и следовало ожи-

дать, бомбардировка не произвела на магтов ни малейшего впечатления, они методично продолжали осуществлять свой гибельный план; их не волновала судьба Диса их вообще ничего не волновало, они просто шли прямо к намеченной цели — они не умели сворачивать.

Инженеры тем временем вышли из оцепенения и энергично взялись за работу. Очевидно, они смирились с судьбой, понимая, что жить им осталось недолго — невидимая, но гибельная радиация уже проникла в пещеру — но перед смертью решили отомстить.

— Что делают эти чужеземцы? — спросил Ульв.

Брайн выглянул в зал — там уже подвозили к установке первую бомбу.

— Они собираются бомбить Ниджор. Эта машина может послать бомбу на другую планету.

— Ты хочешь помешать им? — спросил дисанец ровным голосом; в руках он сжимал духовое ружье.

Брайн подумал, что ситуация складывается абсурдная — дальше некуда. Как ни старался он удержать ниджорцев, они все-таки сбросили бомбы на Дис. Теперь Брайн может помешать магтам нанести ответный удар, но стоит ли?.. Или

лучше вспомнить древний принцип «Око за око, зуб за зуб», и пусть события развиваются своим чередом. Через несколько минут установка заработает, и на Ниджор обрушится справедливое возмездие за гибель дисанцев и за скорую смерть самого Брайна.

До каких же пределов может простираться у человека чувство долга? Наверное, впервые оно появилось у пещерного человека — по отношению к своей семье, своему племени. Оно росло и крепло со временем, и, повинуясь чувству долга, люди защищали свои города, потом — страны и, наконец, — планеты. Кажется, пришло время понять, что самое главное — долг перед человечеством, а может быть, и перед любой жизнью в галактике.

Брайн достал пистолет и спросил:

— А ты хочешь остановить их, Ульв?

— Ниджор — мервик, — ответил дисанец и, подняв духовое ружье, выстрелил в пещеру.

Стрела попала в голову инженеру — он вскрикнул и упал. Брайн нажал на курок, целясь в контрольный щит установки, и через минуту тот превратился в груду горящего железа. Ниджору больше ничто не угрожало.

Ульв сказал «мервик», — думал Брайн, посы-

лая в пещеру пулю за пулей. Так называется существо, которое объединяется с другими и помогает им в борьбе за жизнь — оно может убить защищаясь, но по своей природе оно не убийца. Ульв быстро ухватил самую суть и, не вдаваясь в философские тонкости, сделал выбор. Сейчас он дрался за жизнь против нежити — он убивал магтов, своих соплеменников, потому что они были «умервик», и спасал от гибели Ниджор, потому что «Ниджор — мервик». Не многие миры смогли подняться до понимания этой простой идеи, и вот скоро один из них погибнет.

Магты быстро опомнились и, сообразив, откуда летят пули и стрелы, молча устремились на врага. Брайн с Ульвом отчаянно защищались. Брайн знал, что обречен, но он ненавидел магтов и хотел подороже продать свою жизнь. Отстреливаясь, они медленно отступали по коридору. Магты преследовали их, стреляя из ионных бластеров, и лиловые вспышки время от времени разрывали темноту. Им удалось ненадолго оторваться от погони, но вскоре Брайн увидел впереди свет фонарей и понял, что их окружили.

— Они знают тут каждый коридор, — сказал он Ульву. — Нам не уйти. Надо найти такое место, где будет легко обороняться.

— Тут рядом я видел небольшую пещеру. Вход очень узкий.

— Идем!

Им удалось незамеченными добраться до этой пещеры — они залегли у входа и стали ждать. Приближалась развязка.

Скоро показался магт с фонарем в руке, он быстро бежал по коридору и заглядывал во все щели. Луч света метнулся в их сторону, и Брайн выстрелил. Не дожидаясь, пока на выстрел прибегут другие, он подбежал к убитому, схватил фонарь и, поставив его на выступ стены, вернулся обратно. Теперь коридор был освещен, и Брайн хотя бы видел, куда ему стрелять. Ждать пришлось недолго, из-за угла выбежали два магта и тут же упали, сраженные пулями. Но уже сбегались магты со всего подземелья, их было много, и Брайн подумал, что если они, несмотря на отсутствие воображения, все-таки вспомнят о гранатах, то им с Ульвом одной вполне хватит…

Где-то совсем рядом вдруг прогремел взрыв, потом послышалась частая стрельба. Брайн вжался в камень и, внимательно глядя в коридор, пытался понять, почему не начинается атака. Из-за угла показался еще один магт — он неуверенно пятился и стрелял почему-то совсем в другую

сторону. Брайн так удивился, что забыл нажать на курок. Но хладнокровный Ульв поднял свою трубку, и магт мгновенно умер.

— Не стреляйте! — послышался голос, и в коридоре появился человек.

Это был ниджорец в военной форме! Брайн едва успел схватить Ульва за руку. Он ничего не понимал. Как? Откуда? Брайн сам слышал, как взорвались бомбы… Но ниджорец стоял перед ними во плоти, и это никак не укладывалось у Брайна в голове.

— Только не отпускайте его, — ниджорец со страхом глядел на духовое ружье. — Я эти стрелы знаю.

Через минуту пещера была полна ниджорцев. Одним из последних вошел профессор Крафт, военный мундир смотрелся на нем довольно странно. С явным облегчением профессор отдал кому-то пистолет, который в его руках выглядел совсем уж неуместно, и, подойдя к Брайну, крепко пожал ему руку.

— Я очень рад лично встретиться с вами и с вашим другом Ульвом.

— Может, вы мне тогда объясните, что это все значит, — тупо спросил Брайн; он почему-то никак не мог отделаться от мысли, что «все это»

происходит во сне.

— Мы никогда не забудем человека, который спас нас от самих себя! — торжественно произнес Крафт.

— Оставьте ваши речи на потом, профессор! — раздался знакомый голос, и Хис, пробравшись через толпу, встал рядом с Крафтом. — Короче говоря, Бренд, ваш план удался. Крафт передал мне ваше сообщение, и я тут же отправился на флагманский корабль. Мне очень жаль, что Талт так глупо погиб, но парень все-таки нашел то, что мы все искали. Как раз когда я уговаривал профессора отправить десант за бомбами, появилась ваша девушка с трупом магта. Она очень доступно все нам объяснила и даже показала этого зеленого паразита… Ну, что я вам рассказываю — вы и сами знаете! Мы уже приземлились, когда получили ваше последнее донесение. После этого нам оставалось только запеленговать ваш передатчик около пещеры.

— А взрывы в полночь? — перебил его Брайн. — Я сам слышал.

— Ах это! — рассмеялся Хис. — Мы имели основания думать, что пещера хорошо охраняется, поэтому в полночь сбросили у входа несколько фугасных бомб. Магты решили, что это начало

бомбардировки, и отступили в глубь пещеры, чтобы закончить свое дело. Тогда мы высадили десант, ворвались в это подземелье и взяли их тепленькими. Правда, многих пришлось убить, но кое–кого даже захватили в плен.

— Один из инженеров был еще жив, когда мы туда ворвались, — добавил Крафт. — Он рассказал, как вы вдвоем уничтожили установку…

Ниджорцы молчали, но Брайн ясно чувствовал их благодарность и глубокую признательность. Я тоже вас не забуду, — подумал он.

— Бомбы не упали, — объяснил он Ульву, который стоял рядом, ничего не понимая, — и уже не упадут. Подождите! — крикнул он ниджорцам, только сейчас сообразив, что в рассказе Хиса есть пробел. — Вы получили мое последнее сообщение только когда сели. Значит, вы сами решились на десант и отменили бомбардировку. Но почему? Вы ведь ничего точно не знали. Вы могли не успеть, и тогда магты разбомбили бы Ниджор. Проще было сбросить бомбы. Я не понимаю!

— Мы не могли поступить иначе, — удивленно сказал Крафт. — Мы ведь узнали, что магты больны.

Хис громко рассмеялся, увидев, как у Брайна вытянулось лицо.

— Ну что, проникаетесь понемногу духом Ниджора? Когда дело касается войны, мои соплеменники совершенно не внемлют голосу разума. Война — явление столь чуждое нашему народу, что многие просто не понимают, как это можно убивать людей. Плохо быть единственным вегетарианцем среди хищников. Один раз нам это боком выйдет. Уже чуть не вышло! Нормальные люди давно бы сбросили на Дис бомбы, и все тут. А мы чуть не погубили оба мира. Ваше открытие буквально вытащило нас из пропасти, в которую мы стремительно падали.

— Не понимаю… — выдавил из себя Брайн.

— Сейчас объясню. До вашего появления мы никогда не имели дела с магтами и ничего о них не знали. Их действия не поддавались объяснению, и наши ответные меры, естественно, не имели никакого успеха. Мы не понимали, что происходит на Дисе, и дело шло прямиком к катастрофе. Но вот вы обнаружили, что магты больны, и все встало на свои места. Явление получило название — теперь мы знаем, что надо делать. Мы вновь объединились — моя армия влилась в ниджорские силы самообороны. Вся планета усиленно трудится, а корабли с врачами уже в пути.

— И все это потому, что магты больны? — переспросил Брайн.

— Ну да, — ответил профессор Крафт. — В конце концов, мы цивилизованные люди. Не думаете же вы, что мы будем воевать с больными?

— Ну… конечно, не будете, — сказал Брайн, тяжело садясь.

Он улыбнулся и посмотрел на Ульва, для которого все эти разговоры были сплошной абракадаброй.

— Хис, — позвал Брайн. — Объясните это Ульву, пожалуйста. У меня все равно не получится.

Глава 18

Из космоса Дис напоминал сверкающий золотой шар — красивая картинка из школьного учебника астрономии. Планета буквально излучала свет и тепло и казалась среди необъятного холодного мрака какой-то уютной и почти родной. Брайн смотрел на нее в иллюминатор и, кутаясь в теплую куртку, думал, что неплохо было бы сейчас оказаться где-нибудь в пустыне, под палящим дисанским солнцем… Оставалось только надеяться, что организм скоро надумает переключиться на зимний режим, и тогда ему не придется больше мерзнуть.

У него за спиной бесшумно возникла Леа — Брайн увидел в иллюминаторе ее отражение и почувствовал над ухом легкое дыхание. Он быстро обернулся и взял девушку за руку.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Надеюсь, что да, — она автоматически поправила волосы. — Я ведь целую неделю отдыхала — валялась в госпитале, пока ты весело проводил время на Дисе. Говорят, вы объехали всю планету, отстреливая магтов.

— Ну, мы их всего лишь усыпляли. Ниджорцы

ведь не могут никого убить. А вот дисанцев во главе с Ульвом пришлось удерживать — они с радостью убивали умервиков.

— И что ниджорцы собираются делать с этими сонными магтами.

— Сами еще толком не знают. Для начала они хотят посмотреть, что получится, если удалить из мозга паразита. С детьми, конечно, будет проще — их мозг еще не сильно поражен.

Леа прижалась к нему.

— Я еще слаба. Давай присядем.

Напротив иллюминатора стоял мягкий диван.

— По–моему, удалить симбиота — не самое остроумное решение, — заметила Леа. — Даже если магт переживет шок, он скорее всего навсегда останется полным кретином. Мне на такие эксперименты смотреть не хочется. Надеюсь, ниджорцы найдут другой выход — более гуманный.

— Обязательно найдут, — согласился Брайн.

— Ну, а что же мы? — спросила Леа, поглаживая его по руке. — Слушай, у вас на Анваре все такие горячие? Это очень возбуждает.

Брайн смутился.

— А что мы? — переспросил он.

— А тогда, ночью в госпитале ты так не смущал-

ся, — улыбнулась Леа. — Мне помнится, ты там что-то такое говорил… и делал тоже. Надеюсь, ты ко мне не совсем равнодушен. Короче говоря, я тебя спрашиваю прямо, как спрашивают девушки у вас на Анваре: что мы будем делать? Я имею в виду, когда мы поженимся?

Брайну было приятно чувствовать под рукой ее упругое теплое тело, мягкие волосы девушки щекотали ему лоб, и все было хорошо и замечательно, но ответ Брайна прозвучал явным диссонансом этой идиллии.

— Леа, дорогая! Ты для меня очень много значишь. Но ты должна понять, что мы не можем пожениться.

Девушка напряглась и резко отодвинулась.

— Эй, что это значит?! Что ты хочешь сказать, жирный анварский кот? Ты, наверное, думаешь, что я из тех девушек, с которыми можно хорошо провести время, а потом сделать ручкой?

— Леа, подожди! Тут дело совсем в другом. Если брак — значит, дети, а ты биолог и прекрасно знаешь, что земные гены…

— Тупая деревенщина! — закричала она, кидаясь на него. — Я думала у тебя больше ума! А ты обычный провинциальный дурак. Земные гены! Я знаю, вы все презираете нас за наш ма-

ленький рост, за подверженность аллергиям, за гемофилию и другие хвори, которые передаются из поколения в поколение. Вы ненавидите…

— Да я совсем не это имел в виду, — прервал ее Брайн. — Я хотел сказать, что у тебя хорошие, сильные гены, а у меня… Ребенок от меня скорее всего умрет при родах, если только это не случится еще раньше. Дело в том, что подлинный человек это ты, а я — недавняя мутация.

Леа застыла, как громом пораженная — раньше ей просто не приходило это в голову.

— Земля — это дом, — продолжал Брайн. — Родина человечества. Может, ваши гены и ослабли за последнюю тысячу лет, но они крепли миллионы. Сколько новорожденных на Земле доживает до года?

— Ну… почти все. Какая-то доля процента умирает, но очень мало.

— Земля — это дом, — мягко повторил он. — Люди покинули свой дом, и они смогли приспособиться к самым разным условиям на многих планетах, но за это приходится дорого платить, а самая ужасная цена — мертвые дети. Успешная мутация выживает, неудачная — нет: естественный отбор — жестокая штука. Мне повезло, но у моей матери было еще шестеро детей, и все они

умерли, не дожив до года, а еще несколько даже не родились. Ты просто не знала об этом, Леа.

— Да–да! — она всхлипывала, закрыв лицо руками. — Я все понимаю, потому что я биолог, но мне надоело быть только биологом. Я еще и женщина. И ты мне нужен, Брайн, ты очень мне нужен. Я люблю тебя! — Она вытерла глаза. — Ты собираешься вернуться домой? Когда?

— Наверное, очень скоро, — печально ответил Брайн. — Куда мне деваться? Анвар — моя родина, я часть Анвара. На Дисе я отдал свой долг, но у меня есть долг и перед Анваром. Мне надо вернуться — это очень важно.

— Я бы хотела отправиться туда с тобой, — это был не вопрос, а скорее, утверждение.

— Это невозможно, Леа! Ты не сможешь жить на Анваре.

Леа бросила взгляд в иллюминатор.

— В глубине души я подозревала, что этим кончится. Я очень рано поняла, что на Земле не смогу найти себе мужа, и в девичьих мечтах мне представлялся этакий космический герой, которого я обязательно встречу где-нибудь в просторах космоса. Наверное, ты оказался просто немного похож на него. Но все это ерунда! Я взрослый человек, мне нравится моя работа, я не променяю

ее на банальное замужество и скорее всего так и умру старой девой. Передавай от меня привет своей будущей жене.

Дис в иллюминаторе слегка качнулся — их корабль поворачивал к Ниджору. И было в этом что-то символичное — позади осталась не просто еще одна планета на их пути, позади осталось нечто очень важное для них обоих.

— А у вас грустный вид, — заявил Хис, появляясь из-за угла.

— Подите вы к дьяволу! — выпалила Леа.

Хис никак не отреагировал — он вообще стал гораздо добродушней с тех пор, как сложил с себя полномочия командира террористов. Он присел рядом с ними на диван и безо всяких предисловий спросил:

— Хотите и дальше работать в ЦРУ, Брайн? Нам нужны такие люди.

Брайн изумленно посмотрел на него.

— Так вы тоже из Центра?

— Прошу любить и жаловать — полевой агент на Ниджоре! — рассмеялся Хис. — Неужели вы думаете, что вся наша организация состоит из чиновников вроде Фоссела? Такие у нас перебирают бумаги и служат прикрытием, а работают настоящие люди. Я, например, работаю на Ни-

джоре. Отличная планета, но и там не обойтись без нашего вмешательства. Нужно помочь им найти свое место в галактике.

— Вы ведете какую-то грязную игру, Хис, — заявила вдруг Леа. — Мне кажется, ваш Центр не такая уж безобидная и бескорыстная организация. Чего вы, в конце концов, добиваетесь? Власти над галактикой?

— Вот стоит рассекретить нашу деятельность, и такие обвинения на нас посыплются градом, — спокойно заметил Хис. — Поэтому мы и действуем тайно. Нам не нужна власть, Леа, и я сейчас докажу вам это с цифрами в руках. Как вы думаете, откуда мы берем деньги на свои операции? — Он улыбнулся. — Чуть позже вы сможете посмотреть документы, и тогда у вас не останется сомнений. В основном, это пожертвования — пожертвования планет, которым мы помогаем. Нам не нужна власть — мы помогаем одним мирам, получаем за это деньги и на эти деньги организуем помощь другим.

— А почему вы рассказываете мне такие секретные сведения? — с подозрением спросила Леа.

— А разве не понятно? Мы хотим, чтобы вы работали в ЦРУ. Можете назвать любое жалованье — мы не испытываем недостатка в

средствах. — Хис хитро посмотрел на них и добавил: — Я думаю, Брайн тоже согласится работать на нас. Из него получился отличный агент, таких редко удается найти.

— Покажите, где подписаться, — бодро сказала Леа.

— Вы отлично владеете приемами психологической обработки, — улыбнулся Брайн. — Правда, люди менее воспитанные называют это шантажом. Но на этот раз не стоило прилагать столько усилий.

— Вы согласны? — спросил Хис.

— Я должен вернуться на Анвар… но я больше не тороплюсь.

— А Земля и так перенаселена, — добавила Леа.

Планета, с которой не возвращаются

Глава 1. Одиночка

Как только маленький кораблик вошел в верхние слои атмосферы, он засветился словно метеорит. По мере того как нарастало трение, свечение усиливалось, красный свет стал белым. Обшивка из сверхпрочного сплава все-таки не была рассчитана на такую температуру. С носового обтекателя срывались языки пламени — горел металл. Вдруг, когда уже казалось, что огонь вот–вот поглотит корабль, огненное облако прорезало яркое пламя тормозных дюз. Если бы это было неуправляемое падение, корабль наверняка бы разбился. Но пилот знал свое дело, он в последний момент включил двигатели. И снизил скорость падения корабля ровно настолько, чтобы температура далее не росла.

Звездолет падал сквозь облака вниз, на покрытую травой равнину, которая теперь приближалась с угрожающей скоростью. Когда фатальный исход казался уже неизбежным, двигатели включились опять, сотрясая корабль перегрузками в несколько "g". Несмотря на отчаянный рев дюз, корабль врезался в почву с оглушительным треском; посадочные опоры круто выгнулись.

Когда рассеялись тучи пыли и дыма, крохотный лючок на носу обтекателя провалился внутрь и из отверстия медленно выползла головка перископа. Она тихо вращалась, охватывая безлюдный с виду пейзаж: безбрежное море травы и далекие деревья.

Вдали промчалось и скрылось из виду стадо перепуганных животных. Перископ продолжал вращаться — но вдруг замер, уставившись на останки боевых машин, что громоздились поблизости — на огромном, изрытом воронками поле битвы.

Зрелище было жуткое. Поле усеивали сотни, а может, и тысячи боевых машин, — скрученных, покореженных, смятых страшной, неведомой силой. Могильник простирался почти до горизонта. Перископ покачивался вперед–назад, как бы ощупывая ржавые корпуса, потом втянулся внутрь корабля, лючок сразу захлопнулся. Прошло несколько томительных минут; с громким скрежетом откинулся люк воздушного шлюза.

Немного погодя в проеме люка появился человек. Его движения были осторожны, дуло ионного ружья подрагивало, словно хобот диковинного животного. Человек был облачен в тяжелый скафандр с ТВ–камерой на шлеме: та являлась

основным элементом системы наружного наблюдения. Обводя взглядом окрестности, держа палец на спусковом крючке, он медленно опустил свободную руку и нажал кнопку передатчика на запястье.

— Продолжаю доклад за бортом корабля. Иду медленно, стараюсь восстановить дыхание. Все кости болят. Посадку провел практически в режиме свободного падения. Снижение прошло быстро, но в момент касания перегрузки составили 15 "g". Если меня все же засекли при спуске, то пока последствий не заметно. Буду говорить на ходу. Передача записывается на борту моего космического крейсера, который лежит на околопланетарной орбите, как раз надо мной. Что бы со мной ни случилось, запись сохранится. Я не намерен действовать столь же непрофессионально, как Марцилл.

Он не испытывал угрызений совести оттого, что дал волю чувствам, упомянув в докладе погибшего. Если бы Марцилл соблюдал элементарные меры предосторожности, то остался бы жив. Осторожность осторожностью, но этот осел мог бы подумать и о том, чтобы оставить после себя запись. Но не оставил ничего, совсем ничего, что могло бы хоть как-то прояснить случившееся,

ни единого слова, которое сейчас очень бы помогло. Тут Хартиг негодующе фыркнул. Посадка на новую планету всегда опасна, вне зависимости от того, насколько мирно эта планета выглядит. И Сельм-2 тут не исключение. Да и выглядит она вовсе не мирно. Для Марцилла то задание было первым. И последним. Он сделал на орбите последнюю запись, в которой указал предполагаемые координаты посадки. И больше ничего. Осел. Больше он на связь не выходил. Вот тогда и было принято решение послать специалиста. Для Хартига это был семнадцатый планетарный контакт. И он собирался использовать весь свой опыт, чтобы этот контакт не стал последним.

— Теперь я понимаю, почему Марцилл выбрал это место. Здесь ничего нет, кроме травы, вокруг открытое пространство. К тому же тут, рядом с местом посадки, было сражение — и не очень давно. Поле боя находится прямо передо мной. Много разбитых боевых машин различных типов, в прошлом довольно грозных. Я хочу подойти поближе и осмотреть их.

Хартиг закрыл люк и не спеша направился к кладбищу машин, не переставая сообщать, что происходит:

— Машины очень большие, ближайшая ко мне

не меньше пятидесяти метров в длину. Она на гусеничном ходу и имеет одну башню с огромным орудием. Оно разбито. Отсюда не видно никаких опознавательных знаков. Хочу подойти поближе. Но честно говоря, не нравится мне все это. С орбиты не удалось заметить ни единого города, не было засечено каких-либо передач или переговоров ни в одном диапазоне. И вот вам поле боя и эти развалюхи! Совсем не игрушечные. Эти штуки — продукт высокоразвитой технологии. И это не фантомы. Вот эта, например, сработана из металла — и тем не менее взорвалась. Я не вижу никаких опознавательных знаков. Попробую заглянуть внутрь. Люков отсюда не видно, но в борту такая дырища — на тракторе въехать можно. Вхожу внутрь. Может быть, здесь есть документы, во всяком случае должны же быть таблички или надписи на панели управления…

Хартиг замер на месте, ухватившись рукой в перчатке за рваный край пробоины. Неужели послышалось? Осторожным движением прибавил чувствительность внешнего микрофона. Теперь он слышал, как в металлических руинах свистит ветер. И больше ничего. Он послушал еще немного, пожал плечами и повернулся к пробоине в борту машины.

Внезапно среди ржавых развалин эхом пронесся металлический лязг. Хартиг развернулся и, рухнув на землю, взял ружье на изготовку.

— Снаружи что-то движется. Пока не вижу, что именно, но слышу вполне отчетливо. Подключаю внешний микрофон к передающей цепи, чтобы записать звук. Он становится все громче, это, похоже, колеса, а может, гусеницы, слышу лязг, скрип. Машина… вот она!

Машина выскочила из-за развалин с оглушительным грохотом. Она была невелика, не более пяти метров в длину, и мчалась вперед с пугающей скоростью. Гладкая, черная, зловещая. Хартиг было прицелился, но тут же снял палец с крючка, заметив, что машина проносится мимо. Та развернулась и поддала ходу.

— Она направляется к моему кораблю! Похоже, меня засекли при посадке. А теперь нащупали то ли радиодетектором, то ли радаром. Включаю бортовую защиту через дистанционный пульт. Как только эта штука войдет в зону поражения — сразу взлетит на воздух… Есть!

Загремели взрывы, — бортовые скорострельные орудия изрыгали смертоносный огонь. Почва содрогнулась, в воздух взлетели камни, грязь. Орудия смолкли — стрельба сразу возобновилась,

как только машина вырвалась из тучи пыли. Целая и невредимая.

— Да, крепкая штучка и шустрая, ничего, главный калибр ее достанет…

Жуткий грохот потряс землю, грохот проник даже сквозь металлические стены, окружавшие Хартига; медленно осело облако красной пыли. Хартиг выглянул, обмер и произнес бесцветным голосом:

— Мой корабль взлетел на воздух. От первого же выстрела этой чертовой штуки. Наши орудия против нее бессильны. Теперь она поворачивает сюда. Похоже, засекла мой радиопередатчик или тепловое излучение. Отключать передатчик уже не имеет смысла. Она движется прямо на меня. Я стреляю, но безрезультатно. Не видно никаких люков или окон. Вероятно, экипаж использует телевизионную систему обзора. Пытаюсь стрелять по выступающим частям на передке. Надеюсь, это ТВ–камеры или датчики. Но похоже, ее не остановить…

Раздался взрыв и звук резко оборвался — радиопередача прекратилась. Высоко на орбите, на космическом крейсере, центр управления автоматически начал поиск радиосигнала, но безуспешно. Потом были проверены все резервные

диапазоны. Тоже ничего. С механической дотошностью центр повторил поиск на максимальной чувствительности — но не обнаружил ничего, кроме атмосферных помех. И так в течение двадцати четырех часов с интервалом в один час. Когда программа поиска была выполнена, центр управления автоматически включил радио и прокрутил запись доклада, переданного человеком с поверхности планеты. Закончив передачу, центр перевел все системы в режим минимального обеспечения и с нечеловеческим терпением принялся ожидать следующей команды.

Глава 2. Запах смерти

— Что такое? Случилось что-нибудь? — спросила Леа. Она ощутила плечом, как напряглось тело Брайана. Они лежали на низком диване и расслабленно глядели сквозь иллюминатор на усыпанное звездами пространство. Его могучая рука обвивала тонкую талию женщины, поэтому Леа сразу почувствовала возникшее в нем напряжение.

— Ничего не случилось, в самом деле ничего. Ты только посмотри, какие цвета…

— Послушай, милый, ты комок мышц! Может, ты и лучший тяжелоатлет в Галактике, но врун из тебя никудышный. Ведь что-то случилось, а я никак не пойму что.

Брайан замялся, а затем кивнул:

— Рядом кто-то есть, раньше его не было. От него следует ждать неприятностей.

— Я верю в твои телепатические способности. Видела в деле. Знаю, ты можешь улавливать чужие эмоции. Но мы в глубоком космосе, до ближайшего солнца многие световые годы — как может кто-то появиться на борту корабля? — Она запнулась и посмотрела в иллюминатор на звез-

ды. — А, конечно, посадочная капсула. Наверное, кого-нибудь встречаем. Ориентация изменилась. Не видно там крейсера ССП? Наверное, кто-нибудь переправляется с него в капсуле.

— Уже переправился. Он на борту. Идет сюда, к нам. Не нравится мне все это. И человек не нравится — а точнее, то, что он нам несет.

Одним движением Брайан поднялся и, сжав кулаки, развернулся. Несмотря на свои добрых шесть футов роста и триста фунтов веса, двигался он как кошка. Леа глянула на возвышающуюся перед ней фигуру и почти физически ощутила напряжение.

— С чего ты взял? — спокойно спросила она. — Ты прав, конечно, кто-то прибыл на борт нашего корабля, но, возможно, к нам это не имеет ни малейшего отношения…

— Погиб то ли один человек, то ли двое. И этот, который идет к нам, — от него тоже пахнет смертью. А вот и он.

Леа в изумлении раскрыла рот, когда услышала, как за ее спиной распахнулась дверь каюты. Она испуганно оглянулась. Послышался громкий шорох и сразу глухой стук. Опять шорох, опять стук. Все громче и ближе. Наконец в проеме показался человек. Он неуверенно оглянулся,

заморгал, словно у него было не все в порядке со зрением.

Леа пришлось собрать всю свою волю, чтобы не отвернуться и стереть с лица гримасу невольного отвращения. Человек медленно перевел свой единственный глаз с Леа на Брайана. Затем двинулся вперед, волоча изувеченную ногу, на каждом шагу пристукивая костылем. Та же неведомая сила, которая изуродовала ноги незнакомца, начисто снесла правую половину его лица. Ее покрывала нежная розовая кожа, пустая глазница была прикрыта повязкой. Не было у него и правой руки, но к плечевому суставу был привит зародыш, который через год обещал превратиться в полноценную руку. Но то, что болталось сейчас у его плеча, скорее напоминало детскую ручонку, сантиметров тридцати длиной. Худой, скрюченный человек встал рядом с могучим Брайаном.

— Меня зовут Карвер [Carver — «мясницкий нож» (англ.)], — произнес он, как бы потешаясь над собственным обликом. — Я пришел сюда, чтобы встретиться с вами, Бренд.

— Знаю, — напряжение оставило Брайана столь же внезапно, как и появилось. — Присядьте, передохните немного.

Леа невольно отодвинулась, когда Карвер со вздохом опустился на диван рядом с ней. Она заметила, как он, обливаясь потом и тяжело дыша, выудил из кармана капсулу и бросил в рот. Затем искоса взглянул на нее и кивнул.

— Доктор Леа Морис, — произнес он, — вас это тоже касается.

— ФКС? — спросил Брайан.

Карвер утвердительно нагнул голову:

— Фонд культурных связей. Как я понимаю, вы уже сотрудничали с нами?

— Да, но то был экстренный случай.

— У нас что ни случай — то экстренный. Вот и сейчас дело очень серьезное. Поэтому меня и послали встретиться с вами.

— Но почему именно с нами? Мы буквально на днях выбрались с Диса, а там была крутая заварушка. Леа даже заболела. И нам обещали, что передышка будет дольше обычной. В принципе, мы согласны и дальше сотрудничать с вами, но именно сейчас…

— Я уже говорил — у нас что ни случай, то экстренный, — голос Карвера звучал хрипло, здоровую руку он зажал между коленями, чтобы унять дрожь. На него явно навалилась боль или усталость — или то и другое вместе, — но он не

сдавался. — Я, как видите, только что вернулся со срочного задания, а то сам бы отправился. Если вам будет легче, то могу сообщить, что я полностью осведомлен о ваших приключениях на Дисе, отчасти потому и вызвался уладить это дело. Все были чрезвычайно довольны. Но мне не до смеха. Ну что, готовы? — с этими словами он обернулся к Брайану.

— Вы не имеете права заставлять Леа, по крайней мере сейчас. Я прекрасно справлюсь один.

Карвер отрицательно мотнул головой:

— Вы должны отправиться вдвоем, это оговаривалось специально. Идеальный союз, взаимодополняющие способности…

— Я отправляюсь вместе с Брайаном, — заявила Леа. — Мне уже гораздо лучше. Когда доберемся до места, я буду в норме.

— Очень приятно это слышать. Как вам известно, наша организация является строго добровольной. — На негодующее фырканье Брайана Карвер не обратил ровно никакого внимания, а, покопавшись, вытащил из кармана куртки пластиковую коробочку. — Я уверен, что вы осведомлены о том, что наши проекты касаются только тех культур, которые находятся в опасности, и цивилизаций на тех планетах, которые тысячи лет лишены

были контактов с остальным человечеством. Мы и близко не касаемся вновь открытых планет — это работа Планетарной разведки. Они идут первыми, а затем передают свои отчеты нам. Это крутая команда, я сам отработал в ПР четыре года, прежде чем перешел в ФКС. — Тут он мрачно усмехнулся. — Думал, что на новом месте будет полегче. У ПР возникли проблемы, и они запросили нашей помощи. В таких случаях мы всегда соглашаемся. Вы готовы просмотреть запись?

— Я принесу проектор, — сказал Брайан. Карвер согласно кивнул, не в силах больше говорить.

— Хотите, я что-нибудь закажу для вас? — спросила Леа, когда Брайан вышел из гостиной.

— Да, благодарю, какой-нибудь напиток. Надо пилюлю запить — мне сразу станет лучше. Но никакого алкоголя — пока нельзя.

Делая заказ на компьютере, она чувствовала на себе взгляд чужака, закончила, отложила пульт и резко обернулась.

— Ну, все успели разглядеть? Понравилось?

— Извините. Я и не думал вас обидеть. Так вышло из-за вашей биографии. Никогда еще не видел человека с Земли.

— И что вы ожидали увидеть — две головы?

— Я уже извинился. Знаете, я, до того как по-

кинул родную планету и отправился в космос, считал все эти россказни про Землю обычным религиозным бредом.

— Ну теперь сами убедились, что мы настоящие, только немощные и малокровные. Недокормленные граждане перенаселенной, истощенной планеты. Но так нам и надо — это вы хотите сказать?

— Нет. Хотелось, но не скажу. Империя Земли виновата во многом, но об этом написано в любом школьном учебнике. Да никто этого и не оспаривает. Но теперь это всего лишь история, причем очень древняя история. Меня лично гораздо больше интересует судьба планет, которые откололись после Распада. Пока я сам не увидел, что произошло с некоторыми из них, то и не представлял себе, насколько жестоки и беспросветны бывают такие миры. Человечество, в принципе, имеет только одну родину — Землю. Вы можете ощущать себя ущербными, потому что перенаселение и ограниченные ресурсы привели к уменьшению физических размеров землян. Но вы родились на Земле, вы — отпрыски Земли. Многие из нас выглядят крупнее и сильнее вас — но лишь потому, что мы были вынуждены приспосабливаться к новым, жестоким мирам.

Я привык к этому — и даже считал нормой. Но только теперь, когда увидел вас, я осознал, что колыбель человечества существует реально. — Он хитро улыбнулся. — Пожалуйста, не сочтите мои слова за глупость, но когда я вас увидел, то испытал двоякое чувство: облегчения и удовольствия. Как человек, вновь обретший давно забытых предков. Боюсь, я не совсем ясно выразился. В общем, как путешественник, вернувшийся домой после долгих странствий. Я видел, как люди приспособились к жизни на многих планетах. Но, как ни смешно, встреча с вами принесла странное успокоение. Наш родной дом еще существует. Я по–настоящему счастлив встретиться с вами.

— Я верю вам, Карвер, — улыбнулась Леа, — и должна признать, что вы начинаете мне нравиться. Хотя ваш внешний вид оставляет желать лучшего.

Откинувшись, он захохотал и прихлебнул холодного напитка, который появился на столике у его руки.

— Через год вы меня не узнаете.

— Уверена, что так оно и будет. По специальности я биолог и экзобиолог, так что в теории хорошо представляю возможности восстановительного лечения. Через год вы будете как новый.

Но я могу представить это чисто умозрительно, так как впервые вижу метод на практике. Мы на Земле люди небогатые, и только очень немногие могут позволить себе столь радикальную регенерацию.

— Это одна из привилегий сотрудников ФКС. Они восстанавливают вас полностью, независимо от тяжести полученных увечий. Вот под этой повязкой у меня через пару месяцев вырастет новый глаз.

— Очень мило. Простите, но лично я предпочитаю не пользоваться привилегиями такого рода.

— Винить вас не могу, просто желаю удачи.

Тут они увидели, что вернулся Брайан с проектором. Он взял у Карвера кассету и вставил в аппарат. Брайан и Леа придвинулись к вспыхнувшему экрану. Карвер откинулся на спинку и просто слушал запись, время от времени прихлебывая напиток. Он уже много раз слышал ее и потому задремал. Но ближе к концу встряхнулся. Голос Хартига на пленке звучал ровно: человек предвидел свой конец, но все-таки старался оставить запись для тех, кто пойдет следом за ним. Пленка закончилась, и экран прояснился. Леа была потрясена. Но когда Брайан повернулся к Карверу, лицо его было бесстрастно.

— И ФКС хочет, чтобы мы отправились на эту планету, на Сельм-2? — спросил он.

Карвер утвердительно кивнул.

— Зачем? Похоже, там больше нужны войска. Солидный вооруженный отряд, который сможет постоять за себя.

— Нет. Вот этого мы как раз и не хотим. Опыт подсказывает нам, что вооруженное вторжение никогда не решает проблемы. Война — это не метод. Война — это убийство. А нам нужна информация, точные и подробные данные. Мы должны узнать, что происходит на этой планете. А для этого нам нужны опытные люди, такие, как вы. Возможно, что на Дис вы отправились без особого желания, оно и понятно, ведь то было ваше первое задание. Но справились вы отлично, сделали то, что специалисты считали невозможным. Нам бы хотелось, чтобы теперь вы применили свои способности на Сельме-2. Что скрывать, это очень и очень опасно. Но ничего не поделаешь — надо.

— А я и не собиралась жить вечно, — ответила Леа и, склонившись над пультом, заказала крепкие напитки.

Но напускная веселость не обманула Брайана.

— Я отправляюсь один, — заявил он. — В одиночку мне будет легче управиться.

— Но ты не сможешь, глупая ты гора мышц. Не настолько ты смышлен, чтобы отпускать тебя одного. Или мы идем вместе, или вообще не идем. Только попробуй отправиться один, и я пристрелю тебя, чтобы не вводить людей в пустые хлопоты по доставке твоего тела к месту верной гибели.

Тут Брайан усмехнулся:

— Какая трогательная забота. Ладно, сдаюсь. Твои доводы очень убедительны и логичны, так что лучше нам отправиться вдвоем.

— Прекрасно. — Лез подхватила стакан, вылетевший из приемника, и выпила залпом едва ли не половину содержимого. — Что дальше, Карвер?

— А дальше — самое трудное. Мы должны убедить капитана изменить курс и доставить нас на орбиту Сельма-2. Там нас будет ждать крейсер.

— Чего же тут трудного? — удивился Брайан.

— Я вижу, вам не часто приходилось иметь дело с капитанами космических кораблей. Они очень упрямы. И в полете обладают всей полнотой власти. Мы не можем заставить его изменить курс, поэтому придется убеждать.

— Я его уговорю, — сказал Брайан, выпрямившись во весь рост. — Мы взялись за это дело, и

никакой паршивый космический шоферишко не сможет нам помешать.

Глава 3. Дерзкий план

Капитана М'Лута можно было назвать кем угодно, но только не «паршивым космическим шоферишкой». Он и Брайан стояли нос к носу, пожирая друг друга глазами. Оба были мужчины крупные, крепкие и высокие — правда, капитан был чуточку выше. Он был так же мускулист, как и Брайан — и столь же задирист. Они были похожи во всем, за исключением одного: кожа у Брайана отливала бронзой, а капитан был черен как смола.

— Я уже сказал — нет, — произнес капитан М'Лута; за ровным тоном его голоса скрывался гнев. — А теперь покиньте мостик.

— Мне кажется, капитан, вы не совсем меня поняли. Я обратился к вам с небольшой личной просьбой…

— Отлично. Личная просьба отклонена.

— Но я еще не изложил вам причины…

— Это совершенно излишне. Слышать ничего не хочу. Капитан корабля я. И мне приходится думать и о корабле, и о пассажирах, и о грузе. И кстати, о расписании. Для меня это самое важное. Самое. Ваши люди и так доставили мне немало

хлопот со встречей посадочной капсулы. Я пошел на это, так как меня убедили, что случай экстренный. Слава Богу, все прошло нормально. Инцидент исчерпан. Вы сами уйдете или вас вышвырнуть?

— Почему бы вам не рискнуть?

Брайан говорил тихо, почти шепотом. Но кулаки его были сжаты, мускулы напряжены, глаза так и пожирали капитана. Но тот глаз не отводил. Карвер прошаркал вперед и с трудом протиснулся между ними.

— Дело зашло слишком далеко, — сказал он. — Пора мне вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля. Бренд, отправляйтесь к доктору Морис, сейчас же.

Брайан тяжело вздохнул и неохотно расслабился. Карвер был прав — но жаль все-таки, что не вышло потасовки. Он резко развернулся и направился к Леа, которая сидела на скамье у переборки. Как только противники разошлись, Карвер здоровой рукой извлек из кармана листок бумаги, взглянул на него и засунул обратно.

— Капитан М'Лута, мы надеялись на ваше добровольное сотрудничество. Но добровольно или нет, вам все равно придется исполнить нашу просьбу…

— Вахтенный! — рявкнул капитан в микрофон. — Возьмите троих людей и быстро на мостик! С оружием.

— Немедленно отмените приказ! — рассердился Карвер. — Включите ССП–связь и вызовите базу. Запросите код Дп–Л.

Капитан резко обернулся и уставился на искалеченного коротышку.

— Откуда вам известен этот код? — вскричал он. — Кто вы?

— Пожалуйста, без лишних вопросов. Свяжитесь с базой и сообщите мое имя — Карвер. Скажите, что я у вас на борту.

Капитан ничего не ответил, лишь тут же отменил приказ и двинулся в радиорубку.

— Что за чудеса? — спросил Брайан у Карвера, когда тот устало плюхнулся рядом.

— Это нокаут, а не чудо. Капитан живет на планете Рудепорт, одной из тех, что многим обязаны ФКС. Населению планеты это, возможно, и неизвестно — однако правительству известно очень хорошо. Они ежегодно выплачивают нам приличную сумму и притом совершенно добровольно.

Брайан кивнул:

— Значит, Рудепорт — одна из тех планет, ко-

торым ФКС однажды помог. Мы вытащили их из беды?

— Совершенно верно. Поэтому мы можем просить любой помощи и в любое время. Но только в случае крайней необходимости. Директор тамошнего космопорта извещен о том, что я нахожусь на борту, а также о том, что, возможно, мне придется обратиться за помощью. Директор вечно занят, и ему вряд ли понравится, что его отвлекают по пустякам. Но так или иначе, капитан пойдет нам навстречу.

Ждать долго не пришлось. Грохоча башмаками, капитан вернулся на мостик, грозный как туча, и встал перед Карвером. Тот, казалось, не замечал его.

— Кто вы такой, Карвер? Кто позволил вам здесь командовать?

— Вы приказ получили — и будет с вас.

— Нет. По закону только я могу отдавать приказы на этом корабле. И этот закон нарушен. Подорван мой авторитет. А что, если я не подчинюсь приказу?

— Ваше право. Но по возвращении в порт у вас будут определенные неприятности.

— Неприятности? — Капитан мрачно усмехнулся. — Меня спишут с корабля. Навсегда.

— Вы, похоже, дорого цените свое любопытство. Поверьте, капитан, я вам зла не желаю. Но нам просто необходимо туда попасть. Я расскажу вам все, что могу. Эту операцию проводит ФКС. Когда вернетесь, порасспросите свое начальство, что означает это название. Им решать, сколько вам положено знать. Могу лишь добавить, что отклонение от курса совсем не случайно. Погибли люди — и под угрозой еще несколько жизней. Этого довольно, чтобы удовлетворить ваше любопытство?

Капитан звонко стукнул кулаком в ладонь.

— Нет, — ответил он, — не довольно. Но на сейчас хватит, мы сделаем остановку. Но больше я вас видеть не желаю на своем корабле. Никогда. Второй раз я этого не переживу.

— Ваше желание понятно, капитан. Сожалею, что все так вышло.

— Проваливайте. О высадке вам сообщат.

— Не похоже, чтобы вы сильно подружились, — заметила Леа, когда дверь за спиной с грохотом захлопнулась.

Карвер с равнодушным видом устало пожал плечами.

— Пойду к себе в каюту, — сказал он. — Встретимся на высадке.

Для Леа и Брайана приятное путешествие на этом закончилось. Они несколько раз прокрутили пленку, пока не запомнили ее наизусть. Брайан даже позанимался в спортзале, где своей мощью в силовых упражнениях привел тренера в полное замешательство. Леа попыталась отдохнуть и накопить силы. Она не знала, что ждет их на Сельме-2, но, судя по записи, операция обещала быть достаточно опасной. Ожидание было непереносимым, и известие о высадке принесло облегчение. Капитан даже не пришел попрощаться.

— Что теперь? — спросил Брайан, когда все трое выбрались из посадочной капсулы внутри поместительного шлюза крейсера.

— А это вам решать, — ответил Карвер. — С этой минуты считайте, что вы на задании. Вот и командуйте.

— Где мы находимся?

— На орбите Сельма-2.

— Хотелось бы взглянуть.

— В нижнем отсеке есть обсервационный иллюминатор.

Корабль был большой — везде кипела работа. Они миновали машинные отсеки, кладовые, задержались, чтобы пропустить грузовые плат-

формы. Когда наконец вошли в обсервационный отсек, там никого не было. Стоя на прозрачном полу, все трое смотрели вниз. Там проплывала голубая сфера планеты, наполовину освещенная сиянием звезды Сельм — солнцем затерянного в пространстве мира. Брайан пристально разглядывал планету.

— Отсюда она выглядит вполне обычно. Что привлекло к ней такое внимание?

— Все началось со стандартного исследования. Компьютерный анализ архивных записей времен Империи выявил список грузов, отправленных на различные планеты. Большинство из них были уже известны, но не все. Координаты неидентифицированных планет были переданы в ФКС для разведки и осуществления контакта. Поскольку наблюдения с орбиты не выявили на Сельме-2 ни городов, ни других поселений, то его оставили напоследок. Кстати, в эфире не было обнаружено никаких сигналов в обычных диапазонах связи.

— Значит, там нет никаких признаков цивилизации и присутствия людей, кроме следов сражений?

— Да, и это особенно нас заинтересовало. Та куча металлолома, рядом с которой высадились

Марцилл и Хартиг, была самой большой из всех обнаруженных. А обнаружено их немало.

— Военная техника — без воинов. А где же люди? Под землей?

— Возможно. Это вам и предстоит выяснить во время экспедиции на планету. Внешне она выглядит довольно привлекательно. Белые шапки на полюсах состоят из снега и льда. Значительную часть поверхности занимает океан. В нем рассыпано множество островов и архипелагов. Единственный большой континент расположен вот тут. Сейчас через него проходит граница дня и ночи. Как видите, он напоминает чашу, потому что по периметру опоясан горными цепями. Отроги гор покрыты лесами, а в средней части континента — обширные травянистые равнины. Много озер, а в центре расположено самое крупное, как раз на линии рассвета, настоящий внутренний океан. Вы сможете рассмотреть все более подробно в записи.

— А как климат?

— Идеальный. По крайней мере, на равнине вокруг озера. В горах довольно прохладно, но внизу тепло.

— Отлично. Прежде всего нам понадобится транспорт. Чем вы располагаете?

— Об этом позаботится руководитель операции. Я полагаю, что удобнее всего использовать спасательную шлюпку. Она невелика, имеет большой запас мощности и способна вместить все необходимое снаряжение. И вооружение у нее неплохое. Наши техники установят самую современную систему вооружения и защиты.

Брайан приподнял брови:

— Похоже, оружие не сильно помогло Хартигу.

— Мы учтем его опыт.

— Вы что-то часто повторяете слово «мы», — заметила Леа, — вы разве полетите с нами?

— Извините. Вы получите любое оружие, какое только пожелаете. Как личное, так и штатное, для шлюпки. Выбирать вам.

— Можно посмотреть перечень? — справился Брайан.

— Об этом позабочусь я, — раздался голос за их спинами.

Обернувшись, они увидели стройного седовласого человека, который неслышно вошел в отсек во время разговора.

— Меня зовут Кларт, я руководитель операции. В мои обязанности входит не только давать советы, но и следить за тем, чтобы вам было доставлено все необходимое. Взгляните на экран

компьютера — вот перечень всего, что мы имеем на крейсере.

Перечень был длинный и подробный. Брайан просматривал его вместе с Леа, прикосновением пальца отмечая позиции, которые его интересовали. На столик стали падать распечатки. Брайан взвесил их в руке, и глянул вниз, на планету.

— Я принял решение, — произнес он, — и надеюсь, что Леа его одобрит. Шлюпка будет оснащена защитой и новейшим оружием. Мы захватим с собой все, что может нам понадобиться на планете. После того как мы полностью экипируемся, я спущусь на планету один, без единого металлического предмета или прибора. С голыми руками, если угодно. Это самое разумное решение в сложившихся обстоятельствах, не так ли, Леа?

Ответом ему был испуганный взгляд.

Глава 4. За день до операции

— Я подготовлю список всего необходимого не откладывая, — произнес Кларт и принялся вводить команды через свой личный терминал. Его спокойствие говорило о том, что любые причуды агентов — дело для него привычное. Леа не разделяла его настроения.

— Брайан Бренд, ты, похоже, рехнулся. Карвер, проследите, чтобы его немедленно посадили под замок.

Карвер согласно кивнул:

— Леа права. Нельзя же, в самом деле, разгуливать безоружным по такой планете. Это чистое самоубийство.

— В самом деле? Много ли помогли оружие и техника тем двоим, что высадились до меня? Марцилл исчез — но теперь мы легко можем себе представить, что с ним случилось. А что машина–убийца сделала с Хартигом, нам известно совершенно точно. С вашего позволения, я не хотел бы погибнуть, как они. У меня нет мысли окончить жизнь самоубийством, напротив, я думаю о том, как выжить. Прежде чем принимать решение, обдумайте два факта. Вспомните,

как погиб Хартиг. Машина направилась прямо к нему, похоже, она засекла оружие или радиопередатчик. Засекла и уничтожила. Разве не так?

— Так, — сказала Леа, — и это факт номер один?

— Да. Хартиг был обнаружен и уничтожен. Факт второй — животные. Хартиг упомянул о них сразу после посадки. Помните то стадо вдалеке, которое мчалось прочь от места посадки?

— И какая между этими фактами связь? — спросил Карвер.

— Это очевидно, — пояснила Леа. — Животные были целы и невредимы, и боевые машины их не беспокоили. А Хартига они убили. И наш новоиспеченный дикарь хочет уподобиться животному и потихоньку разнюхать обстановку.

— Это сумасшествие, — настаивал Карвер, — я не могу этого позволить.

— Не позволить вы не можете. Ваши полномочия закончились, как только вы доставили нас сюда. Теперь я возглавляю операцию. Леа останется в шлюпке на орбите. Я высажусь один.

— Я беру свои слова обратно, — объявила Леа, — это разумный план, по крайней мере для чемпиона двадцатиборья, — и рассмеялась, встретив недоуменный взгляд Карвера. — Вас,

видимо, плохо информировали, если вы не знаете, что Брайан — настоящая знаменитость. На его планете, где условия для жизни одни из самых суровых в Галактике, проводятся ежегодные соревнования. Они не просто спортивные, но и интеллектуальные. Двадцать различных видов — от фехтования до стихосложения, от тяжелой атлетики до шахмат. Это самые тяжелые соревнования из всех существующих, изнурительная демонстрация физических и интеллектуальных способностей. Насчет деталей можете поинтересоваться у Брайана, я скажу одно: после целого года состязаний определяется только один чемпион. Вообразите себе: атлетические соревнования, в которых принимает участие каждый житель планеты! Если получилось — попытайтесь представить себе, как должен выглядеть победитель таких соревнований. А если воображение вам отказывает — то взгляните на Брайана. Он один из чемпионов. Что бы ни происходило на Сельме-2, у него есть шансы во всем разобраться. И выйти победителем.

Карвер согнулся и рухнул в кресло, уронив костыль.

— Я верю вам, — произнес он, — однако это ничего не меняет. Как вы уже сказали, с этого

момента за весь ход операции отвечаете вы сами. Я выхожу из игры. Могу только пожелать вам удачи. Кларт позаботится о том, чтобы у вас было все необходимое.

— Вот список моих предложений. — Кларт оторвал ленту от принтера. Леа выхватила бумагу из-под носа у Брайана.

— Мне все равно придется прохлаждаться в шлюпке, пока ты будешь внизу, поэтому предоставь заботу о снаряжении мне. Иди потренируйся, поешь стероидов — в общем, подготовься к борьбе. Остальным займусь я.

— Я лучше расслаблюсь, — ответил Брайан, — подготовлюсь к предстоящей операции психологически.

— Прекрасно. Вот этим и займись. Я покажу тебе окончательный перечень перед тем, как заказывать оборудование.

— Нет, не надо. Я полностью полагаюсь на тебя и специалистов. Прошу об одном: постарайся ничего не упустить. Мне понадобится кое–какое специальное снаряжение, но об этом я позабочусь сам. А сейчас мне нужен только детальный отчет об исследовании планеты. И тихое место, чтобы его просмотреть.

— Каюты для вас уже готовы, — сказал Кларт, —

вся необходимая информация будет выведена на ваш терминал.

— Прекрасно. А когда будет готово снаряжение?

— Через два, максимум три часа.

— Скажем, через десять. Для начала я хочу выспаться. Как только мы отдохнем и получим снаряжение — сразу погрузимся в шлюпку и перейдем на нижнюю орбиту, чтобы взглянуть на планету поближе. Мне очень интересно, что за животных видел Хартиг.

Брайан крепко спал, когда Леа открыла дверь, но мгновенно проснулся. Она замерла, привыкая к темноте. Он окликнул ее:

— Входи. Сейчас свет включу.

— Ты что, всегда спишь в одежде? — удивилась она. — И башмаков не снимаешь?

— Это называется создание имиджа собственного тела. — Он взял стакан и отхлебнул воды. — Мне придется провести несколько дней в этой одежде, поэтому она должна восприниматься как часть тела. Тело и хорошая реакция — мое главное оружие, единственная защита. Правда, я решил взять кинжал. Взвесив все, я понял, что пользы от него будет больше, чем риска.

— Какой кинжал? Какой риск? Ничего не по-

нимаю!

— Кинжал из минеральных материалов. Он будет единственным исключением, единственным предметом искусственного происхождения. Вся одежда сделана из растительных волокон, пуговицы вырезаны из кости. Ботинки сшиты из натуральной кожи. Ни кусочка металла и никакого искусственного волокна.

— А как же твои пломбы? — усмехнулась она.

— А также и пломбы, — Брайан был убийственно серьезен, — заменены керамическими вставками. Чем больше я буду напоминать обычное животное, тем выше степень моей безопасности. Вот почему кинжал — это определенный риск, но хорошо рассчитанный риск.

Он повернулся так, чтобы Леа могла рассмотреть кожаные ножны, висевшие сбоку. Потом вытащил длинный, прозрачный клинок.

— Выглядит как стекло. Угадала?

Он отрицательно мотнул головой:

— Это пласталь. Вид силикона, который внешне похож на стекло, но прочнее в сотни раз, потому что молекулы вещества выстроены в один большой кристалл. Сломать его практически невозможно, а лезвие не тупится никогда. Поскольку это силикон, то любой детектор будет

воспринимать его как песок. Поэтому я и рискну взять его с собой.

Леа молча смотрела, как Брайан осторожно спрятал кинжал и вдруг скрестил пальцы рук и потянулся, словно гигантская кошка. Она увидела, как играют мышцы под тканью его одежды, и вдруг поняла, что настоящая сила Брайана — гораздо больше, чем просто физическая мощь.

— Мне кажется, ты справишься, — сказала она. — Я сомневаюсь, что это по силам кому-нибудь другому, во всяком случае в нашей Галактике. Но по–прежнему считаю, что вся затея — чистое безумие, хотя и понимаю, что это единственный способ выяснить, что творится на планете.

К чему невозможно было привыкнуть, так это к молниеносности движений Брайана. Могучие руки обняли ее прежде, чем она поняла, что произошло; они сомкнулись словно стальной обруч. Он быстро поцеловал ее и отступил назад.

— Спасибо. Твоя вера и поддержка сейчас для меня самое важное. Пошли в шлюпку.

Проводы были лишены всякой торжественности. Пока Леа проверяла снаряжение, Брайан переговорил со штурманом и тот ввел в бортовой компьютер несколько вариантов орбиты. Когда

все было проверено и подготовка закончилась, они захлопнули люк. Прозвучал сигнал готовности, и компьютер сразу дал команду и шлюпка отделилась от корабля. Маневровые двигатели развернули ее, ходовые дюзы вспыхнули и понесли их на расчетную орбиту. Сельм-2 на обзорном экране становился все больше и больше.

— Ты боишься, — сказал Брайан, накрыв ладонью похолодевшую руку Леа.

— Чтобы понять это, не нужно никакой телепатии. — Вся дрожа, она прижалась к нему. — На бумаге твой план выглядел просто замечательно, но чем ближе мы подбираемся к этой проклятой планете, тем больше я волнуюсь. Два отличных парня, эксперты по контактам, и оба погибли. Вполне возможно, что та же участь ожидает и нас.

— Не думаю. Мы гораздо лучше подготовлены. Благодаря их самоотверженности мы располагаем необходимой для выживания информацией. Нам нечего бояться. Постарайся расслабиться и сохранить свои силы, они еще тебе понадобятся. Сейчас нужно выйти на нижнюю орбиту, провести тщательный осмотр и выбрать место для посадки. А пока нам ничто не грозит.

Тут вмешался компьютер, как бы опровергая

его слова:

— В поле зрения летательный аппарат. Его курс пролегает прямо под вами. Показать?

— Да.

На экране вспыхнуло маленькое пятнышко, оно медленно двигалось слева направо.

— Увеличить изображение.

Пятнышко увеличилось и превратилось в металлическую стрелу со скошенными назад крыльями.

— Какая у него скорость? — спросил Брайан. На экран тут же выскочили цифры. — Так, 2,6 Маха. Сверхзвуковой тип, продукт высокоразвитой технологической культуры. При таких скоростях запасы топлива должны быть ограничены. Если мы проследим за ним, то сможем засечь место посадки…

Лез закончила его мысль:

— …и у нас появится возможность выяснить, что происходит на планете.

— Точно…

Самолет на экране завалился на одно крыло и резко нырнул вниз. В ту же секунду заговорил компьютер:

— Летательный аппарат передает кодированное радиосообщение. Записываю.

Неожиданный взрыв закрыл изображение на экране.

— Что случилось? — спросил Брайан.

— Ракета класса земля–воздух. Я вычислил ее курс перед взрывом.

Брайан мрачно кивнул:

— Самолет, видимо, тоже ее засек, вот почему он предпринял такой неожиданный маневр.

— А радиограмма — ее послал экипаж?

— Конечно! Если это был самолет–разведчик, то появился он здесь не случайно. Когда они засекли ракету, то предприняли уклоняющий маневр и послали сообщение на базу. И если я не ошибаюсь — вот и ответ.

Брайан указал на белый след, неожиданно появившийся на экране.

— Баллистическая ракета, видимо нацеленная на наземную пусковую установку. Война все еще продолжается. По крайней мере, теперь известны две точки, где нам делать нечего.

— То есть район пусковой установки — вон там, где сейчас виден взрыв, и то место, откуда стартовала ракета.

— Правильно. Пока не выяснится, что происходит на планете, нам лучше держаться подальше от мест активных боевых действий. Теперь попро-

буем отыскать животных, о которых упомянул Хартиг. Можно с уверенностью предположить, что они держатся вдалеке от зоны боев и скоплений боевой техники. Корабль Хартига сильно напугал их при посадке. Думаю, они боятся любой техники.

Они нашли животных на восточном берегу гигантского озера, которое для удобства окрестили Центральным морем. При максимальном увеличении электронного телескопа можно было разобрать, что это какие-то травоядные. Похоже, тут водились и хищники, было видно, как несколько животных спасаются бегством, преследуемые по пятам быстрыми и крупными существами. Но как они ни вглядывались, никаких следов цивилизации обнаружить не удалось.

— В этом месте я хочу высадиться, — сказал Брайан. — На равнине, где пасутся стада.

— Что значит «высадиться»? Мы что, не будем сажать шлюпку?

— Нет. Это нежелательно. Ты видела, что произошло с самолетом. Не стоит лишний раз попадать в поле зрения радаров и понапрасну тревожить ракеты. Я рассчитаю баллистическую орбиту, которая выведет меня в расчетную

точку.

— Не боишься слегка поджариться в плотных слоях атмосферы?

Брайан улыбнулся:

— Ценю твою заботу. Чтобы этого не произошло, воспользуюсь гравишютом. Я снял со скафандра все ненужные металлические части, даже кислородные баллоны заменил пластиковыми. Маловероятно, что наземные радары смогут меня засечь, — к тому же на выбранной местности не видно никаких сооружений. Как только высажусь на поверхность, сразу избавлюсь от гравишюта и ненужного снаряжения.

— Но ты будешь совершенно беззащитен!

— Ну нет. Кроме того, я буду поддерживать с тобой постоянную связь.

— Неужели? Ты что, изобрел пластиковый передатчик?

Шутка Леа прозвучала очень грустно, оттого что в голосе женщины слышалась неподдельная тревога.

— Я воспользуюсь вот этим, — Брайан вытащил из сумки длинные полосы цветной материи. — Пришлось выдумать простой код. Если я разложу полотнища на поверхности, ты без труда заметишь их с орбиты. После посадки я сразу выложу

для тебя сообщение. И буду посылать их регулярно по мере продвижения, чтобы держать тебя в курсе событий.

— Но это очень опасно…

— Операция в целом тоже достаточно опасна. Но по–другому ничего не получится. — Он отвернулся и принялся внимательно рассматривать экран, наконец постучал пальцем по изображению. — Я хочу высадиться здесь. Тут равнина переходит в предгорья. И лес неподалеку, а это хорошее укрытие. Если все рассчитано правильно, то спуск придется начинать ночью, а приземлюсь я на рассвете. Затем хорошенько спрячусь и примусь наблюдать. Если эти животные и впрямь окажутся местной формой жизни, то можно будет приступать ко второй части операции.

— И в чем же она заключается?

— В том, чтобы пешим порядком проникнуть в зону боевых действий.

— Только не это!

— К сожалению, это необходимо. От животных о войне много не узнаешь. Ближайшее кладбище военной техники находится всего в сотне миль от места посадки. Это два–три дня ходьбы. Я буду ежедневно отправлять тебе сообщения, при этом все они будут начинаться со знака "X". Эта форма

не встречается в природе, и компьютер без труда обнаружит мой знак. А сейчас я хочу поспать. Разбуди меня, пожалуйста, за час до высадки.

* * *

Когда Брайан вошел в шлюз, поверхность Сельма-2 была погружена во тьму. Все необходимое было запаковано в толстую пластиковую трубу, которую он закинул за спину. Леа смотрела, как он в последний раз проверяет крепления скафандра. Она стиснула руки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Он поднял глаза и, взмахнув рукой, повернулся к выходу, но тут Леа протянула руку и постучала по шлему. Брайан откинул щиток. Спокойствие его лица контрастировало с тревогой на лице Леа.

— Ну? — спросил он.

Она молчала, тишину нарушало только шипение кислородного клапана. Затем поднялась на цыпочки и крепко поцеловала его в губы.

— Я лишь хотела пожелать тебе удачи. Ну, до скорого?

— Конечно.

Улыбнувшись, он опустил щиток. Потом вошел в шлюз и захлопнул за собой дверь. Как только открылся внешний люк, вспыхнула красная лампа. Несколько томительных минут Брайан вгляды-

вался в космическую пустоту и ждал команды компьютера. Едва на щитке вспыхнул зеленый огонек, он рывком выбросился из корабля.

Леа сидела у обзорного экрана, провожая взглядом удаляющуюся фигуру, на которой поблескивали огоньки маневровых двигателей, пока она совсем не скрылась из виду.

Глава 5. В Аду и без оружия

Брайан падал в черную пропасть ночи. Скорость падения совсем не ощущалась, хотя разумом он понимал, что она нарастает с каждой секундой. Ему казалось: он неподвижно висит в пространстве в окружении звезд над темным диском погруженной в ночную тьму планеты. Планету окружала светящаяся корона — свет скрытого от глаз солнца рассеивался в атмосфере. На востоке, где уже занимался рассвет, она была поярче. Брайан знал, что, несмотря на кажущуюся неподвижность, он падает по тщательно рассчитанной дуге в четко определенную точку, летит навстречу восходу. За его спиной микрокомпьютер гравишюта отсчитывал секунды, оставшиеся до посадки. Время от времени он чувствовал легкое давление ремней — его падение замедлялось в строгом соответствии с программой. Благодаря многолетним тренировкам он полностью сохранял самообладание, не позволяя страху попусту наполнять вены адреналином. После посадки будет много хлопот, а сейчас есть время поразмыслить. Он отдался на волю движения, погрузившись в состояние спокойной

расслабленности, не замечая легких толчков в ремнях, которые постепенно перешли в ровное натяжение. Верхние слои атмосферы мягко коснулись его скафандра. Падение продолжалось.

Резкий свет ударил по глазам, когда солнце вышло из-за горизонта. Брайан пошевелился, разминая затекшие мышцы — полет подходил к концу. Внизу еще была ночь, хотя здесь, на высоте, солнце уже светило вовсю. Яркий свет внезапно сменился серым сиянием, когда он вошел в мощный слой облаков; Брайан быстро пробил его и полетел вниз, к слабо освещенной равнине.

Пока все спокойно. Ни ракет, ни самолетов. Брайан понимал, что его легко засечь по металлическим деталям снаряжения. Возможно, на экранах радаров уже появилась цель и ракеты разворачиваются в его сторону. Ему отчаянно захотелось очутиться внизу и сбросить предательский гравишют. Подтянувшись на ремнях, Брайан глянул вниз, на травянистую равнину, которая стремительно неслась ему навстречу. Он знал, что падает слишком быстро — но скорость была единственной защитой. Если радары его засекли, то надо как можно быстрее исчезать с их экранов. Вот поэтому необходимо выдержи-

вать режим свободного падения до последнего и начинать торможение лишь в последний момент. Твердая поверхность уже почти под ногами — пора!

Резкий поворот ручки — гравишют задрожал от напряжения, ремни подвески больно впились в ноги. Скорость все еще слишком высока — надо добавить мощности. Ремни заскрипели от перегрузки. Тряхнуло весьма ощутимо. Ну, теперь — на полную!

Ноги с силой ударились в грунт, он упал и покатился по высокой траве. И несколько секунд лежал, не в силах пошевелиться. Поначалу тело не слушалось.

Чтобы встать на колени, потребовались отчаянные усилия, затем он медленно поднялся на ноги. Теперь надо сделать то, что просто необходимо.

Отстегнутый гравишют тяжело повалился в траву. Брайан сорвал с себя скафандр со шлемом, кислородный баллон. Так, все в порядке. Надо спешить, однако чрезмерно торопиться не следует. Рассвет выдался тусклым, но видно было хорошо. Сейчас надо открыть пластиковый контейнер, вытащить кинжал и сумку, которую он возьмет с собой. Сумка застряла — он рванул покрепче. Хорошо. Пора избавляться от лишних

вещей. Надо обвязать ремнями ненужное теперь снаряжение. И проверить все еще раз. Хорошо. Ничего не забыл? Нет, весла на месте.

Брайан врубил гравишют на полную мощность, и тот так стремительно рванулся вверх, что сбил его с ног. Он становился все меньше и меньше и наконец исчез совсем. Высоко вверху под лучами солнца ярко блеснул щиток шлема. Но вскоре погас и этот огонек.

Брайан облегченно вздохнул. Он наконец внизу, цел и невредим.

Посадка на планету прошла успешно, и об этом теперь можно забыть. Пора приниматься за дело.

Подняв кинжал, Брайан медленно оглянулся, на ощупь прицепил ножны к поясу, внимательно рассматривая выступающие из тьмы окрестности.

Вокруг была трава. Высокая трава, которая шелестела под утренним ветром, разбегаясь волнами во все стороны. Неподалеку высился каменистый холм, на западе виднелась рощица, дальше начинались предгорья, которые переходили в поросшие лесом горы. Их вершины уже сверкали в лучах восходящего солнца.

Глаза уловили какое-то движение. Там, в сто-

роне озера. Брайан медленно присел, осторожно выглянул из травы. К нему приближалось стадо животных. Замерев, он одними руками нащупал сумку и перекинул через плечо.

Вдруг в вышине раздались пронзительные крики. Брайан вскинул голову и заметил стаю птиц, которые, кружа, опускались в траву неподалеку. Нет, это были совсем не птицы, а какие-то летающие рептилии. Крылья начисто лишены оперения, между тонкими костями натянуты кожистые перепонки, красно–оранжевые шкуры блестели на солнце, большие челюсти утыканы иглообразными зубами. Они снижались с пронзительными криками и исчезали в море травы.

Тем временем пасущиеся животные подошли совсем близко, теперь Брайан мог их рассмотреть. Это тоже были ящерообразные. Их серо–коричневые безволосые шкуры служили идеальной маскировкой на фоне увядшей травы. Они осторожно передвигались на длинных мощных ногах, часто поднимая головы и принюхиваясь широкими ноздрями. Похоже, неподалеку бродили хищники, — Брайан уже не сомневался, что те тоже окажутся рептилиями. Стадо насторожилось. Животные перестали жевать и замерли на месте, широко раздувая ноздри. Похоже, приближались

какие-то существа. Ящеры почуяли их запах, но в высокой траве пока ничего не было видно. Совсем рядом готова была разыграться вечная драма жизни и смерти.

Вдруг Брайан заметил, что все животные смотрят в его сторону, и тут он понял, что может оказаться не просто зрителем, но одним из участников этой драмы. Может, они просто заметили его? Он пригнулся еще ниже, стараясь укрыться, смутно ощущая поток исходивших от них эмоций. Страх. Страх, который подавил все остальные чувства. Обычно он мог воспринимать только чувства людей и лишь иногда — сильные эмоции животных. Теперь он ясно ощущал ужас, охвативший рептилий — и что-то еще, что-то очень сильное…

Выхватив кинжал, Брайан вскочил, развернулся — как раз вовремя, чтобы встретить нечто темное, бросившееся на него этакой торпедой. Страшный визг рвал перепонки. Он нырнул в сторону, но получил сильный удар в плечо, рука сразу онемела, и он едва не выронил кинжал. Он перекинул оружие в левую руку и увидел, что чудовище уже нависло над ним, разинув пасть, полную огромных блестящих зубов.

Оно обрушилось всем своим весом прямо на

подставленный кинжал, распоров себе горло, и рухнуло с предсмертным хрипом, придавив Брайана к земле. Несколько раз конвульсивно дернулось и затихло. Теплая жидкость струилась по руке Брайана, но чья это кровь, его или животного — он не знал. Упершись ногой, он оттолкнул тушу и огляделся — нет ли рядом другого хищника.

Похоже, монстр охотился в одиночку. Тяжело хватая ртом воздух, Брайан встал на ноги. Вокруг все замерло, только мчалось прочь испуганное стадо. Он опустил глаза на перепачканные зеленой — слава Богу — чужой кровью руки.

Рядом, вытянувшись, застыла на земле мертвая тварь. Ее метровые, утыканные зубами челюсти были раскрыты, мертвые глаза неподвижно глядели в пространство. Передние лапы хищника были короткими и когтистыми, зато задние — необычайно мощными, что позволяло ему атаковать на огромной скорости. Морщинистая шкура была покрыта бурыми пятнами с фиолетовым отливом.

Мрачные цвета царства теней, подумалось Брайану. Совершенная машина для убийства. Неудивительно, что другие животные так испугались.

Неожиданно Брайан почувствовал смертельную усталость. Он тяжело уселся на тушу зверя, вытер о его шкуру перепачканные руки. А потом отхлебнул воды и долго и тяжело дышал, ждал, когда вернутся силы. Не очень приятное начало — первое же живое существо чуть не убило его. Чуть–чуть, но не совсем. Кинжал был остер и крепок, реакция в порядке. Теперь его врасплох не застанешь.

Как бы там ни было, он находится на планете и пока цел и невредим. Пора действовать дальше. До сих пор он просто боролся за собственное выживание. Сначала надо было обмануть ракеты в воздухе и боевые машины на земле. С этой задачей он справился. И с хищником совладал. Таким образом, первая часть задания выполнена. А сейчас надо сообщить, что все в порядке, и трогаться в путь.

Место было не хуже прочих: далеко от леса и с орбиты просматривается хорошо. Трава была утоптана животными, но достаточно большой и ровной площадки отыскать не удалось. Поблизости находился каменистый холм, там трава не росла. Он взобрался на вершину, открыл сумку, вытащил оттуда сверток с полотнищами. И не смог удержаться, чтобы не взглянуть в синее

небо, хотя и понимал, что это бесполезно. Шлюпка была там, на орбите, и хотя, он не видел ее, но знал, что Леа наблюдает за ним в электронный телескоп. Улыбнувшись, он широко взмахнул руками, победный жест взбодрил его. Затем принялся раскладывать полотнища.

Сначала "Х", для того чтобы его засек компьютер, на случай, если он вышел из поля зрения. Затем остальное сообщение. Код, который он изобрел, был прост и легок для запоминания. "I" означает, что посадка прошла нормально — правда, Леа может в этом усомниться, если наблюдала его встречу с хищной рептилией. Он на время отошел в сторону, чтобы сигнал был записан, затем добавил полосу и превратил "I" в "Т", сообщив тем самым, что дальше собирается действовать по плану и при первой же возможности выйдет на связь. Утренний бриз усиливался по мере того, как солнце поднималось все выше и нагревало землю, и ему пришлось придавить полотнище камнями.

С вершины холма открывался чудесный вид на окрестности. Травоядные ящеры, набегавшись, успокоились и мирно паслись на берегу озера. Маршрут, который он проложил к ближайшему кладбищу машин, был несложен, надо было

просто двигаться на запад, вдоль берега озера, пока не достигнет цели. Простая прогулка, во время которой он сможет осмотреть местность и поближе изучить животных. Пора в путь. Он собрал полотнища и сунул в сумку. Затем, повернувшись спиной к солнцу, двинулся на запад.

В полдень Брайан остановился отдохнуть и перекусить. Сухой паек по вкусу напоминал бумагу, но обеспечивал необходимыми калориями на несколько дней. Запив еду водой, он встряхнул бутылку, чтобы узнать, сколько там осталось. До конца дня хватит, но до захода солнца придется ее наполнить. И обязательно до наступления темноты. Надо еще успеть удалиться от озера и укрыться в скалах или среди деревьев. Повстречавшийся хищник внушил ему уважение к местной фауне. Он спрятал бутылку и пустые обертки в сумку и, встав на ноги, потянулся всем телом.

Поначалу он принял далекий звук за жужжание насекомого — но звук становился все громче и громче. Сообразив, в чем дело, Брайан нырнул в траву. Реактивный двигатель. Работает с перебоями, наверное, не в порядке. Самолет появился со стороны солнца — черная точка тащила за собой белый хвост, весь изломанный поворотами,

словно пилот постоянно от чего-то уворачивался. Самолет опять изменил курс и прошел прямо над головой, обрушив на землю грохот.

И неожиданно окутался облаком пламени, которое тут же превратилось в белую тучку. Из тучки вылетел черный обломок и упал примерно в километре от Брайана. Врезался в землю, подняв облако пыли, и только теперь ушей достиг звук далекого взрыва.

Брайан медленно поднялся, глядя на оседающую пыль. Подозрительно близко все произошло. Конечно, это могло быть простым совпадением — или самолет появился здесь не случайно? Нет, это невозможно. Конечно, совпадение. Но если так, то почему при одной только мысли о том, чтобы пойти и осмотреть обломок, накатывает жуткий страх? Инстинкт самосохранения советовал ему держаться подальше. Но он обязан осмотреть обломок. Возможно, там лежит тело пилота. Пыль осела, и равнина снова стала пустынной. Брайан успел засечь направление. И, отогнав прочь сомнения, двинулся вперед.

Воронка выделялась в море травы черным пятном. Брайан приближался с максимальной осторожностью. Последние несколько метров он преодолел ползком. Заглянув через край, увидел

на дне покореженный кусок металла. Это было крыло самолета. Никаких опознавательных знаков обнаружить не удалось, даже когда он скатился вниз, на дно воронки. Он быстро обошел вокруг крыла, его поверхность была еще теплой. При ударе куски металла разлетелись во все стороны, Брайан переворачивал их кинжалом, один за другим. Его упорство было вознаграждено, когда наконец удалось найти обломок с маркировочной табличкой. И надпись сохранилась!

Одно было плохо. Хотя буквы сохранились хорошо, но слова, разделенные цифрами, были на совершенно незнакомом языке. Расшифровать надпись не представлялось возможным, — но и бросить ее тоже нельзя. Он хотел было захватить табличку с собой, но вовремя сообразил, что иметь при себе кусок металла, сколь угодно малый — чистое безрассудство. В конце концов он ножом выцарапал на бутылке для воды копию текста. По крайней мере, будет что показать.

Увлекшись изысканиями, он удалился от озера. Пришлось возвращаться к берегу. У водопоя паслись целых три стада, двигаться надо было осторожно. Запас воды иссяк, уже смеркалось. Делать нечего, пить-то хочется.

Чуть впереди лес спускался на равнину. Похо-

же, там прятались хищники: стадо, за которым он шел, вдруг охватила паника. Несколько животных бросились в его сторону, он замер на месте, пропуская их. Они в мгновение ока промчались мимо, мощные ноги несли их с сумасшедшей скоростью, сзади едва поспевал молодняк. Последним бежал крупный самец, украшенный огромными рогами. Он угрожающе тряхнул ими в сторону Брайана, но тот стоял не шелохнувшись, и самец пробежал мимо. Когда животные промчались, Брайан последовал за ними по вытоптанным дорожкам, огибая кучи едко пахнущего навоза.

Он медленно продолжал путь, сжимая в руке кинжал, постоянно озираясь и прислушиваясь. Заметив впереди темную тушу, наполовину скрытую травой, он замер на месте.

Головой к нему, распахнув пасть в предсмертном ужасе, лежал мертвый ящер. Убийцы видно не было. Шаг за шагом Брайан осторожно продвигался вперед, пока не убедился, что в траве никто не прячется. Держа наготове кинжал, он обошел тушу. Горло животного было аккуратно перерезано; он не смог бы управиться лучше и своим ножом.

Пораженный зрелищем, он замер. Рана была

слишком ровная. Такая же, только крупнее, виднелась и на боку. Даже и не рана, а, скорее, разрез. Одна из ног чудовища была отрезана. Отрезана очень аккуратно, прямо по суставу. Никакое животное не смогло бы этого сделать ни клыками, ни когтями.

Это могло сделать животное, вооруженное очень острым ножом.

Брайан вгляделся в густую тень небольшой рощицы, стоявшей неподалеку. Неужели за ним наблюдают чьи-то глаза? Неужели на этой планете есть разумная жизнь? Неужели это глаза человека?

Глава 6. Первая встреча

Надо было все обдумать без суеты. Брайан понял это, как только увидел аккуратно разрезанную тушу. Он осторожно спрятал кинжал в ножны и медленно сел на землю. Лицом к озеру, ненавязчиво наблюдая за рощей уголком глаза. Единственное, что было видно — как ветер ерошит траву и рябит поверхность озера.

Животное, несомненно, было убито разумными существами. Людьми или инопланетянами, которые разрезали ножами тушу и скрылись, прихватив с собой мясо. Кем бы ни были, но, заметив его, они спрятались среди деревьев. И, похоже, наблюдают оттуда. Он расслабился и попытался вступить в контакт, но телепатия как средство общения на больших расстояниях никуда не годилась; мысли людей хорошо читались лишь тогда, когда люди находились поблизости, с увеличением дистанции чувствительность резко понижалась. Собравшись, он все-таки сделал попытку. Неподалеку было какое-то живое существо. Вот и все, что удалось понять. Ощущение было слишком слабым, чтобы судить наверняка; это могло быть что угодно: инопланетянин, пе-

репуганное животное или человек. Как бы там ни было, но эмоциональный поток был ровным; если расшевелить чувства — то читать их будет намного легче.

Брайан неожиданно подпрыгнул вверх с диким криком. Приземлившись, обошел тушу вокруг, не переставая кричать. Описав полный круг, с довольной улыбкой уселся на землю.

Наверняка рядом кто-то был. Причем не местная рептилия и не иная форма жизни. Это была реакция человека — очень, правда, напуганного прыжками и криками Брайана. Человек был один, мужчина, и он наблюдал за ним, укрывшись за листвой деревьев. Насмерть перепуганный. Внезапные крики пробудили в нем эмоции. Он боялся Брайана.

Невзирая на охвативший человека ужас, необходимо было вступить в контакт. Но как это осуществить? Брайан опустил взгляд на лежащую рядом тушу. Может сработать. Как ни неаппетитно выглядело сочащееся зеленой кровью мясо, для человеческих существ оно, должно быть, съедобно. А в том, что за ним наблюдает человек, сомневаться не приходилось, эмоции были чисто человеческие. И этот человек убил животное ради пропитания, но при появлении

Брайана скрылся с единственным куском. Необходимо сделать дружественный жест.

Брайан рассек бедренный сустав и отделил от туши оставшуюся заднюю ногу. Потом поднял ее и, держа перед собой, медленно пошел к деревьям, двигаясь в сторону от наблюдавшего за ним человека. Дошел до первого дерева, одним махом срубил толстую ветку, надрезал сухожилие и насадил ногу на сук.

Шаг первый. Если охотник возьмет мясо, это будет означать, что общение, в каком-то смысле, началось. А пока есть время наполнить бутылку водой. Он добрел до берега по тропинкам, которые протоптали в траве животные, продрался сквозь прибрежную растительность и по пояс вошел в воду. Здесь она была чистой, без мути. Он сначала попробовал ее на вкус и только потом наполнил бутылку. Когда Брайан вернулся, солнце уже склонилось к самому горизонт. Стайка летучих ящериц, усевшись на тушу, рвала мясо зубастыми челюстями. Заметив его приближение, они неохотно взлетели, издавая пронзительные крики. Прикрыв глаза рукой, он глянул на заходящее солнце. Нога исчезла, но охотник был еще здесь. Теперь оставалось одно — ждать. Но только не рядом с тушей. Это было бы опрометчиво. Ящерицы

с пронзительными воплями все еще кружили над головой; они наверняка привлекут сюда более крупных любителей падали. Брайан медленно побрел к роще, направляясь в самый дальний ее конец, подальше от того места, где спрятался охотник, намеренно держась на виду.

С наступлением темноты Брайан почувствовал, что человек уходит в глубь леса, ощущение его присутствия было уже на грани восприятия. Похоже, он хочет уберечься от возможных ночных неприятностей. Брайану их тоже не хотелось. Он разровнял листья под кроной большого дерева и уснул, крепко сжимая в руке кинжал. Сквозь легкий сон он ясно сознавал окружающее. Среди ночи его разбудило какое-то животное. Оно почуяло его присутствие и обошло далеко стороной. Остаток ночи прошел спокойно. С первыми лучами солнца он встал, бодрый и отдохнувший.

Охотник был еще здесь — и снова следил за ним. Брайан ощутил всплеск эмоций, когда двинулся из леса на равнину. Страх по–прежнему был силен — но к нему уже примешивалось любопытство.

Ожидание — работа нелегкая. Ближе к полудню Брайану до смерти надоело сидеть и ждать, когда хоть что-нибудь произойдет. Вдали паслись

стада, в безоблачном небе все выше поднималось солнце. В полдень он немного перекусил, запивая пищу озерной водой. И от нечего делать принялся слагать поэму об окружающем пейзаже, но это оказалось еще скучнее, чем самое ожидание. Потом сам с собой поиграл в уме в шахматы, но на двадцатом ходу черных сбился и бросил эту затею. После полудня Брайан потерял всякое терпение. Охотнику, видимо, нравилось просто лежать в укрытии и наблюдать за ним. Эту забаву пора прекратить. Брайан встал, потянулся, потом развернулся и двинулся в его сторону.

Взрыв страха был так силен и отчетлив, что Брайан смог без труда определить точное место, где спрятался человек — за огромным стволом поваленного дерева. Он тут же остановился и поднял пустые руки над головой. Паника улеглась, но страх остался, начисто при этом заглушив любопытство, которое заставляло охотника наблюдать весь день. Чувства смешались, теперь это была смесь жадности и страха. Брайан сделал шаг вперед и страх тут же пересилил — человек побежал. Когда Брайан подошел к его укрытию, то сразу понял, что означала эта смесь эмоций. Обе ноги остались лежать на месте. Они были слишком тяжелы для беглеца, а потому он их бросил.

Брайан, нагнувшись, взял в каждую руку по ноге, легко закинул на плечи и двинулся по следу.

Вскоре стало понятно, что человек направляется через лес в горы. Когда направление прояснилось, Брайан выбрался на равнину, где было легче двигаться, и побежал вдоль леса, чтобы обогнать охотника. Здесь дело пошло намного легче, и, хотя он был нагружен мясом, ему без труда удалось опередить беглеца. Брайан углубился в лес, двигаясь наперерез, и вскоре вышел на звериную тропу, по которой, видимо, и шел охотник. Это было хорошее место для встречи. Он скинул свою ношу и принялся ждать, поглядывая на тропу, отчетливо ощущая приближение человека, его страх и усталость.

Они увидели друг друга одновременно; повинуясь страху, охотник резко выбросил вперед руку. Брайан едва успел увернуться от мелькнувшего в воздухе копья. Острие с силой вонзилось в ствол дерева. Пока Брайан поднимался на ноги, охотник присел и вытащил нож. Не сводя с него глаз, Брайан протянул руку, выдернул копье и бросил на траву. Потом осторожно достал свой кинжал и бросил его рядом с копьем. От охотника исходили волны ужаса. Брайан молча ждал, пока пройдет приступ страха, и только потом заговорил, тща-

тельно подбирая слова:

— Я не желаю тебе зла. Вот мой кинжал, вот твое мясо. Давай станем друзьями.

Охотник ничего, конечно, не понял, но спокойный тон голоса, похоже, на него подействовал. Продолжая говорить, Брайан снова показал на оружие и мясо и отошел в сторону, держась, однако, в поле зрения охотника. Отойдя на несколько шагов, он остановился и сел, опершись спиной о ствол дерева. Следующий шаг был за охотником. Брайан тихо перебирал его эмоции, ощущая, как страх понемногу отступает перед любопытством. Человек сделал осторожный шаг, потом другой и вышел на середину тропы. Теперь они рассматривали друг друга с одинаковым интересом.

Охотник выглядел вполне по–человечески, однако был худ и низок ростом — он едва доходил Брайану до плеча. Его длинные волосы были спутаны, грязные пряди спадали на лицо. Одет он был в шкуру ящера, ноги тоже были обмотаны шкурами. Раскрыв от изумления рот, он рассматривал одежду и обувь Брайана. Потом, подбадриваемый голосом Брайана, склонился над оружием. Тот постарался скрыть свои чувства, когда увидел свой кинжал в руке охотника, который крутил его в руке и так и этак, а когда

нечаянно порезал палец — страшно перепугался и принялся его сосать, прямо как ребенок. Когда боль и страх немного поутихли, охотник нагнулся и отхватил от ноги ящера изрядный кус мяса.

Брайан почувствовал прилив счастливого удовлетворения, когда увидел, что охотник протянул мясо ему. Он кивнул, улыбнулся и, протянув руку, шагнул вперед. Охотник все же испугался — бросил мясо и отбежал на несколько шагов. Брайан замер на месте, терпеливо дожидаясь, когда тот успокоится. И только потом осторожно, шаг за шагом подошел и взял мясо. Откусил кусочек, пожевал — вкус был на редкость отвратительный, — улыбнулся и радостно замычал, потирая живот.

Страх практически исчез. Охотник заулыбался в ответ, поначалу несколько напряженно, а потом уже от души, потирая живот и счастливо помыкивая, как бы повторяя во всем Брайана.

Контакт наконец состоялся.

Глава 7. Первый контакт

Теперь, когда был установлен дружеский контакт, охотник, похоже, совсем перестал бояться. Брайан ясно чувствовал это, но поверить никак не мог. Хотя человек, стоявший перед ним, выглядел вполне взрослым, его реакции были на удивление детскими. Первый страх перед чужаком полностью уступил место любопытству. И тогда, при первом появлении Брайана, он остался наблюдать за ним, вместо того чтобы спасаться бегством, остался даже на ночь. Страх, потом жадность и снова страх — похоже, он не мог испытывать два сильных чувства одновременно. Совсем как ребенок. Он счастливо лопотал, разглядывая одежду и обувь Брайана, шумно тянул воду из бутылки, пожевал — и с отвращением выплюнул сухой паек. И проделывал все это по–детски непосредственно.

Он даже не заметил, занятый содержимым сумки, как Брайан неторопливо подобрал кинжал и спрятал его в ножны. Просто не обратил на это внимания. Разглядывание принадлежащих Брайану вещей настолько поглотило его, что он начисто забыл об элементарной осторожности.

Брайан очень скоро понял, что этот человек весьма примитивен, и подтверждение тому — бесхитростное восприятие абсолютно новых для него явлений. Оружие его представляло собой изделия каменного века. Наконечником копья служил острый осколок стекловидной вулканической породы, привязанный к древку грубой веревкой. Нож также был сделан из камня. Шкуры ящеров, служившие ему одеждой, были совершенно не выделаны — об этом нетрудно было догадаться по запаху. Единственным предметом, не имевшим утилитарного назначения, был череп ящера. Этот отвратительный предмет с остатками полусгнившей кожи дикарь нахлобучил на голову в виде шлема.

Когда охотник удовлетворил любопытство, Брайан предпринял первую попытку пообщаться с ним — практически безуспешную. Он долго тыкал в себя пальцем и произносил свое имя, а потом так же долго тыкал пальцем в охотника, издавая при этом вопросительные звуки. И в результате выяснил, что того зовут Вьер. Точнее, Вьр, этакая взрывная группа согласных, начисто лишенная гласных звуков. Имя Брайана охотник произносил как Кран, точнее, даже Бррн, опуская гласные. Собственно говоря, этим их общение

и исчерпывалось. Вьер вскоре потерял всякий интерес к изучению новых слов, равно как и к обучению Брайана. Круг его интересов был очень ограничен. Желая утолить жажду, он осушил бутылку, пролив большую часть воды на землю. А проголодавшись, невозмутимо согнал мух, отхватил кус зеленого мяса и принялся поглощать его сырым, довольно громко при этом чавкая. Брайан никак не мог понять поведения этого человека.

Вьер вел себя как настоящий дикарь. При этом Брайан чувствовал, что он нисколько не притворяется. Он был именно таким, каким казался: до предела примитивным существом каменного века, начисто лишенным какого бы то ни было воображения. И в то же время на этой планете две армии вели непрерывную войну, используя достаточно сложное вооружение. Вьер в этот расклад никак не вписывался. Может быть, он просто изгой? Человек, бежавший от войны? Пока не наладится общение, ничего определенного сказать нельзя. Интересно, он один или существует целое племя? Что же делать дальше?

Все решил Вьер. Расправившись с порцией мяса, он спокойно задремал. Словно диковинный зверь, он присел на корточки и сразу уснул. Проснулся он так же внезапно, глянул на небо и

пробормотал что-то невразумительное. Похоже, он принял решение. Своим корявым ножом деловито срезал длинную лиану. Затем связал вместе обе ноги и, крякнув, вскинул груз на плечи. Взяв в одну руку нож, а в другую копье, двинулся по тропинке, но вдруг остановился, словно что-то вспомнив.

— Бррн, — произнес он, улыбаясь. — Бррн! Бррн! — Затем повернулся и отправился восвояси.

— Погоди! — крикнул Брайан вслед. — Я хочу пойти с тобой!

Он шагнул было следом — и замер на месте, ощутив волну страха. Вьера прямо колотило от ужаса, даже копье дрожало. Он медленно пошел прочь и снова застыл, когда Брайан вновь попытался последовать за ним. Лицо его исказило отчаяние, на глаза навернулись крупные слезы.

— Да, я вижу, ты не очень хочешь брать меня с собой, — Брайан старался говорить успокаивающим тоном, — но мы еще встретимся. Ты ведь вернешься в эти холмы, а найти тебя совсем не трудно.

Вьер совсем успокоился, увидев, что на этот раз Брайан не собирается идти за ним. Он направился в глубь леса, потом обернулся и побежал во весь

дух, согнувшись под тяжестью мяса. Когда Вьер исчез из виду, Брайан развернулся и отправился в противоположную сторону, на равнину. Он сделал небольшой крюк, чтобы набрать воды, затем пошел по вчерашнему маршруту. Теперь цель была ясна. Поход на места сражений может подождать, — чем позже он встретится с противником, тем лучше. Для этого еще будет время, сейчас важнее всего поговорить по душам с Вьером. Вполне возможно, хотя шансы и невелики, что Вьер сообщит ему о войне все, что нужно, и тогда надобность в опасном путешествии и вовсе отпадет.

Он направлялся прямо к воронке, которая ясно выделялась посреди равнины, но остановился примерно в сотне метрах от нее. Затем принялся вытаптывать в траве круг, чтобы разложить сигнальные полотнища. Через несколько минут площадка была готова, и можно было выкладывать знаки. Тонкую материю пришлось прижать комками почвы, выброшенными из воронки при ударе обломка о землю. Выложив "X", он выдержал паузу, сосчитал до ста. За это время бортовой компьютер шлюпки успеет засечь знак с орбиты.

Убедившись, что времени прошло достаточно, Брайан выложил "V", затем еще раз "X", а в конце

два "I". Закончив сообщение, уселся на траву и, прихлебывая из бутылки воду, стал ждать.

Сообщение было предельно ясным: «Приземляйся. В этой точке. Срочно». Сейчас бортовой компьютер рассчитывает траекторию посадки. Учитывая высоту орбиты, шлюпка сможет сесть через час, максимум через два. Выждав несколько минут, Брайан собрал и спрятал полотнища, оставив знак "X". Покончив с этим делом, он отошел на четверть километра, уселся на траву и снова погрузился в ожидание. Компьютер работает без погрешностей и посадит шлюпку точно в назначенном месте. Оставаться в этой точке у Брайана не было ни малейшего желания.

Но чем дольше он сидел и обдумывал сложившуюся ситуацию, тем беспокойнее становилось у него на душе. Операция снова вошла в опасную фазу. Шлюпке придется-таки приземлиться, никуда не денешься. Он выбрал для этого самое безопасное место, наиболее удаленное от зоны боевых действий. И вдвойне безопасное, поскольку обломок крыла будет служить помехой для радаров. Если компьютеры отслеживают расположение металлических предметов на местности, то эта точка уже наверняка относится к разряду безопасных. Но все это лишь предпо-

ложения. В остальном придется положиться на удачу.

Ему нужен был только один прибор. Если поспешить, то можно добежать до шлюпки, отыскать то, что нужно, отправить Леа обратно на орбиту — и уложиться в две минуты. Этого времени должно хватить. А когда шлюпка стартует, нужно спрятать прибор под обломком крыла и скрыться самому. Если утром прибор будет на месте, то можно забирать его и отправляться на поиски Вьера.

Красное солнце уже опустилось в легкую дымку над горизонтом, когда он услышал далекий рокот двигателей. Брайан поднял глаза и отыскал в небе светящуюся точку. Она была много ярче солнца и вскоре превратилась в столб пламени. Шлюпка приземлялась точно в центре знака "X", который сгорел почти мгновенно. Брайан уже бежал к ней, хотя двигатели еще не перестали реветь. Как только он оказался у шлюпки, люк шлюза открылся и оттуда выкатился трап. Ухватившись за поручни, Брайан стал карабкаться вверх, в спешке не попадая на ступеньки. Работая руками и ногами, он буквально взлетел к шлюзу. Леа не успела отойти от пульта, как оказалась в его могучих объятиях и получила крепкий поце-

луй, прежде чем смогла из них вырваться.

— Я так рад видеть тебя, — заговорил он, одновременно поворачиваясь в сторону кладовки. — Тут довольно интересно, хотя и немного одиноко. Мне нужен эвролингвистический процессор — а, вот он! Пока. Как только я отбегу, немедленно взлетай.

Ему пришлось остановиться, потому что Леа загородила выход. Она горела от негодования.

— Хватит, мой дорогой. Пора поговорить…

— Сейчас не время. Отойди с дороги, тебе надо отправляться на орбиту, нас могут атаковать в любой момент…

— Замолчи. Захвати пульт дистанционного управления. Я буду ждать тебя внизу.

Не успел он ответить, а Леа уже подхватила увесистую сумку и сбежала вниз по трапу. Приказать вернуться? Силой усадить в шлюпку? Попытаться убедить, что это опасно? — Голова у Брайана шла кругом, внезапно он понял, что все бесполезно. Видно, на Земле специально выводят упрямцев — уж если она что решила, то никакая сила не заставит ее отступиться. Он подчинился неизбежности, а в глубине души даже обрадовался, что теперь будет не один.

Однако время идет! Одним прыжком он до-

брался до панели управления и вырвал дистанционный пульт из гнезда; тот автоматически включился. Пристегнул пульт к поясу рядом с ЭЛП, нырнул в шлюз, просто спрыгнул вниз и принялся давить на кнопки. Брайан едва услышал, как захлопнулась внутренняя дверь шлюза и с грохотом втянулся внутрь трап. Он уже мчался прочь.

Леа не стала ждать, сознавая его превосходство в скорости. Хотя она бежала что есть мочи, он мчался в два раза быстрее и вскоре нагнал ее. Не снижая скорости, подхватил на бегу, а когда послышался шум двигателей, рухнул на землю, прикрыв своим телом. Земля задрожала, их окутала туча раскаленной пыли. Леа села, закашлялась, протирая глаза.

— Троглодит несчастный — ты хоть понимаешь, что чуть не поджарил нас своим скоростным стартом?

— Чуть — не значит совсем, — он с улыбкой перекатился на спину и, заложив руки за голову, провожал взглядом удаляющийся огонек двигателей шлюпки. Все обошлось, по крайней мере на этот раз. — Я знал, что у меня в запасе три секунды, чтобы выйти из опасной зоны. Прибавь сюда семь секунд на закрытие шлюза… Все было

учтено!

— Очень умно! — С этими словами Леа что было сил ударила его в бок. Носок ботинка просто отскочил, но сам удар доставил ей огромное удовлетворение. Брайан удивленно хрюкнул, перевернулся на живот и вскочил на ноги. Леа сладко улыбнулась.

— Ну вот, наконец мы здесь, совсем одни, на чужой планете. Что дальше?

Брайан хотел было возмутиться, но передумал и расхохотался. Она не переставала его удивлять. Он отстегнул от пояса оба прибора.

— У тебя есть что-нибудь металлическое — в том числе в сумке?

— Совершенно ничего. Я тщательно подготовилась к этой экспедиции.

— Очень хорошо. Вон там заросшая травой яма. Спрячься в ней и жди. Я избавлюсь от приборов и приду к тебе.

Он вернулся к воронке, спрыгнул вниз и, весело насвистывая, осторожно засунул оба прибора под искореженное крыло. Все хорошо. Похоже, посадка прошла без осложнений.

Леа была на месте, когда он пробрался в укрытие и рухнул на траву рядом с ней.

— Может, все-таки расскажешь, что тут проис-

ходит? — спросила она.

— Тебе не следовало этого делать. Надо было оставаться в шлюпке.

— Почему? Шлюпка, как ты видел, и сама летает довольно неплохо. А две головы куда лучше одной, особенно сейчас, когда ты нашел аборигенов. А то зачем бы тебе понадобился ЭЛП, не так ли? Но сделанного не воротишь. Я здесь, наша шлюпка на орбите — что дальше?

Тут Леа была права. Сделанного не воротишь — Брайан умел принимать ситуацию такой, какая она есть. Он показал на лесистые холмы, окружавшие равнину.

— Мы останемся здесь до тех пор, пока не убедимся, что все спокойно. Потом двинемся вверх, на холмы, и отыщем того простодушного и грязного дикаря, с которым я повстречался. Если нам повезет, то мы сможем отыскать и его друзей. А когда отыщем, то с помощью ЭЛП поговорим с ними, может быть, они расскажут нам, что происходит на планете.

Глава 8. Неприятный сюрприз

Вечернюю тишину нарушали только жужжание насекомых да редкие далекие крики летучих рептилий. Брайан понял, что посадка прошла незамеченной, неприятностей не будет, и расслабился. Но как только напряжение спало, навалился жуткий голод — он уже давно ничего не ел. С чувством глубокого отвращения он выудил плитку сухого питания и сорвал обертку.

— Не слишком похоже на бифштекс, правда? — заметив выражение его лица, Леа не удержалась, чтобы не съязвить.

— На этом питании можно прожить очень долго, хотя это и не жизнь. И, пожалуйста, не напоминай мне о бифштексах.

Леа подтянула свою сумку и открыла верхний клапан.

— Я вспомнила о них только потому, что захватила для тебя порцию. — Она невинно улыбнулась, взглянув на ошеломленного Брайана. — Рецепт я вычитала в старинной кулинарной книге. Он рекомендуется участникам зимних гонок, хотя я не совсем понимаю, что это такое. — Она принялась разворачивать большой

сверток. — Приготовляется очень просто. Берется целая булка, разрезается пополам, внутрь кладется толстый, горячий, хорошо прожаренный бифштекс и обильно заливается соком. Потом накрывается сверху второй половинкой булки, и полученный бутерброд слегка сдавливается, чтобы хлеб хорошо впитал сок…

Она протянула огромную булку Брайану, и тот с глухим рычанием схватил ее. Откусил огромный кусок и с блаженной миной принялся жевать.

— Леа, ты просто чудо, — прошамкал он с набитым ртом.

— Я знаю, но все равно приятно, что ты это заметил. А теперь расскажи мне о своем скверно пахнущем дикаре.

Однако Брайан не проронил ни слова, пока не проглотил добрую треть огромного сандвича. Утолив первый голод, он не спеша прикончил остальное за разговором.

— Он прост как дитя — но вовсе не ребенок. Зовут его Вьер или что-то вроде этого. В первую нашу встречу он был страшно напуган, но, когда мы познакомились поближе, страх исчез совершенно. Это было невероятно. Словно внутри у него щелкнул переключатель эмоций. Потом, когда я хотел пойти за ним, он так расстроился, что

даже заплакал. Мне пришлось отпустить его, но, думаю, отыскать Вьера снова не составит труда.

— Может, он слабоумный — или изгой?

— Возможно, но вряд ли. Если принять во внимание среду его обитания, то следует признать, что Вьер прекрасно приспособлен к жизни. Он смог выследить и убить травоядного ящера и с удовольствием пообедал сырым мясом. А отправляясь назад к своему жилищу или стойбищу, захватил мясо с собой. Но не стоит гадать попусту. У нас слишком мало фактов, чтобы делать обоснованные предположения. Для начала следует разыскать его, выучить язык, а потом он сам ответит на все наши вопросы.

Брайан глянул на заходящее солнце.

— Это неплохое место для ночевки. Аппаратуру оставим на ночь в воронке, а утром отправимся.

— Мне нравится твой план. День выдался суматошный. — Леа вытащила из сумки спальный мешок и расстелила его на траве. — Тебе, похоже, нравится путешествовать налегке. Но мне не обойтись без небольшого комфорта — без теплой постели, например. Я прихватила несколько сандвичей и для себя. И немного вина в биопластиковой бутылке. Надеюсь, не сочтешь это ненужным излишеством, вина можешь хлебнуть

немного.

— С удовольствием. Я начинаю верить, что Земля и в самом деле колыбель человечества.

— Во всяком случае, женской его половины. Насколько я знаю, ни один мужчина не будет так заботиться о себе.

Спали они хорошо, пока Брайан внезапно не проснулся. Что-то его встревожило, но что — непонятно. Он тихо лежал, глядя на звезды. Основные созвездия он запомнил еще вчера и теперь мог судить о времени по их положению на небе. Сейчас было далеко за полночь, до рассвета оставалось всего несколько часов. Луны видно не было, в системе Сельма-2 вообще не было луны, но все вокруг заливал мягкий свет звезд. Эта солнечная система находилась рядом с центром Галактики, и на небосводе широким поясом горели мириады светил.

Что же встревожило его? Ночь была столь тиха, что ясно слышалось ровное дыхание Леа. Может быть, чужие эмоции? Он прислушался к себе и ощутил что-то едва различимое. На грани восприятия. Человеческие чувства. Одной эмоциональной окраски. Ненависть. Лютая ненависть и ярость, и жажда убийства. Это был не один человек. Эмоции исходили от нескольких

источников.

И сходились на нем.

Брайан медленно перекатился на живот и тихонько встряхнул Леа, а когда она открыла глаза, приложил палец к ее губам и тихо зашептал на ухо:

— Скоро к нам явится веселенькая компания. Собери вещи и приготовься бежать.

Он почувствовал, как напряглось ее тело, когда она приподнялась на локтях.

— Что происходит?

— Пока не знаю. Но чувствую поблизости людей. Они идут сюда. Пока не могу определить, сколько их. Но одно знаю точно — они идут по мою душу и сердца их пылают не любовью. Погоди…

Он сосредоточился, пытаясь выделить личность из переплетения эмоций, призвал на помощь весь опыт, который приобрел, развивая свой особый дар. Он попытался проникнуть в чужую душу. Да, все сходится.

Брайан удовлетворенно кивнул.

— Одна загадка разрешилась. С ними Вьер. Теперь мы знаем, что в холмах он живет не один. Похоже, его племя достаточно велико, вон сколько народу пришло взглянуть на меня.

— Мне показалось, ты говорил, что вы подружились.

— Мне тоже так казалось. Но, по–видимому, все изменилось. Хотелось бы узнать почему — и кажется, мы скоро это узнаем. — Он спокойно встал и потянулся к ножнам. — Ты останешься здесь, пока я с ними не разберусь.

— Нет! — Ее пальцы впились ему в руку. — Ты никуда не пойдешь один, да еще ночью…

— Еще как пойду. Поверь, я знаю, что делаю. — Он мягко отнял ее руку. — Я должен чувствовать себя свободным, когда встречусь с ними. Может статься, у меня не будет времени заботиться о тебе. Не волнуйся, все будет хорошо.

И он скользнул в полумрак, бесшумно двигаясь в сторону крадущихся охотников. Отойдя подальше от укрытия, он остановился. Теперь эмоции ощущались сильнее. В темноте было человек двенадцать. Возможно, больше. Он подождал, пока в сумраке не проявились темные фигуры — их оказалось около двадцати, — потом резко вскочил на ноги и закричал:

— Вьер! Я здесь. Чего ты хочешь?

Брайан почувствовал, как их волной захлестнул страх. Они замерли, все, кроме одного — которого несла вперед ненависть. Он наступал в

одиночку.

Из темноты вылетело копье и вонзилось в землю в метре от ноги Брайана. Ситуация становилась опасной. Он почувствовал, что первый шок проходит и в людях снова закипает ненависть. Один за другим охотники двинулись вперед.

Брайан медленно отступал к озеру, уводя их в сторону от укрытия Леа. По крайней мере, хоть она в безопасности. Собственная участь его не беспокоила — за себя, если они все-таки нападут, он сможет постоять. Тем более, если они все такие, как Вьер. В крайнем случае, если придется туго, он просто убежит. Но что толкнуло их на это? Он снова крикнул, чтобы привлечь к себе внимание.

Тут закричала Леа — и он почувствовал, как ее захлестнула паника.

Он рванулся к ней. Перед ним появился человек, потом еще двое — не снижая скорости, он разметал их в разные стороны. Леа закричала опять, и он увидел людей, которые держали ее, увидел поднятые копья.

Бросаясь в драку, он даже не вспомнил про кинжал — ему вполне хватало кулаков.

В неверном свете звезд завязалась жестокая

схватка. В ближнем бою оружие было бесполезно и даже опасно для самих нападавших. Брайан схватил одного из них и швырнул в гущу атакующих, послышались крики. Его кулаки обрушились на тех троих, что держали Леа. Он спрятал Леа за спину, руками отбивая копья, молотил кулаками словно палицами. Нападающие разлетались от его ударов — и тут в висок ударил первый камень.

Брайан взревел от боли, когда на него обрушился град камней — тут он впервые заметил женщин за спинами нападавших мужчин. Они были вооружены округлыми камнями и управлялись с ними очень умело. Брайан ухватил одного из охотников и прикрылся им как щитом — однако было поздно. Град камней обрушился на голову и шею, но он не успел почувствовать боли, закачался и рухнул как подрубленное дерево. Последнее, что он запомнил, — крик Леа и ощущение собственной беспомощности перед надвигающейся тьмой.

А потом — суматоха. Мысли спутаны. Чернота, красные пятна боли. Качка, боль в руках, в ногах, в голове. Неясное движение. Опять чернота. Вдруг появились звезды, они почему-то раскачивались перед глазами. Он хрипло позвал Леа. Что она

ответила? Не понять. Боль и забытье были ему единственной наградой.

Когда он очнулся, ночь уже отступила от неба, занимался серый рассвет. С трудом разлепив веки, Брайан услышал, как его окликнула Леа. Руки и ноги были, по–видимому, связаны. Он часто заморгал, пытаясь разогнать пятна в глазах. Оказывается, руки и ноги были привязаны кожаными ремнями к длинному столбу. Правая рука была в крови и жутко болела. Он вывернул кисть так, чтобы было видно, и раздраженно рыкнул.

Голос Леа был хриплым от тревоги:

— Ты жив? Слышишь меня? Отзовись, Брайан, ну пожалуйста! Ты можешь двигаться?

Когда он попытался повернуть голову, из груди вырвался невольный стон. Голова была вся в шишках, один глаз заплыл. Здоровым глазом он увидел Леа, лежащую поблизости, крепко привязанную к такому же столбу. Поначалу из горла вырывался только хрип, но в конце концов ему удалось выдавить несколько слов.

— Я… в порядке… полном…

— В порядке! — в ее голосе звенела сердитая слеза. — Ты выглядишь ужасно, весь в крови, побитый. Если бы не твой чугунный лоб, ты бы давно уже погиб! Ох, Брайан… Это было ужасно.

Они подвесили нас на столбы словно туши. И несли всю ночь. Я была уверена, что тебя убили.

Он попытался улыбнуться, но вышла какая-то нелепая гримаса.

— Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены. — Брайан, сколь было возможно, пошевелил руками и ногами. — Синяков много — но переломов, похоже, нет. А как ты?

— Ничего серьезного, так, пара царапин. Они в основном тебя били. Это было так жестоко…

— Хватит. Главное, что живы остались. Лучше расскажи мне, что ты видела по дороге.

— Очень немного. Мы где-то в горах. Рядом с какими-то пещерами, на поляне. Вокруг высокие деревья. Когда мы прибыли сюда, женщины сразу же скрылись в пещере, они до сих пор там. А мужчины спят снаружи, вокруг нас.

— Сколько их всего? Есть ли часовые?

— Мне кажется, восемнадцать… нет, девятнадцать… нет, двадцать. По–моему, все. А часовых не видно. Время от времени они поочередно бегают в лес, видимо, там у них санитарные удобства.

— Звучит обнадеживающе. Дисциплина хромает, как я и думал. Самое время бежать, пока они все спят, а то проснутся, неровен час, и примутся

за нас всерьез.

— Бежать? — Она выразительно дернула связанными руками. — Похоже, тебя слишком крепко треснули по голове. Они забрали твой кинжал, а зубы до ремней не дотягиваются. Объясни, как мы убежим?

— Погоди минутку, — спокойно ответил он. Закрыл глаза и стал делать глубокие вдохи.

Сейчас важно успокоиться, собрать воедино всю волю и силы. Он проделывал дыхательные упражнения для тяжелой атлетики; предстоящая задача была ничуть не легче. Тело расслабилось, и тут же заныли все раны и ушибы. Они были пустяковыми, усилием воли он подавил боль. Отлично. Теперь все мышцы под контролем. Глаза его медленно, открылись, и он устремил взгляд на сыромятные ремни, державшие его запястья. Мышцы на руках и плечах вздулись.

Леа была поражена. Она видела, как Брайан сначала расслабился, даже лицо обмякло. Глаза отрешенно смотрели на ремни. А потом по его телу волной прокатилось напряжение, огромные бицепсы напряглись, ткань куртки натянулась и треснула по швам. Кожаные ремни заскрипели от натуги, растягиваясь все больше и больше. Его руки, словно механические манипуляторы, рас-

ходились в стороны, а лицо при этом оставалось совершенно спокойным.

С легким щелчком лопнул сначала один ремень, потом другой. Руки освободились.

Как только Брайан понял это, на него сразу навалилась усталость. Он закрыл глаза и, тяжело дыша, прислонился к столбу, растирая пальцами рубцы. Там, где ремни врезались слишком глубоко, раны кровоточили. Однако через минуту он собрался с силами, медленно поднял голову и осмотрелся.

— Отлично, — спокойно сказал он. — Ты была права — все спят. — И по–пластунски пополз по утоптанной земле к Леа, волоча за собой столб, привязанный к коленям. Он осмотрел ее ремни.

— Если ты попытаешься их порвать, то заодно оторвешь мне руки, — заметила она, стараясь не смотреть на его кровоточащие кисти.

— Не волнуйся, это будет совсем не больно.

Он нагнулся, сомкнул зубы на ремнях из невыделанной шкуры и принялся усердно грызть. Они поддались меньше чем за минуту.

— Отвратительный вкус, — отплевываясь, сообщил Брайан.

— Тебе придется показаться дантисту.

Шутка далась ей через силу. Он протянул руку

и отвел спутанные волосы с ее лица.

— Мы скоро выберемся, честное слово. Потерпи еще минутку.

Однако он не был так спокоен, как это могло показаться. Было уже совсем светло, их мог заметить случайно проснувшийся человек. Сейчас все решают минуты. Если они без лишнего шума доберутся до леса, то уйдут наверняка. Несмотря на раны, он сможет бежать, и второй раз поймать их будет непросто. Он раздвинул ремни на коленях и просунул указательный палец под самый тонкий из них. Ремень легко лопнул. Остальные он быстро порвал по одному, стряхнул обрывки и медленно сел. Вокруг все спали. Тем же манером Брайан освободил Леа.

— Пора двигать, — прошептал он, подхватил ее на руки и осторожно стал пробираться между телами спящих охотников. Осторожно, но быстро, каждую секунду ожидая тревоги. Однако все было тихо. Шесть, семь, восемь шагов — и вот они уже среди деревьев, продираются сквозь кусты.

— Я скоро вернусь. — Он осторожно опустил женщину на траву и, приложив палец к ее губам, не дал возразить. И сразу исчез. А она не знала, смеяться или плакать.

И засмеялась. Ей с трудом удалось подавить ис-

терический хохот, когда Брайан появился вновь с одним из захватчиков на плече. Просто так он сбежать не мог — о нет! Ему надо было взять пленного! Человек слабо, без всякой надежды на успех, брыкался. Брайан захватил его без единого звука — зажал жертве огромной рукой рот и просто поднял с земли. Человек уже едва дышал, лицо его покраснело, глаза вылезали из орбит. Брайан ослабил хватку, и пленник с жадностью втянул воздух. Но прежде чем он успел испустить крик, огромный кулак ударил его пониже уха, и он без памяти рухнул на землю.

Брайан даже не обернулся в его сторону, а подошел к Леа и помог ей подняться.

— Ты идти сможешь? — спросил он.

— Скорее, ковылять.

— Постарайся. Когда станет совсем невмоготу, я помогу тебе.

Он легко вскинул пленника на плечо, взял Леа за руку, и они пошли вниз по склону, петляя между деревьями, с каждой минутой удаляясь от стойбища.

Тревоги слышно не было. Наконец-то они были свободны, по крайней мере — на какое-то время.

Глава 9. Электронный допрос

Брайан вышел на опушку леса и остановился под большим деревом. Окинул взглядом поросший травой склон, переходящий в пустынную равнину, синие воды Центрального озера, простиравшиеся до самого горизонта. Солнце уже стояло высоко, день был в полном разгаре. Он слышал, как где-то позади, вполголоса ругаясь, продирается сквозь кусты Леа. Хотя он до предела напряг свое сознание, но никаких признаков погони не ощутил.

— Почему бы… нам здесь… не передохнуть, — выдохнула Леа, привалившись рядом с ним к дереву.

— Почему нет? Место для отдыха неплохое. — Женщина обессиленно сползла вниз по стволу дерева. — Насколько я понимаю, за нами пока никто не гонится, а значит, нам ничто не грозит, по крайней мере сейчас. На равнине мы будем как на ладони. А теперь самое время подумать о том, что делать дальше.

— Для начала сбросил бы этого бородача. — Леа ткнула пальцем в бесчувственного дикаря, болтавшегося у Брайана на плече. — Или ты уже

привык таскать его на себе?

Брайан положил свою ношу на опавшие листья.

— Да он совсем не тяжелый. Видишь, весь высох от старости.

— Это лучшее, что ты смог найти?

— Да. Это, похоже, представитель власти, во всяком случае, он был единственным, на ком болталось нефункциональное украшение.

Брайан отодвинул седую бороду и показал ожерелье из выбеленных косточек, висевшее у старика на шее.

— Возможно, он знает намного больше других.

— Ты хочешь сказать, что специально его выбирал, когда вернулся в стойбище?

— Конечно. Ведь это была уникальная возможность.

— Когда-нибудь я, возможно, смогу тебя понять, но только не сейчас. Я смертельно устала, страшно хочу есть и пить. Такое чувство, будто меня ногами пинали. У тебя есть какие-нибудь планы на будущее?

— Весьма обширные. Пока мы шли, было время подумать. Для начала мы должны осознать несколько неприятных фактов. Пропало все наше снаряжение, в том числе вода, пища, мой

кинжал…

— А если еще и дистанционного пульта не окажется на месте, ну, там, где ты его спрятал, в воронке, то впору нам обоим покончить счеты с жизнью. Мне как-то не очень хочется вновь оказаться в лапах этих типов…

Сморщив от отвращения нос, Леа нагнулась, чтобы получше рассмотреть пленника.

— Чистый ужас. Кстати, о руках — не кажется ли тебе, что это паскудное ожерелье сделано из фаланг пальцев?

Брайан утвердительно кивнул:

— И это самое интересное. Вот почему я и тащил его на себе. У меня к нему есть личное дело.

В его голосе внезапно послышались гневные нотки, которых раньше не было, что заставило Леа внимательнее взглянуть на ожерелье. Косточки все были белые, вот только одна темнее других. Нет, не темнее, просто другая. Леа присмотрелась и увидела, что это совсем свежая, перепачканная кровью косточка. Ее осенила внезапная догадка, и она в ужасе уставилась на Брайана. Он лишь угрюмо кивнул в ответ. Затем поднял правую руку так, чтобы были видны оставшиеся пальцы.

Леа охнула.

— Что они с тобой сделали, свиньи! И ты мне ничего не сказал…

— А что толку говорить — все равно уже ничего не поделаешь. Да и рана не очень серьезная, — они перетянули обрубок ремешком, чтобы остановить кровь. Интересно, что означает этот обряд? Этот парень просто обязан нам все объяснить. — Брайан закрыл тему взмахом искалеченной руки. — Однако это подождет. Прежде всего необходимо вызвать шлюпку. Надеюсь, наш пульт, как ты говорила, цел и невредим. Без него нам не справиться. Следовательно, надо не мешкая отправляться к воронке и как можно быстрее сажать шлюпку. Потом ты погрузишься и улетишь…

— Без тебя? Тебе что, так полюбилась эта гнусная планета?

— Не особенно. Но надо же выполнять задание. Кроме того, мне не хотелось бы брать на борт шлюпки этого человека.

— Почему? Боишься, что он ее захватит?

— Напротив. После общения с Вьером у меня сложилось впечатление, что этих людей нельзя вырывать из привычной для них окружающей среды. Ничего со мной не случится до твоего возвращения. Пока шлюпка сделает один виток на

орбите, ты успеешь приготовить все необходимое по списку, который мы сейчас составим. А потом совершишь посадку и доставишь снаряжение.

— Может, занести в отчет все, что мы успели выяснить?

— Это первый пункт списка. Затем подготовить снаряжение. Ничего не поделаешь, но на сей раз без металлических инструментов нам не обойтись. Я убежден, что лучше не иметь при себе металла, когда придется передвигаться с места на место. Но если обломок крыла никто не тронул, то у нас будет тайник, в котором мы сможем хранить всю металлическую экипировку до тех пор, пока она нам не понадобится.

— Инструменты — это несколько парализующих гранат и пара ружей?

— Именно так я и думал. У меня нет ни малейшего желания провести такую же ночь, как прошлая.

— Поддерживаю от всей души. — Она устало поднялась на ноги. — Если ты готов — пошли. Не очень-то приятно сидеть спиной к лесу.

— Тебе надо проверить свои способности, — отозвался Брайан, вскидывая на плечо все еще бесчувственное тело. — Они уже кинулись в погоню. Я почувствовал это несколько минут назад.

Но пока ощущаю только растерянность. Видимо, они еще не вышли на след.

— И ты молчал! Пошли. — Леа вскочила на ноги и кинулась вниз по склону.

Брайан сразу припустил легкой рысью и в несколько шагов догнал ее.

— Я пойду вперед, — бросил он на ходу. — Они могут засечь нас на равнине, поэтому надо вызвать шлюпку как можно скорее.

— Не болтай попусту — лучше пошевеливайся! Я буду держаться за тобой.

Она бежала изо всех сил, но не могла выдержать предложенного темпа. Брайан летел огромными прыжками, направляясь прямо к воронке. Леа постоянно оглядывалась, потом все-таки перешла на шаг, чтобы отдышаться. Она взбежала на пригорок и увидела далеко впереди, как Брайан выбрался из воронки и взмахнул над головой чем-то блестящим. Пульт был на месте.

— Шлюпка пошла на посадку, а погони все еще не видно, — сообщил Брайан, когда она доковыляла до места.

— Никогда я так не… выматывалась, — выдохнула Леа, падая в траву.

Брайан бросил пульт рядом с ней и снова направился к воронке.

— Если дикарь зашевелится — кричи, — сказал он. — Я хочу снять новую копию с маркировочной таблички. Первая пропала, она была нацарапана на бутылке. Когда будешь в шлюпке, занесешь текст в компьютер. — И исчез в воронке.

Леа взглянула на ожерелье на шее спящего старика и содрогнулась. Эти люди — настоящие звери. Отрубить человеку палец! Зачем? Наверное, для них это какой-то ритуал. А Брайан даже виду не подал, что у него болит рука. Потрясающий человек. Надо будет обработать обрубок, чтобы не допустить инфекции, но для этого нужна аптечка. Палец, конечно, отрастят заново, но сейчас главное — снять боль.

— Я переписал все значки на кусок коры, — сообщил Брайан, выбравшись из воронки. — Может, ты их расшифруешь?

Она крутила кору и так и этак, но в конце концов сдалась:

— Это совершенно незнакомый мне язык. Хотя начертание букв что-то напоминает. Может быть, в памяти компьютера что-нибудь есть…

Седовласый пленник открыл глаза, задрожал и с визгом кинулся на четвереньках прочь. Брайан схватил его и сильно нажал большим пальцем на шею пониже уха. Старик пару раз дернулся

и затих.

— Ты видела? — спросил Брайан.

— Что? Как ты его вырубил? Конечно. Отличный приемчик, ты должен меня научить…

— Да нет. На что он смотрел, когда завыл от ужаса? На радиопульт.

— Может, он знает, что это такое?

— Сомневаюсь. Но для него пульт явно имеет какое-то зловещее значение, и надо выяснить — какое. — Брайан повернул голову и прислушался. — Шлюпка снижается. Теперь постарайся запомнить перечень необходимых вещей.

Шлюпка села меньше чем через две минуты. И с этого момента тревога не отпускала Брайана. Даже когда шлюпка с Леа на борту унеслась ввысь. Уже две посадки прошли благополучно — возможно, это означает, что выбранное им место не находится под постоянным наблюдением. Но с каждым приземлением вероятность обнаружения возрастает. Однако место посадки менять нельзя, потому что только племя охотников может помочь разрешить загадку этой планеты. Выбора не было, он выбросил из головы пустую тревогу и взялся за настройку ЭЛП.

Маленькая металлическая коробочка была нашпигована сложнейшими микросхемами. ЭЛП

был оснащен голографическим проектором, который формировал трехмерное изображение, оно как бы парило в воздухе над прибором. Сначала появилась наклонная белая поверхность, на которой были написаны рабочие инструкции. Брайан внимательно их прочел и набрал нужные коды. Инструкции исчезли, и возникло изображение Учителя. Он выглядел пожилым человеком, был одет в простой серый костюм и сидел, скрестив ноги. Брайан снова нажал на клавиши, и Учитель сменил костюм на набедренную повязку. В конце концов удалось даже удлинить волосы. Несмотря на то, что пленник был куда грязнее Учителя, они были очень похожи.

Брайан с удовлетворением кивнул, рассматривая полученное изображение. Вышло довольно прилично. Прикоснувшись к клавиатуре, он переместил изображение так, чтобы оно закрывало собой проектор. При этом казалось, что его рука погрузилась в обнаженное бедро сидящего человека.

Когда все было готово, его вновь охватило беспокойство, которое исчезло было после старта шлюпки. Но сейчас приходилось думать об остальных членах племени. Пока они не показывались, он не ощущал их присутствия. Медленно

шли минуты.

До самого возвращения шлюпки ничего так и не произошло. Брайан встал и приветственно взмахнул рукой.

— Бросай мне снаряжение по очереди, — крикнул он Леа, когда открылся люк. — А потом быстро спускайся.

Это был довольно опасный, но зато самый быстрый вариант выгрузки. Один за другим он ловил тяжелые контейнеры и сваливал их в кучу, а потом принялся перетаскивать в воронку. Леа вскоре присоединилась к нему. Как только они выбрались из опасной зоны, Брайан набрал на пульте команду и послал шлюпку на орбиту. Когда она благополучно скрылась в вышине, они смогли наконец перевести дух. Леа погрозила кулаком далеким холмам.

— Ну что, теперь милости прошу атаковать, если есть желание. Подарки уже готовы! И я с радостью их вам преподнесу. Ни один из вас не стоит и пальца Брайана, слышите, вонючки!

— Разделяю твои чувства. — Брайан накладывал повязку поверх антисептической пены, покрывавшей обрубок пальца. — Однако наш гость, кажется, пришел в себя.

— Я приготовлю поесть, пока ты опробуешь

прибор. Попытайся его разговорить.

Обучение на ЭЛП проходило мучительно медленно и с жуткой дотошностью. Активность учащихся была очень важным элементом учебного процесса. Это оказалось главным препятствием, потому что пленник никак не хотел работать, а без его желания было не обойтись. Вернее, он не то чтобы не хотел, а был смертельно напуган.

Брайан почувствовал, что пленник скоро проснется — изменились ритмы мозга. До того как он открыл глаза, ощущались только страх и боль. А затем все затмил невыразимый ужас, подобный тому, который испытал Вьер, когда впервые увидел Брайана. На сей раз было даже хуже, потому что ужас не ослабевал. Как только пленник поднял глаза на Брайана, он сразу завыл и пополз прочь. Брайан удержал его, схватив за колено, страх при этом только усилился. Охотник взвыл и невольно пустил ветры. Глаза его закатились, он потерял сознание. Брайан отправился за аптечкой.

— Не хочешь перекусить? — спросила Леа, когда он спустился в воронку.

— Не сейчас. Он никак не хочет работать, придется сделать укол скополамина, в таких случаях это рекомендуется.

Легкий укол шприца заставил человека очнуться; Брайан быстро спрятал шприц в карман, с глаз долой. Теперь ужас был блокирован. Охотник неловко пошевелился, потер лицо, подозрительно глядя на Брайана. Тот не шелохнулся, просто сидел и ждал. Он заметил, что человек уставился на изображение Учителя, и ощутил, что ужас отступает и сменяется любопытством. В глазах пленника Учитель был его ровесником, человеком, который изумительно владеет своим телом — он сидел совершенно неподвижно, только грудь его легко вздымалась. Без этой имитации дыхания компьютерный образ сошел бы за статую. Когда удивление охотника усилилось, Брайан голосом подал команду:

— Начинай.

Пленник испуганно глянул на Брайана — и снова уставился на изображение, которое стало подавать первые признаки жизни. Учитель улыбнулся, кивнул и протянул руку к коробке, что стояла перед ним на земле. Он вынул оттуда обыкновенный камень.

— Камень, — отчетливо произнес он, — камень… камень.

Каждый раз, произнося слово, фантом кивал и улыбался. Затем вытянул руку с камнем и издал

вопросительный звук. Охотник сидел, раскрыв рот, в голове его была полная сумятица.

С нечеловеческим терпением фантом повторил демонстрацию и вопрос. Ответной реакции не было. На третий раз Учитель уже не улыбался. А после того как старик снова не ответил, лицо фантома стало злым, он грозно нахмурился и оскалил зубы, изображая сильную агрессию. Это выражение лица антропологи находили во всех культурах. Пленник отпрянул с испуганным воплем. Когда камень появился вновь, он, заикаясь, произнес: «Пртр». Фантом улыбнулся, кивнул и сделал одобрительный жест. Процесс обучения пошел.

Брайан потихоньку отодвинулся из поля зрения охотника, чтобы не мешать уроку. Он смотрел, как Учитель переливает воду из сосуда в сосуд, снова и снова, не проливая ни капли.

— Думаешь, получится? — спросила Леа.

— Всегда получалось. Это самообучающаяся программа. Усвоив несколько слов, ЭЛП произносит их, чтобы проверить звучание по реакции партнера. По мере увеличения словарного запаса процесс обучения ускоряется. Вскоре ЭЛП сможет задавать вопросы, сначала элементарные, затем все более и более отвлеченные. Когда старик

устанет, компьютер даст ему передохнуть, а в это время будет учить нас.

— То есть гонять по лексике, грамматике, ставить произношение и все такое?

— Именно. А где еда, про которую ты говорила? Следить за стариком не обязательно. Если он что-нибудь задумает, я это сразу почувствую.

После полудня пленник начал клевать от усталости носом. Брайан принес ему воды в деревянной чашке, и он с жадностью ее выпил.

— Как его зовут? — спросил он ЭЛП.

— Его имя Равн. Равн. Равн. Равн. Повторяю: Равн…

— Достаточно. — Брайан повернулся с широкой улыбкой. — Равн, поздравляю тебя с возвращением в человеческую цивилизацию.

Глава 10. Вступление в должность

— Рана заживает хорошо, — отметила Леа, поворачивая руку Брайана так, чтобы лучше разглядеть обрубок пальца. Он смотрел, как она накладывает антисептическую пасту.

— Арб'т клрм, — буркнул он.

— Если ты хочешь сказать «мне больно», то научись проглатывать конечные звуки, а то аборигены тебя не поймут.

— Довольно противный язык.

— Брайан, в тебе говорит лингвистический изоляционизм. Если рассуждать абстрактно, противных языков не существует…

Подняв палец, Брайан прервал ее и спокойно сказал:

— Только не оборачивайся. Похоже, Равн собрался бежать. Я этого ждал. Пусть немного побегает. Я даже хочу, чтобы он убежал и почувствовал себя свободным. Когда я снова его схвачу, он будет окончательно сломлен и станет совершенно ручным. Тут-то мы его и разговорим. Не хочется давить. Сил у него много, и хорошая встряска ему не повредит.

— Тряхни его разок и за меня. А то он глядит

с таким отвращением, будто мы его вареным мясом кормим.

— Видишь ли, он человек иерархического общества.

— Да уж. Для него женщины находятся ниже дна. Ага, он, кажется, уже собрался в путь. Поднялся на ноги, смотрит сюда.

— Отвернись и сделай вид, что ничего не заметила. Я хочу, чтобы у него появилась надежда — а потом я же ее и отниму. Этот стресс сломит его сопротивление.

Равн понимал, что Говорящий Старик не погонится за ним. Он всегда сидит на одном месте. О женщине и говорить нечего. Он боялся только Большого Охотника, который очень сильный. Но бежать надо сейчас, пока Охотник не смотрит на него. Равн чувствовал себя отдохнувшим. И он был Равн, и ноги его были по–прежнему крепки, недаром он столько лет охотился на Мяснух. И всегда догонял их — и теперь убежит от Охотника. Охотник настолько глуп, что даже не смотрит в его сторону. Старик тоже глуп — сидит и не поднимает тревогу. Он медленно скрылся в траве — и побежал! Быстрей! Как ветер, как Мяснуха — теперь его не поймать.

Леа смотрела, как старик бежит по равнине, все

дальше и дальше.

— А ты не слишком рискуешь? — спросила она. — Старый черт быстро, однако, бегает. Было бы стыдно упустить его. Чего доброго, ему на помощь придут друзья. Может, они его поджидают?

— Можешь не волноваться. Никто его не поджидает, в этом я уверен. — Брайан глянул вслед беглецу, затем встал, потянулся. — Хорошее дело — спринт. Давненько я не бегал.

Глядя на него, Леа поняла, что волновалась напрасно. Когда Брайан стартовал, она призналась себе, что ничего подобного в жизни не видела. Она совсем забыла, что он чемпион своей планеты по двадцати видам спорта и бег — один из этих видов.

Равн не ожидал ничего подобного. Он было уже грянул победную песнь — ведь он был слишком далеко и бежал слишком быстро, чтобы кто-нибудь мог его теперь догнать. Поэтому когда он оглянулся и увидел, что Охотник все-таки погнался за ним, то вскоре лишь рассмеялся и приналег, чтобы увеличить разрыв. Но когда оглянулся опять — Охотник уже сократил разрыв наполовину и темпа не снижал. Равн взвыл от отчаяния, но оторваться не смог. Лес по–прежнему был че-

ресчур далеко, а шаги слышались уже за спиной. Легкие болели, сердце бешено колотилось, и, когда тяжелая рука легла на его плечо, он громко вскрикнул я рухнул без чувств.

Брайан без всякой жалости смотрел, как старик воет и корчится. Его сердце учащенно билось после пробежки, и каждый удар отзывался болью в обрубке пальца, настойчиво напоминая о том, что скрючившийся на земле старик ампутировал этот самый палец. Когда он рассмотрел свой палец на грязной шее старика, когда увидел, что старик, ухватившись обеими руками за ожерелье, воет от жалости к самому себе, Брайана охватил такой гнев, что он даже про боль забыл. Он держался за него так, будто ожерелье давало ему силы.

Как только Брайан заметил это, то понял, что нужно сделать. Он вспомнил, что рваные шкуры и примитивное оружие — единственное, чем обладают эти люди. Ожерелье — совсем другое дело. Оно, должно быть, ценится необычайно высоко и носить его — честь немалая. Отлично. В таком случае он наденет его сам.

Равн завыл еще громче, когда Брайан попытался отнять у него ожерелье, вцепился в него обеими руками. Но перед Брайаном устоять было

невозможно. Он с такой силой стиснул кисти Равна, что пальцы у того онемели и медленно разжались. Брайан снял ожерелье с Равна и торжественно надел на себя. Старик прекратил выть и разразился визгливыми угрозами:

— Мое, отдай мне! Это я Равн, мне носить, мое…

Он кричал на своем языке, и Брайан обнаружил, что понимает его довольно хорошо. ЭЛП справился со своей задачей. Брайан отступил назад, взялся рукой за ожерелье и с расстановкой заговорил на том же языке.

— Теперь оно мое. Я Брайан. Пока я ношу его — я Равн.

Если Равн не имя, а титул, то старик его поймет. И тот понял. Визг прекратился, и глаза Равна злобно сузились.

— У людей есть только один Равн. Я. Мое.

Он требовательно протянул руку. Брайан снял ожерелье, но отдавать не торопился.

— Это твое? — спросил он.

— Мое. Отдай мне. Оно принадлежит Равну.

— Что такое Равн?

— Это я. Приказываю тебе — верни его мне. Ты гнилое мясо, ты дерьмо, ты баба…

Брайан одной рукой сдавил шею Равна, под-

тянул старика к себе вплотную, лицом к лицу, и угрожающе прорычал:

— Ты ругал меня. Ты не смеешь ругать Брайана. Он может убить тебя, если сожмет руку. Вот так.

Тело Равна забилось в агонии, он не мог ни говорить, ни дышать; повеяло смертью.

Брайан встряхнул старика как куклу и помахал ожерельем перед его носом.

— Ты расскажешь мне все, что я захочу узнать. Тогда получишь его обратно. Ты понял меня? Скажи да.

— Да… — прохрипел Равн. — Да.

Брайан постарался скрыть чувство торжества. Он сердито швырнул Равна на землю и сел рядом. Его вопросы звучали властно и предполагали незамедлительный ответ. Равн с готовностью отвечал, стараясь ничего не скрывать, голос его охрип, слова путались.

Хватит для начала, подумал Брайан. Он уже собирался вернуть ожерелье, когда заметил свой палец среди других костяшек. Это была часть его тела, и она, видимо, много значила для дикарей, иначе они не отрубили бы палец. Но они не получат его обратно. Брайан ухватил палец и сорвал со шнурка.

— Это мое. Остальное можешь забрать. —

Брайан швырнул ожерелье на землю. — Сейчас вернемся на мою стоянку. Ты будешь разговаривать со мной всякий раз, когда я того захочу.

Равн дрожащими руками накинул ожерелье на шею и с готовностью поднялся. Бунт был подавлен. Теперь Брайан был уверен, что старик будет подчиняться беспрекословно. Как только тот отвернулся, Брайан с облегчением выбросил ампутированный палец, который уже отслужил свое.

— Женщина, мы будем есть! — крикнул он на местном языке, подходя с измученным пленником к лагерю. Эти слова и особенно тон, которым они были сказаны, сильно рассердили Леа.

— Эта демонстрация мужского шовинизма означает, что Старый Грязнуля раскололся?

— Конечно, драгоценная моя. — Брайан хитро подмигнул. — Накорми, пожалуйста, нашего друга, а потом я уложу его спать и расскажу тебе все, что удалось узнать.

— Если не возражаешь, мы будем есть порознь. Боюсь, мне никогда не привыкнуть к виду и запаху подгнившего мяса.

— Про это я тоже все выяснил. Давай покорми его, и пусть себе спит. Не думаю, что он будет еще чудить.

Из зарослей травы, где улегся спать Равн, доносился громкий храп. Ноги старика были связаны плетеным ремнем, конец которого обмотали вокруг вбитого в землю столба, так спокойнее.

— Это первобытные люди, — рассказывая, Брайан методично жевал сухой паек. — Очень примитивные во всех отношениях, со строгой системой табу. Мужчины охотятся и всем командуют…

— Отнюдь не новость в истории человечества.

— Согласен. Но, насколько мне удалось выяснить, это общество разделено практически полярно. Мужчины охотой добывают пропитание всему племени. Пища, как ты уже заметила, употребляется исключительно в сыром виде. Другую принимать запрещено. Приготовленную пищу тоже есть запрещено. Выходить из леса на равнину — запрещено, разрешается выходить только мужчинам и то для охоты. Мужчины обязаны изготовлять оружие и уметь им пользоваться, но для остальных…

— Понятно. Табу. Ты узнал, зачем они устроили это представление с нашим пленением?

— Все те же табу. Они видели нас у космошлюпки, а машины и любые аппараты — самое строгое табу.

— Похоже, это как-то связано с боевыми машинами.

— Уверен, что так, но это пока все, что мне удалось из него вытянуть.

— А ты не выяснил, что означает костяное ожерелье?

— Надеюсь, что понял все правильно. История довольно сложная, некоторых слов я не знаю, но в общем и целом все выглядит приблизительно так. Каждый мужчина обладает духом, который есть неотъемлемая часть его существа. Как ты уже, наверное, догадалась, женщины и дети духа не имеют. Они просто умирают как животные — и все. Но частица мужчины остается и хранится у Равна, при этом он считается живым, остается членом племени и подчиняется Равну. Что касается нас, то они собирались совершить ритуальное убийство, потому что мы нарушили табу. Но Равн взял мой палец, чтобы сохранить свою власть надо мной.

— Замечательно. Означает ли это, что где-нибудь в укромном месте они хранят фаланги пальцев всех своих предков?

— Возможно. В сущности, они не отличаются от тех типов культурных цивилизаций, где принято хоронить умерших. Этот обычай даже практич-

нее. Хранить отдельную фалангу гораздо легче, чем целый скелет.

Леа передернула плечами и, запрокинув голову, взглянула в усыпанное звездами небо.

— И это потомки цивилизованных и культурных людей! Как такое могло случиться?

— Даже не представляю. Пока.

— А какая связь между всей этой военной техникой и аборигенами?

— На сей счет мне тоже ничего неизвестно. Но я намерен все выяснить. Если окажется, что Равн ничего не знает, или он прикинется, что ничего не знает, тогда придется порасспросить кого-нибудь другого. У них, кстати, могут оказаться какие-нибудь предметы, которые, возможно, помогут раскрыть эту загадку. Все сводится к тому, что нам придется подняться в горы и встретиться с племенем. Там мы узнаем все из первых уст. Они живут на этой планете не одну тысячу лет, поселились здесь, видимо, еще до Распада. Они могут нам многое рассказать.

— Ты сказал «нам». То есть ты собираешься еще раз рискнуть нашими головами ради того, чтобы посетить стойбище?

— На этот раз риск будет минимальным. — Он показал на оружие. — Потому что мы пойдем

туда добровольно и с оружием.

Глава 11. Навстречу опасности

Медленно, единой группой, они брели через равнину к лесистым холмам. Возглавлял группу Равн, сразу за ним шел Брайан, а сзади тащилась Леа с большим узлом за спиной. Она утерла пот со лба и закричала:

— Погодите! Давно пора отдохнуть.

Догнав Брайана, она сбросила узел и со вздохом облегчения уселась сверху.

— Попей воды, — предложил Брайан, — передохни немного.

— Очень любезно, — выпалила она, — и весьма великодушно с твоей стороны разрешить мне попить немного воды, которую я целый день тащу на своей спине.

— Но у нас нет другого выбора, ведь правда? — сладким голосом увещевал Брайан. Но Леа не поддавалась.

— Что значит «у нас» — если тащить все приходится мне одной? Я прекрасно знаю все, что ты скажешь: и то, что женщина, словно рабочая скотина, должна выполнять всю тяжелую работу в этом недоразвитом обществе, и то, что ты потеряешь свое лицо, если понесешь хоть что-нибудь.

А я ломаю спину и скоро грыжу наживу, — хватит потешаться надо мной, скотина бесчувственная!

— Извини. Я хотел бы помочь, но мы скоро уже будем на месте.

— Не так уж и скоро…

Она развернула вонючие шкуры — животное попало на обед Равну два дня назад — и нашарила бутылку с водой. Сделала большой глоток и передала Брайану. Он лишь смочил губы. Поскольку Леа приложилась к бутылке раньше, то для охотника вода стала табу, и Равну ее даже не предлагали.

— Когда будешь прятать воду, достань мне кассету с парализующими гранатами.

Брайан произнес это слишком небрежно. Леа сразу насторожилась:

— Нас ждут неприятности?

Он утвердительно кивнул:

— Они, должно быть, устроили засаду в лесу. Я ощущаю волны ненависти, как в прошлый раз.

— Ну, это им не прошлый раз!

Она передала плоскую коробочку и ободряюще тряхнула головой, Брайан пересыпал в карман пригоршню гранат.

— Ты даже не представляешь себе, как долго я этого ждала!

— Не хотелось бы причинять им зло. Но лучше всего нагнать на них сейчас жуткого страху. Если нам удастся взобраться на самую верхнюю ступеньку социальной лестницы, они ответят на любые наши вопросы. А теперь нужно идти, потому что засада уже близко. Они хорошие охотники и неплохо вооружены, поэтому рисковать не стоит.

Если Равн и знал о готовящемся нападении, то хорошо скрывал это. Он шел все тем же размеренным шагом. Продравшись сквозь кустарник, они вошли в лес. Впереди показалась большая поляна, которую пересекала тропа.

— Стоять! — крикнул Брайан на местном языке, когда они вышли на середину. — Дай мне воды, — приказал он Леа. И, понизив голос, добавил: — Они уже окружили нас и только ждут сигнала. Могут кинуться в любой момент. На всякий случай засунь руки в узел и держись за пистолеты. Если…

В лесной тишине раздался отрывистый воинский клич, на него отозвались эхом крики охотников — те появились сразу со всех сторон. Равн кинулся было к ним, но Брайан был начеку: один удар кулаком — и старик повалился на землю. Брайан поставил ногу на спину повер-

женного Равна и принялся швырять гранаты в окружавшие их заросли.

Загремели взрывы. Леа ожидала этого и заранее закрыла уши, но все равно упала на колени, содрогаясь от жуткого грохота. Воинственные крики сменились жалобными стонами поверженных врагов. В наступившей тишине грозно прогремел голос Брайана, который ругался на местном языке:

— Вы грязь! Бабы! Вы дерьмо! Если вы посмеете поднять свои копья, я вас убью! Вы тухлое мясо у меня под ногами — как этот ваш Равн!

С этими словами он сильнее прижал Равна к земле, и тот весьма эффектно завыл. Брайан перехватил инициативу и не собирался ее терять. Он ощущал страх, исходящий от охотников. Один эмоциональный узор показался ему знакомым.

— Вьер! Иди сюда!

Охотник нехотя поднялся и потащился вперед. Он был оглушен взрывами, из носа текла кровь. Брайан взглядом пригвоздил его к месту.

— Кто я?

— Ты Бррн…

— Громче, не слышу!

— Бррн.

— А что это за грязь у меня под ногами?

— Равн.

— И кто я теперь?

— Ты, наверное… Равн над Равном?

Его глаза были широко раскрыты, в них светились благоговение и смирение. Брайан указал на кинжал из пластали, который держал Вьер.

— Что это у тебя?

Вьер взглянул на кинжал и задрожал. Он в ужасе рухнул на колени, пополз вперед и положил оружие к ногам Брайана. Брайан поднял кинжал и сунул в ножны.

— А теперь пойдем, — приказал он и снял ногу со спины Равна. Титул, который ему присвоили, был очень высок; это чувствовалось по реакции мужчин. Страх и агрессивность исчезли, как только Брайан вступил в новую роль.

— Они до сих пор держат оружие. — Леа с подозрением поглядывала на охотников.

— Разоружать их нет необходимости, ведь я стал частью общества.

— А как же я? Понимаю, женщины не в счет. Тащи свой узел и помалкивай. Ну погоди, дай мне только выбраться из этого мужского рая, Брайан Бренд! Ты мне заплатишь за все!

Они взбирались по заросшим деревьями склонам. Брайан держал под контролем чувства

охотников. Пока те его признают, он в безопасности. Однако все могло измениться в любой момент и по любому поводу. Но если попытка окажется удачной, то проникнуть в культуру этих людей будет легче легкого. Тем не менее затея была опасная. Но отступать поздно.

Как только агрессивность и ненависть улетучились, охотники один за другим стали куда-то исчезать. До стойбища их провожало всего несколько человек. Они взбирались по крутому склону, пока впереди не показался за деревьями скалистый утес. Его крутой откос был изрыт пещерами, явно естественного происхождения. Рядом трудились женщины племени, которые обрабатывали шкуры каменными скребками. Завидев мужчин, они ретировались, подгоняемые пинками седовласой матроны.

— Похоже, это женский вариант Равна. — Леа с интересом наблюдала за происходящим. — Если ты утвердился в качестве вожака стаи охотников, я намерена завоевать приличное положение среди женщин.

Она сбросила узел и последовала за женщинами к пещере, пытаясь криками остановить их. Но они только пуще припустили, все, кроме седовласой. Та развернулась и кинулась на Леа.

— Я тебя убью! Грязная… — провизжала она.

Леа приняла стойку и отвела назад маленький твердый кулак. Как только ее противница рванулась вперед, она изо всей силы нанесла ей удар в солнечное сплетение. Та сложилась пополам, завывая от боли, обхватила живот руками. Леа принялась таскать ее за волосы.

— Заткнись и скажи свое имя, а то я снова тебя ударю.

— Я… Первая женщина.

— Теперь я Первая. А ты теперь Старейшая…

Новоиспеченная Старейшая протестующе завыла, пытаясь оторвать пальцы Леа от своих волос. Равн, проходя мимо, небрежно пнул ее в бок, и вой сорвался на визг.

— Теперь ты Старейшая, — радостно сказал он: зрелище чужого унижения грело его душу. Он уселся у скалы и громким воплем потребовал еды.

— Какие милые люди, — заметила Леа.

— Настоящие цветы местной культуры, — ответил Брайан, заворачивая передатчик в кусок кожи, перед тем как вынуть тот из узла. — Но система работает и помогает выжить, иначе здесь не было бы этих людей. Я хочу передать на бортовой компьютер сведения о сегодняшних

событиях. Надо дополнить наш отчет на случай, если с нами что-нибудь случится…

— Пожалуйста, не расстраивай меня, дорогой. Я верю, что мы выполним задание и останемся живы. Заруби это себе на носу. Займись отчетом, а я пока поговорю с женщинами. Посмотрим, какова их точка зрения на этот гадкий мир.

— Хорошо. Нам нужна любая информация, но задерживаться здесь нет никакой необходимости. У большинства из них паразиты — ты заметила?

— Не заметить было трудно. На них только глянешь, сразу чесаться хочется. Не уходи далеко.

— Я буду рядом. Хочу поговорить с народом. Потолкую с Вьером, раз уж завязал здесь какие-то знакомства. Удачи тебе.

Уже почти стемнело, когда Леа вышла из пещеры. Она угрюмо чесалась. Брайан разговаривал с двумя охотниками, но, увидев выражение ее лица, тут же отослал их и протянул ей пластиковый флакон.

— Я нашел в аптечке антисептик, это хороший инсектицид.

— Давай его сюда! Это не пещера, а насекомоферма какая-то.

Она быстро скинула одежду и опрыскала тело,

покрытое красными точками укусов. Пока она натиралась целительным кремом, Брайан обработал одежду. Одеваясь, Леа крикнула:

— Будь лапой, плесни мне двойную порцию водки. Бутылка на дне узла.

— Я, пожалуй, составлю тебе компанию. Трудный выдался денек. Как прошел опрос?

— Прекрасно, если не считать насекомых. Наливай полную, вот так. Господи, как приятно выпить! У женщин здесь своя жизнь, но тоже строго иерархическая, кроме того, они просто кладезь разных историй. У них есть мифы и заклинания на все случаи жизни. Это настоящий устный эпос. В следующий раз обязательно сделаю запись. Это бесценный антропологический материал. А что удалось узнать тебе?

— Весьма немного. Охотники говорили со мной достаточно свободно, но только об охоте, о следопытских хитростях. Ну, ты легко можешь себе представить. По другим вопросам они своего мнения не имеют. Это ходячая коллекция табу. Все, что они делают или думают, регулируется строгой системой запретов.

— У женщин то же самое, во всяком случае внешне. Но они легко ускользают в мифотворчество, а эта область запретами не регламенти-

руется. Однако их истории, как мне кажется, не предназначены для мужских ушей. Ты слышал местный миф о сотворении мира?

— Ничего и близко похожего, — покачал головой Брайан.

— Это довольно интересно. Похоже на упрощенное изложение правдивых событий. То, что осталось в памяти людей, но в форме мифа. История гласит, что раньше люди жили как боги: передвигались по земле без помощи ног, летали по воздуху без помощи крыльев. В те времена люди были испорчены, потому что ценили вещи, сделанные из цкл'т — тебе встречалось это слово?

— Да, я знаю, что оно означает. Металл. По контексту я догадывался, но пришлось пожертвовать одним из подданных, чтобы выяснить наверняка. Я дал ему взглянуть на передатчик, и один только вид поверг беднягу в такой ужас, что он помчался прочь, не разбирая дороги, и в результате со всего маху врезался в дерево.

— Все сходится. Мифы говорят о том же. В древности люди ценили металл и полагали себя богатыми, но настоящие боги сокрушили их, и их металлические дома, где они жили, и весь металл, что был у них на службе. Затем боги

решили очистить людей и заставили их вести животный образ жизни. И если люди сохранят себя в чистоте, то попадут в цкл'т — здесь будет правильным перевести это слово как «рай». А до тех пор люди должны страдать и соблюдать все табу, и тогда они наверняка попадут в «рай».

— Замечательно! — Брайан вскочил на ноги и заметался, не в силах усидеть на месте от волнения. — Ты просто чудо. Такое раскопать! То, что ты рассказала, полностью объясняет жизнь этих людей. Они — потомки тех, кто бежал от грандиозной бойни. Их предки или потерпели поражение в войне, или были вытеснены пришельцами; так или иначе, им пришлось оставить свои города. Их армия была разбита. А вину за поражение они возложили на богов. Это намного легче, чем признать собственное поражение.

— Прекрасная теория, профессор. — Леа допила водку, облизнулась и налила себе снова. — Я заметила только одно слабое место. Где же победители? Да и война, по всему видно, продолжается.

— Верно, — Брайан мгновенно успокоился, — об этом я как-то не подумал. На деле мы знаем теперь немногим больше, чем в самом начале.

— Не расстраивайся. Я попыталась проверить нашу теорию о подземных поселениях, а в ответ

— только недоуменные взгляды. Если на планете и существует подземная цивилизация, то этим людям о ней ничего не известно.

— Так же как и нам. Мне кажется, мы зашли в тупик.

— Ты, может, и зашел, Равн над Равном, вместе со своими охотниками, следопытами и прочими мужскими штучками. — Леа очаровательно икнула, прикрыла рот ладошкой и улыбнулась. — А мы, девушки, умеем рассуждать о вещах серьезных, как и пристало более разумным существам. Как я тебе уже говорила, все металлы — табу, а механизмы из металла — самое сильное табу. Мы сами в этом убедились, когда нас схватили за то, что мы находились у космошлюпки. Следовательно, не будет ли логичным предположить, что самое запретное место на планете — то, откуда появляются машины. Ты меня понимаешь?

— Да, конечно. Ты что, хочешь еще выпить?

— Ой, помолчи. Может, нам стоит узнать, откуда появляются машины?

— Конечно, но…

— Никаких «но». Я все знаю. Женщины рассказали мне, как найти это место. Нам остается просто пойти туда — и загадка будет решена.

Она полюбовалась на физиономию Брайана

— широко раскрытые глаза, отвисшая челюсть, — потом зажмурилась и спокойно уснула.

Глава 12. Открытие

Брайану очень хотелось растолкать Леа и потребовать дальнейших объяснений. Но он сдержался. День выдался утомительным, она, без сомнения, устала. Пряча бутылку с водкой в узел, он заметил, что Лез отпила совсем немного. Выходит, ее и впрямь свалила не выпивка, а усталость. Ночь стояла довольно теплая, но он все равно заботливо укрыл женщину спальным мешком.

Что она подразумевала под местом, откуда появляются машины? Похоже, Леа говорила о боевых машинах; ведь с момента прибытия на планету они не встретили ни одной машины мирного назначения. Но неужели вся военная техника появляется на поверхность в одном месте? Тем более техника обеих воюющих сторон? Нет, это невозможно. Если такое место и существует в действительности, его, по–видимому, контролирует одна из сторон. Но даже это звучит неправдоподобно. Разве могут все боевые машины той или другой стороны появляться из одной точки? Это возможно лишь в том случае, если вся техника собирается на подземных фабриках. Но тогда следует предположить наличие подземной

цивилизации.

А если существует не одна, а две вооруженные группы — обе находятся под землей, в то время как их армии сражаются на поверхности? Но как объяснить все происходящее? Брайан тряхнул головой. Он слишком устал, ничего путного на ум не шло. И все-таки на все эти вопросы *должен быть о*твет, ведь боевые машины и техника существуют.

Брайан встал и осмотрелся. С заходом солнца все замерло. Женщины скрылись в пещере, а охотники расположились на ночь около входа. Он отыскал взглядом Равна, который сидел поодаль, задумчиво перебирая косточки своего ожерелья. Самое время его порасспросить. Равн наверняка кое-что знает о месте, откуда появляются машины.

Сон и спокойствие царили над стойбищем. Любого, кто захочет напасть на Леа, засечь не составит труда — человек будет излучать страх и ненависть. Брайан взглянул на Леа — она крепко спала — и пошел к Равну, пробираясь между спящими.

— Будем говорить, — сказал он. Равн встревоженно поднял голову, сжимая ожерелье. Всплеск удивления быстро сменился лютой ненавистью.

С ним надо быть начеку. Всегда.

— Уже поздно. Равн устал. Утром…

— Сейчас.

Голос Брайана звучал холодно; он протянул руку, ухватился за ожерелье и тут же почувствовал охвативший старика испуг.

— Ты будешь делать все, что я скажу. Ты будешь мне повиноваться.

Он отпустил ожерелье и сел. Равн дрожащими руками схватился за свой талисман.

— Кто я? — первым делом спросил Брайан. Равн отвернулся, избегая его взгляда.

— Смотреть на меня, ты, кусок грязи. Кто я? Назови мое имя!

Слова выходили из Равна неохотно, они так и сочились ненавистью.

— Ты Равн… над Равном.

— Правильно. А теперь ты будешь отвечать на мои вопросы. Ты видел машины? — Ответом был недовольный кивок. — Хорошо. Какие машины ты видел?

— Про машины говорить запрещено.

— Не запрещается говорить про машины с Равном над Равном. Ты видел машины, которые летают? Ага, видел. Что делают эти машины?

— То, что всегда. Они с громким шумом убива-

ют другие машины, потом погибают сами.

— Ты видел машины, которых не убивают другие машины?

— Машины убивают машины. Они делают так всегда.

Другого ответа у Равна не находилось. По его лицу было видно, что он считает Брайана идиотом, задающим глупые вопросы.

— Итак, все машины убивают машины, — повторил Брайан слова Равна. И ровным голосом продолжал допрос: — А теперь скажи мне — откуда они появляются?

Эти слова произвели неожиданный и сильный эффект. Равн содрогнулся, в одно мгновение страх вытеснил в его душе все остальные чувства.

— Ты скажешь мне! — процедил Брайан, подался вперед и звучно стукнул огромным кулаком о ладонь. — Говори!

Деваться было некуда. Сейчас Равн больше боялся чудовищных кулаков, нежели страшного табу. Он боязливо ткнул пальцем за спину, но Брайану этого было мало. В конце концов Равну пришлось говорить, он начал рассказывать свистящим шепотом.

— Это там. Много дней надо идти. Это там. Место Без Названия.

— Ты был там?

— Только Равн может ходить туда. Старый Равн водил меня, когда я был молодым.

— Но я Равн над Равном, и ты отведешь меня туда. Мы пойдем, как только встанет солнце.

— Это запрещено…

— Запрещено мне отказывать! — Брайан вытянул руку и стиснул морщинистую шею. — Хочешь умереть?

Он старался говорить как можно более злобным голосом. Угроза должна быть настоящей — Равн подчинялся только страху. Не дождавшись ответа, он тихонько сжал пальцы.

Равн неохотно выдавил из себя:

— Мы пойдем… когда встанет солнце.

Этого было достаточно. Брайан отпустил старика и вернулся к Леа. Она спала, тихонько посапывая, и он решил последовать ее примеру. Но ему мешал эмоциональный фон спящего стойбища. Страх и ненависть бурлили в океане чувств. В конце концов он понял, что уснуть не удастся. Брайан лежал на спине, глядя на звезды и настороженно вслушиваясь в окружающее пространство.

Леа проснулась вскоре после рассвета. Он дал ей воды и рассказал все, что удалось выяснить.

Она удовлетворенно кивнула:

— В этом что-то есть. Судя по рассказам женщин, такое место существует не только в мифах, но и в реальности.

— Мы должны убедиться в этом. Там наверняка что-то есть. Равн очень не хотел идти туда. Его пришлось долго убеждать. Он боится этого места не меньше, чем меня.

— Как ты думаешь, он, случайно, не сбежал со страху? Я что-то его не вижу.

Леа была права. Ночью Равн исчез. Когда Брайан поднял на ноги охотников, те удивились не меньше, чем он. Они тщательно обыскали стойбище, некоторые даже осмотрели тропы, разбегавшиеся от стоянки. Но вернулись ни с чем. Равн сгинул без следа.

— Проклятие! — выругался Брайан. — Без него нам не отыскать это место. Надо было привязать его, — а сейчас он, наверное, уже далеко.

— Не думаю, — возразила Леа. — Я сильно подозреваю, что он намного ближе, чем тебе кажется.

Она с важным видом принялась размешивать кофейный экстракт в чашке с водой, потом отхлебнула готовый напиток.

— Будь так добра, объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду.

— Спокойно. Спокойно. Криком делу не поможешь, только давление поднимется.

Она кокетливо прихлебывала напиток, пока Брайан кипятился от нетерпения.

— Как славно. Пока вы, мужчины, бегали по всей округе, я наблюдала за женщинами. Они чем-то сильно напуганы — ни одна из них и носа не кажет из пещеры.

— Может, он спрятался там? Но ведь мужчинам запрещено туда входить.

— Мужчинам запрещено. Но не Равну. У него там даже есть что-то вроде личного топчана. Пойти взглянуть?

— Нет, это слишком опасно. С моим новым титулом я тоже имею право туда входить.

Охотники с интересом следили, как Брайан приблизился к пещере. Женщины в страхе отступили.

— Я Равн над Равном! — прокричал Брайан и, нагнувшись, вошел внутрь.

Он заморгал, чтобы глаза привыкли к полумраку. Пещера представляла собой разлом в скале, около шестидесяти метров глубиной. Из дальнего конца доносился испуганный плач и вой, там сгрудились женщины и дети. Когда Брайан приблизился к ним, они взвыли и шарахнулись в

сторону. Все отступили влево. Интересно. Брайан двинулся направо, туда, где в нише была навалена куча вонючих, невыделанных шкур. Кроме шкур, — ничего. Но вроде что-то мелькнуло, или показалось? Он присел, запустил руку в зловонную кучу и радостно вскрикнул.

Равн выл и пускал слюни, когда Брайан схватил его за колено, вытащил из-под шкур и бросил на пол. Глядя, как старик корчится, Брайан ощутил легкую жалость. Но только на секунду, пока не задел обрубком пальца о стену. Острая боль привела его в чувство, и он пнул Равна ногой.

— Вставай, грязный трус. Нам сегодня предстоит долгий путь.

Когда Равн наконец объявил, что готов к походу, утро давно прошло. Надо было исполнить ритуалы, собрать еду, взять из тайника костяной браслет. Подгоняемый Брайаном, старик истощил весь запас уверток, неохотно двинулся по тропе — и тут же застыл как вкопанный, заметив, что следом идет Лез. Даже руками замахал.

— Никаких женщин! Женщинам нельзя. Только Равн может идти. Никаких охотников, никаких грязных женщин!

— Эта женщина не пойдет до конца, она несет еду. Она не пойдет с нами в Место Без Названия.

Я отошлю ее обратно раньше.

Равн потащился вниз по склону, едва волоча ноги. Леа и Брайан двинулись вслед за ним по тропке, что вилась среди деревьев. Когда стойбище скрылось из виду, Брайан остановился, забрал у Леа узел и закинул за спину. Она принялась массировать затекшие мускулы.

— Таскать узлы — участь грязных женщин. Как Большой Охотник потащит такой большой узел? Нарушать табу опасно.

— Хочешь получить обратно?

— Ни за что! Вот только бы старый грязный Равн не осерчал.

— Он и так сердит дальше некуда. Я справлюсь с ним, как бы он ни выкаблучивался. Стоит мне хоть немного пожалеть его, как мой обрубок начинает болеть и всякая жалость улетучивается. Когда устанешь — скажи, сделаем привал.

— Я готова идти целый день, было бы кому тащить поклажу.

Сначала они двигались по краю равнины на запад. К полудню предгорье завернуло к северу, в точности повторяя очертания береговой линии Центрального озера. Им оставалось только следовать за естественными поворотами ландшафта. Ближе к вечеру уставший от бессонной

ночи Брайан объявил привал. Как и прежде, он посадил Равна на привязь, чтобы тот не сбежал. Приняв меры предосторожности, Брайан спал крепко и без сновидений и утром встал отдохнувшим, готовым продолжать путь.

Так миновало три дня. Они шли по предгорьям, среди редких деревьев, по краю леса. И только вечерами рисковали подходить к озеру, чтобы набрать воды, если за день, по дороге, не попадался ни один ручей. Равн не открывал рта и лишь однажды предостерегающе крикнул, заслышав шум машин. Они залегли в кустах, глядя на следы невидимых на такой высоте самолетов. За теми тянулись белые линии, от самого горизонта на север. Это с достаточной степенью вероятности указывало на то, что экспедиция движется в верном направлении. Перепуганный Равн дрожал всем телом.

— Мы слишком близко, слишком близко, — бормотал он. — Нужно поворачивать обратно.

Брайан силой заставил его идти дальше. Но ненадолго. Меньше чем через час Равн остановился и уселся пол деревом.

— Что случилось? — поинтересовался Брайан.

— Дождемся темноты, потом спустимся к озеру и обойдем это место, — Равн махнул рукой в сто-

рону торчавшего впереди кряжа.

— Мы пойдем сейчас, — отрезал Брайан. — До заката еще далеко.

— Нельзя. Там, впереди. Святое Место. Туда нельзя идти. Мы должны обойти его. По берегу озера можно идти только ночью.

— Святое Место? Мне нравится это название. Надо взглянуть…

— Нет! Это запрещено! Ты не пойдешь!

Брайан ощутил, что Равна охватил жуткий страх — и этот страх был сильнее страха перед ним. Равном над Равном. Такого раньше не было.

Выхватив нож, Равн с криком бросился в атаку. Брайан шагнул вперед, поставил блок и схватил Равна за запястье, а другой рукой за шею и держал, пока тело не обмякло.

— Он долго будет без сознания, но все-таки придется его связать, на тот случай, если мы задержимся.

— Ты хочешь сказать, что мы пойдем осматривать Святое Место?

— Нет — я пойду и посмотрю один. Ты останешься здесь вместе с ним. Старик и вправду не на шутку перепугался. Похоже, там довольно опасно.

Леа возмущенно фыркнула:

— А что на этой планете не опасно? Мы пойдем вместе. Понятно?

Брайан открыл было рот, но тут же спохватился и нехотя кивнул в знак согласия. Он понял, что проиграл этот спор еще до того, как тот завязался.

— Держись рядом. Неизвестно, что там наверху.

Они медленно пробирались сквозь деревья и остановились, выбравшись на относительно пологий, заросший травой склон. До вершины оставалось всего несколько метров. Брайан наклонился к Леа и прошептал:

— Подожди здесь, пока я не разузнаю, в чем там дело. Если все будет в порядке, придешь ко мне. Понятно?

Леа согласно кивнула и присела, укрывшись за стволом большого дерева.

Последние несколько метров Брайан прополз очень медленно, буквально пядь за пядью. На вершине он замер и осторожно поднял голову, осмотрелся, приподнялся и заглянул за край. Затем вскочил и взмахом руки подозвал Леа.

— Порядок! Иди сюда! Посмотри, что мы обнаружили.

Глава 13. Враг обнаружен

Леа, сгорая от любопытства, вскарабкалась по склону. Что там такое? Равн был страшно напуган — а Брайан стоит на вершине и машет рукой, как ни в чем не бывала. Он спустился и подал ей руку, помогая преодолеть последние шаги.

— Смотри, — сказал он.

Внизу громоздились руины какого-то древнего строения. Леа тряхнула головой:

— Это и есть Святое Место? Какие-то развалины. Совершенно ничего страшного.

— На наш взгляд. Но для местных людей это наверняка что-то очень важное. Пойми, это первые строения, которые мы обнаружили на этой планете, и не имеет ни малейшего значения, в каком они состоянии. Я думаю, мы можем подойти поближе.

В развалинах не было ничего, что могло бы представлять опасность. Им было по меньшей мере несколько веков. На земле попадались следы ржавчины — остатки стальных конструкций. Огромные постройки кубической формы были сложены из грунтовых блоков и облицованы керамической плиткой. Кое–где плитка отвали-

лась, и в этих местах стены размыла влага, но в целом конструкции сохранили прочность. Брайан вскарабкался на кучу щебня, чтобы поближе взглянуть на одну из оставшихся стен, пытаясь угадать назначение строения. Он пнул ногой комок грязи и показал на пробоины в стене.

— Как ты думаешь, можно ли предположить, что эти здания были взорваны? Вон там, похоже, воронки. А выбоины на облицовке — видимо, следы осколков.

Леа согласно кивнула:

— Более чем похоже, даже если не принимать во внимание все, что происходит на этой планете. Но что здесь было раньше? Для города площадь маловата, хотя строения довольно крупные.

— Оборудование давно пропало — но я полагаю, что раньше здесь был рудник. Вон те холмы слишком правильной формы — туда, видимо, сбрасывали пустую породу. А вон там — рудничные строения. Самые большие из них похожи на склады. И все взорвано. А люди, похоже, погибли…

— Нет! Не все. Может быть, наши аборигены — потомки этих людей? Тех, которым удалось уцелеть? А иначе почему они называют разрушенный рудник Святым Местом?

— Возможно, хотя наверняка утверждать трудно. Вполне вероятно, что охотники случайно наткнулись на развалины и стали им поклоняться из-за циклопических размеров. Может, Равн нам что-нибудь расскажет.

— Сомневаюсь. Тебе не кажется, что пора его проведать?

— Нам тут больше смотреть нечего. Если он до сих пор не очнулся, ему и незачем знать, что мы тут побывали. Нам еще понадобится его помощь.

Равн уже пришел в сознание. Он смотрел на них ненавидящим взглядом и дотемна двигаться не желал. Он догадался, где они были, темная ненависть в его глазах служила тому доказательством, но поделать ничего не мог. До самых сумерек он просидел без движения, потом встал и, не сказав ни слова, двинулся вниз по склону. Ничего не оставалось, как последовать за ним. Полночи ушло на то, чтобы по широкой дуге обойти Святое Место и вновь подняться в предгорья. Несколько часов, оставшихся до рассвета, они проспали, затем опять тронулись в путь.

На рассвете четвертого дня они остановились у одного из ручьев, что сбегал в озеро, чтобы пополнить запасы воды. Брайан вдруг поднял голову и замер, держа в руках наполовину наполненную

бутылку. Леа заметила это движение и собралась было спросить, но он жестом руки предупредил ее вопрос.

— Погоди. Не оборачивайся и не суетись. Не надо привлекать к себе внимание. Мы уже не одни. Там, впереди, какие-то люди. Похоже, они прячутся вон в той роще, выше по склону.

— Они настроены дружелюбно?

— На этой планете? Ну нет. Я догадываюсь, зачем они туда забрались. Они устроили засаду.

— Что будем делать?

— Ничего. Подождем, пока они не приступят к активным действиям, тогда все станет ясно. Если случится заварушка, то обороняться нам лучше здесь, на открытом месте…

Он внезапно толкнул ее, заметив, что из леса вылетела какая-то тень. Длинное копье с глухим стуком вонзилось в землю, прямо у ног Равна. Тот испуганно взвизгнул.

— Ну вот, теперь, я полагаю, с их намерениями все ясно. — Леа указала на темные фигурки, высыпавшие из-за деревьев. — Они выглядят точь–в-точь как соплеменники Равна, а нам уже известно, что это за ребята. Я, конечно, понимаю, что не мне тебе советовать, но не пора ли предпринять что-нибудь этакое, пока они не подошли

поближе?

Она старалась говорить беззаботно, но голос ее дрожал. Вид медленно наступающих копьеносцев напугал Леа. С тех пор как они высадились на планету, война здесь не прекращалась ни на минуту.

— Спрячься за дерево, чтобы тебя не зацепило, — крикнул Брайан, вытаскивая кассету с парализующими гранатами. Атакующие были уже близко. Они грозно размахивали копьями и выкрикивали оскорбления. Брайан держал гранаты наготове, подпуская их поближе. На миг все стихло — и тут завопил Равн:

— Я Равн! Я помогу вам!

Он прыгнул в мелкий ручей и, не переставая вопить, зашлепал на другую сторону. Брайан рванулся было за ним, но тут же подался назад. Останавливать его было слишком поздно.

Равн уже бежал по склону, размахивая руками, и кричал:

— Там, сзади, прячутся двое, убейте их, я помогу. Они трогали металл, у них есть машины! Я сам видел. Их надо убить!

Его крики, казалось, подтолкнули копьеносцев вперед, они взвыли. Похоже, они заметили ожерелье и браслет, признали в старике Равна,

послушают его…

Внезапно склон взорвался пламенем и дымом, по ветвям, впиваясь в стволы деревьев, зашуршали осколки. Взрыв приподнял Равна, изломал и отшвырнул в сторону. Грохот смолк, наступившую тишину разорвали вопли отступающих воинов. Брайан рухнул на землю, увлекая за собой Леа, и тут второй взрыв обрушил на них целый водопад веток и обломков древесины. На сей раз Брайан различил со стороны равнины звук выстрела и, обернувшись, увидел танк, вставший у ручья. Его длинная пушка, нацеленная в их сторону, вдруг плюнула дымом. Третий снаряд разорвался еще выше, в роще, там, где скрылись дикари.

Обстрел кончился так же внезапно, как и начался. Изрытый склон был совершенно пуст, остался только одинокий труп. Воины исчезли. Потеряв цель, наводчик поводил орудием из стороны в сторону — и танк покатил прочь, на ходу разворачивая башню. Из-под гусениц летела пыль.

— Не двигайся, пока он не скроется, — предупредил Брайан. — Неизвестно, какими детекторами он оснащен. Не знаю, кто управляет этой штукой, но, похоже, аборигенов он не жалует.

— Может быть, это те самые люди, вернее, их

потомки, что разбомбили рудник?

— Все может быть… погоди-ка… смотри!

Высоко над ними блеснуло на серебристых крыльях солнце. Всего мгновение назад оба самолета казались лишь крохотными точками, а теперь к земле быстрее звука неслись два грозных стреловидных аппарата. Они мчались друг за другом, нацелившись на одинокий танк. Водитель, похоже, заметил их, танк закрутился на месте, но было поздно. От самолетов отделились черные точки, а сами они резко взмыли вверх. Танк исчез в облаке разрывов, и тут уши разорвал рев турбин. Дым и пыль медленно осели, обнажив закопченный остов танка.

Брайан обнял Леа и почувствовал, что она вся дрожит. Он помог ей подняться.

— Все в порядке, успокойся. Все уже кончилось. Видишь, нас даже не зацепило.

— Как ужасно! Я больше этого не вынесу. Кругом только смерть, война, насилие.

Голос ее прервался.

— Мы знали, на что идем. И сделали свой выбор. Мы обязаны выполнить задание. Исполнить свой…

Она сбросила его руку со своего плеча:

— Ты лицемерная свинья! Грубый, бесчувствен-

ный чурбан! Не трогай меня!

Он подчинился, понимая, что сейчас это самое лучшее. Брайан привык к стрессам с детства, ибо жизнь на его родной планете была жестока и сурова, а Леа выросла в сверхцивилизованном мире. Жизнь забросила ее слишком далеко. Надо дать ей время прийти в себя.

В лесу они были в безопасности, сейчас лучше оставаться в укрытии, пока все не утихнет. Он развязал узел и достал водку. Налил стаканчик и протянул Леа. Она молча, с напряженным, бледным лицом, взяла и пригубила. Брайан вышел на опушку леса и осмотрелся. Равнина казалась пустынной и безмолвной, только тихо дымился одинокий танк.

— Что будем делать? — спросила Леа.

— Вызовем шлюпку. Ты отправишься на орбиту.

— А здесь можно садиться?

— Нет. Но выбора тоже нет. Я не могу больше подвергать тебя опасности.

Леа вытащила из кармана маленький пластиковый гребешок и принялась расчесывать спутанные волосы.

— Отступать поздновато. Хоть мне это и не нравится, я помню, что вызвалась лететь сюда

добровольно. Несмотря на твои уговоры. Но если сама стелила — самой и спать.

— Не стоило тебе ввязываться.

— Чего уж теперь… Для больших и сильных человекообразных мужчин я, конечно, слабый пол, но и у меня есть гордость. Если вспомнить, что творилось на предыдущей планете, то эта — просто рай, да и только. Не пора ли двигать?

Брайан понял, что уговоры сейчас бесполезны. Лучше промолчать. Она знает, что делает, знает, чем рискует и на что идет. Возможно, он сильнее физически — но Брайан прекрасно понимал, что духом она так же крепка, как и он. Или даже крепче. Она пойдет до конца.

— Я хочу взглянуть на танк поближе, — сказал он, дождавшись, когда пожар наконец прекратился. Леа кивнула:

— Конечно. Там могли остаться записи, документы, да мало ли что еще. Пора заняться серьезным делом. Не все же с охотниками возиться. Пойдем прямо сейчас?

Он тряхнул головой:

— На этот раз никаких «мы». Туда пойдет только один, а тот, кто останется, будет вести доклад по радио. Мне кажется, будет лучше, если ты займешься радио. Я возьму голокамеру и быстренько

все сниму. Одна нога здесь, другая там. Поставлю на автоматику, она отстреляет сотню кадров за пятнадцать секунд.

— Я и не думала спорить с тобой. Понятно, что разведку ты проведешь и быстрее, и лучше. Пойдешь сейчас — или чуть погодя?

Брайан глянул на небо и кивнул:

— Я думаю, прямо сейчас. Местное воинство достаточно напугано и мешать не будет. Для съемки мне нужен свет, поэтому нет смысла дожидаться темноты. Других танков не видно, самолетов тоже. Хотелось бы обернуться побыстрее, да это и не займет много времени.

Он устремился к танку. Пора было включать радио. Леа вытащила передатчик, стараясь ничего не упустить, изложила события дня и сразу отключила радиосвязь. Она видела, как Брайан добежал до танка, бросился на землю и замер. Затем пополз и исчез из виду.

Ожидание было мучительно. Хотя она понимала, что местного племени поблизости нет, но невольно прислушивалась к каждому шороху, пытаясь различить шаги. Равнина и небо оставались пустынными. Медленно ползли минуты.

Наконец-то он бежит обратно! Казалось, на свете нет ничего более прекрасного, чем эта

огромная, стремительно несущаяся фигура. Брайан протопал по густой траве и помчался к Леа, петляя среди деревьев. Он был весь в поту и тяжело дышал.

— Никогда бы не подумал… — выдохнул он, прислоняясь к дереву.

— Не подумал бы чего? Кто управлял танком?

— Никто. И это самое ужасное. Там было пусто… то есть ни души. Танком управлял робот. Системой ведения огня тоже. Вот кто здесь воюет, по крайней мере с одной стороны. Механическая армия роботов–убийц!

Глава 14. Машины–убийцы

Крохотный красный огонек, мигавший на задней панели голокамеры, сменился зеленым, это означало, что видеозапись готова к просмотру. Брайан вынул кассету и вставил ее в приемник проектора, затем нажал кнопку, и на маленькой полянке тут же возникла стена покореженного металла. Изображение до невероятного точно воспроизводило оригинал.

— Этот снимок сделан снаружи танка, — пояснил Брайан и перевел кадр. — А вот что я увидел внутри.

Металлическая стена исчезла, ее место заняло другое изображение — внутренний вид разбитого танка. Снаряд порядком повредил машину, но кое-что можно было разобрать. Брайан указал на клубок проводов и покореженных блоков.

— Передняя панель. Как видишь, никаких водительских кресел. Только кабели, блоки управления. Кабина так забита аппаратурой, что сразу ясно — управление роботизировано. Видишь металлическую трубу? Это казенник орудия. Он проходит прямо через кабину, там, где обычно сидит водитель или наводчик. Но

для автоматической системы управления места вполне достаточно.

— Ничего не понимаю. Этого просто быть не может! — воскликнула Леа. — Я всегда была уверена, что роботы не могут причинить людям вреда. В конце концов, существуют законы робототехники…

— На Земле — возможно, но не на окраинах Земной империи. Ты забываешь, что роботы — просто машины и не более того. Они не люди, и антропоморфные критерии к ним не применимы… Они действуют по заданной программе, безо всяких эмоций. Роботов стали применять сразу, как только появилась боевая техника. Для точного бомбометания, для пушечной стрельбы и многого другого. И они выполняли эту работу быстрее и лучше человека. К тому же они не знают усталости. Теперь тебе ясно, почему военные их так любят? История войн периода Распада полна упоминаний о битвах, в которых сражались исключительно роботы. Такие битвы были крайне дорогостоящими, но, по крайней мере, не смертоносными. Люди могли пострадать только в том случае, если одна из сторон терпела поражение. Но обычно, если автоматическая система обороны планеты подавлялась, население сразу

сдавалось.

— Значит, боевые роботы могут спокойно убивать людей?

— А чего им волноваться, они ведь начисто лишены эмоций. Роботы просто выполняют программу. Боевая программа этого танка предусматривала поиск и уничтожение людей. И ты сама видела, как прилежно он исполнил задачу.

— Но программу составляли люди. Значит, они несут ответственность за все убийства?

— Полностью. Это преступники, которых надо судить.

Леа с растущим отвращением смотрела на мелькающие перед глазами кадры.

— Хорошо, что хоть один робот–убийца уничтожен. Возможно, в том и состоит смысл войны. Может быть, пилоты самолетов пытаются остановить роботов?

— Может быть. Но откуда известно, что существуют сами пилоты? А если и самолетами управляют роботы?

— Но это сумасшествие. Две армии роботов воюют на заброшенной планете, подстреливая мимоходом уцелевших людей. В этом нет никакого смысла.

— С нашей точки зрения. Тем не менее это

происходит, и отрицать данный факт трудно. Во всяком случае, должно быть такое место, откуда появляется на свет вся эта техника.

— Подземные заводы?

— Возможно. Но мы уже обсуждали эту версию. Сейчас нам нужно отыскать Место Без Названия.

— Не скажу, что меня это сильно печалит, однако Равн погиб, а без него справиться будет тяжело.

— Тяжело, но не невозможно. Нам остается продолжать движение на север, — по возможности, лесами. Мы уже видели, что будет, если нас обнаружат.

— Может быть, лучше идти ночами?

— Нет. Днем безопасней. Боевые машины оснащены разными радио-, тепло-, инфравизорами и локаторами, которые ночью работают ничуть не хуже, чем днем. А мы полностью зависим от зрения. Мои способности могут уберечь нас от нападения людей, но перед боевой техникой любая телепатия бессильна… Если мы будем идти днем, то, по крайней мере, сможем вовремя заметить опасность.

Хотя опасностей и трудностей не убавилось, без зловещего присутствия Равна путешествие стало намного приятнее. Он погиб как предатель

— туда ему и дорога. Они держали путь на север, оставляя Центральное озеро справа. Идти пришлось лесом, параллельно открытой местности. Шли дни, стада ящеров встречались все реже и реже — в этом районе военная активность была значительно выше. Что ни день, в небе кружили самолеты, словно что-то высматривая. Однажды ночью вспыхнул бой: они видели сполохи разрывов за горизонтом, земля сотрясалась от далеких разрывов.

На следующий день мимо прокатила колонна техники. Сначала на севере появилась туча пыли, она вздымалась все выше и выше, словно надвигалась песчаная буря — но кругом была травянистая равнина, а не пустыня, к тому же стена пыли приближалась неестественно равномерно.

— Скорее в лес, — приказал Брайан, устремляясь огромными шагами вперед. — Там, чуть повыше, скальный гребень. Нам лучше спрятаться за ним. Камень закроет нас от приборов наведения.

Он зашвырнул узел с вещами за гребень скалы и потащил Леа вверх. Кругом громоздились огромные валуны; они забрались в узкую щель под самым большим камнем. Желая обезопасить себя, Брайан спрятал узел со снаряжением ниже

по склону. Потом сложил из камней бруствер, оставив для наблюдения лишь небольшую щель.

— Я слышу их! — воскликнула Леа. — Какой грохот! Вот они!

Впереди пылевой тучи двигалась темная масса, она росла прямо на глазах. Уже различались массивные силуэты огромных боевых машин. Вокруг метались легкие танкетки, прикрывая колонну с флангов. Силы прикрытия развернулись широко — от берега озера до предгорий. Над укрытием на малой высоте пронеслось звено сверхзвуковых самолетов, — Леа от неожиданности припала к земле, и тут же сверху обрушился грохот звукового следа. Армада надвигалась, равнина почернела от техники. Вокруг, насколько хватало взгляда, были одни машины. От рева двигателей болели уши.

Когда прошли основные силы, было уже далеко за полдень; внизу проносились отдельные отряды легких танков, прикрывавших основную колонну.

— Впечатляющее зрелище, — отметила Леа.

— Нечеловеческое. Одни машины. Роботизированные механизмы. Если бы ими управляли водители, я бы почувствовал общий эмоциональный фон даже на таком расстоянии. Но здесь

— ровным счетом ничего.

— Может быть, среди этой армады все-таки затерялись несколько человек? Командиры, так сказать?

— Вполне возможно, что я не уловил их присутствия. Но даже если колонной управляла горстка людей, это означает, что девяносто пять — девяносто восемь процентов машин роботизировано.

— Какой ужас…

— Эта война ужасна в принципе. И смертоносна. Мы останемся здесь до утра. Я хочу, чтобы колонна отошла подальше, прежде чем мы снова тронемся в путь. Одно хорошо — теперь точно известно, куда идти.

— Что ты имеешь в виду?

Брайан указал на глубокие колеи, что прочертили равнину.

— Они оставили такой след, по которому можно идти с закрытыми глазами. Мы пойдем в противоположную сторону и выясним, откуда они появились.

— Но это невозможно! Что, если с той стороны будут приходить все новые силы?

— Нет никакой необходимости идти прямо по следу, он виден издалека. Нельзя забывать об осторожности. Мы пройдем вперед ровно столь-

ко, сколько необходимо. И не остановимся, пока не выясним, откуда они появляются.

Первые несколько дней проблем не возникало. Но затем идти по следу стало сложнее. Ландшафт изменился. Центральное озеро исчезло из виду. Местность стала более гористой. Холмистое плато прорезали глубокие ущелья и долины. Брайан остановился на крутом склоне, глядя на следы, отчетливо видневшиеся внизу. Они пересекали равнину и исчезали в тесном ущелье.

— Что будем делать? — спросила Леа.

— Немного перекусим и пораскинем мозгами. Полагаю, можно пройти холмами над ущельем.

Она взглянула на крутые скалы и фыркнула:

— Легче сказать, чем сделать.

Леа достала брикет и показала Брайану почти пустой контейнер.

— К тому же у нас заканчивается еда. Как бы там ни было, нам придется или возвращаться, или вызывать шлюпку, чтобы пополнить запасы.

— Ни то ни другое мне не нравится. Мы продвинулись по следу очень далеко. И должны идти дальше. Пополнить запасы не удастся, а сажать шлюпку в районе с таким скоплением боевой техники очень рискованно. Остается только одно…

— Замолчать и тщательно пережевывать пи-

щу. А потом мы сделаем вот что. Вернемся на равнину, вызовем шлюпку и отправимся на орбиту, где будем в полной безопасности. Подробно обо всем доложим и примемся ждать прибытия экспедиционного корпуса.

Брайан отрицательно покачал головой:

— Мы с тобой не имеем права возвращаться, пока не выясним до конца, что здесь происходит. Нам остается только одно: отправиться в ущелье…

— Ты сошел с ума. Тебе что, жить надоело?

— Не думаю. У нас неплохие шансы. Если быстро обернуться туда и обратно, можно успеть до появления новой партии машин.

— Понимаю, к чему ты клонишь. Это будет одиночное самоубийство, не так ли? Помчишься, как ветер, навстречу опасности, размахивая своим прозрачным кинжалом. А я буду сидеть, охранять снаряжение и терпеливо дожидаться твоего возвращения.

— Что-то в этом роде. У тебя есть замечания, дополнения?

— Только одно. Не проще ли пустить себе пулю в лоб прямо сейчас, чтобы избежать лишних хлопот?

Он взял хрупкую ладонь Леа в свою большую

руку и ясно ощутил страх и тревогу, крывшиеся за ее словами.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, и не могу винить тебя за это. Но у нас нет другого выбора. Или мы поворачиваем назад, и тогда всю операцию придется начинать заново. Или идем до победного конца. Я думаю, что мы зашли слишком далеко, чтобы взять и все вот так бросить. Я смогу постоять за себя. И я хочу разобраться с этой планетой раз и навсегда.

Спорить было бесполезно. Как только Леа поняла это, ее душа исполнилась мрачной покорности. Они молча упаковали вещи и двинулись в холмы, прочь от ущелья, и шли, пока не отыскали подходящую стоянку. Над берегом небольшой горной речушки нависала каменная площадка.

— Здесь ты будешь в безопасности. — Брайан протянул Леа скорострельный пистолет. — Держи его под рукой. Если что-нибудь заметишь, стреляй не задумываясь. Здесь нет друзей — только враги: ящеры, машины и даже люди. Я постараюсь предупредить тебя заранее о своем возвращении, так что не бойся, меня ты не подстрелишь.

Впервые за все время выдалась прохладная ночь, видимо, потому, что они были в горах. Им

пришлось вместе забраться в спальник, чтобы хоть как-нибудь согреться. Ко всему привычный, Брайан заснул почти мгновенно, но к Леа сон не шел. Она долго лежала, разглядывая сквозь кроны деревьев чужое звездное небо, столь непохожее на небо Земли. Дом был так далеко!..

Леа проснулась от легкого прикосновения. Было уже совсем светло. Брайан прятал кинжал в ножны.

— В последнем докладе мы успели передать все самое важное, поэтому радио тебе лучше не включать. Я надеюсь вернуться на четвертый день к вечеру, если считать, что сегодня — день первый. Обещаю тебе: я вернусь, что бы ни случилось. Но если к условленному сроку меня не будет — ты не должна здесь задерживаться. Надеюсь, ты понимаешь, что отправляться вслед за мной по меньшей мере глупо. Вернусь я или нет — на пятый день ты должна уходить. Как только доберешься до равнины, сразу вызывай шлюпку и отправляйся на орбиту. Как можно быстрее. Если мы потерпим неудачу, за нами придут другие. Но не забивай себе голову мрачными мыслями. Через четыре дня я вернусь.

Он развернулся и быстро пошел прочь. Она и сказать ничего не успела. Похоже, он хотел уйти

именно так. Ей оставалось только смотреть, как крупная фигура Брайана становилась все меньше и меньше, пока не скрылась за гребнем горы.

Глава 15. Экспедиция в ущелье

Никаких разумных причин задерживаться у входа в ущелье не имелось, но разум тут был ни при чем. Брайан в несколько прыжков преодолел последние метры ступенчатого склона — и замер, вслушиваясь в тишину. По сторонам вздымались отвесные каменные стены, образуя естественный коридор, уходящий в глубь горы. Ущелье просматривалось вперед примерно на полкилометра, а дальше делало поворот. Когда-то его дно было покрыто травой и кустами, но всю растительность давно перемололи с землей. Только у стен сохранилось несколько клочков зелени. Все остальное погибло под безжалостными гусеницами наступающих армад. Машина за машиной вгрызались траками в каменистую почву, пока та не покрылась сплошным кружевом следов. Брайан глянул под ноги и увидел, что стоит на отпечатке трака размером в добрый квадратный метр. И это был лишь один трак гигантской боевой машины, а их — легион. Недавно здесь прошла целая армада, и, возможно, еще одна на подходе. Неужели ему придется встретиться с такой армией в одиночку?

— Да! — гордо воскликнул он и криво усмехнулся.

Шансов на успех было немного — но это были его шансы. И с каждой секундой, пока он стоял здесь, они убывали, а вероятность того, что он встретит в узком ущелье врага, становилась все выше и выше. Брайан побежал вперед.

Стены ущелья проносились мимо, изрытая почва прыгала под ногами. Приблизительно через час пришлось сбавить темп и перейти на шаг, дыхание стало тяжелым. Немного отдышавшись, он взял прежний темп. Ущелье тянулось километр за километром, нисколько с виду не меняясь. Только к полудню стены расступились, и Брайан вбежал в скалистую долину.

Здесь можно было передохнуть. В первый раз он свернул с разбитой дороги и взобрался на лужайку между валунами. Отсюда хорошо было видно, что дорога пересекает долину и исчезает в ущелье с противоположной стороны. Он сделал несколько глотков воды, откинулся на спину и прикрыл глаза. Час на сон, а потом — дальше. На этой высоте было довольно прохладно, поэтому спать лучше днем, а двигаться ночью. Он знал, что легко перенесет такой режим. На его родной планете, на Анваре, провизию на долгую зиму

заготавливали за короткое лето. Ему часто приходилось проводить без сна по четыре–пять дней, это его не страшило. Трава мягко пружинила, нагретые солнцем стенки валунов излучали тепло и закрывали от ветра. Брайан улегся поудобнее и сразу уснул.

Глаза открылись точно в назначенное время, и он увидел безоблачное небо. Солнце уже скрылось за вершинами гор, в тени похолодало. Дорога внизу по–прежнему была пуста. Он поправил на поясе ножны, сделал маленький глоток воды и отправился в путь.

Ущелье стало шире, но теперь часто поворачивало, что мешало смотреть вперед. Поначалу он замедлял бег и осторожно огибал каждый поворот, но вскоре понял, что зря теряет время. Будь что будет, здесь, в ущелье, от судьбы не уйдешь. Надо поторапливаться, придется положиться на везение.

Дно ущелья стало более ровным — теперь это была скальная порода, вся расцарапанная стальными гусеницами. Он приспособился к ритму бега, дыхание стало ровным и глубоким. Бежалось легко. Обогнув очередной поворот, он увидел впереди, всего в нескольких метрах от себя, боевую машину.

Реакция у нее была вполне боевой. Четырехствольное орудие только что смотрело вверх, но молниеносно развернулось и уставилось прямо на него. Четыре черных жерла он заметил уже в прыжке. Снаряды ударят в спину, эти штуки бьют без промаха…

Он упал и закатился за скалу, удивляясь тому, что еще жив. Ничего не случилось. Орудия почему-то не стреляли.

Брайан лежал и, тяжело дыша, ждал, когда загрохочут гусеницы и танк двинется вперед. Убежать не получится, это понятно. Как же выбраться? А никак: стены ущелья ровные и отвесные. Спасения не было.

Двигатель взревел, но вдруг заскрежетал и стал давать перебои, а затем заглох совсем. Повисла звенящая тишина. Машина не стала его атаковать, но дорогу заблокировала. Почему она остановилась?

Брайан порывисто вздохнул и медленно встал на ноги. На этот раз он уцелел — а что дальше? Дальше что делать? Скоро стемнеет. Может, удастся обойти танк в темноте? Да нет, для машины темнота не помеха; система наведения работает при любом освещении.

Повернуть назад? Можно — но это означает

конец.

Поражение. Такого он себе позволить не мог. Но почему же эта штука не стреляет? Любопытство, как известно, сильнее страха.

Медленно, сантиметр за сантиметром, он подполз к скале. Поднял голову…

И рухнул на спину, увидев жерла четырех стволов. Они опять не выстрелили. Машина явно обнаружила его, но действовать не торопится. Что за кошки–мышки? У нее же нет другой программы, кроме как на уничтожение. Что же делать?

Он выбрал приличный булыжник, хорошенько размахнулся и швырнул, словно гранату. Когда камень ударился о землю, он вскинул голову.

Двигатель взвыл, башня метнулась за камнем, рев повторился, и орудия вновь уставились в лицо Брайану. Машина уже дважды могла его убить — и до сих пор этого не произошло. Теперь у нее есть третий шанс. Если она сейчас выстрелит, он не услышит даже звука.

Прошла секунда, две, три. Пушки молчали. Собравшись с духом, он вышел из-за укрытия и двинулся к танку. Орудия медленно вращались, держа его на мушке.

Брайан замер, как только взревели двигатели.

Танк задрожал, рванулся вперед и застыл на месте. Тут-то Брайан заметил, что танк потерял одну гусеницу и не может двигаться.

Если обойти танк, тот просто не сможет его преследовать! Брайан рванулся вверх по ущелью, кожей ощущая неотрывный взгляд четырех орудий. Когда он поравнялся с танком, пушки вдруг замерли. Башня развернулась, и орудия поднялись вертикально вверх. Брайан остановился и посмотрел на танк.

Казалось, грозная машина потеряла к нему всякий интерес. Похоже, он вышел из зоны слежения системы наведения, и бортовой компьютер вычеркнул его из памяти. Может, стоит задержаться и осмотреть танк?

Это было чистое любопытство. Напряжение и страх пропали, в голову ударило отчаянное безрассудство. Он во что бы то ни стало должен осмотреть танк. И совершенно неважно, что из этого выйдет.

Осторожно, шаг за шагом, Брайан приблизился, но танк никак не реагировал. Он подошел так близко, что мог рассмотреть сварные швы на броне. Оперся ногой о ведущее колесо и взобрался на борт. Наверху, прямо за орудийной башней, был люк с одной ручкой. Брайан на секунду

замешкался, затем протянул руку и налег изо всех сил.

Люк распахнулся легко и бесшумно.

Ничего не случилось. Сердце громко застучало, когда Брайан нагнулся и заглянул внутрь. В танке не было ни души. В полутьме поблескивали приборы, загудел и сразу стих сервомотор. Патронные ленты тянулись к затворам орудий. Все было в полной боевой готовности. Так почему же пушки не стреляли?

Ну довольно! Он рассердился на себя за бестолковость. Чем он тут занимается — попусту рискует жизнью? Удалось обойти танк без вреда для здоровья, и ладно. А теперь нужно двигать дальше. Он сердито топнул по обшивке, спрыгнул вниз и, не оглядываясь, помчался вверх по ущелью.

К тем тайнам, на которых зиждется этот смертоносный мир, добавилась еще одна загадка. И ни одну из них не удастся разгадать, пока он не выяснит, откуда появляются армии.

Когда стемнело, Брайан не стал останавливаться; он по–прежнему бежал. В свете заезд дорогу было видно хорошо. Даже для него это было нелегким испытанием. Пришлось отдохнуть, хотя до рассвета было еще далеко. И опять в дорогу.

Он был совсем измотан, когда добрался до устья бокового ущелья. Опустившись на четвереньки, Брайан тщательно осмотрел землю, но никаких следов не обнаружил. Второе ущелье представлялось безопасным. Он забрался повыше, чтобы не быть замеченным снизу, спрятался между двумя огромными валунами и завалился спать.

Позже его что-то разбудило. На небе, от горизонта до горизонта, ярко горели звезды. Из нижнего ущелья не доносилось ни шороха, но вдали затихал звук реактивных двигателей. Ну, это не по его душу. Он снова закрыл глаза, а когда открыл их, небо было уже серым.

Он замерз, устал, все мышцы болели. Вода обожгла рот ледяным холодом, и, сдержав себя, Брайан сделал лишь несколько осторожных глотков.

Мучительно хотелось есть. Но ничего не поделаешь; он решительно пресек предательские мысли о еде. Надо делать дело. Движение согреет его, а голод и жажду можно пережить. Нужно поторапливаться.

Ущелье стало расширяться, Брайан бежал ближе к восточной стене, стараясь держаться в тени. Хоть какая-то защита на случай, если повстречаются танки. Ущелье пошло вверх, одновременно

расширяясь, дорога под ногами стала тверже. Это уже была не просто утрамбованная почва пополам со щебнем, а что-то гладкое и ровное. Брайан нагнулся, чтобы рассмотреть ее получше.

Это была расплавленная порода. Причем не бугристая и в потеках, как бывает при вулканических извержениях, а ровная, будто ее сначала расплавили термопушками, затем выровняли.

Дно ущелья было явно искусственного происхождения.

Солнце выбралось из-за горных вершин и поднялось довольно высоко. Оно освещало идеально ровную поверхность дороги. Брайан осторожно шел вперед, поглядывая на отвесные стены. Те были гладкими, без единой трещины, до самого конца ущелья.

Ничего. Вокруг только древние стены. А в конце — тупик. Отсюда ущелье начиналось и опускалось на равнину. Узкий коридор с единственным входом.

Но ведь именно из этого коридора вышла механическая армада, в том нет сомнений. Он видел ее собственными глазами, и след привел его сюда. Почему же здесь ничего нет? Невероятно.

Брайан подошел к стене, потрогал ее рукой и в полном отчаянии несколько раз ударил рукоят-

кой кинжала. Самый настоящий камень. Этого никак не могло быть. И именно так было.

Он обернулся, окинул взглядом ущелье и тут заметил черную колонну. Она была не выше двух метров и стояла метрах в десяти от тупика. Брайан медленно приблизился, обошел колонну кругом и только потом дотронулся. Металл, вернее, какой-то сплав. Слегка тронутый временем, потускневший. Надписей никаких. Непонятно, зачем она здесь. Он поскреб поверхность острием кинжала, на закругленной верхушке появилась блестящая царапина. Сунув кинжал в ножны, он ощутил, как в душе закипает ярость.

— Что же это такое? — вскричал Брайан в полный голос. — Что все это значит?!

Звуки, отскакивая от стен, понеслись вниз по ущелью и провалились в бездонную тишину.

Глава 16. Тайна черной колонны

В бессильной ярости Брайан лягнул черную колонну. Раздался глухой звук, ногу пронзила боль — вот, в сущности, и весь результат.

— Да, Брайан, очень эффектно, — вслух прокомментировал он. — Поступок, достойный гомо сапиенса. Полегче стало? Теперь, когда ты немного разрядился — а заодно слегка ушиб ногу, — не пора ли поразмыслить над этой проблемой? Самое время. Так, что тебе известно? Во–первых, — он загнул палец, — механическая армада вышла из этого ущелья. В этом сомневаться не приходится. Все следы ведут сюда, в это самое место. Никаких других дорог здесь нет. Что позволяет сделать заключение номер два — машины появляются именно здесь, в конце ущелья, в том месте, где ты сейчас стоишь. Скалы и дно ущелья выглядят монолитными — но возможно, что это не так. Надо проверить. А что, если сначала разобраться с колонной? Она сделана из металла, явно искусственного происхождения, и — ставлю сто против одного — имеет прямое отношение к нашей проблеме. Итак, третье: исследование колонны — задача номер один.

В мозгу крутилась некая мысль. Какая? Когда он лягнул колонну и ушиб палец, произошло что-то странное. Что? Да, конечно — звук был такой, будто она полая; скорее даже звон, а не просто глухой удар башмака.

Брайан вынул кинжал, взял его за лезвие. Постучал рукояткой по верху колонны, там, где раньше царапал металл. Звук был глухой. Но когда постучал пониже, звук стал звонче. Полая!

Сразу возник вопрос: а что, если эта полая труба с начинкой? Более чем возможно. Надо постараться вскрыть ее, проникнуть внутрь.

Брайан медленно провел пальцами сверху вниз — поверхность колонны была гладкой. Встав на колени, он внимательно осмотрел нижнюю половину, а затем лег на землю, чтобы обследовать самый низ. Похоже, вокруг основания есть паз, толщиной с волос. Брайан сильно надавил кончиком кинжала — и тот вошел в металл! Паз был — он огибал колонну. Хотя на первый взгляд колонна уходила в каменное основание, в действительности на поверхности она имела съемную оболочку. Вставая, Брайан краем глаза заметил легкий серебристый блик, в полуметре от основания.

Царапина!

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что царапина находилась на краю шлица, который был миллиметров пятнадцати длиной, а вокруг шлица виднелся тонкий кружок.

Головка винта! И довольно большая. А винты существуют для того, чтобы их выкручивать.

У него был единственный инструмент — кинжал, но сойдет и он. Брайан вогнал острие в паз, нажал на ручку. Ничего. Сильнее. Мускулы напряглись, лезвие согнулось. Как бы не сломать. Ну да ладно. Еще чуть–чуть…

С отчаянным скрипом металлический кружок повернулся на пару миллиметров. Брайан прикоснулся пальцем и почувствовал, что шляпка слегка выступает над поверхностью. Теперь, когда винт стронулся, крутить стало легче. Раз, раз — и вот головка вышла уже вся, блеснули первые метки резьбы. Еще немного — теперь можно крутить пальцами. Брайан выкрутил винт, бросил его на землю, потом нагнулся и заглянул в отверстие. Черно, ничего не видно. Но винт был вкручен здесь не просто так. Он должен что-то крепить. Но что?

Брайан поднял было кинжал, чтобы ткнуть острием внутрь колонны, но передумал. Гораздо мудрее пораскинуть для начала мозгами, чем

тыкать наугад. Для чего здесь этот винт? Может он закрывать, например, кнопку? Возможно, но маловероятно. А может, он фиксирует верхнюю полую часть колонны? Это больше похоже на правду.

Нагнувшись, Брайан загнал лезвие в паз и попытался приподнять трубу. Та поддалась!

Понемногу раскачивая колонну, Брайану удалось загнать лезвие в паз на целый сантиметр. Теперь труба должна пойти вверх. Оставив кинжал, он присел и плотно обхватил руками тридцатисантиметровую трубу, обнял ее изо всех сил, медленно распрямил ноги.

Пошло дело! Труба оторвалась от земли. Он глянул вниз и увидел, что труба приподнялась на добрых пару сантиметров, но что-то держало ее изнутри. Медленно и осторожно Брайан переместил руки и потянул снова. Мало–помалу он поднял трубу сантиметров на сорок.

Наконец ему удалось захватить кончиками пальцев нижний обрез. Брайан присел на корточки, набрал в грудь воздуха и стал подниматься. Труба скользила все выше и выше и, вдруг освободившись, повалилась набок.

Брайан отпрыгнул в сторону, труба со всего маху обрушилась о камень. Тяжело дыша, он

рассматривал то, что открылось его взору.

В блестящей металлической раме помещался портативный электронный прибор. Тут были и привычные глазу блоки памяти, трансформаторы, преобразователи, густо опутанные проводами. Из распределительной коробки выходил толстый кабель, который опускался вниз и соединялся с массивным корпусом атомной батареи, установленной в самом низу. Это была крупная батарея, при небольших нагрузках она могла прослужить несколько лет. Но для чего предназначен сам прибор? Почти все его детали выглядели достаточно знакомо. Рассматривая прибор, Брайан услышал легкое гудение. Неужели работает? Он обошел вокруг, и точно — вот они, дисплеи, по которым пробегали колонки цифр. Прекрасно, значит, работает. Но что это за устройство и как оно связано с появлением военной техники?

Брайан нагнулся, подобрал кинжал, отступил назад, окинул взглядом прибор. Полная загадка. Приподняв кинжал, он прицелился, выглядывая, куда бы половчее ткнуть. Но удержался. Так он ничего не добьется. Может, здесь есть хоть какие-нибудь надписи? Он наклонился, чтобы присмотреться повнимательнее. Внезапно за

спиной послышался резкий хлопок взрыва.

Брайан инстинктивно упал, перекатился и выставил перед собой кинжал.

На него глядели трое. Секунду назад этих людей не было.

Все трое были одеты в толстые черные скафандры, на ногах у них были тяжелые черные башмаки. Их лица скрывали поляризованные щитки шлемов. Каждый держал в руках небольшой металлический чемоданчик, но оружия у них, похоже, не было. Они не меньше его были удивлены неожиданной встречей и при виде ножа испуганно отпрянули. Брайан медленно поднялся, сунул кинжал в ножны и сделал шаг к ближайшему из людей. Тот отступил и нажал кнопку на поясе. Раздался резкий хлопок, и человек исчез так же внезапно, как и появился.

— Что здесь происходит? Кто вы? — спросил Брайан.

Двое оставшихся попятились. Вновь послышались хлопки. Они повторялись один за другим, пока не появилась по меньшей мере дюжина людей в таких же костюмах.

Но эти были вооружены. Тяжелые винтовки смотрели прямо на него. Брайан замер, стараясь не двигаться, чтобы никого не испугать. Стояв-

ший впереди, с нашивками на рукаве, опустил оружие и коснулся шлема. Щиток откинулся.

— Кто вы? — спросил человек. — И что вы тут делаете?

Глава 17. Убийцы

Остальные тоже открыли свои шлемы.

— Сержант, он понимает вас? — спросил один из них.

— А ножичек у него приличный.

— Скажите ему, пусть бросит.

Брайан понимал их достаточно хорошо: они говорили на космоэсперанто. Этот межзвездный язык знали все, в дополнение к родному. Он медленно положил руку на кинжал.

— Я сейчас брошу оружие на землю. Пожалуйста, не стреляйте.

Пока Брайан доставал кинжал, сержант держал Брайана на мушке. Когда нож упал на землю, тот опустил винтовку и подошел ближе. Это был угрюмый человек с раскосыми глазами, плохо выбритый и с бледной кожей.

— Ты не похож на техника из Гонгонга, — произнес он, — костюм не тот. Что ты тут делаешь?

— Об этом я вас хотел спросить, сержант, — отрезал Брайан. — Отвечайте. У меня гораздо больше вопросов к вам, чем…

— Только не ко мне. Не нравится мне все это. — Он крикнул через плечо: — Капрал! Сгоняйте

обратно и принесите скафандр, побольше. Доложите обо всем капитану, пусть он поставит в известность Военное управление.

Снова раздался хлопок. Брайан уже понял, что это напрямую связано с появлением и исчезновением людей, будто они двигались с такой скоростью, что разрывали воздух как молнии. Звания, рапорта. Военное управление — они наверняка имеют отношение к механизированным армиям, что воюют на этой планете. Похоже, что боевая техника появляется здесь тем же манером.

— Это ваши танки и бронемашины находятся на планете, не так ли?

Сержант поднял винтовку.

— Ничего не знаю, мое дело выполнять приказы. А теперь заткнись, пока я не сдам тебя по команде. Если хочешь поговорить — поговори с Разведкой. Там это любят.

Несмотря на нацеленные винтовки, Брайана переполняло чувство победы. Между этими людьми и битвами на планете несомненно существует прямая связь. Разгадка была близка, но нужно держать себя в руках. Он внимательно наблюдал, как группа техников занимается наладкой аппаратуры в черной колонне. Они прозвани-

вали блоки и цепи. Похоже, все было в порядке, потому что управились они быстро. Техники спрятали аппаратуру и взялись устанавливать кожух. Покончив с кожухом, они ввернули на место фиксирующий винт, который ему удалось выкрутить. Брайан хотел задать им несколько вопросов, но сдержался. Такая возможность еще будет. Он обернулся на знакомый хлопок. Вернулся капрал со свертком под мышкой.

— Лейтенант приказал доставить его, к приему все готово. Вот скафандр.

Упоминание о приеме прозвучало несколько зловеще, но под дулами винтовок выбирать не приходилось. Как и было приказано, он натянул костюм и наглухо застегнулся. Сержант захлопнул его шлем и нажал кнопку на поясе. Ощущение было настолько необычным, что его трудно передать словами: все изменилось в одно мгновение. Солдаты, ущелье — все пропало, он стоял на металлической платформе. Вспыхнули прожектора, подбежали солдаты. Под присмотром молоденького офицера они сняли с него скафандр.

— Следуйте за мной, — приказал Брайану офицер.

Упираться смысла не было, не тот момент, и

он подчинился. Прежде чем его вывели через массивную дверь, Брайан успел заметить огромное сооружение, опутанное толстыми кабелями, изоляторы размером в человеческий рост. Коридор был выкрашен серым, в него выходило несколько дверей. Они остановились у двери с надписью «Отдел 3», офицер открыл ее и жестом приказал Брайану войти. Он вошел, и дверь за ним захлопнулась.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — спокойным голосом предложил человек, который сидел в кресле, метрах в двух от Брайана. Человек был худ, на его остроскулом, бледном лице выделялись глубоко посаженные глаза. Он был одет в серый мундир. Человек улыбнулся Брайану, но то был просто мимический жест, лишенный теплоты и искренности, так, движение лица. Брайан отлично его слышал, несмотря на то что их разделяла прозрачная перегородка, проходившая посреди комнаты. Брайан сел в кресло — это был единственный предмет обстановки на его половине.

— У меня есть к вам несколько вопросов, — начал Брайан.

— Я вас понимаю. У меня к вам тоже. Давайте попробуем помочь друг другу: Я Хегедус, полков-

ник Народной армии Ополе. А вы кто?

— Меня зовут Брайан Бренд. Я так понимаю, что Отдел 3 представляет военную разведку?

— Да. А вы очень наблюдательны. Мы не причиним вам никакого зла, Брайан. Но нам хотелось бы знать, что вы собирались сделать с дельта–бакеном, когда взялись его разбирать.

— А, так вот как называется эта штука?! Я решил ее обследовать, поскольку подозревал, что это устройство имеет отношение к военным действиям на Сельме-2.

— То есть вы намекаете на то, что вы некоторым образом шпион?

— А вы намекаете на то, что эта планета может в некотором смысле представлять для шпиона интерес?

— Давайте оставим эти игры, Брайан. Как вам, должно быть, известно, вас обнаружили в важной стратегической точке. Если вы работаете на разведку Гонгонга, то лучше скажите сразу — мы все равно вытащим из вас правду.

— Боюсь, я не понимаю, о чем идет речь. Правду сказать, я совершенно сбит с толку всем происходящим. Я прибыл на эту планету и сразу попал в самую гущу военных действий…

— Извините, но на этой планете никакой войны

нет… — В первый раз на лице Хегедуса проявилась эмоция — страх. — Ах нет, вам, конечно, неизвестно. Вы до сих пор считаете, что находитесь на Сельме-2. Значит, вы не из Гонгонга…

Он, видимо, принял решение и, наклонившись, нажал какую-то кнопку на пульте у кресла. Брайан почувствовал резкий укол и отдернул руку. Но было поздно. Сверкающая игла втянулась в подлокотник кресла. Он попытался встать, но не смог. Глаза закрылись против его воли. Он провалился в темноту.

* * *

Первый день ожидания Леа провела без всякого беспокойства. Было приятно отдохнуть после утомительного перехода, посидеть, опустив ноги в прохладный ручей. Над кронами деревьев проплывали облака; нет, нет да пролетала стайка ящериц. Сухое питание было безвкусным, но голод утоляло хорошо и отлично отбивало аппетит. Когда солнце село и в воздухе похолодало, она забралась в спальный мешок. Пистолет положила в изголовье, как наказывал Брайан. Она тревожилась о нем, но старалась об этом не думать. Кроны деревьев превратились в темные заплаты на усыпанном звездами небе. Глаза сомкнулись, сон мягко подхватил Леа.

Посреди ночи она проснулась от крика какого-то животного и испуганно схватилась за пистолет. Ей и раньше не раз доводилось слышать крики ночных животных, но тогда они ее не пугали. Потому что рядом всегда был Брайан. Его молчаливое присутствие давало ощущение безопасности. Она могла спокойно спать, зная, что всегда находится под его защитой. А вот теперь его рядом не было. Ей с трудом удалось заснуть — но она просыпалась еще не раз и с тревогой прислушивалась к ночным звукам. В общем, ночь выдалась беспокойная, и по–настоящему выспаться ей удалось только утром.

Остаток дня Леа провела, исправляя и дополняя последний доклад. Бортовой компьютер шлюпки прокручивал запись, а она устраняла неточности и вносила дополнения. И старалась не думать о том, как Брайан пробирается вверх по ущелью. И о том, что будет, если он повстречается с танками.

Вторая ночь прошла не лучше первой — к утру она была совершенно разбита. Леа выкупалась в прохладной горной речке и при помощи гребня попыталась привести волосы в порядок. Сухое питание было отвратительно как никогда, она попыталась запить его водой и тут заметила ка-

кое-то движение среди деревьев. Там кто-то был!

Она дала Брайану твердое обещание, что будет строго следовать его инструкциям, и тут же приступила к исполнению данного слова. Схватила пистолет и выпустила очередь в ту сторону. Разрывными. Когда шум стрельбы стих, послышался голос, который обращался к ней на эсперанто:

— Мы ваши друзья…

Последовала вторая очередь. Нет здесь у нее никаких друзей! Спрятавшись за камнями, она наблюдала за суетой в лесу. В глубине чащи что-то противно чавкнуло, рядом послышался взрыв, затем другой. Со всех сторон повалил едкий дым. Она попыталась задержать дыхание — но всему есть предел. Закашлялась, села, улеглась на бок и, все еще покашливая, закрыла глаза. Она лежала безмолвно и неподвижно, когда из леса высыпали люди в противогазах.

Глава 18. Кошмар милитаризма

Брайан моргнул, открыл глаза и уставился в незнакомый потолок. Мысли путались, не сразу удалось вспомнить, что с ним случилось. Ущелье… нет, он дошел до конца ущелья… черная колонна. Потом солдаты, арест, разговор с человеком по имени Хегедус. Что-то произошло… теперь вспомнил: укол, наркотик, а потом… ничего. Осталось только ощущение того, что прошло немало времени. Он огляделся и обнаружил, что лежит на кровати у стены, в большой комнате без окон. Был еще стол, кое–какая металлическая мебель, стулья, покрытые той же тканью, что и кровать. Сильно кружилась голова. Когда он попытался сесть, то накатило так, что пришлось ухватиться за кровать. Однако злость тут же вытеснила дурноту. Такое обращение пришлось ему сильно не по нраву. А загадка Сельма-2 оставалась по–прежнему загадкой. Он встал и, превозмогая головокружение, подошел к двери, потрогал ручку. Закрыто. Он уже было отвернулся, но тут в дверном замке что-то загудело. Ручка повернулась, и дверь тихо отворилась.

Подняв огромный кулак, Брайан отступил в сто-

рону. Один раз его уже накачали наркотиками. Сейчас они поймут, что второй раз им придется потрудиться. С них причиталось, и он точно знал сколько. Дверь распахнулась, он напрягся. Приготовились!

Вошла Леа.

Рука Брайана в растерянности опустилась, когда Леа обернулась к нему.

— Ты в порядке? — спросила она. — Они мне ничего не говорят.

— Ты как тут оказалась? Все-таки пошла следом?

— Да нет, я оставалась в укрытии. Но на второй день после твоего ухода появились солдаты. Они тихо подобрались и сначала обратились ко мне. Я вспомнила твои инструкции и принялась палить, надо признаться, практически наугад. Потом послышались взрывы, повалил дым. Я попыталась было бежать, но, похоже, в дыму был какой-то газ. Помню, как я упала, и все. И только недавно очнулась. Потом пришла женщина и, не говоря ни слова, привела меня сюда. Только я никак в толк не возьму: где это мы и что происходит?

В ее голосе явно слышались истерические нотки, руки были нервно сжаты. Брайан подошел и взял их в свои ладони.

— Не волнуйся, все в порядке. Я знаю не больше твоего, а если больше, то совсем не намного. Я дошел до конца ущелья. Потом появились солдаты, арестовали меня, и я очутился здесь. Не думаю, что нам что-нибудь грозит, у них было достаточно времени, чтобы сделать с нами что угодно. Но кто они — и как они нашли тебя? Вот что хотелось бы узнать…

— Сейчас я вам все расскажу, — сказал Хегедус, входя в комнату. — Присаживайтесь, доктор Морис. Вы тоже, Брайан…

— Откуда вы узнали мое имя? — поразилась Леа.

— Ваш приятель нам сказал. Видите ли, мы располагаем достаточно совершенными методиками, наркотическими препаратами, приборами для того, чтобы проникнуть в память любого человека. Метод совершенно безвреден и побочных эффектов не дает. Так мы узнали о вашем задании и о том, где вы дожидаетесь Брайана. И сразу отправились за вами, чтобы избавить вас от тягот пребывания на лоне дикой природы. Нам также было известно, что вы выполняете особое задание ФКС. Мы сожалеем, что причинили вам такие неудобства, но постараемся это компенсировать.

— Тогда для начала расскажите нам, что проис-

ходит на Сельме-2, — предложил Брайан.

— С огромным удовольствием. Для этого я и пришел. Садитесь, садитесь. Может быть, желаете чего-нибудь? Поесть или выпить…

— Ничего. Кроме объяснений…

Терпение Брайана истощилось. Он буквально выпаливал слова. Леа согласно кивнула.

Хегедус уселся напротив, закинул ногу на ногу и положил руки на колено.

— Чтобы объяснить вам все происшедшее, мне придется начать с краткой истории нашей планеты — Арао…

— Значит, мы сейчас не на Сельме-2? — воскликнула пораженная Леа.

Хегедус кивнул:

— Вы сейчас находитесь на расстоянии в несколько тысяч световых лет от Сельма-2, в другой солнечной системе, на планете Арао. Как показали архивные исследования, наша планета была заселена одной из последних перед Распадом. Здесь поселились люди, бежавшие от надвигающихся войн. Наши предки желали жить в мире и для достижения этой цели избрали единственно верный путь — упорный труд, самопожертвование…

— Не возражаете, если мы сократим истори-

ческий экскурс и перейдем непосредственно к современной ситуации? — перебила его Леа. — Нам всем пришлось пройти через борьбу и самопожертвование.

— Конечно! Извините. Но вступление необходимо. Потерпите пару минут. Как я уже говорил, беглецы захватили два межзвездных крейсера, погрузили все необходимое и отправились в глубокий космос. Курс был известен только узкому кругу посвященных лиц. Наконец была обнаружена планета — плодородная, незаселенная и далеко за пределами колонизированной части Галактики. Так они попали на Арао, и с тех пор, каждый год, мы в Ополе празднуем День Поселения… — Он заметил нехороший взгляд Леа и ускорил рассказ. — Но не прошло и века с тех пор, как мы обосновались на самом плодородном из двух континентов нашей обетованной планеты, как внезапно разыгралась трагедия. Целый флот военных кораблей свалился на наши головы, это были остатки космической армады, разгромленной в битве. Они, как и мы когда-то, убегали от ужасов Распада. Возник конфликт, который унес множество жизней, принес неисчислимые страдания и разруху. Хотя наши противники были лучше вооружены, имели численное преимуще-

ство, в конце концов победил разум и взаимное уничтожение было остановлено, воцарился мир. Пришельцы согласились поселиться на Гонгонге, втором материке, расположенном в другом полушарии планеты. С тех пор мы так и жили.

Теперь перейдем к дням сегодняшним. Несмотря на то, что мы разделили планету и жили достаточно мирно, известная напряженность в отношениях сохранялась. Мы, первопоселенцы, чувствовали себя в каком-то смысле побежденными и ограбленными и опасались, что в один прекрасный день гонгонгцы нападут опять и уничтожат нас окончательно. Хоть я и не одобряю политику Гонгонга в целом, но могу понять, почему они продолжали вооружаться. В конце концов, их было значительно меньше и они чувствовали себя виноватыми за вторжение. Но это уже история, перейдем, пожалуй, к сегодняшней ситуации…

— Давно пора, — буркнул Брайан.

— Потерпите, пожалуйста. Есть планета Арао, плодородная и благополучная. Теплый океан омывает два континента, населенные счастливыми потомками двух групп переселенцев. Все было бы прекрасно, если бы не те исторические события, которые я уже вкратце изложил. Именно по

этим причинам военные бюджеты обеих стран достигли астрономических размеров, промышленность в основном производит вооружение, а большую часть общества составляют военные. Война и угроза войны отравляли наше сознание. И война вполне могла разрушить этот рай, если бы не был изобретен дельта–преобразователь массы. Конечно, честь изобретения принадлежит ученым Ополе, но шпионы Гонгонга украли изобретение. И тем не менее ДПМ стал нашим спасителем, потому что отодвинул угрозу войны от нашей планеты.

— И подсунул этот подарочек другим людям! — воскликнул Брайан. — Я начинаю понимать, к чему вы клоните.

— Вы очень проницательны — хотя догадаться теперь совсем не трудно. ДПМ — это разновидность ССП, которым оснащены все межзвездные корабли. Корабли совершают прыжки в сверхсветовом пространстве. Мы осуществляем то же самое при помощи ДПМ…

— Но при этом вы можете обойтись без корабля — был бы только приемник, бакен, который возвращает материю в прежнее состояние! — Брайан хлопнул себя по лбу. — Эта черная колонна и есть дельта–бакен, установленный вашими людьми.

Стоит кораблю установить такую штуку на сколь угодно далекой планете, и вы сможете обходиться без кораблей.

— Совершенно верно. Это был великий план. Корабли–разведчики отправились на поиски подходящей планеты. Наконец был обнаружен Сельм-2, идеальный театр военных действий. Огромные равнины для танковых баталий. Единственная форма жизни — примитивные ящеры, но наши боевые компьютеры запрограммированы так, чтобы ящеры не страдали. Людей нет…

— Ваши разведчики ошиблись, — поправила его Леа. — На планете есть люди!

Хегедус пожал плечами:

— Произошла небольшая ошибка.

— Для вас — возможно. Но не для тех бедолаг, которые гибнут ни за что ни про что в вашей безумной войне.

Пораженный внезапной догадкой, Брайан повернулся к Леа:

— Помнишь, мы обнаружили разрушенный рудник, который аборигены почитают как Святое Место? Теперь все понятно. Когда эти воинствующие подонки отправили на Сельм-2 свою боевую технику, там был горняцкий поселок. Но эти нелюди так спешили затеять драку, что просто не

заметили рудник, в результате прилетели бомбардировщики и разбомбили его. А те, кто выжил, учились жить рядом с чужой войной и преуспели в этом. Выжили. Но при этом образовалась тупиковая культура по типу концентрационного лагеря. Огонь под запретом — чтобы не привлекать внимания боевых роботов. Металл под запретом — его легко обнаружить. Никаких постоянных поселений — их легко уничтожить. Все, что мы узнали, напоминает кошмар. — Брайан повернулся к Хегедусу. — Вам придется за многое ответить.

Хегедус кивнул:

— Мы это понимаем. Изучив вашу память, мы узнали реальную обстановку на Сельме-2 и, естественно, сожалеем, что причинили столько зла местным жителям. К сожалению, время нельзя повернуть вспять. Что случилось, то случилось, тут уж ничего не поделаешь. Но мы гарантируем им мирное будущее. Приказ о полном прекращении боевых действий уже отдан. Война на Сельме-2 окончена. Самолеты стоят на аэродромах. Боевая техника замерла навсегда. Не будут больше рваться бомбы, стрелять орудия…

— Очень мило с вашей стороны, — съязвила Леа. — Но как быть с бедными аборигенами? Вы

хотите бросить их в том жутком состоянии, в которое они попали по вашей милости?

— Конечно. Мы бы могли предпринять определенные шаги, чтобы помочь им, если бы не присутствие ФКС. Ваша организация достаточно богата и создана именно для этих целей. Я уверен, что аборигены только выиграют от вашего присутствия на планете.

— А вы тоже выиграете? — спросил Брайан. — Вы хоть понимаете, насколько разорительна и с экономической точки зрения безумна ваша бесконечная война?

— Что вы несете? — сердито воскликнул Хегедус, впервые утратив выдержку. — Вы говорите совсем как член партии Мира. Производство должно работать на потребителя, а не на войну; больше хороших товаров; свободные профсоюзы… Все это мы уже слышали. Грязная болтовня. Всякий, кто произносит такие речи, есть враг нашего общества и должен быть уничтожен. Партия Мира объявлена вне закона, ее членам — место в лагерях. Армия — мать свободы; потеря бдительности — преступление…

Он даже вспотел и, запыхавшись, умолк.

— Ой–ой–ой, — сладко пропела Леа, — мы, кажется, задели вас за живое. Похоже, люди начали

уставать от дремучей военной тупости…

— Молчать! — вскричал Хегедус, вне себя от гнева. — Вы находитесь в военном учреждении. Хоть вы и не граждане нашей страны, но за предательские речи вас могут сурово наказать. Все, что вы говорили до сих пор, вам прощается по незнанию. Но предупреждаю: далее вас будут наказывать. Понятно?

— Понятно, — спокойно отозвался Брайан. — В дальнейшем мы постараемся воздержаться от высказывания собственных мыслей. Примите наши извинения. Мы не со зла, а по незнанию, уверяю вас.

Леа собралась было возразить, но вовремя сообразила, куда клонит Брайан, и промолчала. С ополоумевшим воякой спорить бесполезно. Такие, как он, воспринимают окружающий мир как большую казарму. Взвейтесь–развейтесь, за Родину и Отечество; пуля — дура, штык — молодец — и так без конца. Этим миром правят генералы, и они свои кресла добровольно не оставят. Тут-то до обоих и дошло, что на самом деле они — пленники. И попусту дразнить своих тюремщиков равносильно самоубийству. Слова Брайана прозвучали в унисон ее мыслям:

— Поскольку вы прекратили войну на Сельме-2,

то, вероятно, продолжите ее где-нибудь еще?

Хегедус кивнул, достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб:

— По отчетам разведки уже выбрана другая планета. В настоящий момент воюющие стороны ведут переговоры на самом высоком уровне о том, какие шаги следует предпринять, чтобы перенести военные действия на эту планету.

— Значит, здесь мы больше не нужны, — заметил Брайан. — Я полагаю, нам следует вернуться на Сельм-2.

Хегедус глянул на него и отрицательно покачал головой:

— Вы останетесь здесь. Военные власти сейчас рассматривают ваше дело.

Глава 19. Конец операции

— Какое отношение к нам имеют ваши военные власти? — спросил Брайан.

Хегедус уже взял себя в руки.

— Перестаньте, Брайан. Минуту назад я вам все объяснил. Наша страна находится в состоянии войны. И живет по военным законам. Вы были арестованы в стратегической зоне, где пытались разрушить важный военный объект. Скажите спасибо, что мы цивилизованные люди и не пристрелили вас на месте.

— А меня почему задержали? — спросила Леа. — Ваши головорезы сначала обстреляли меня газовыми снарядами, а потом похитили. По–вашему, именно так поступают цивилизованные люди?

— Именно. Особенно когда вы шпионите в зоне боевых действий. Однако не будем ссориться. Считайте, что вы наши гости. Почетные гости, поскольку вы — первые представители иных миров, ступившие на нашу планету. При всех политических разногласиях Гонгонг и Ополе полностью сходятся в одном вопросе. Это полный запрет на межпланетные контакты. Наши стра-

ны нашли здесь убежище от разрушительных войн времен Распада. Галактическое сообщество не может предложить нам ничего полезного.

— Войны закончились несколько тысяч лет назад, — возразил Брайан. — Вы, часом, не рехнулись?

— Нисколько. Нас вполне удовлетворяет нынешнее положение. Нам ничего не нужно от остального мира. Однако внешнее влияние может создать трудности и вызвать к жизни вредные политические движения, которые могут разрушить нашу счастливую жизнь. Такая игра сулит нам только проигрыш. Поэтому мы проводим изоляционистскую политику. А теперь… извините меня, дела. Сержант!

Дверь тут же распахнулась, вошел сержант, грохоча тяжелыми ботинками, и встал по стойке смирно. Брайан сразу узнал это суровое лицо настоящего солдата. Это был тот самый сержант, который командовал захватившим его отрядом. Хегедус пошел к двери:

— Пока я не вернусь, с вами побудет сержант. Обращайтесь к нему по любым вопросам. Вы, должно быть, проголодались.

Упоминание о голоде повергло Брайана в такой шок, что он едва заметил, как Хегедус вышел из

комнаты. Ощущение было такое, будто он не ел целую неделю. Последнее время он и не вспоминал о еде — но сейчас голод терзал его как дикий зверь, даже желудок грозно зарычал.

— Сержант, может, принесете нам поесть?

— Да, сэр. Чего бы вы хотели?

— Бифштексы на этой планете найдутся?

— Мы не дикари — конечно, найдутся. И даже пиво…

— На двоих, пожалуйста, — добавила Леа. — Прекрасно. Хоть на время можно забыть о сухом пайке.

Сержант кивнул и пробормотал что-то в нашлемный микрофон. Брайан чувствовал, как в желудке бурлит целый океан желудочного сока. Появился солдат с огромным подносом, поставил его на стол и исчез. Брайан и Леа набросились на еду.

— В жизни не ел таких бифштексов, — промычал Брайан с набитым ртом.

— И пиво не хуже, — со вздохом добавила Леа, осушив стакан. — Вам бы надо возить сюда туристов с вегетарианских планет — показать им, что значит настоящая еда.

— Да, мэм, — ответил сержант, глядя прямо перед собой.

— Может быть, пивка? Присоединяйтесь, — предложил Брайан.

— На службе не могу, — ответил сержант, уставившись в стену.

— Сержант, а чем вы занимались до армии? — после первого штурма Леа деликатно расправлялась с остатками еды. Брайан искоса глянул на нее и одобрительно кивнул.

— Я в армии всю жизнь.

— А ваши родные? Тоже в армии — или бьются на трудовом фронте…

Вопрос прозвучал вполне невинно, но сержант был начеку. Он скосил глаза ровно настолько, чтобы одарить Леа свирепым взглядом, и опять уставился в стену.

— На службе посторонние разговоры запрещены.

Вот и весь разговор. Но от Леа было не так просто отделаться.

— Понятно. Но про войну-то можете рассказать? Какое участие лично вы принимаете в боевых действиях?

— Это военная тайна. Каждый житель Арао принимает участие в войне. И по телевизору каждый день показывают, целый день, очень интересно. Народ даже делает ставки. Очень увлекает.

— Могу себе представить, — сказал Брайан. Что-то он уже читал в одной книжке по древней истории, там было что-то о хлебе и зрелищах.

— Не подумайте, что я что-то вынюхиваю, если это военная тайна — можете не отвечать. Но интересно знать: неужели обе стороны используют одну и ту же линию ДПМ для доставки техники на Сельм-2? Ту самую, по которой меня сюда доставили?

Сержант сверлил его взглядом, не зная, на что решиться.

— Это не тайна. Стороны пользуются одной системой. Так удобнее следить за равновесием сил на театре военных действии.

— А что же мешает одной из сторон — противнику, конечно, — сделать засаду и уничтожить ваши войска в момент высадки?

— Нейтральная зона, сэр! Это знает всякий, кто смотрит телевизор. Кодированный радиосигнал блокирует все оружие в радиусе тридцати километров от дельта–бакена. Зона свободна от боевых действий.

— Теперь понятно, — сказал Брайан. — Когда я поднимался вверх по ущелью, то наткнулся на танк с порванной гусеницей. Но в остальном он был совершенно исправен. Танк навел на меня

орудия, но так и не выстрелил. Это что — уже была нейтральная зона?

— Похоже на то, сэр. В радиусе тридцати километров оружие не стреляет. Больше никаких вопросов! — рявкнул сержант.

Разговор был окончен. Дальше обед проходил в полном молчании. А когда закончился — появился Хегедус. Сержант отдал ему честь, развернулся и вышел.

— Надеюсь, обед вам понравился…

— Довольно! — в голосе Брайана зазвучали сержантские нотки. — Хватит пустой болтовни. Говорите, что вы там решили.

Хегедус позволил себе маленькое удовольствие — прежде чем ответить, он подошел к креслу и сел. Затем закинул ногу на ногу, тщательно разгладил на брюках складку:

— Я принес хорошие вести. Вы причинили нам немало неприятностей и еще больше хлопот, но мы люди терпеливые. Мы не убиваем гонцов, приносящих дурные вести. Принято решение немедленно вернуть вас на Сельм-2. Там вы получите все ваше снаряжение, и служебная машина доставит вас на равнину, откуда вы сможете вызвать свой корабль. Это будет единственная действующая машина на планете, так что вам

нечего опасаться. Как только вы покинете машину, ее тоже отключат. Дельта–бакен будет разрушен сразу после вашей транспортировки. На этом контакт с планетой Сельм-2 закончится. Навсегда.

— Вы нас просто отпускаете? — Леа это потрясло, такого поворота событий она никак не ожидала.

— А почему бы и нет? Я же говорил — мы не дикари. Вы выполнили свой долг, а мы свой. Вы не причинили нам никакого зла — да уже и никогда не сможете.

— А если все-таки сможем? Допустим, мы известим галактическое сообщество о вашей планете и сюда прилетят отряды наших…

Хегедус холодно улыбнулся, заметив, как Брайан сокрушенно покачал головой:

— Не так это просто. Если не невозможно. В нашей Галактике миллионы, миллиарды звезд. Как мы обнаружим эту солнечную систему? У нас нет никакой зацепки — мы даже не видели солнца и не знаем, какого оно типа. У нас нет никаких шансов. Как только будет разрушен дельта–бакен, контакт с Арао прекратится. Навсегда. Если только они сами не захотят возобновить связь с сообществом.

— На это надеяться не стоит, — заметил Хегедус. — А в остальном все, что вы сказали, — истинная правда. Мы не хотим вашего вмешательства и никогда его не допустим. Как лицо официальное, я не хочу вспоминать о ваших подрывных речах в духе партии Мира — но как частное лицо, я прекрасно знаю ваши настроения. Вашему псевдоблаготворительному ФКС не удастся проникнуть на нашу планету и разрушить нашу счастливую жизнь. Мы не позволим вам подстрекать наших рабочих и диссидентов. Нам наша жизнь нравится. Мы не хотим ничего менять. Однако пора. Чем меньше вы будете знать, тем счастливее мы будем. Сержант!

— Сэр! — сержант в ту же секунду распахнул дверь.

— Приказываю вашему отделению немедленно доставить этих двоих в транспортную зону. И никаких разговоров с задержанными.

— Слушаюсь, сэр!

В отделении было восемь хорошо вооруженных солдат. Они с грохотом и топотом ввалились в комнату, под окрики сержанта выстроились в боевой порядок и взяли ружья на изготовку. До сих пор Леа сдерживалась, но топот и крики вывели ее из себя:

— Идиоты! Вы самые тупые…

— Молчать! — зарычал сержант и потащил ее к двери, держа на мушке Брайана, который инстинктивно рванулся на помощь. — Выполняйте приказы и все будет хорошо. Вперед… марш!

Оставалось только подчиниться. Брайан взял Леа за руку и почувствовал, что она вся дрожит, — от ярости, понятно, не от страха. Он чувствовал то же самое. Полное отчаяние. Как бы ни хотелось, изменить уже ничего нельзя. Их отправят на Сельм-2. Живыми или мертвыми. А безумная война будет продолжаться, пока не истощатся ресурсы планеты.

Они шли, и каждый шаг гулко отдавался в длинном металлическом коридоре. Четыре солдата впереди и четыре сзади. Сержант, зловещий Цербер, держался на шаг позади.

— Неужели ничего нельзя сделать?! — в отчаянии воскликнула Леа.

— Ничего. Не терзайся попусту. Мы сделали все, что могли. Война на Сельме-2 окончена, население планеты будет взято под опеку.

— А как же население этой планеты? Неужели жизнь этих людей будет навсегда отравлена военным кошмаром?

— Не разговаривать! — рявкнул сержант так

громко, что заболели уши. — Слушать мою команду! Смотреть только вперед! Пошевеливайтесь!

И снова заговорил, но на этот раз тихим шепотом, едва различимым за грохотом ботинок:

— Мы не все такие, как Хегедус. Он генерал. Он вам этого не скажет. У нас в армии шесть тысяч генералов. И зарабатывают они побольше, чем сержанты. Не оборачивайтесь, иначе мы пропали. Ваша комната прослушивалась, и я все слышал. В коридоре микрофонов нет. Осталось несколько секунд. Людям, вроде меня, приходится идти либо в армию, либо на завод. И никакого мяса. Вы ели генеральские бифштексы. Это надо прекратить. Может, вы сможете нам помочь. Расскажите о нашей беде. Объясните им, что нам нужна помощь. Очень.

В конце коридора показалась большая дверь, которую охраняли двое солдат.

— Слушайте, — прошептал сержант, — Брайан Бренд, повернитесь ко мне и скажите что-нибудь, прежде чем мы войдем в эту дверь. Я вас толкну. Держите руку на уровне груди… давайте!

Брайан сделал шаг, другой. Чего он хочет? Может, это ловушка Хегедуса? Они уже были возле двери. Может, все это придумано для того, чтобы погубить их?

— Давай же! — прошипела Леа. — Давай, или я сама это сделаю!

— Вы не имеете права вышвыривать нас с планеты таким образом! — вскричал Брайан, обернувшись.

— Закрой пасть! — заорал сержант и с такой силой ударил Брайана в грудь, что тот повалился на спину. — Поднимите его. Тащите внутрь! Женщину тоже!

Грубые руки подхватили их, протащили сквозь дверь в огромное помещение и бросили на помятый металлический пол. Солдаты отступили, подняли винтовки.

— Надевайте, — приказал сержант, когда техники принесли черные скафандры.

Они молча оделись, застегнулись, опустили щитки. И вот они остались одни на металлической платформе. Брайан поднял на прощание руку, и тут…

Светило солнце, они стояли на скале. Раздался взрыв. Брайан резко обернулся — дельта–бакен превратился в груду дымящихся обломков. Он выбрался из скафандра и помог Леа.

— Что произошло? — спросила она, как только освободилась от шлема.

— Вот что он мне дал, — ответил Брайан, мед-

ленно разжав руку.

У него на ладони лежал скрученный клочок бумаги. Он медленно развернул его и, увидев ряд наспех нацарапанных цифр, улыбнулся.

— Я догадываюсь, что это такое, — сказала Леа.

— Правильно, галактические координаты. Положение звезды относительно навигационного центра. Звезда, солнце…

— Вокруг которого вращается планета Арао! Теперь сотрудникам ФКС придется потрудиться, чтобы создать социальную систему, при которой людям на Арао будет жить легче, чем сейчас.

— Тут любое изменение будет во благо. Я хочу сам заняться этим делом. Для меня это будет наслаждением.

— Ты хотел сказать «для нас»? Конечно, на это уйдут годы, но я обещаю быть терпеливой. Потому что мне очень хочется посмотреть на физиономию Хегедуса, когда мы войдем к нему в кабинет.

Солнце висело над ущельем, его лучи играли на блестящей обшивке небольшой машины на гусеничном ходу. Когда они подошли, двигатель заурчал, машина мягко задрожала.

— Последняя машина на планете, — с этими словами Брайан захлопнул дверцу, и они пока-

тили вперед.

На одном из сидений лежала коробка с экипировкой. Все было в целости и сохранности. Леа вынула передатчик и вручила его Брайану:

— Вызывай шлюпку. Да поскорее, хочется, чтобы она нас уже ждала, когда мы выберемся из этого проклятого ущелья. Я по горло сыта этой планетой — да и другой тоже.

Когда ущелье выплеснулось на равнину, их взорам предстала серебряная игла космошлюпки. Машина остановилась, двигатель смолк.

Впервые за несколько веков стих шум сражений. Война закончилась.

Звездные похождения галактических рейнджеров

Глава 1. Шутка напряжением в 89 тысяч вольт

— Джерри! Где тебя черти носят? — послышался из сарая голос Чака. — Синхрофазотрон нагрелся и рвется в бой!

— Я тоже рвусь в бой, — шепнул Джерри на ушко прекрасной Салли Гудфеллау.

Та демонстративно отвернула головку, и Джерри, воспользовавшись случаем, поцеловал ее в шею, в щеку и в подбородок. Следующий поцелуй пришелся бы в манящие алые губы, но Салли стукнула Джерри тыльной стороной ладони в волевой подбородок.

— Глупенький, — проворковала она, рывком высвобождаясь из коварных объятий, — тебе же отлично известно, что вы оба, Чак и ты, нравитесь мне одинаково.

Она тряхнула головой, отчего длинные светлые волосы рассыпались по плечам, и удалилась, а Джерри, потирая опухшую челюсть, проводил ее печальным взглядом.

— Джерри! — опять закричал Чак. — Поторопись, аккумуляторы садятся.

— Иду, иду.

Войдя в сарай, Джерри плотно затворил дверь, задвинул засов и тщательно запер все три замка. Предосторожность не была излишней, ведь превращенный двумя приятелями в лабораторию сарай был битком набит чудесными открытиями и незапатентованными изобретениями, за обладание которыми боссы крупных компаний и корпораций продали бы свои грязные души дьяволу. Так уж вышло, что два приятеля, пока студенты непримечательного государственного колледжа в сонном городке Плисантвиль, обладали самыми выдающимися умами во всей стране, а может быть, и во всем мире.

Глядя на сложенного как греческий бог Джерри Кортени, не подумаешь, что перед тобой превосходный инженер, обладатель медалей и наград за работы во многих областях естественных наук. Скорее этот загорелый темноволосый широкоплечий парень с блуждающей на губах лукавой улыбкой выглядел пионером новых территорий, кем он, собственно, и был. Родился Джерри далеко за Полярным кругом, на Аляске, вырос вместе с четырьмя братьями–богатырями там же. С молоком матери он впитал любовь к этому прекрасному суровому краю, к бескрайним

ледяным просторам и шепоту деревьев. Была у Джерри еще одна страсть — тяга к знаниям. Как ни любил он север, но жажда знаний вела его от одного учебного заведения к другому, от школы к школе, пока наконец он не попал в Плисантвильский колледж.

На долю приятеля Джерри Чака ван Чивера выпало куда более прозаическое детство сына миллионера. Отец Чака был пятым ребенком в семье босяка–эмигранта, но, как утверждают семейные легенды, родился с платиновой ложечкой во рту. В юности ван Чивер–старший отправился на поиски золота. Желтого металла не нашел, зато, застолбив участок там, где сейчас психиатрическая больница города Плисантвиль, обнаружил платину. Честер ван Чивер разбогател, но через несколько лет неожиданно продал шахту, а на полученные деньги купил на окраине города крошечный сыроваренный заводик. Благодаря особым технологиям и обилию специй его сыр «Ван Чивер Чедер» приобрел всемирную известность, а владелец — миллионы. Хотя некоторые гурманы утверждали, что вкусом новый сыр напоминает подсоленную пережеванную бумагу, ценителей сыра оказалось много, видимо, из-за того, что в состав сыра входили специаль-

ные добавки, которые поглощали из атмосферы влагу, и, если сыр не был съеден в первые два–три дня после приобретения, его становилось гораздо больше. Как показала жизнь, Честер ван Чивер был парень не промах, не в пример жадным спекулянтам недвижимостью, которые купили у него платиновый рудник. А жила через несколько недель истощилась! Удар оказался столь сокрушительным, что большинство из них закончили свои дни в уютных уединенных коттеджах, возведенных на месте рудника.

От отца Чак унаследовал светлый ум, но посвятил его не бизнесу, а математике. К тому же Чак — светловолосый гигант с руками толщиной с ногу обычного мужчины — был душой футбольной команды «Стегозавры», в решающую минуту он пробивал брешь в обороне соперника, забивал мячи с любого конца поля. Правда, случалось, он забывал об игре. Например, дважды за последний сезон в его мозгу возникало решение сложной математической задачи, и он замирал посреди матча, но затем так же внезапно, как замирал, вновь включался в игру и проводил решающий мяч; и товарищи по команде помалкивали о его странностях.

Внешне приятели–студенты отличались, как

день и ночь: один блондин, другой с волосами черными как смоль, один жилистый, другой коренастый. Но, несмотря на эти различия, мыслили они схоже, в груди каждого билось честное, жадное до знаний сердце, светлому разуму любого из них позавидовал бы самый признанный мыслитель настоящего, прошлого, а возможно, и будущего.

Все в сарае–лаборатории было плодом их совместной деятельности. Например, не так давно они изобрели дешевый метод передачи электроэнергии на значительные расстояния без проводов, и в углу теперь пылились действующие макеты приемника и передатчика. На столе валялся клок бумаги с незамысловатой формулой квадратуры круга. Подобными вещичками приятели развлекались, как дети игрушками. Последняя их забава — мощный, на восемьдесят девять тысяч вольт, синхрофазотрон, собранный из найденных на свалке электромагнитов и ржавого парового котла, — занимала почти все внутреннее пространство сарая. Питался ускоритель элементарных частиц от изобретенных ребятами аккумуляторов с бесконечной емкостью. Новая игрушка сейчас нетерпеливо гудела; достаточно щелчка переключателя — и

заряженные частицы с чудовищной скоростью полетят к мишени.

— Рубидий установил? — спросил приятеля Чак, настраивая измерительные приборы; его толстые пальцы с поразительной ловкостью порхали над кнопками и шкалами, движения были точны и проворны, как у мастера–часовщика, колдующего над старинным швейцарским механизмом.

— Подожди минуту. — Рука Джерри потянулась к ящичку с образцами редких металлов, но пальцы наткнулись на лежавшую рядом головку сыра «Ван Чивер Чедер». Было ли это мгновенным озарением или безобидной шуткой, навеянной воспоминаниями об изгибе губ очаровательной Салли, неясно, известно лишь, что Джерри отломил кусочек сыра, воровато оглядевшись, поместил его в синхрофазотрон и включил вакуумный насос. — Готово!

— Начали!

Громко щелкнув, аккумуляторы в долю секунды разрядились, и воздух наполнился свежим запахом озона.

— Эксперимент номер восемьдесят три. — Занеся данные в блокнот, Чак вскрыл камеру и взглянул на мишень. Глаза его полезли на лоб,

карандаш выпал из ослабевших пальцев. — Черт возьми!

Джерри разразился мальчишеским хохотом.

— Это шутка, — пробормотал он через несколько минут, хватая ртом воздух. — Вместо рубидия я поместил кусок сыра.

— По–твоему, это сыр?

Чак вытащил из синхрофазотрона и поднес к глазам приятеля черный шарик. Теперь Джерри открыл в изумлении рот, а Чак захихикал.

— Шутки в сторону, — сказал Чак, становясь вдруг серьезным. — Что это такое?

— Прежде чем это побывало в синхрофазотроне, оно было обычным куском сыра.

Чак принес мощную лупу, пристально рассмотрел черный шарик.

— В сыре моего папаши тьма–тьмущая нестандартных химических соединений. Оказавшись в вакууме, химические элементы перегруппировались, а от ударов ускоренных частиц соединились по–новому. Так что же мы теперь имеем?

— Сейчас выясним! Поместим вещество в вакуум…

— Конечно, это же очевидно! Сделаем из непонятного вещества катод, подведем ток и посмотрим сигнал на выходе!

— В точности моя идея! — Джерри расплылся в улыбке до ушей. — Как назовем новое вещество?

— Что, если «сырит»? По–моему, вполне благозвучное название.

— Принято!

Аккуратно разобрав старую радиолампу, Чак прикрепил к катоду сырит, затем удалил с помощью вакуумного насоса воздух из стеклянной колбы и запаял ее. Джерри тем временем соорудил из подручных деталей нехитрый стенд и, припаяв провода к радиолампе, подсоединил ее к усилителю радиоприемника. Щелкнув выключателем, Чак замкнул электрическую цепь.

— Прибавь ток, — велел Джерри, хмуро глядя на шкалы приборов.

Доведя рычажок лабораторного реостата до упора, Чак сказал:

— Чертов сырит потребляет всю мощность.

— Гм… Смотри: ток поступает в цепь, но ни одна стрелка даже не шевелится, на выходе ноль. Куда же расходуется энергия?

Чак задумчиво почесал челюсть.

— Энергия не проявляет себя как вольт, ом или ватт, уж это точно. Выходит, мы имеем дело с каким-то излучением. Давай его сфокусируем, приделав к выходу антенну, и посмотрим, что

получится.

За антенну сошла металлическая вешалка. Ее подключили в электрическую цепь, вокруг расположили измерительную аппаратуру.

— Для начала подадим на вход только один милливольт, — предложил Джерри и щелкнул выключателем.

В следующее мгновение беззвучно исчезла часть стены, в точности повторяющая очертания вешалки. Джерри поспешно выключил ток, и приятели заспешили к дырке. Выглянули. В заборе, огораживающем сарай, тоже была дыра в форме вешалки.

— Дыра в заборе раза в три больше, чем в стене, — задумчиво произнес Чак. — Следовательно, излучение распространяется расходящимися волнами.

— Похоже. — Джерри ткнул пальцем в дыру. — Видишь тот обрубок? Там была телевизионная антенна мистера Грея. И… Дай соображу… Да, правильно, на заборе, там, где сейчас дыра, обычно спит кот миссис Хосенрефер. Помнится, когда я шел сюда, он лежал на излюбленном месте.

— Так что же случилось? — задал терзавший обоих вопрос Чак, когда приятели забивали дыру в стене.

— Надо бы все хорошенько обмозговать. Пока сохраним случившееся в тайне, а мистеру Грею пошлем анонимный чек за нанесенный ущерб.

— А как насчет анонимного кота для миссис Хосенрефер?

В дверь нетерпеливо застучали. Приятели обменялись многозначительными взглядами, и Чак неохотно открыл дверь. На пороге стояла миссис Хосенрефер — владелица сарая, сдающая приятелям свою собственность в аренду. Несмотря на преклонный возраст и выпавшие на ее долю тяготы, она была доброй, отзывчивой женщиной. Несколько лет назад она овдовела, ее муж — стрелочник — попал под товарный поезд. У бедняги из-за неумеренного потребления виски прогрессировала глухота, и он не услышал стука колес и завывания гудка…

— Я не стала бы вас тревожить, но… — седовласая вдова в отчаянии заломила руки. — Произошло нечто ужасное! Мой кот… Мой красавец, последняя радость в жизни… Его похитили! Бедный Макс, до чего грубо обошлись с ним негодяи воры!

— Почему вы считаете, что кота похитили? — сдавленным голосом спросил Джерри.

— Такие уж нынче ужасные времена! Люди

творят такое, за что прежде… Особенно эти рокеры–наркоманы! Уверена, что Макс после обеда мирно дремал на заборе, но у кого-то чесались руки. Его похитили! Только что мне позвонил шериф Кларктауна и сказал такое!.. Несчастного Макса швырнули через раскрытое окно в соборе Первозданных Баптистов в середину хора. Макс страшно разозлился и исцарапал солиста. Его поймали и, обнаружив на ошейнике стальную пластинку с адресом и телефоном, позвонили мне…

— А как давно вам звонили? — с самым невинным видом поинтересовался Джерри.

— Еще и минуты не прошло. Я сразу бросилась к вам за помощью.

— А Кларктаун в восьми милях отсюда… — пробормотал Чак, ковыряя носком ботинка доску пола.

— Да, это ужасно далеко. Ума не приложу, что мне делать, как получить моего дорогого Макса обратно.

— Не беспокойтесь. — Джерри мягко подхватил вдову под руку и вывел во двор. — Мы туда съездим и привезем Макса. В дорожной сумке.

— Спасибо! Спасибо! Бедный, бедный Макс…

Джерри поспешно заскочил внутрь, и Чак тут

же захлопнул дверь. Причитания стали тише, а приятели озабоченно переглянулись.

— Восемь миль! — воскликнул Чак.

— Мгновенное перемещение!

— Уму непостижимо!

— И это сделали мы!

— Что сделали?

— Еще не знаю, но сердцем чувствую, что в наших руках — величайшее открытие со времен изобретения колеса!

Глава 2. Ошеломляющее открытие

— Пора домой, за расчеты. — Чак тяжело вздохнул, переводя взгляд с огромной дыры в земле, где совсем недавно лежал валун, на огромную дыру в ближайшем холме. — Ничего не попишешь, управлять сырит–излучателем нам пока не по силам.

— Еще один эксперимент, последний, — предложил Джерри, ковыряя длинной отверткой в недрах прибора.

Из соображений безопасности приятели вмонтировали свое изобретение в переносной японский телевизор, да так искусно, что тот работал не хуже, чем прежде. Закончив настройку, Джерри щелкнул переключателем на лицевой панели телевизора. На экране появились прекрасная блондинка и вампир. Вампир приблизился к девушке, протянул когтистую лапу к ее тонкой прелестной шейке… Джерри нажал потайную кнопку, фильм ужасов сменился разноцветными линиями и полосами, перемещающимися по экрану при регулировке излучателя.

— Надеюсь, на этот раз получится. — Джерри повернул антенну на телевизоре. — Сейчас вон та

толстая палка переместится на вершину холма. Внимание, включаю.

Палка осталась на прежнем месте, зато исчезла огромная скала в ста ярдах от нее и через долю секунды материализовалась над озером за их спинами. Последовал оглушительный всплеск, и приятелей окатило водой.

Чак состроил недовольную гримасу и выключил телевизор.

— Процесс перемещения по–прежнему неуправляем.

— Сдаваться рано. — Желваки на лице Джерри заходили. — Нам точно известно, что сырит–излучатель испускает каппа–волны и любой попавший в них предмет перебрасывается в эль–измерение, где законы привычного нам пространственно–временного континуума не действуют. Из разработанной нами математической модели следует, что эль–пространство конгруэнтно нашему, но его линейные размеры много меньше. Твои соображения, Чак, по этому поводу?

— Диаметр нашей спиральной Галактики составляет приблизительно восемь тысяч световых лет, а в эль–пространстве — не более полутора миль.

— Точно. Любой материальный объект, попав в эль–пространство и переместившись там совсем чуть–чуть, вынырнет в нашем мире на значительном расстоянии от первоначального положения. Теория безукоризненна, расчеты точны вплоть до пятидесятого знака после запятой, но… На практике теория почему-то не срабатывает. Вопрос: почему?

Джерри с надеждой взглянул на приятеля. Глаза Чака затянулись поволокой. Знакомая картина — Чак углубился в математические расчеты. Понимающе улыбнувшись, Джерри оттащил сырит–излучатель и измерительную аппаратуру к потрепанному джипу и сложил в багажник. Как всегда внезапно, Чак вернулся в реальный мир.

— Есть! — закричал он. — Наши беды в молекулярной интерференции!

— Естественно! — Джерри радостно щелкнул пальцами. — Ее влияние очевидно. Хаотично движущиеся молекулы воздуха преломляют каппа–излучение. Неудивительно, что нас преследуют неудачи. Перенесем эксперименты в вакуум, и все пойдет как по маслу. Одна проблема: как построить вакуумную камеру необходимых размеров?

— А нужна ли нам камера? У меня есть на

примете место, где отменного чистого вакуума сколько душе угодно. — Чак хихикнул. — Это недалеко, всего в каких-то ста милях…

Джерри ткнул пальцем в безоблачное небо, и они дружно рассмеялись.

— Ты прав… Вакуум там высшей пробы. Только как туда добраться?

— А «Плисантвильский орел» на что? Скажем, что тестируем… Что?.. А, придумал! Навигационную аппаратуру! Уверен, администрация колледжа заглотит наживку.

«Плисантвильский орел» — «Боинг-747» — обычно доставлял футбольную команду колледжа и зрителей на матчи. Джерри и Чак были опытными пилотами, так же как и отличными снайперами и игроками в водное поло, и не раз управляли этим самолетом прежде. Случалось, они вносили изменения в бортовые электронные приборы, и, если сейчас они скажут, что улучшают навигационную аппаратуру, это прозвучит весьма правдоподобно. Добиться разрешения на несколько испытательных полетов — пара пустяков, тем более что «Боинг» подарен колледжу отцом Чака.

Друзья быстро добрались до лаборатории и договорились по телефону о полете на «Пли-

сантвильском орле». Едва они вмонтировали излучатель в корпус бортового радиоприемника, как в дверь негромко постучали. Оба разом вскочили и чуть не подрались за привилегию открыть дверь. Наконец общими усилиями дверь была открыта, на пороге стояла Салли Гудфеллау в очаровательном, под цвет глаз летнем платье.

— Привет, мальчики. — Она впорхнула в лабораторию, непринужденно оглядываясь, поправила льняной локон. — Чем заняты?

— Да так… — Джерри замялся. Чак подмигнул ему из-за спины девушки. Еще вчера друзья торжественно поклялись, что, пока не закончат тесты, ни единая живая душа не узнает об излучателе. Клятва эта распространялась даже на девушку их мечты — Салли. — Так, старый проект.

— Какой такой старый проект? — подозрительно спросила Салли.

— Улучшаем работу навигационной аппаратуры самолета. Ты как раз вовремя. Нам понадобились три металлические шайбочки и резиновая прокладка, и мы разобрали двигатель нашего джипа. Сейчас собираемся на «Орел». Подбросишь нас и оборудование до аэродрома?

Салли приподняла левую бровь:

— Уж не думаете ли вы, что я поверю вашей очередной байке? Навигационная аппаратура? Помните, когда вы по заказу Пентагона конструировали летающее крыло, мне вы сказали, что клеите детский воздушный змей? А парализующий вибратор выдали за пистолет–паяльник? Так чем вы занимаетесь на самом деле?

На свою беду и Джерри, и Чак были хорошо воспитаны. Покраснев до корней волос и пробормотав что-то невнятное, они принялись таскать и складывать аппаратуру на заднее сиденье желтого седана Салли.

Салли была умна, почти как ее отец, ректор колледжа. Видя, что лобовая атака успеха не возымела, она решила пойти на хитрость.

— Садись со мной, Чак. — Салли похлопала по сиденью рядом с собой. — Джерри поедет сзади, а заодно присмотрит за вашим старым оборудованием.

Чак с радостью подчинился, и всю дорогу до аэродрома они беззаботно болтали. Машину Салли припарковала под крылом «Плисантвильского орла», где друзьям было сподручней ее разгружать. Между зданиями Джерри приметил сгорбленную фигуру Старины Джона, негра преклонных лет, старожила колледжа, и позвал его

на помощь. Отставив швабру и ведро, Старина Джон оглядел груз:

— Какие тяжести! Старику вроде меня такое разве по силам?

Лукаво блеснув глазами, он нагнулся и одной левой поднял бортовую рацию весом фунтов в сто. Оказывается, годы напряженного труда не сказались на его здоровье, он по–прежнему был в отличной физической форме.

Приятели и Старина Джон с грузом в руках прошли через салон первого класса в кабину управления. Салли, с любопытством осматриваясь, следовала за ними по пятам. Джерри сразу принялся устанавливать аппаратуру.

— Подай плоскогубцы, — попросил он Чака.

Чак покопался в ящике с инструментами.

— Их здесь нет. В машине, наверное, остались. Сейчас принесу.

Чак прошел через темный салон, спустился по трапу, залез в машину. Плоскогубцы валялись под задним сиденьем. Насвистывая немудреный мотивчик, он направился обратно. У кабины его тихо окликнула Салли:

— Чак, побудь со мной. — Она сидела в кресле у окна и манила его изящным пальчиком, ее профиль в свете уходящего дня был неотразим.

Чак пристроился рядом, и она многообещающе улыбнулась ему. — Смотри. — Она оттянула ворот декольтированного платья. Чак придвинулся ближе. — Лифчика нет. — Даже в тусклом свете было видно, что Чак покраснел как рак, но вопреки отличному воспитанию сработали мужские рефлексы. — Э, нет. — Салли отвела руку Чака и поправила платье. — Сначала скажи, чем вы заняты. Награда потом.

— Салли, дорогая… Ну, ты же знаешь… Клятва…

— По–твоему, награда не стоит нарушения дурацкой клятвы? — Салли снова оттянула ворот платья. — Впечатляет? — Чак потерянно кивнул. — Так что вы изобрели?

— Ну… В общем, сами толком не знаем.

— Объясни. — Она схватила руку Чака и прижала к своей упругой груди. — Надеюсь, стук трепетного девичьего сердца настроит тебя на нужный лад, и ты подберешь слова.

Загипнотизированный Чак открыл было рот, намереваясь выложить все, но тут услышал тихий звук за спиной. Он резко обернулся. В темном салоне определенно был кто-то еще. Чак неохотно встал и включил свет.

— Кто здесь? — Кулаки Чака сами собой сжа-

лись. — Выходи!

Из-за кресел дальнего ряда показалась знакомая сгорбленная фигура.

— Я только вытряхивал мусор из пепельниц. — Старина Джон смущенно улыбнулся. — Подготавливал самолет к предстоящим играм.

Чак подошел к старику и одобрительно похлопал его по спине.

— Поди, дружище, прибери пока в хвостовом отсеке. Мы скоро закончим.

Старина Джон бесшумно удалился, а Чак занял исходную позицию рядом с возлюбленной, но едва его рука легла на грудь девушки, ожил громкоговоритель на стене.

— Чак, — раздался голос Джерри, — я почти закончил, но нужны плоскогубцы. Поспеши, без твоей помощи не обойтись.

Чак, поморщившись, проследовал в кабину. Салли за ним. Получив инструмент, Джерри быстро закончил работу.

— Готово, — сказал он, стирая тряпкой с пальцев смазку. — Через пять минут взлетаем.

— Ребята, возьмите меня с собой, — взмолилась Салли. — Пожалуйста! С вами так интересно.

— «Интересно» не совсем подходящее слово, — заявил Джерри. — В наших руках величайшее

открытие. Сегодня мы проведем испытания, а утром ты о нас прочтешь в газетах, услышишь по радио.

— Джерри, ты сам говоришь, что завтра о нашем открытии узнает весь мир, — сказал Чак. — Может, расскажем Салли о нем прямо сейчас? Она отличный парень и, ручаюсь, до завтра никому не разболтает.

Посмотрев на Чака, Джерри улыбнулся и молча кивнул.

— Почему бы и нет, в самом деле! Значит так, Салли, наше открытие — революция в транспорте. Как работает наш прибор, словами не объяснишь. К тому же это секрет. Но вкратце, специально для тебя: сырит–излучатель, который ты видишь, способен в долю секунды забросить самолет со всеми пассажирами и экипажем на сотни миль. Бах! — и прибыли!

— О! — Салли понимающе закивала. — Ваше изобретение сэкономит уйму топлива!

— Да ты, я погляжу, соображаешь! — одобрительно сказал Чак. — Наше изобретение экономит не только топливо, но и время. Ты только представь: в ближайшем будущем каждый самолет будет оснащен нашим прибором! Самолет взлетает над аэропортом, пилот нажимает

кнопку — и оп! Самолет уже над другим аэропортом за тысячи миль, а возможно, даже на другом континенте.

— Нашим изобретением, наверно, заинтересуется министерство обороны, — внезапно пришло в голову Джерри. — После испытаний сразу свяжемся с Пентагоном.

— Если, конечно, дело выгорит, — заметил Чак. — Наверняка узнаем к завтрашнему утру.

— Завтра для вас не наступит, — прозвучал в кабине незнакомый гортанный голос. — Я об этом позабочусь.

Друзья как по команде повернулись, их челюсти одновременно отвисли. В дверях стоял Старина Джон, но его было не узнать: спина распрямилась, седые волосы потемнели, будто с них сдули пудру, добродушное прежде лицо было искажено презрительной ухмылкой. Он держал в руках автомат Калашникова, направив ствол на них.

Глава 3. Неожиданное путешествие

Чак потряс головой, приводя мысли в порядок, Джерри недоверчиво оглядел Старину Джона. Зловещую тишину нарушила Салли:

— Быть такого не может!

Ухмылка Старины Джона стала шире.

— Еще как может, милочка. Это «АКМ» калибра 7,62 миллиметра. — Он любовно погладил вороненый ствол автомата. — Скорострельность — десять выстрелов в секунду. Так что без резких движений поднимите ручки.

Друзья подняли руки.

— Старина Джон, что ты делаешь? — воззвал к здравому смыслу старика Джерри. — Зачем отказываешься от приличной зарплаты, страховок и весьма скорой и неплохой пенсии? Чего ради? Раскинь мозгами, вдруг твой план не увенчается успехом? С чем ты останешься на старости лет? И вообще, какая компания тебя наняла? «Черные пантеры»? Ну тогда…

— На ваши мелкобуржуазные междуусобицы мне плевать! — Не спуская с приятелей глаз, Старина Джон залез в карман, достал зеленую пилотку и нахлобучил ее на голову. Пилотку

украшала кокарда с небольшой красной звездой.

Друзья непроизвольно вздохнули, а Старина Джон холодно улыбнулся:

— Мое конспиративное имя забудьте. — Он с самым серьезным видом щелкнул каблуками. — Впредь зовите меня лейтенантом русской разведки Йоганом Шварцхандлером.

— Бред какой-то… — От удивления Чак едва ворочал языком. — Какой ты русский? На вид ты вовсе не… Я имею в виду, что русские, они такие: русые волосы, недокуренная папироса на нижней губе…

— Вздор! Выдумки американской пропаганды! Думаешь, каждый чернокожий горит желанием служить империализму? Да, мой отец чернокожий, родился на Сто двадцать пятой стрит в Нью–Йорке. Его призвали в армию и отправили на вашу угрожающую делу мира военную базу в Германии. Там он вдохнул сладкий воздух свободы, там встретил свободную гражданку Германской Демократической Республики. Они поженились, на свет появился я… Ну хватит, разговорился я с вами. Для полной ясности скажу лишь, что после безвременной кончины моего отца мать вернулась на родину, и вырос я под красным стягом свободы!

Джерри молча заскрежетал зубами. Салли в сердцах воскликнула:

— Вероломный предатель!

Чак закричал:

— Красная свинья!

— Полегче, полегче, если жизнь дорога! — Русский шпион красноречиво повел стволом автомата. — Поговорили, и хватит. Теперь делайте, что я скажу…

Чак, сжав кулаки, двинулся вперед. Видя, что ствол автомата дернулся в сторону друга, Джерри бросился на Йогана. Подготовка у шпиона оказалась на уровне. Отступив на шаг, он нажал курок. В замкнутом пространстве кабины оглушительно прогремел выстрел. Джерри упал, его рубашка у плеча окрасилась красным. Салли пронзительно закричала.

— Стоять на месте! — взревел захватчик. — Шансов выбраться отсюда живыми у вас нет. Я отличный стрелок. А за здоровье приятеля не волнуйтесь: пуля всего лишь навылет прошила его бицепс и застряла во втором томе «Американских аэропортов» у кресла штурмана. А теперь: кругом! И шагом марш по коридору!

Салли поспешно сняла косынку и перевязала руку Джерри. Выбора у друзей не было, и они

побрели через ярко освещенный салон.

— Стоять! — скомандовал русский шпион у туалетных кабинок. — По одному в кабинку, двери закрыть, а я прослежу, чтобы над каждой загорелся сигнал «Занято».

Салли краешком губ улыбнулась Джерри, махнула рукой Чаку и скрылась в средней кабинке. Приятели неохотно последовали ее примеру.

Джерри подошел к раковине, размотал повязку, промыл рану и, не обращая внимания на боль, вновь перевязал руку. Внезапно его чувствительные ноздри уловили неприятный запах. Он поглубже втянул носом воздух и прыгнул к двери. Так и есть! По периметру двери металл покраснел, краска от жары вздулась пузырями и противно воняла. Джерри надавил на ручку и, позабыв о ране, что было сил ударил плечом в дверь. Плечо отозвалось острой болью, а дверь даже не дрогнула. На его стон из коридора отозвался ехидный смешок.

— Побейся, побейся, приятель! Ты правильно угадал: двери ваших апартаментов я прихватил сваркой. Теперь, когда с вашей помощью дело сделано, обрадую вас: я не только великолепный стрелок, но и искусный пилот, я налетал тысячи часов на самолетах всевозможных конструкций

и типов. Вы, без сомнения, полагали, что я, прихватив ваше бесценное изобретение, попытаюсь скрыться, а вы тем временем выберетесь, поднимете на ноги полицию, ФБР, ЦРУ… глядишь, меня и схватят. Но вы просчитались! Ха–ха–ха! Сейчас я подниму самолет в воздух, и мы направимся к матушке России. Ваше изобретение там изучат лучшие военные эксперты, и в этом им поможете вы. Ведь наши спецы по пыткам не хуже ваших.

Его дикий смех заглушил удары в заваренные двери всех трех импровизированных камер. Негодяй отлично знал, что, сообщи он о своем коварном плане раньше, друзья погибли бы, но живыми в плен не сдались. Однако сделанного не вернешь, надежды на спасение нет. Удаляющиеся шаги Йогана прозвучали для друзей похоронным звоном.

— Все кончено? — давясь слезами, спросила Салли.

Тонкие, но чрезвычайно прочные стенки кабинок не заглушали звуков, и друзьям казалось, что Салли с ними, рядом, только протяни руку…

— Пока жив человек, есть надежда, — подбодрил ее Чак. — Я что-нибудь придумаю.

Взявшись за решение очередной проблемы, он, как обычно, потерял контакт с окружающим ми-

ром и на стук в стены и зов друзей не отзывался.

— Слово «поражение» мне неизвестно. — Джерри сжал кулаки и тут же заскрежетал зубами от боли в раненом плече.

Салли безгранично верила в своих друзей. Ободренная словами Джерри, она утерла слезы, села на край унитаза, достала косметичку и принялась за макияж. Сам Джерри, однако, потерял веру в себя. Что же предпринять? Джерри обвел скудную обстановку туалета взглядом загнанного животного. Бежать? Но как?!

Взвыл турбореактивный двигатель, за ним — второй. Вот уже воют все четыре. Огромный самолет, дернувшись, двинулся к взлетной полосе. Скоро они окажутся на пути к снежной России.

Джерри осознал, что паника и боль мешают думать, не дают сосредоточиться. Однако сломить настоящее американское мужество не так-то просто! Отвлечься от всего! Думать!

Джерри набрал полную грудь воздуха, приказал себе выкинуть из головы все посторонние мысли и думать только о бегстве.

Две минуты напряженных размышлений, и ответ готов. К подобному решению пришел бы любой студент–первокурсник, и Джерри удивился медлительности своих мозгов. Видимо,

сказались неординарность обстановки, боль в плече, ярость и прочее, и прочее.

Самолет уже в воздухе. Тоже хорошо, вой двигателей и свист воздуха заглушат грохот взрыва.

Джерри достал из кармана рубашки пластиковый бумажник, извлек из него деньги, чеки, кредитные карточки. Перочинным ножом аккуратно изрезал пустой бумажник на узенькие полоски и сложил их в раковину. Добавил к пластиковым полоскам жидкого мыла. Две безобидные субстанции — пластик и мыло, смешанные в строго заданной пропорции и подвергнутые нагреву до определенной температуры, — полимеризуются в мощную взрывчатку. Включенную зажигалку Джерри держал под раковиной из нержавейки ровно четыре минуты и двенадцать секунд. Готово! Быстрыми, уверенными движениями Джерри затолкал взрывчатку в щель между дверью и притолокой от потолка до пола. Кабина туалета была снабжена кнопкой срочного вызова стюардессы. Джерри отодрал панель, выдернул провод, зачистил изоляцию и воткнул медный конец провода в уже застывшую пластиковую взрывчатку.

— Все или ничего! — сказал он беспечно.

Прижав к лицу смоченное бумажное полотенце, он вызвал стюардессу. Электрическая цепь

— кнопка, провод, взрывчатка, металлический корпус самолета — замкнулась…

По периметру двери прошла красная полоса, дверь выгнулась и в клубах едкого дыма вылетела в коридор. Вслед за дверью в коридор выскочил покрытый сажей и копотью Джерри.

Резкий звук вывел Чака из оцепенения.

— Где?.. Кто?.. Что происходит? — послышался его голос из кабины слева.

— Я приобрел нам всем билеты к свободе, — сообщил Джерри, откашлявшись. — Похоже, наш русский друг не услышал грохота. И… Да, он настолько самоуверен, что бросил сварочную горелку здесь.

Минуту спустя все двери были вскрыты, и друзья воссоединились. Пока Чак и Джерри пожимали руки и хлопали друг друга по спинам и плечам, практичная Салли принесла аптечку первой помощи, смазала ожоги на лице и руках Джерри, капитально перевязала пробитое пулей плечо.

— Разом ворвемся в кабину и скрутим негодяя, — предложил Чак, жестами показывая, как именно разделается с воздушным пиратом.

— Вряд ли получится, слишком уж он изворотлив, — не согласился Джерри. — Пока мы до

него доберемся, он расстреляет нас, как мишени в тире. Придумаем план получше. Без стрельбы, а то кто-нибудь пострадает или разгерметизируется кабина и салоны. Уверен, что наш приятель скорее уничтожит самолет вместе с собой и нами, чем сдастся.

— Ты прав, нужен план. Сейчас моя очередь шевелить извилинами.

Чак застыл, его глаза закрыла знакомая поволока. Джерри, деятельная натура, времени терять не стал, а, презрев ожоги и синяки, уселся в ближайшее кресло, усадил в соседнее Салли, обнял ее, поцеловал в шею, в щеку, в подбородок…

Вышел из транса Чак, щелкнув пальцами, подошел к ним. Увлеченный новой идеей, он не заметил, что его друзья быстро отодвигаются друг от друга, поправляя одежду и вытирая подбородки.

— Есть, успех гарантирован! Как ты, Джерри, наверняка помнишь, наш сырит–излучатель напрямую подключен к радарной антенне…

— Помню.

— Антенна расположена в верхней части фюзеляжа, таким образом, в эль–поле попадает весь самолет. Теперь я… Я, Джерри, а не ты! И не спорь, ты ранен, а я сейчас в отличной форме!..

Я пробираюсь в радиорубку, где мы установили оборудование, поворачиваю датчик излучателя на сто восемьдесят градусов и подаю напряжение в одну тысячную вольта. Ну-ка, скажи, куда мы попадем?

Джерри, наморщив лоб, произвел в уме молниеносные расчеты.

— По–моему, самолет окажется над Гудзоновым заливом.

— Именно! Топлива хватит лишь до ближайшего канадского аэропорта, но никак не до Сибири или Кубы.

— Чак, милый, а получится? — обеспокоенно спросила Салли.

— Даже если русский заметит меня, я заскочу в радиорубку, и, прежде чем он схватит автомат и бросится за мной, пройдет секунды две. Мне вполне достаточно. Дальше действуем по обстановке.

— Хороший план, — поддержал Чака Джерри. — Думаю, сработает. Действуй!

Через салон первого класса друзья пробрались к пилотской кабине. Рев двигателей заглушил их шаги. Они заглянули внутрь. Отчетливо видимый на фоне звездного неба воздушный пират колдовал над приборами. Салли приподнялась

на цыпочки и дружески чмокнула Чака в щеку. Затем он пожал руку Джерри, улыбнулся, махнул рукой и бесшумно вошел в пилотскую кабину.

Он почти добрался до радиорубки, когда что-то потревожило русского. Может, его чуткий слух уловил тихий звук шагов, а может, о присутствии Чака ему подсказало шестое чувство шпиона. Йоган резко повернул голову, увидел невдалеке американца, выругался по–русски, схватил стоявший рядом автомат и нажал на курок. Жизнь Чаку спасла атлетическая подготовка. Он нырнул в радиорубку, а в переборку, возле которой он только что стоял, ударили пули.

Выпустив очередь, Йоган вскочил и кинулся за Чаком. Тот повернул две шкалы, щелкнул выключателем, почувствовав на спине вес чужого тела, напрягся, готовясь к драке.

Мир изменился до неузнаваемости. Чаку показалось, что его выпотрошили, вместо внутренностей вставили струну от басовой виолы и щиплют за струну, щиплют, щиплют…

Через мгновения, а может через века, окружающее приняло знакомые очертания, в следующую секунду реактивные двигатели смолкли.

Ударом приклада по голове Йоган оглушил Чака и, выпустив бесчувственное тело, повернулся.

Звезды за стеклом вроде стали ярче, ближе…

Самолет качнулся, кабина осветилась, и в поле зрения вплыла громадная, переливающаяся в лучах солнца планета. Планету опоясывали сверкающие кольца.

Глава 4. Победоносная битва

Русский шпион застыл, парализованный увиденным, Салли за его спиной замерла с открытым ртом, но Джерри не подкачал. Нечто такое он предвидел и подобно человеку–пуле без размышлений ринулся в атаку. В те памятные секунды он, наверно, побил олимпийский рекорд в забеге на десять ярдов. Звук быстрых приближающихся шагов вывел русского из оцепенения, он повернулся, но прежде чем успел поднять автомат, его челюсть испытала яростный удар кулака чистокровного американца. Игра была сделана!

Шпион растянулся на полу и не подавал признаков жизни. Джерри озабоченно осмотрел красный, распухающий на глазах кулак, прикидывая в уме, сколько костей сломано. Салли поспешно подобрала автомат, Чак между тем, потирая шею и издавая сдавленные стоны, поднялся на ноги.

— Извините, друзья, но так уж вышло… — Он кивнул на планету за стеклом. — Спешил страшно, не разглядел показания на шкале и вместо одной тысячной вольта подал на излучатель одну десятую.

— Одну десятую вольта? — выдохнула Салли. — А если бы ты подал двести двадцать вольт, что тогда?

Благоговейную тишину нарушил Чак:

— Десять милливольт перебросили нас от Земли к Сатурну! Вот это да! Ребята, да в наших руках Вселенная!

— Ничего не чувствуете? — испуганно спросила Салли. — По–моему, дышать становится трудно.

— Да, — неохотно согласился Джерри. — Мы в космосе. Воздуха здесь нет, оттого-то и заглохли двигатели. Самолет рассчитан на полеты в атмосфере, и, полагаю, воздух из салона медленно, но верно просачивается в безвоздушное пространство.

— Мы погибли! — вскричала Салли, теребя волосы на голове.

— Спокойно, спокойно. — Чак обнял ее, стер выступивший на лбу девушки пот, разжал ее кулачок, и на пол упала пригоршня великолепных светлых волос. — Придумаем что-нибудь.

— Действительно, у нас проблемы, — глубокомысленно заявил Джерри.

— Ерунда, справимся! — Чак беззаботно улыбнулся. — Не впервой.

Джерри улыбнулся в ответ, и приятели дружно

взялись за дело.

— Перво–наперво лишим нашего недруга–шпиона свободы передвижения, — почесав в затылке, сказал Джерри. — Чак, дружище, у меня рука, сам видишь… Позаботься о нем, привяжи к креслу в салоне. Потом сходи в буфет, принеси несколько бутылочек пива. Думаю, Салли почувствует себя гораздо лучше, если немного выпьет. Я тем временем придумаю, как нам отсюда выбраться.

Быстро справившись с делами, Чак вернулся в кабину. В самолете стало заметно прохладнее, дышалось с трудом, будто высоко в горах. Салли после третьей бутылочки пива выглядела веселой. Сатурн переместился в верхнюю часть иллюминатора, прямо по курсу появилась сверкающая сфера.

— Если не ошибаюсь, — Чак ткнул пальцем в иллюминатор, — это Титан, самый крупный спутник Сатурна. Я понаблюдал за ним и пришел к заключению, что самолет попал в его поле тяготения и теперь падает.

— Хочу домой! — громко заявила Салли. — Жмите на свою дурацкую кнопку и везите меня к папочке.

— Салли, дорогая, потерпи немного. — Джерри ласково сжал руку девушки.

— Если мы включим сырит–излучатель прямо сейчас, то попадем неизвестно куда. Прежде необходимо выровнять резонансные частоты, определить положение самолета относительно солнечной эклиптики, настроить гетеродины и…

— Глупости! Жмите на кнопку, а там будь что будет!

— Спокойно, спокойно. — Чак взял Салли под руку, провел по салону и усадил в кресло через проход от связанного шпиона. — Вздремни здесь, крошка.

Шпион пришел в сознание и напряг могучие мышцы, пытаясь освободиться, но не тут-то было. Видя, что Салли, едва опустившись в кресло, засопела, Чак с чувством выполненного долга вернулся в кабину.

— У меня появилась неплохая идея, — заявил Джерри. — Мы падаем на Титан, у которого, как известно каждому школьнику, есть атмосфера. В самолете должны быть аварийные баллоны с кислородом. Вскроем их и продержимся до вхождения в атмосферу. Если там достаточно кислорода, реактивные двигатели вновь заработают, и мы благополучно приземлимся. Если нет… — Джерри красноречиво пожал плеча-

ми. — Действуем по обстановке. Приземлившись, вернее, прититанившись, мы, не торопясь, произведем необходимые измерения, сфазируем сырит–излучатель и затем, воспользовавшись им, перенесемся на Землю.

— Великолепно! — воскликнул Чак. — Пойду вскрою кислородные баллоны. — Едва он повернулся, как сработала аварийная система, и перед каждым из четырехсот кресел в салонах и кабине упала кислородная маска. — А, вот все уже сделано.

Джерри тут же натянул штатную маску пилота, Чак надел переносную с автономным баллоном и направился в салон. Салли, свернувшись калачиком в кресле, постанывала и вздрагивала во сне. Чак бережно, чтобы не разбудить девушку, надел на нее кислородную маску, поправил сбившуюся простынку и повернулся к шпиону. Быть спасенным врагом тот категорически отказался. Он сквернословил, крутил головой, кусался и смягчился лишь после того, как от недостатка кислорода его глаза полезли на лоб. Чак, тяжело вздохнув, надел на него спасительную маску и вернулся в кабину. Титан уже занял почти весь экран.

— Как успехи? — Чак опустился в кресло вто-

рого пилота.

— Вроде все нормально. Если не врут приборы, мы вошли в верхние слои атмосферы.

— Гостеприимной планетку не назовешь, — заметил Чак, разглядывая заснеженные равнины, горы, глетчеры, бесплодные белые пустыни внизу.

— На мой взгляд, так очень даже красиво. — Джерри улыбнулся. — Мою родину напоминает.

— Если так выглядят места, откуда ты родом, то неудивительно, что при первой же возможности ты подался на юг. А известно ли тебе, что температура у поверхности почти минус двести по Цельсию?

— Подумаешь! Отцу рассказывал его дед, что у нас на Аляске бывали холода и посильней. — Джерри сосредоточил все внимание на управлении самолетом. — Давление уже приличное, но двигатели почему-то не запускаются.

— Наверно, потому, что атмосфера Титана в основном состоит из азота, метана, паров аммиака и нейтральных газов. Кислорода в ней почти нет.

— Ты выхватываешь мои слова прямо изо рта. А–а-а, нет кислорода и не надо, не пропадем, спустимся на планирующем, а там приземлимся

как-нибудь. Выдвини закрылки, выпусти шасси и включи опознавательные посадочные огни.

— Сделано.

Самолет стремительно приближался к зазубренным пикам, мрачным скалам, ледяным плато и переливающимся в лучах далекого солнца сугробам из замерзших газов.

— Пройти бы вон над тем горным гребнем, — бормотал Джерри себе под нос. — Глядишь, с другой стороны и найдется место для посадки.

Управляя огромным «семьсот сорок седьмым», Джерри использовал все свое умение, все многолетние навыки мастера–пилота. В эти минуты он напоминал искусного наездника на родео, о котором говорят: сросся с седлом, а вожжи из рук сам черт не вырвет. Неожиданно самолет задрал нос, задрожал и едва не рухнул на острые, как кинжал, горные пики. Несколько молниеносных манипуляций с приборами — и самолет опускает нос, выравнивается и вот уже скользит над противоположным отлогим склоном, временами почти касаясь колесами камней.

— Вижу слева ровное поле! — ликующе закричал Чак.

— Думаю, дотянем! — Джерри заложил крутой вираж.

Легко и плавно огромный «Боинг» слетел с полуночного неба и бесшумно поплыл над гладким, как каток, ледяным полем. Джерри мастерски посадил самолет на все восемнадцать колес. С хлопком сработали воздушные тормоза, тормозные колодки прихватили колеса, самолет заскользил по льду и через десяток секунд, дрогнув напоследок, замер. На Титан прибыли первые люди!

— На Титан прибыли первые люди! — воскликнул Чак с энтузиазмом и, слегка подумав, добавил уже хмуро: — Правда, в ближайшем будущем люди Земли об этом не узнают.

— Почему?

— Сдается мне, что наши кости откопают из-под титанского снега не раньше чем через несколько веков.

— По–моему, для пессимизма нет причин. Отрегулируем сырит–излучатель, и — оп! Мы на Земле!

— Не выйдет. К сожалению, принимая решение садиться на Титан, мы малость погорячились и не учли, что в атмосфере сырит–излучатель неуправляем.

— Эка беда! У нас есть старина «Орел»! Спокойно, без суеты проведем измерения, затем

взлетим, а в верхних слоях атмосферы включим излучатель…

— Взлетим?

— Ну да. На борту есть аварийные баллоны с кислородом. Подведем кислород к турбинам и взлетим.

— Гм… Да, пожалуй, можно и так… Но… У нас новые проблемы.

— Что на сей раз?

— Взгляни в иллюминатор. То существо со щупальцами, безобразным клювом и четырьмя выпученными глазищами, что карабкается по крылу нашего самолета, — четвертое, которое я вижу за последние десять секунд.

— Вот так так! — Джерри резко повернул голову. — Думаешь, на Титане есть жизнь?

Прежде чем Чак ответил, из салона раздался душераздирающий крик. Приятели подскочили и понеслись туда. Салли, стоя ногами на кресле, тыкала в иллюминатор дрожащим пальцем и вопила нечеловеческим голосом. Приятели сразу смекнули, в чем дело, улыбаясь, усадили девушку в кресло и принялись ее успокаивать.

— Спокойно, Салли, спокойно. — Джерри погладил ее по голове. — Это всего лишь местные жители. Они безобидны, а что касается щупа-

лец, безобразных клювов и четырех глазищ на каждого, то… Что ж, такими уж чудищами они уродились.

Салли закричала громче прежнего.

— Не волнуйся, милая, сюда они не проберутся. — Чак демонстративно засмеялся.

Салли умолкла. Не то чтобы на нее подействовали заверения Чака, а просто от криков с нее свалилась кислородная маска, и от недостатка кислорода она потеряла сознание. Приятели снова заботливо уложили ее в кресло, надели на прекрасное лицо маску и прикрыли Салли простыней. Если не считать мерзкого стука клювов по стеклу, в салоне наступила тишина.

— Развяжите меня, — завопил вдруг Йоган. — Не видите, руки совсем посинели.

— А ты затеешь потасовку и еще, чего доброго, удерешь. — Чак покачал головой. — Нет, коммунистический шпик, терпи, свою участь ты заслужил.

— Schweinhund!

— Немецкий я изучал, тебя понял, но твоя грязная ругань мне до лампочки.

— Сукин сын! — на этот раз по–русски выдал Йоган.

— Сам такой.

Салли тем временем пришла в сознание и прислушалась к обмену репликами.

— Прекратите же наконец, — взмолилась она. — Нас, четверых американцев, занесло на край света, и неизвестно, выберемся ли мы отсюда живыми, а вы ругаетесь, как торговки на базаре.

— Ну уж нет! — твердо сказал Йоган. — Я родился в ГДР и служу в русской разведке, а вовсе не американец.

— Подумай хорошенько, — настаивала Салли. — Гражданином Восточной Германии ты был только наполовину, а в остальном ты — стопроцентный американец! Твой отец был отличным американцем, и от него ты унаследовал лучшие качества настоящего американца! Ты такой же, как любой из нас.

В салоне воцарилась тишина. Друзья с удивлением увидели, как по черным щекам шпиона покатились крупные горючие слезы. Поморщившись как от зубной боли и поморгав, он заговорил полным страсти голосом:

— Конечно… Проклятые коммунисты обманули меня… Сделали из меня своего… Мне ни разу не сказали, что я американец. Меня обманули, лишили полагающихся по рождению прав

гражданина свободного государства. Но теперь я понимаю, что всегда был настоящим американцем.

— Правильно! — с чувством воскликнул Чак, разрезал проволоку на запястьях и лодыжках негра и помог ему встать. — Отныне ты снова Джон и ты один из нас!

— Теперь по закону мне полагается паспорт, я могу платить налоги, баллотироваться в президенты, играть в бейсбол и есть хот–дог!

— Совершенно верно! — закричал Джерри, протягивая бывшему врагу руку.

Пожав парням руки, Джон повернулся к Салли. Девушку он намеревался расцеловать, но, сообразив, что быть чистокровным американцем для этого недостаточно, ограничился рукопожатием.

— Словами не передашь, до чего я рад, что стал членом вашей команды! — Джон разулыбался и вытер со щек слезы. — Чем мне вам помочь?

— Мы столкнулись с маленькой проблемой, — сообщил Джерри. — Прежде чем включить сырит–излучатель, чтобы вернуться на Землю, необходимо поднять самолет как можно выше, но в атмосфере Титана почти нет кислорода, а без него реактивные двигатели не работают. Мы с Чаком посоветовались и решили провести

газопровод от запасных кислородных баллонов к турбинам…

— Боюсь, из этой затеи ничего не выйдет, — пробормотал Чак, решив в уме систему несложных уравнений. — Я тут прикинул, и получается, что с имеющимся на борту запасом кислорода самолет поднимется не более чем на сто десять футов. Результат получен без учета расхода кислорода на разогрев двигателей.

— Тогда этот вариант спасения отпадает. — Джерри ударил кулаком по раскрытой ладони. — Придумаем что-нибудь другое.

— Решение очевидно! — воскликнул Джон. — Едва я стал американцем, как мои мозги заработали на полную катушку. Видимо, оттого, что мыслю я теперь реалистичными капиталистическими категориями, а не фальшивыми коммунистическими догмами. Решение нашей маленькой проблемы там… — Он ткнул пальцем в иллюминатор. За стеклом по–прежнему маячили клювы, глаза, щупальца. Салли пронзительно закричала, а Джон продолжал, перекрывая ее крик: — Пока я сидел связанным, я наблюдал за этими безобразными созданиями и анализировал их поведение. Что их привлекает к самолету? Любопытство? Вряд ли, не выглядят они любо-

пытными. Тогда что же? Тепло? Наше тепло для них — верная смерть от ожогов. Думал я над этим, думал, пока не стал американцем. Тут меня и осенило. Посмотрите, где они скапливаются, и тоже поймете.

— Они группируются около наших воздушных компрессоров, — заметил наблюдательный Чак. — Кислород! — Джерри щелкнул пальцами. — Конечно! Из самолета постепенно выходит кислород, и они сосут его. Им нравится кислород, отсюда следует, что некогда эта Богом забытая планета имела атмосферу земного типа, а чудовища за иллюминатором — деградировавшие потомки прежних обитателей Титана. Они выжили, следовательно, у них есть кислород. Значит, так: выходим наружу, находим их запасы, закачиваем баллоны и взлетаем.

— Учуяв в нашей крови кислород, титанцы нападут на нас, — резонно заметил Чак.

— Так зададим им перцу! — Глаза Джона загорелись боевым огнем. — Они сами напрашиваются на неприятности, так они их получат.

К выходу подготовились быстро. Пропилив отверстие в полу, друзья спустились в багажный отсек. Снаружи стояла лютая стужа, и они оделись соответственно: каждый прикрепил к телу

мягкие вратарские прокладки, натянул на себя по нескольку футбольных форм и нахлобучил на голову шлем. К поясным ремням приторочили по баллону с кислородом. Салли разыскала в сумочке иголку с нитками и пришила к формам перчатки. Чак наверх надел собственную форму с огромными единицами на спине и на груди. Джерри, хотя в футбол и не играл, был капитаном хоккейной, фехтовальной и шахматной команд, и для него нашлась форма с номером два. Джон даже не был зачислен в колледж, не говоря уж о спортивных секциях, поэтому, посмеиваясь, он подобрал себе форму с номером девяносто девять.

— Нам понадобится оружие, — напомнил Чак, принимая на себя командование небольшим отрядом. — Я прихвачу топор из спасательного набора.

— Тепло — враг титанцев, — заявил Джерри. — Возьму-ка я сварочную горелку.

— Спиртом из аптечки я удалю с автомата всю смазку, и он послужит даже при двухсотградусном морозе, — заключил Джон.

— В таком случае все мы вооружены и готовы к любым неожиданностям, — воскликнул Чак. — Салли, запрешь за нами люк. Откроешь, только

когда услышишь три коротких удара.

— Удачи, мальчики.

Салли похлопала каждого по плечу, и парни выскочили наружу.

Учуяв запах теплого кислорода, титанцы с ужасающей яростью ринулись на землян. Американцы стали спина к спине и приняли бой. Чак методично, точно заправский мясник на бойне, поднимал и опускал руку с топором, во все стороны летели щупальца и пучеглазые головы, омерзительная зеленая кровь хлестала ливнем. Не отставал от приятеля и Джерри. Пламя его сварочной горелки разило, подобно мечу победы, прорезая в рядах врагов огромные бреши и оставляя на снегу из замерзших газов обугленные корчащиеся тела. Джон хладнокровно расстреливал титанцев из автомата одиночными выстрелами. Каждая выпущенная им пуля попадала точнехонько между вторым и третьим глазами на безобразной голове и следовала прямиком в мозг. Несмотря на чудовищные потери, враги все прибывали. И умирали. И прибывали новые. Друзья карабкались на росшую перед ними гору из мертвых тел и продолжали битву, пока последнего врага не постигла заслуженная кара.

Друзья огляделись: никакого движения, лишь

с опущенного топора капает зеленая кровь да дымится ствол автомата.

— Ребята, мы победили! — воскликнул Чак, спускаясь с сорокафутового холма трупов. — Кто-нибудь ранен?

Джерри в ответ лишь беззаботно рассмеялся, а Джон доложил:

— У меня несколько царапин. Ерунда, до свадьбы заживет.

— Тогда вперед, за кислородом. Пока дрались, я приметил, что большинство титанцев прибывало оттуда. — Чак махнул рукой. — Видите ту гору с белой полосой от вершины к подножию? Ставлю последний доллар, что белая полоса — это замерзший кислород.

Друзья направились к горе, но, прежде чем достигли подножия, разразилась трагедия.

Разреженный титанский воздух пронзил сдавленный крик. Друзья, как по команде, остановились и повернули головы. То, что они увидели, долго потом преследовало их по ночам.

Люк самолета распахнут настежь, с крыла на снег прыгают титанцы. В мерзких щупальцах самого здоровенного — Салли Гудфеллау, отчаянно вопящая и брыкающаяся.

Глава 5. Поражение оборачивается победой

Друзья застыли как громом пораженные, но прежде чем похитители сделали с десяток шагов, бесстрашные американцы кинулись за ними, воинственно размахивая оружием.

— Салли! Сохраняй хладнокровие! — взревел Чак. — Мы идем!

— Вряд ли она слышит, — поделился своей догадкой Джон, жадно глотая между словами ртом воздух. — На ней нет кислородной маски, очень скоро она потеряет сознание.

Джон оказался прав. Крики Салли постепенно замерли, тело безвольно свесилось с омерзительной спины похитителя. Земляне побежали со всех ног. У каждого титанца на затылке находится по четыре глаза, и похитители, даже не поворачивая голов, сразу же заметили погоню. С полдюжины из них остановились и, подняв цепкие щупальца, заняли оборону. Земляне бесстрашно вступили в бой и через считанные секунды продолжили погоню, оставляя позади на снегу безобразные головы, отсеченные щупальца и обугленные

тела. На пути американцев вставали все новые и новые похитители и, столкнувшись с благородной яростью землян, отправлялись к праотцам. Вот очередное чудовище мертво, впереди только один улепетывающий во все лопатки титанец с бесчувственной девушкой на спине.

Однако скончавшиеся в муках соплеменники похитителя сделали свое черное дело — дали вожаку время для бегства, и только преследователи приблизились к нему, как он нырнул в ров. Земляне без колебаний последовали за ним. То была отчаянная храбрость, храбрость истинных американцев, благодаря которой на новых территориях некогда возникали поселения, а не так давно на Луне появились первые следы подошв человека.

Ров, петляя, углублялся и неожиданно закончился темным отверстием в скале — входом в пещеру. Похититель шмыгнул туда. Земляне последовали за ним. Стены пещеры покрывал тускло светящийся мох, видимо, близкий земному планктону, который вызывает зеленое свечение океанов. Друзья почти настигли похитителя, но в последнее мгновение тот шмыгнул в боковой туннель. Американцы последовали за ним и вновь приблизились на расстояние

вытянутой руки, но коварный титанец свернул в очередное ответвление пещеры. Американцы, презрев опасность, последовали за ним, но опять он в последний миг повернул. Так повторялось раз за разом, казалось, чудовище забавляется, заманивая их все дальше и дальше в неизвестность. В очередной раз земляне едва не настигли мерзавца, но он вновь свернул. Последовав за ним, друзья оказались в огромном гроте. Титанец улепетывал по скользкому полу. Земляне следовали за ним по пятам и неминуемо схватили бы его и расквитались за все злодеяния, но тут грот залил поток ослепительного света. Земляне инстинктивно зажмурили глаза, а открыв их, увидели зрелище, от которого кровь стыла в жилах.

Огромный грот от пола до теряющегося в дымке потолка был покрыт светящимся мхом. По стенам проходили уступы, на них стояли титанцы с кнутами и бичевали несчастные растения. От столь изощренной жестокости мох, дрожа в агонии, испускал ослепительный холодный свет. У дальней стены было возвышение, на котором находился грубо высеченный из цельного куска камня трон. На троне восседал титанец, вдвое крупнее и втрое безобразнее любого из прежних, виденных землянами. Голову чудища венчала корона из

блестящего желтого металла с крупными, грубо ограненными бриллиантами. Но не размеры чудища и не его отталкивающий вид поразили землян… Десятками безобразных щупалец титанский король держал их любимую девушку, Салли, остальными же сквозь многочисленные прорехи в летнем платьице ласкал ее прекрасное тело. Салли в этих омерзительных объятиях была странно неподвижна, ее бархатистая нежная кожа приобрела цвет слоновой кости, а тело от холода, казалось, стало твердым, как кость.

— Она замерзла, превратилась в сосульку, — с трудом ворочая языком, пробормотал Джерри.

— Может, это для нее и к лучшему. — Тяжело вздохнув, Чак снял футбольный шлем и прижал его к груди.

— Друзья, не оставляйте надежду, — прошептал Джон. — Если только мы ее отсюда вытащим, то…

— Ес–с-сли попытаетес–с-сь с–с-сопротивлятьс–с-ся, вы покойники, — прошипело чудовище на троне и, перестав на секунду гладить прекрасную Салли, взмахнуло щупальцами. В тот же миг все входы и выходы в грот оказались заполнены титанцами. Они ожесточенно размахивали кривыми, похожими на арабские, но без гард,

саблями и корчили страшные рожи. Увидев на лицах землян замешательство, король издал булькающий звук, должно быть, засмеялся. — Удивлены? Сс–сс! Прежде вы с–с-сталкивались лишь с–с-с моими рабо–ч-ч–чими, опьяненными горячими парами кис–с-слорода. Теперь перед вами мои отборные войс–с-ска!

— Но… Вы говорите по–английски? — выдавил Джерри.

— Ес–с-стественно. Наши детекторные приемники на крис–с-с–таллах на редкость чувс–с-ствительны. Мы вот уже многие годы слушаем ваши радиопередачи и давным–давно изучили ваш варварс–с-ский яз–з-зык. Ракету с–с-с ис–с-следователями мы поджидали с–с-с нетерпением, и вот наконец вы прилетели! Как и задумано, экипаж, то есть вас, мы убьем, завладеем космическим кораблем и покинем эту пустую с–с-суровую планету. Пока мы берем вас в плен, под пытками вы рас–с-с–ска–жете, как управлять ракетой, а затем умрете ужас–с-сной муч–ч-чительной с–с-смертью. Взять их!

Гвардия короля бросилась на землян, а титанцы на уступах еще яростнее замахали бичами. Но глупые твари не учли, что имеют дело с настоящими американцами! Выкрикнув в один голос:

«Вперед, Америка!» — друзья устремились на короля в атаку. Тот суетливо достал из-за трона четыре здоровенных кривых меча, но прежде чем взмахнул хотя бы одним, прозвучал выстрел, и меткая пуля пробила его голову между третьим и четвертым глазами. Король испустил дух, и тело Салли выскользнуло из его ослабевших щупалец.

— Хватайте Салли! — закричал Джерри. — Если она упадет, то разобьется вдребезги!

Действительно, опасность была велика. Тело Салли от холода стало более хрупким, чем стекло. Джерри и Чак, позабыв обо всем на свете, одним прыжком оказались у трона и нежно подхватили Салли на руки. Джон тем временем прикрывал тыл, автомат в его руках разил беспощадно, не подпуская полчища врагов к трону. Увидев, что Салли вне опасности, Джон поднял ствол автомата и в мгновение ока посшибал с уступов вооруженных кнутами титанцев. С визгом они один за другим попадали на пол и затихли, тронный зал погрузился в зловещий полумрак.

Зная, что Чак и Джон владеют немецким, а титанцам этот язык незнаком, Джерри выкрикнул:

— Ich mochte ein Einzelzimmer mit Bad im ersten

stock![1]

Уловка сработала! Джерри взвалил замерзшую, возможно, навеки Салли на плечо. Чувствуя, что Чак поддерживает тело девушки за коленки и что рука Джона опустилась на плечо Чака, он молча провел друзей к потайной двери, рывком распахнул ее и бесшумно шагнул в темноту. За спиной из тронного зала слышались яростные крики и звон оружия.

— Мы в безопасности, — прошептал Джон. — Поганые твари думают, что мы среди них, и с усердием идиотов перебьют друг друга. Дверь я запер на засов, так что немного света нам не повредит.

Джерри запалил сварочную горелку, и друзья увидели, что попали в грубо вырубленный в скале туннель.

— Я понесу Салли, — предложил Чак и принял у Джерри драгоценный груз. — Пошли! Да поторопимся, а то кислород в моем баллоне почти на нуле.

И они заспешили со скоростью семь миль в час по тянущемуся во мраке туннелю навстречу неизвестности. Тишину нарушали лишь стук их

---

[1] notes: 1

Эй! За троном — потайной ход. Хватайтесь за меня, я проведу (нем.). (*Прим. авт* .)

башмаков да хриплое дыхание. Вскоре впереди забрезжил свет.

— Туннель кончается. — Джерри погасил горелку. — Если там не звездное небо, то я съем собственный шлем. Будьте начеку, неизвестно, кто или что поджидает нас у выхода.

Молча, с оружием наготове друзья продолжали путь. Вскоре стены туннеля расступились, и они оказались на ледяной равнине. Рядом с выходом возвышался утес, невдалеке доброжелательно сиял иллюминаторами «семьсот сорок седьмой».

— Смотрите, — Джерри показал на глыбы белого льда на утесе и на груды той же субстанции у ног. — Будь я проклят, если это не замерзший кислород… А личный-то туннель короля вел прямиком к этим запасам.

— Мой… — Джон с шумом вздохнул, — кислород… уф!.. почти… уф–уф!.. кончился.

Друзья заспешили к «Боингу».

Сменив кислородные баллоны, они вновь были готовы к бою, и Джерри поведал разработанный им в деталях план:

— Те титанцы, что маячили у самолета, мертвы, но ставлю серебряный доллар против ржавого цента, что скоро здесь будет видимо–невидимо их собратьев. Быстрее готовимся к полету и от-

бываем, прежде чем нам помешают, ведь всех тварей нам не прикончить.

— А жаль. — Джон тяжело вздохнул.

Приятели согласно кивнули, и Джерри продолжал:

— Сделаем так: вы притащите кислород с утеса и заполните им грузовой отсек, а я протяну воздухопровод к турбинам и установлю обогреватель. Грузовой отсек мы запечатаем, включим обогреватель, твердый кислород растает и вскоре превратится в газ, давление поднимется, кислород сам собой пойдет к турбинам, мы же…

— Включим двигатели и удерем с проклятой планеты! — не выдержал Чак. — Отличный план! Только вот что будет с Салли?

Друзья с грустью посмотрели на лежащую в углу у бара девушку, замерзшую с выражением ужаса на прекрасном лице. Неизвестно, как долго длилось бы тягостное молчание, но Джон, похлопав приятелей по плечам, сказал:

— Не беспокойтесь, я верну ее к жизни. Времени на разъяснения нет, положим ее пока в туалетную кабинку на кучу замерзшего кислорода, чтобы не оттаяла раньше времени.

Так они и поступили. Бережно уложив тело Салли в туалете и заперев на всякий случай кабинку,

друзья взялись за дело. Джон и Чак отправились к утесу. Очистив и расколов пласты кислорода, они принялись возить его к самолету на санях, сооруженных на скорую руку из обычных носилок; Джерри же с присущими ему энергией и умением протянул от грузового отсека к турбинам воздухопровод, перетащил из кухоньки самолета и подключил обогреватель, переделал турбины для работы в условиях лишенной кислорода атмосферы.

Вскоре грузовой отсек был заполнен почти до отказа. Чак и Джон волокли к «Боингу» последние сани с кислородом, как вдруг над замерзшей равниной раздались воинственный вой и лязг.

— Враг приближается, — мрачно заметил Джон. — Грузи кислород, я прикрою.

Джон, в недавнем прошлом гражданин ГДР и русский шпион, ныне американец, верный последователь традиций предков, слов на ветер не бросал. Воскликнув: «Получайте, гады, за Перл–Харбор!» — он с улыбкой на губах кинулся на хищные орды врагов. Экономя патроны, стрелял он только одиночными, и каждая выпущенная им пуля поражала не меньше трех визжащих, размахивающих кривыми саблями титанцев. Атака захлебнулась, но титанцы непрерывно

прибывали, задние давили на передних, и под их напором Джон шаг за шагом отступал, пока не оказался под крылом «Плисантвильского орла».

— У меня последняя обойма! — закричал Джон, нажимая на курок, и головы пяти самых назойливых врагов разлетелись на зеленые куски.

— Эй! — раздался из самолета голос Джерри, и над головой Джона один за другим пролетели три темных цилиндра. — Прострели каждый и побыстрей залезай внутрь. Мы взлетаем!

У Джона как раз оставалось три патрона. Только очень меткий стрелок, каким и был Джон, поразил бы столь маленькие движущиеся цели при тусклом свете Сатурна. Но Джон, хоть его и атаковали бесчисленные полчища монстров, не промазал. Выстрелил он навскидку, вроде даже не целясь, и улыбка при этом не сходила с его уст. Три выстрела прозвучали как один, и цилиндры вспыхнули ослепительным жарким пламенем. С воем ярости и боли титанцы бежали. Тепло! Тепла они боялись как черт ладана, открытый огонь наводил на них ужас. Воспользовавшись замешательством врага, Джон нырнул в люк самолета и захлопнул дверцу.

— Давление кислорода достигло двух атмосфер и непрерывно поднимается, — доложил Чак,

склонившись над вмонтированным в пол салона манометром.

— Тогда, джентльмены, держите ваши шляпы, мы взлетаем! — закричал Джерри из пилотской кабины и, открыв заслонку, запустил турбину правого борта.

Турбина надрывно взвыла, протестуя против нештатных условий работы, и смолкла. Друзья затаили дыхание. Турбина взвыла вновь и вновь смолкла. Раз за разом Джерри запускал ее, но безрезультатно, а титанцы уже окружили самолет и готовились к атаке.

— Понял! — закричал Джерри. — Аккумуляторы сели! Выключите весь свет, все электрооборудование на борту.

Через секунду салон погрузился в темноту, и Джерри вновь взялся за заслонку, управляющую двигателями.

— Откуда появились бомбы? — спросил Джон. — Я думал, на борту нет взрывчатки.

— Бомбы изготовил я. — Джерри разулыбался, довольный. — Предполагал, что пригодятся. Налил в использованные баллоны керосин из бака и затолкал туда же куски кислорода. Топливо растопило кислород, давление в баллонах поднялось, а от ударов твоих пуль смесь воспла-

менилась и взорвалась.

Последние его слова заглушили внезапные выхлопы турбины. Друзья замерли в напряженном ожидании. Выхлопы стали тише, почти прекратились, и вдруг турбина заревела в полную силу, заглушая протяжные крики разбегающихся в панике титанцев. Чак и Джон одобрительно похлопали Джерри по плечам. Одна за другой заработали и остальные турбины, огромный самолет завибрировал. Чак уселся в кресло второго пилота и оглядел приборы.

— Джерри, дружище, — сказал он, спуская самолет с тормозов, — а сырит–излучатель ты отрегулировал?

— А я все гадал, спросит или нет. — Джерри заразительно, по–мальчишески засмеялся. — Спросил! Излучателем я занимался, пока разогревался кислород в грузовом отсеке. Прибор теперь отрегулирован с точностью до четырнадцатого знака после запятой и готов к работе. Поднимаем наше летающее корыто на высоту тридцать тысяч футов, нацеливаем нос на Полярную звезду, а правое крыло на самую дальнюю справа от центра точку на кольце Сатурна, нажимаем кнопку — и… мы на высоте двадцати восьми тысяч девятисот пятидесяти футов над центром

штата Канзас, плюс–минус несколько футов!

— Чего же мы ждем? В путь!

«Плисантвильский орел» неуклюже развернулся и, давя и испепеляя нерасторопных титанцев, быстрее и быстрее покатил по собственным следам на льду. Джерри потянул на себя штурвал, самолет послушно взмыл в воздух, плавно повернул и, оставляя под собой зазубренные скалы, взял курс на Сатурн.

— Отличная работа! — воскликнул Чак.

— Да! Все великолепно… — Внезапно улыбку будто стерли с лица Джерри. — За исключением бедняжки Салли.

При этих словах исчезла улыбка и с губ Чака, и теперь улыбался только Джон.

— Я же вам говорил, не беспокойтесь, — сказал он, чувствуя на себе взгляды двух пар встревоженных глаз — черных и небесно–голубых.

— Что ты имеешь в виду? — хмуро спросил Чак.

— Сейчас объясню.

Глава 6. Ненавистные гарниши и лишенная разума оболочка

— Как вы помните, прежде чем стать американцем, я был секретным русским агентом. Много удивительного, скажу я вам, происходило тогда со мной… Хотя сейчас это не важно. Важно, что, готовясь в Сибири к одной из секретных операций, я стал неплохим нейрохирургом… Хотя это тоже сейчас не важно. Важно, что лет через пять, проходя подготовку к очередному заданию в подземном госпитале на Новой Земле, я был уже своим у тамошних медиков. Мы пили русскую водку, сплетничали, обсуждали нерадивое начальство, в общем, все как водится. Однажды друзья показали мне, над чем они работают… Врачи по поручению спецслужб разрабатывали секретную технику оживления людей, попавших в буран и замерзших, превратившихся в ледышку, вроде нашей Салли…

— И у них что-нибудь получалось? — неуверенно спросил Чак.

— Получалось, и очень неплохо.

— И ты знаешь как?.. — Джерри подавился соб-

ственными словами.

— Конечно. Я все видел, мотал на ус, и теперь нужные нам знания хранятся вот здесь. — Джон ткнул себя в лоб. — Нам понадобится лишь обычный госпиталь с оборудованием для подкожных инъекций, ну и с прочей больничной мелочью, какая есть везде. Найдем госпиталь, а дальше уж за дело возьмусь я, и через два часа наша Салли будет, как прежде, живой и веселой.

— Ура! — Джерри рванул штурвал на себя, и «Боинг» резко задрал нос. — Плисантвильский госпиталь — вот что нам нужно. Быстрей туда!

Пока самолет набирал высоту, Чак, решив в последний раз проверить электронику сырит–излучателя, отправился в радиорубку. Через несколько минут оттуда послышалось:

— Джерри, я обнаружил нежелательный резонанс в бета–каппа–цепи.

— Должно быть, барахлит НЧ–генератор. Пойду займусь им. — Джерри указал на кресло пилота. — Принимай управление, Джон. Нацелишь нос на Полярную звезду, правое крыло — на кольцо Сатурна и, как только стрелка высокоточного радарного альтиметра коснется отметки «Тридцать тысяч футов», крикнешь.

— Понял. — Джон твердой рукой взялся за

штурвал, и «Плисантвильский орел» продолжил набор высоты. — Приближаемся к намеченной точке, — сообщил Джон вскоре. — Как у вас дела? Готовы?

— Да. Давай обратный отсчет.

— Понял. Самолет занял заданное положение, до необходимой высоты осталось пять футов… четыре… три… два… один… Есть!

Чак недрогнувшим пальцем нажал на кнопку сырит–излучателя. Друзья испытали уже знакомое по первому путешествию через эль–измерение ощущение дискомфорта, затем самолет вновь оказался в нормальном пространстве, и тут же заглохли турбины.

— Думаю, вынырнули мы несколько высоковато. — Джерри улыбнулся, глядя на зеленую планету под ними. — Но не беда, гравитация сделает свое дело, и скоро мы спустимся.

Чак, так же не отрываясь, смотрел в иллюминатор.

— Забавно, — пробормотал он, — но я что-то не вижу Луны.

— Если бы только Луны, — обеспокоенно сказал Джон. — Я не вижу знакомых созвездий.

Друзья растерянно переглянулись, затем, выражая мысли всех, заговорил Джерри:

— Ребята, посмотрим правде в глаза: под нами не Земля. Подозреваю, что нас вообще занесло в другую звездную систему. Видимо, в сырит–излучателе что-то разладилось в последнюю минуту.

Лоб Джона покрыла обильная испарина.

— Нет, излучатель здесь ни при чем, — хрипло выдавил он, глядя на высокоточный радарный альтиметр с той же безысходной тоской в глазах, с какой загипнотизированная змеей птица глядит на мелькающий перед клювом раздвоенный язык. — Видимо, я слишком долго прожил за «железным занавесом», вот и свалял ваньку. Джерри, ты велел мне подать команду, когда альтиметр покажет тридцать тысяч футов?

— Да.

— Мне очень жаль, ребята, но на всех самолетах, которыми я управлял прежде, альтиметры были проградуированы в метрах, и на этот раз я мысленно перевел показания прибора из метров в футы и…

— Дал команду.

— Да… — сказал Джон, глупо улыбаясь.

— И мы включили сырит–излучатель на высоте приблизительно десяти тысяч футов, — прошептал Джерри. — Самолет все еще находился в плотных слоях атмосферы, движущиеся молеку-

лы воздуха исказили каппа–излучение…

Увидев сжатые кулаки Чака, Джон замер, улыбка сползла с его лица. Джерри поспешно вклинился между приятелями.

— Легче, Чак, легче. Все мы небезгрешны, все ошибаемся. Да и вообще, из-за чего, собственно, весь сыр–бор? Выбирались же мы из переделок и похлеще, выберемся и сейчас. Вспомните хотя бы старого титанского короля! Здорово мы с ним расправились!

От приятных воспоминаний Чак заулыбался, и атмосфера в кабине разрядилась. Джон подавленно опустил голову.

— Извините, ребята, я виноват. Должно быть, что-то сломалось у меня в башке, и я вел себя как последний идиот. Но Джерри прав, мы выберемся отсюда. Сядем на планету, сфазируем сырит–излучатель, затем взлетим, нажмем кнопку и — хоп! Мы дома.

— А под голову Салли пока положим побольше твердого кислорода, она и не разморозится!

— Именно!

В кабине на полную мощность работал обогреватель, а из грузового отсека сквозь щели непрерывно поступал свежий кислород. Вскоре стало настолько тепло, что друзья сняли лиш-

нюю одежду. Чак принес из кухни жестянки с кока–колой и поставил их на обогреватель. Кока быстро оттаяла, и приятели напились, причем Чак и Джерри сделали вид, что не заметили, как Джон плеснул в свою банку приличную дозу виски. Оно и понятно: бедняга чувствует за собой вину, бередить старые раны не стоит. Чак и Джон перенесли в кабину, где лежала Салли, дополнительные куски кислорода. Как-то встретит их чужая планета? Суждено ли им выбраться отсюда живыми? Чак склонился над девушкой и закрыл ее переполненные ужасом глаза.

Вскоре самолет достиг верхних, разреженных слоев атмосферы, и управление самолетом взял на себя Чак.

— Почти прибыли. Думаю, при спуске наберем приличную скорость, придется ее гасить. Болтанка будет изрядной, так что займите кресла, джентльмены.

Так оно и оказалось. От соприкосновения с воздухом крылья самолета нагрелись, и на них выгорело защищавшее металл от обледенения покрытие. Чак потянул штурвал на себя, самолет, описав огромную дугу, оказался в космосе, потом начал падать. Вскоре указатель скорости зашкалило. Чак вновь вывел самолет за пределы

атмосферы и вновь устремил его к планете. Так повторялось раз за разом, пока наконец скорость не упала до ста миль в час, и Чак погрузил самолет глубоко в атмосферу.

— О, да внизу океаны, континенты! — воскликнул Джерри. — Совсем как на Земле. Кажется, я уже испытываю ностальгию.

— Видите вон там большущий континент? — Джон ткнул пальцем. — По–моему, Северную Америку напоминает.

— Да, в самом деле, — согласился Чак. — Туда-то мы и направимся.

Толком рассмотреть загадочный континент приятелям не удалось, так как большая его часть была скрыта толстым слоем облаков. Едва самолет пересек береговую линию, как попал прямо в центр урагана. Определенно грозы на неизвестной планете были много свирепей, чем на Земле, и молнии внизу сверкали непрерывно, а громовые раскаты заглушали даже вой реактивных двигателей. Чак поспешно поднял самолет над грозовым фронтом и, разыскивая приемлемое для посадки место, повел его на север.

— Хорошие новости! — воскликнул Джерри. — Я отключил подачу кислорода к турбинам, и они пока тянут. Похоже, в атмосфере кислорода

предостаточно.

— А знаете, парни, — сказал вдруг Джон. — С этими громами и молниями что-то не так. Мне даже кажется, что… — Тут грохнуло так, что у друзей заложило уши, «Боинг» встал на дыбы, а в левом крыле появилась дырища в ярд диаметром. — … взрываются артиллерийские снаряды и бомбы. Возможно, под нами идет бой.

Чак тут же налег на штурвал, небесный левиафан свечой взмыл в небо, затем развернулся и понесся прочь от суматохи внизу.

— По–моему, нам ввязываться в местный конфликт не стоит, — высказал свое мнение Джерри.

— Согласен, — кивнул Джон. — У нас и без вооруженных потасовок неприятностей хватает. Левое крыло пробито, из него вытекло все топливо, а на оставшемся в правом крыле двигатели протянут минут пятнадцать, не больше.

— Да, досадно, — согласился с приятелем Чак. — Пристегните ремни, парни.

Он включил транспаранты «Пристегнуть ремни!» и «Не курить!» и, стремясь покинуть поле битвы на скудных остатках топлива, искусно повел «Плисантвильский орел» вверх и на запад.

Самолет уже весело летел над облаками, и

грохот взрывов стих, как вдруг стрелки на расходомерах коснулись красных зон, тревожно замигали красные лампочки, предостерегающе запищали зуммеры. Вскоре случилось то, чего друзья ждали и боялись: двигатели один за другим, поглотив последние капли горючего, булькнули и замолкли; притяжение планеты подхватило огромный самолет и понесло его вниз к облакам. Приятели не проронили ни слова, лишь плотнее сжали челюсти да учащенней и глубже задышали, но разве поставишь им это проявление чувств в вину?

Что скрывается под облаками, неизвестно, вероятнее всего, опасности и неприятности.

Самолет прошил последний слой облаков, но смотреть оказалось особенно не на что: от горизонта до горизонта простиралась безжизненная песчаная пустыня, по унылым барханам бежали тени облаков.

— По–моему, приземляться здесь не стоит, — выразил общее мнение Джон.

Стремясь покинуть гиблое место, Чак с присущим ему мастерством вел «семьсот сорок седьмой» на планирующем, но с гравитацией не поспоришь, и однообразная песчаная равнина неотвратимо приближалась. Вдруг впереди по-

явилась горная цепь.

— Бинокль, быстро! — воскликнул Джерри, протягивая руку. Джон подал бинокль, Джерри тотчас приставил его к глазам, навел на резкость и вгляделся в даль. — Вижу впереди форт, — сообщил он вскоре. — Над ним развевается флаг, вокруг взрывы, похоже, вовсю идет бой. Да… Форт окружили повозки, по виду явно военные, и ведут по нему огонь, а пушки со стен стреляют по повозкам. Вижу защитников форта! Они совсем как люди, только рук не две, а четыре.

— А с кем они воюют? — спросил Чак.

— Не разберу… Подожди… Как по заказу взорвалась повозка, наружу вылезает водитель… — Джерри зажал правую ноздрю и издал такой звук, будто он сморкается: — Х–х-хр!

— Что «х–х-хр»?

— Самое подходящее слово для него. Представьте: омерзительное лилово–желтое тело, корявое, как дерево, да еще и со множеством отверстий, четыре ноги — точь–в-точь ответвления древесного ствола и черные блестящие щупальца там, где положено быть голове…

— Замолчи, а то меня стошнит! — закричал Джон. — Мы встанем на сторону гуманоидов и покажем этим мерзавцам х–х-хр где раки зимуют!

— Правильно! — согласился Чак. — Но что мы можем?

— Да, — откликнулся Джерри, — чем мы поможем братьям по разуму? Парни, у кого есть идеи?

Джон, тренированный шпион и диверсант, быстро нашел решение.

— Кресла в салоне легко снимаются. Чак, сделай разворот и пройди над полем боя, а мы с Джерри покажем корявым негодяям, на что способны настоящие люди!

Так они и сделали. «Плисантвильский орел» сделал круг и, набрав высоту, спикировал на врагов, совсем как его хищный тезка. Из открытых люков по обе стороны фюзеляжа на головы врагов градом посыпались тяжелые металлические кресла. Каждое такое кресло–бомба точнехонько попало в цель, как будто их наводил компьютер.

Хитрость сработала! Неясно, много ли ущерба нанесли падающие кресла, но боевой дух врагов был бесповоротно сломлен, и они, побросав целые и поврежденные повозки, кинулись через пустыню и вскоре скрылись за ближайшими холмами. Друзья приветствовали победу радостными криками, а сквозь свист воздуха до них донеслись ответные восторженные крики защитников форта. Чак заложил крутой вираж,

и «Плисантвильский орел» мягко сел на песок в тени высокой стены форта.

Джерри быстро побрился и передал электробритву Джону.

— Приведем себя, ребята, в порядок и произведем хорошее впечатление на тех храбрых парней в форте.

С этим предложением друзья согласились. Побрызгав себя дезодорантом, стерев с одежды омерзительные зеленые капли застывшей сукровицы, причесавшись и добавив в кабинку, где лежала Салли, замерзшего кислорода, они открыли люк. Из самолета автоматически выдвинулась лестница. Друзья выглянули наружу. Оказалось, что у нижней ступеньки их уже ожидает делегация защитников форта.

Американцы с достоинством спустились один за другим, и настала историческая минута первой встречи преодолевших бескрайние просторы космоса людей с гуманоидами. Гуманоиды и земляне с неподдельным интересом разглядывали друг друга. Гуманоиды увидели трех безусловно лучших представителей великой свободной Америки, американцы же — трех гуманоидов. У гуманоидов была гладкая белая кожа, одежды на них не было, но тела оплетали кожаные рем-

ни, с которых свисало оружие и инструменты неизвестного назначения. Гуманоиды сняли с голов шлемы, и оказалось, что они абсолютно лысы, а ярко–розовые зрачки их глаз формой напоминают цифру 8. По знаку лидера, чей шлем был золотым, а не черным, гуманоиды подняли короткие мечи и слаженно отсалютовали землянам. Американцы, щелкнув каблуками, лихо приветствовали гуманоидов ответным салютом, правда, при этом случилось небольшое недоразумение: замечтавшийся Джон вначале поднял над головой сжатый кулак, но, тут же опомнившись, опустил локоть на уровень плеча и коснулся указательным пальцем брови. Стальные мечи со звоном были возвращены в ножны, вперед выступил глава делегации гуманоидов.

— Здрю ствуй ту! — глухо булькнул он.

— Мы земляне, — обратился к инопланетянам Джерри. — К сожалению, мы не говорим на вашем прекрасном языке, но заверяем, что, преодолев огромное космическое пространство, пришли с миром и принесли вам привет от жителей планеты Земля в целом и от граждан великих Соединенных Штатов Америки в частности!

— Доброе утро! — воскликнул Джон по–русски и, повернувшись к друзьям, разъяснил: — Он

только что поздоровался с нами по–русски, а я ему ответил «доброе утро».

— Вот так так, — тихо проговорил Чак. — А не красные ли они?

Друзья настороженно отступили на шаг.

— Нет, нет, к вашим пресловутым красным мы не имеем никакого отношения, — заверил главный и, широко улыбаясь, вновь в приветствии поднял меч. Зубов у гуманоидов не было, их функцию выполняли две костяные пластины, как у земных черепах, отчего улыбки у них были довольно странные. — Мы ормолу и воюем с ненавистными гарниши. С вашей великодушной помощью мы выиграли сегодняшнюю битву и будем век вам благодарны.

— А не кажется ли тебе, что для ормолу ты слишком хорошо разговариваешь по–английски? — подозрительно спросил Джерри.

— Вот уже многие годы наши чувствительные радиоприемники принимают программы с вашей планеты. По ним мы изучили ваш благородный язык, теперь понимаем каждое слово и передачи слушаем затаив дыхание. Люди Земли, граждане свободных Соединенных Штатов Америки, я с несказанной радостью приветствую вас на планете Домит. Отныне все наше — ва-

ше. В честь вашего замечательного прибытия приготовлен банкет, и мы просим вас почтить наш скромный стол своим демократическим присутствием.

— Веди нас, — велел Чак.

Земляне, с любопытством озираясь, последовали за ормолу в форт. Внутри, как и снаружи, форт был весьма схож с аналогичными земными постройками: те же вкопанные в землю, заостренные сверху бревна, обгорелые и зазубренные от бесчисленных боев, те же наспех заделанные дыры в стенах. На этом, пожалуй, сходство кончалось, ибо форт ормолу был оснащен набором фантастического оружия, из которого многое даже не поддается описанию. Друзья переглянулись и молча согласились, что при первом же удобном случае стоит более подробно познакомиться с принципами действия невиданного оружия. Лидер в золотом шлеме, который представился как Стейджен–Стербен, повернул к друзьям голову и, беззубо улыбнувшись, сказал:

— При первой же возможности вам покажут наше оружие, расскажут, как оно действует.

Друзья, одобрительно кивнув, вошли в банкетный зал, и их тотчас препроводили на почетные места за длинным столом. На столе пока стояли

лишь глиняные горшки с холодной жидкостью, по виду и запаху — водой. Вскоре многочисленные ормолу расселись, Стейджен–Стербен поднял руку, и его соплеменники склонили головы.

— О Великий Дух, что живет в Другом Мире над нами, — нараспев заговорил Стейджен–Стербен. — Мы, дети твои, возносим хвалу тебе за хлеб наш насущный.

Молитва кончилась, ормолу подняли головы, а Чак толкнул Джерри локтем и прошептал:

— Отличные ребята. Их религия, манеры — полный блеск!

Джерри согласно кивнул.

Появились официанты, из принесенных огромных корзин вилками наложили перед каждым на столе что-то, напоминающее зеленую траву. Как только сервировка была закончена, Стейджен–Стербен подал знак всеми четырьмя руками, и ормолу тут же набили рты зеленой субстанцией. Трое землян неуверенно переглянулись, затем самый смелый, Джерри, взял несколько травинок и сунул в рот. Пожевав, сглотнул и поспешно запил водой из горшка.

— Ну как? — поинтересовался Джон.

— Черт бы их побрал с таким гостеприимством, — прошептал Джерри. — По вкусу трава

травой.

— Вижу, вы не едите, — заметил Стейджен–Стербен. — Извините нас за нашу нехитрую трапезу, но мы, ормолу, все поголовно вегетарианцы, из религиозных соображений, естественно. К сожалению, своей диеты мы не нарушаем никогда.

— Что ж, бывает… — пробормотал под нос Чак.

— Некоторые из моих лучших друзей тоже вегетарианцы, — поспешно заверил Стейджена–Стербена Джерри. — Ну а мы, те, что здесь… — опасаясь оскорбить радушных хозяев, Джерри тщательно подбирал слова, — по большей части… всеядны. Но вы на нас не смотрите, ешьте.

— Мы не чувствуем себя оскорбленными, — пробормотал Стейджен–Стербен с набитым ртом. — Потерпите немного, мы скоро закончим.

Земляне выпили свою воду и с любопытством огляделись, но оказалось, что, кроме как на голые стены, смотреть не на что. К счастью, ормолу быстро уничтожили траву, и банкет закончился.

— Если не возражаете, я расскажу вам о нашей войне, — предложил Стейджен–Стербен.

— Да, конечно, это очень интересно, — поддержал предложение Джон.

— В эту чудовищную бойню мы втянуты вот

уже более десяти тысяч земных лет. — Стейджен–Стербен на секунду прервался, слизнул травинку с нижней губы и продолжил: — Гарниши — наши враги — не ведают жалости и, представься им возможность, уничтожили бы нас всех до единого. Силы наши приблизительно равны, война изредка затихает, но тут же вспыхивает с прежней силой и продлится, видимо, еще столько же.

— Не возражаете, если я спрошу, почему вы воюете? — спросил Джон.

— Не возражаю.

— Так почему вы воюете?

— Мы защищаем свой образ жизни и воюем за возможность беспрепятственно молиться Великому Духу, когда и как сочтем нужным, и за свою веру сотрем с лица планеты всех ненавистных гарниши до последнего!

— А не скажете ли, почему вы их так ненавидите? — поинтересовался Чак. — Я имею в виду, есть ли у них другие недостатки, кроме гнусного внешнего вида?

— Сказать об этом вслух я не решаюсь, боясь осквернить ваши благородные уши.

— Мы потерпим, — заверил Стейджена–Стербена за всех землян Джон.

— Ужасы их образа жизни не поддаются описа-

нию, поэтому я вам лучше покажу.

По сигналу Стейджена–Стербена свет в банкетном зале померк, заработал скрытый видеопроектор. Послышались неприятные хлопающие, воющие звуки — музыка, как догадались земляне, — и на превращенной в экран белой стене пошли титры на неизвестном языке. Вслед за титрами на экране появился мерзкий гарниши — уже знакомое землянам древовидное тело, глаза расположены по кругу там, где у человека талия. Он замахал безобразными черными щупальцами, заскрипел на непонятном языке, в такт звукам на туловище открывалось и закрывалось одно из отверстий, видимо, рот.

— Ну и уродина, — заметил Джерри, и друзья кивнули.

— Если бы он только выглядел так безобразно, — сказал Стейджен–Стербен, — но от него и запах под стать.

Чудовище на экране встало, вытащило откуда-то длинную палку, тяжело проковыляло на четырех ногах–колоннах к плакату на стене и принялось тыкать в него палкой. Плакат упрощенно изображал ормолу с точками и линиями по всему телу.

— И что все это значит? — не выдержал Джон.

— К несчастью, вы очень скоро все поймете, — печально сказал Стейджен–Стербен.

И действительно, вскоре глазам землян предстало такое, что у них отвисли челюсти. В кадр попал распластанный на деревянном столе мертвый ормолу. Лектор подошел к столу и, не переставая вещать, принялся пилить тело несчастного на части мощной ленточной пилой.

— Хватит! — Джерри, опрокинув кресло, вскочил на ноги.

Демонстрация прекратилась, вспыхнул свет. Стейджен–Стербен сидел, склонив голову, и подавленно молчал.

— Зачем проклятый гарниши пилил мертвого ормолу? — напрямик спросил Джерри.

— Он разделывал тело моего несчастного соплеменника, чтобы части влезли в котел. Гарниши — ормулоеды, они ловят нас, а потом поедают, потому что они — монстры.

— Монстры, да еще какие! — закричал Чак и, опрокинув кресло, вскочил. — Я знаю, что говорю сейчас от имени всех моих товарищей. Мы, земляне, клянемся, что приложим все свои силы, все свое умение, чтобы избавить вашу планету от этих мерзких тварей!

Земляне торжественно закивали, а ормолу все

как один повскакали с мест и, отсалютовав мечами, восторженно закричали:

— Гип–гип ура!

— Я вроде уже придумал, как мы разделаемся с монстрами–гарниши, — задумчиво проговорил Джерри. — Я сконструирую оружие, много мощнее любого, что есть у вас, оружие, которое сметет наших общих врагов к чертовой бабушке.

— Будьте так любезны, — попросил Стейджен–Стербен, широко улыбаясь и кладя две–три руки на плечи Джерри, — расскажите нам об этом фантастическом оружии.

— Я еще не додумал кое–какие мелочи, додумаю — обязательно расскажу. К тому же у нас безотлагательное дело: пока весь твердый кислород не испарился, нужно оживить Салли.

— Можно я осмотрю ваш госпиталь? — спросил Джон у Стейджена–Стербена.

— Конечно, но боюсь, что огорчу вас. Наш госпиталь далек от тех высоких стандартов, по которым построен ваш замечательный городской госпиталь в Плисантвиле…

— Вы знаете о плисантвильском госпитале? — удивился Чак.

— Конечно. Я слышал радиопередачу об этом чуде современной земной медицины и потому

утверждаю, что наш госпиталь весьма примитивен. Понимаете ли, у нас, ормолу, нет ни нервной, ни кровеносной систем. — В подтверждение своих слов Стейджен–Стербен вытащил меч и проткнул ближайшего ормолу. Тот как жевал траву, так и жевал, и даже глазом не моргнул. Стейджен–Стербен выдернул меч и вложил его в ножны, а дыра на теле ормолу на глазах изумленных землян затянулась. — Наша кровь, — продолжал рассказ Стейджен–Стербен, — циркулирует от клетки к клетке за счет осмоса, поэтому у нас нет ни сердец, ни кровеносных сосудов. К тому же наши тела совершенно невосприимчивы к инфекциям. Наш госпиталь — обычный сарай с деревянным столом, а из медицинских инструментов там есть только ножи, пилы и, конечно, нитки с иголками. Отсеченные конечности мы просто пришиваем, а если какая-нибудь часть тела ормолу слишком сильно повреждена и не годится для дальнейшего использования, мы ее отпиливаем, вот и все лечение.

— Да, для спасения несчастной Салли вашего медицинского оборудования маловато. — Джон на минуту задумался. — Постойте, вы же изготавливаете оружие? — Дождавшись кивка Стейджена–Стербена, Джон продолжал: — Выхо-

дит, у вас есть мастерские, а в них инструменты?

— Конечно, у нас довольно приличные станки и инструменты.

— Тогда поступим так: я сам изготовлю необходимое медицинское оборудование. Много времени это не займет. Парни, несите Салли в госпиталь.

Джон сдержал слово. Когда Чак и Джерри, надев резиновые перчатки, перенесли Салли из кабинки–рефрижератора в госпиталь, они попали в хорошо оборудованную современную операционную. Посреди комнаты сиял хромом и никелем многофункциональный операционный стол, над ним была прикреплена мощная голубая бестеневая лампа, у изголовья нетерпеливо булькал, пульсировал, трепетал восстановитель кровеносных сосудов, рядом посвистывал гистерезис–аннигилятор, в ногах тикал восстановитель нервных окончаний, на специальном столике аккуратными рядами были разложены блестящие инструменты, везде царила стерильная чистота и порядок.

— Для операции мне потребуется ассистент, — сказал Джон. — У кого-нибудь из вас, ребята, есть необходимая подготовка?

— У меня докторская степень по хирургиче-

ским операциям на открытом сердце, — сообщил Чак. — Надеюсь, для твоего ассистента достаточно?

— Сойдет. Будешь подавать инструменты. Ну а ты, Джерри?

— У меня лишь докторская степень по проктологии,[2] так что я лучше понаблюдаю.

Салли бережно уложили на операционный стол, и Джон приступил к операции. Вскоре нежное тело девушки уже не выглядело сосулькой, а еще через несколько минут Салли совсем оттаяла, но сердце, конечно, еще не билось, дыхания не было.

— Внутрисосудистый оксигенатор сейчас снабжает клетки ее мозга кислородом, — бесстрастно сообщил Джон, ловко работая руками. — Как вам, без сомнения, известно, при нарушении кровоснабжения более чем на две минуты в мозгу происходят необратимые изменения, и если даже пациент после этого выкарабкается, то свои дни он заканчивает в психушке. Дай Бог, чтобы Салли на Титане замерзла достаточно быстро, в противном случае после операции у нас на руках

---

[2] notes: 2

Проктология — (от греч. «proktos») — задний проход, раздел клинической медицины, изучающий болезни толстой (в том числе прямой) кишки. (*Прим. пер* .)

окажется прекрасная, но лишенная даже проблесков разума человеческая оболочка. А сейчас, ребята, отойдите, пожалуйста, назад, я подам на прикрепленные к грудной клетке Салли электроды двести тридцать вольт. Ток пройдет через ее сердечную мышцу, работа сердца восстановится, и Салли, как я надеюсь, вновь предстанет перед нами юная и полная жизни.

Щелкнул выключатель, мышцы Салли сократились, и она подпрыгнула на добрый фут. Грохнувшись обратно на операционный стол, она широко открыла глаза, сунула в рот палец, секунд десять пососала его и вдруг пронзительно заорала. Оба страстно любящих ее юноши задохнулись от наплыва эмоций.

— Оболочка…

— Не все потеряно, — пробормотал Джон, вселяя в их сердца надежду. — Возможно, она замерзла так сильно, что вместе с ней замерзли и ее воспоминания и ей кажется, что она все еще в плену у ненавистных титанцев.

— Салли, это мы, твои друзья, — с надеждой заговорил Джерри. — Ты в безопасности! Ты слышишь меня? Ты в полной безопасности!

Салли тупо огляделась, в глазах ее не было даже проблеска разума.

Глава 7. Великая победа оканчивается трагедией

— Спасибо, Джон, за попытку, — устало сказал Джерри.

— Да, Джон, — так же мрачно добавил Чак. — Ты сделал все, что в твоих силах, но, видимо, она замерзла недостаточно быстро. Теперь она до конца своих дней прекрасное растение.

— Растение? — зло воскликнула Салли. — О чем вы, черт возьми, толкуете? И что случилось с теми омерзительными титанцами, которые только что были здесь?

— Сработало! — закричали парни в унисон и принялись, незаметно смахивая с глаз скупые мужские слезы, обнимать друг друга и хлопать по плечам и спинам.

Когда первая радость улеглась, они, перебивая друг друга, в деталях рассказали Салли о последних событиях. Затем у всех возник один и тот же вопрос, и задал его самый смелый, Джерри:

— Почему ты открыла люк и пустила в самолет проклятых титанцев?

— Дурацкий вопрос! Они постучали три раза, а

вы сами велели мне открыть люк, если услышу три удара. — Салли презрительно фыркнула, и возражать ей приятели не рискнули. — В любом случае, все хорошо, что хорошо кончается. Если честно, я не жалею, что не видела большинства событий. Говорите, титанский король ласкал и гладил мое замороженное тело своими ужасными щупальцами? — Она обвела друзей тяжелым взглядом, и те смущенно опустили глаза. — Не думаю, что, будь я тогда в сознании, мне бы это понравилось. А теперь… Скоро мы отправимся на Землю?

— Сразу же, как только уничтожим всех мерзких плотоядных гарниши, — решительно сказал Джерри. — Кстати, я сфазирую сырит–излучатель только после того, как выясню, куда мы попали.

— Вы на Домите, четвертой планете проксима Центавра, — сообщил появившийся в дверях операционной Стейджен–Стербен. — После наступления темноты вы полюбуетесь нашим ближайшим соседом — двойной звездой альфа Центавра.

— Для лысого парня с четырьмя руками он чертовски хорошо изъясняется по–английски, — воскликнула Салли.

— Стейджен–Стербен к вашим услугам, дорогая

мисс Салли. Рад, что вы вновь в добром здравии. А теперь, когда жизнь очаровательной мисс Салли вне опасности, не расскажет ли мистер Джерри, как продвигается изготовление оружия, которое, по его словам, раз и навсегда уничтожит мерзких гарниши? Оружие готово?

— Будет готово, как только мы построим вакуумную камеру.

— А зачем вам вакуумная камера?

— Дело в том, что я придумал, как использовать сырит–излучатель в условиях атмосферы. Мы поместим его в переносную вакуумную камеру, и наше чудо транспортировки послужит оружием, с помощью которого с многовековой войной на вашей планете будет покончено раз и навсегда.

— Все наше оборудование, все наши руки в вашем распоряжении, — заверил их Стейджен–Стербен.

Пока Салли подбирала себе одежду вместо полностью пришедшего в негодность летнего платья, приятели принесли из «Плисантвильского орла» сырит–излучатель и смонтировали портативную вакуумную камеру. Вернее, делом занимались только Джерри и Джон, Чак же неожиданно замер и, уставясь в пустоту, впал в транс. Он мешал, стоя на пути, и приятели оттащили его в

угол. Прошло двадцать минут, секунда в секунду, глаза Чака приобрели осмысленное выражение, он повернулся к приятелям и самым серьезным тоном сказал:

— Как это ни досадно, но наш добродушный четырехрукий хозяин дурачит нас.

— О чем ты, Чак, дружище? — искренне удивился Джерри. — По–моему, старина С. С. ведет себя вполне порядочно.

— Тогда послушайте меня. Мы на четвертой планете проксима Центавра. Так?

— Так.

— А знаешь, как далеко эта планета от старушки Земли?

— На расстоянии четыре целых и три десятых световых года плюс–минус несколько тысяч миль.

— Верно. А теперь скажи, как давно построен плисантвильский госпиталь?

— Два года назад… Но… Конечно! Стейджен–Стербен водит нас за нос!

— Ребята, нельзя ли помедленней, — попросил Джон, — я за вами не успеваю.

— Обман очевиден: Стейджен–Стербен сказал, что знает о госпитале из радиопередачи, а радиоволны, как известно, распространяются

со скоростью света, таким образом, новость об открытии госпиталя прибудет сюда не раньше чем через два года.

— Признаюсь, я прибегнул к маленькому жульничеству, ха–ха–ха… — В дверях мастерской стоял Стейджен–Стербен собственной персоной и улыбался своей неизменной беззубой улыбкой. — Но, поверьте, я поступил так только во имя нашей межзвездной дружбы, и…

Американцы, сжав кулаки, двинулись на Стейджена–Стербена, и улыбка на его лице тотчас погасла.

— Ты обманул нас! — воскликнул Джерри. — Сознавайся! Ты читаешь наши мысли?

— Только самую малость, — сознался Стейджен–Стербен и, подняв все четыре ладони перед собой, отступил на шаг. — Пожалуйста, выслушайте меня! Мы, ормолу, от рождения воспринимаем простейшие ментальные сигналы, но, уверяю вас, только простейшие, и читаем лишь поверхностные мысли, но никак не затаенные. Из ваших мыслей я узнал, что существа с Луны, которую вы только что покинули, изучили ваш язык по радиопередачам, и… Признаю, это было глупо с моей стороны, но… Заглянув к вам в черепа, я понял, что чтение мыслей придется вам

не по вкусу, и… солгал. Обещаю, что больше не буду читать ваши мысли. Но солгал я исключительно ради благороднейшей цели — завоевания нашим народом свободы.

— Чего уж там, не будем сердиться на беднягу Стейджена–Стербена за его маленький обман. — Джерри разжал кулаки, и приятели последовали его примеру. — Нам, конечно, не нравится, когда в наших головах копаются посторонние. — Джерри повернулся к Стейджену–Стербену и погрозил ему пальцем: — Впредь не читай наши мысли без разрешения. Договорились?

Стейджен–Стербен непонимающе глядел на него.

— Почему ты грозишь мне пальцем? Перестав читать твои мысли, я перестал понимать, что ты говоришь.

— Стейджен–Стербен, ты честный лысик, — сказал Джерри, пожимая Стейджену–Стербену руку.

Чак и Джон тоже пожали ему руки, все одновременно, и при этом у ормолу еще одна рука осталась свободной. Джерри хлопнул себя по лбу и указал на недоуменно моргающего Стейджена–Стербена пальцем. Тот наконец-то понял и прочитал его мысли.

— Я несказанно счастлив, что мир между нами

восстановлен. — Он беззубо улыбнулся. — С этой минуты я буду читать ваши мысли только после того, как вы стукнете себя по голове. Тогда и ваши сокровенные мысли останутся в секрете, и общаться мы с вами сможем. А теперь скажите, обещанное вами оружие готово?

— Почти. — Чак махнул рукой на прибор. — Сырит–излучатель сфазирован, воздух из камеры, в которую он помещен, откачан. Сейчас выведу кнопки и ручки управления наружу, и приступим к испытаниям. — Он умело взялся за дело, искоса поглядывая на горную цепь за раскрытым окном, а через минуту воскликнул: — Закончил! При нажатии вот этой кнопки сработает сырит–излучатель. Ответственную миссию — первое испытание нового оружия — мы поручаем вам, наш четырехрукий, лысый, беззубый друг.

— Моя благодарность не поддается описанию. А что произойдет после того, как я нажму на кнопку?

— Нажимая кнопку, смотрите в окно. Сами все увидите.

Ормолу нажал на кнопку и моргнул:

— То ли у меня глаза не в порядке, то ли гора высотой в сорок пять тысяч футов бесследно исчезла.

— О наш друг, да вы наблюдательны! — Джерри довольно хихикнул. — Все объясняется весьма просто. После нажатия кнопки гора попала в каппа–излучение и переместилась в эль–измерение, а затем вновь появилась в нашем измерении, но уже в полутора тысячах миль отсюда, над центром океана. Бьюсь об заклад, местные рыбы были удивлены!

— А я бьюсь об заклад, что, оказавшись вдруг посреди океана, гарниши будут удивлены не меньше! — Ормолу заулыбался, но вдруг переменился в лице и бросился к двери.

— В чем дело? — крикнул ему вдогонку Чак.

— Неожиданное нападение! Гарниши приближаются. Их сотни, тысячи! — крикнул Стейджен–Стербен, не оборачиваясь.

— По–моему, парни, наше место сейчас на поле битвы! — воскликнул Джерри. — Давайте-ка поставим сырит–излучатель вон на ту тележку и отвезем его к стене.

Так друзья и сделали. Когда они пересекали внутренний двор, через распахнутые ворота в форт вбежала Салли. Ворота за ее спиной тотчас захлопнулись, и преследовавшие ее по пятам гарниши остались с носом.

— Слава Богу, я их вовремя заметила, — сообщи-

ла Салли, тяжело дыша. — Всю дорогу от самолета пробежала единым духом. Ну, что скажете, как я выгляжу?

Она кокетливо повернулась. В шортах и цветастой блузке, скроенных на скорую руку из футбольной формы, выглядела она неотразимо, но друзья, даже не взглянув на нее, пробежали мимо.

— Только о себе и думают, на столь важный вопрос не ответили! — Салли раздосадованно топнула ножкой. — А, что с них возьмешь? Одно слово — мужчины!

Друзья подкатили тележку к стене, перетащили сырит–излучатель к бойнице. Из-за холмов уже выкатилось более сотни бронированных повозок и прибывали все новые. Пока американцы настраивали прибор, ормолу не на жизнь, а на смерть дрались с превосходящими силами противника. У соседней бойницы вовсю работал магнитный бомбомет. Ормолу один за другим заряжали в казенную часть ядра из смеси застывшего дегтя и кусков железа, а перед самым выстрелом втыкали горящий запал. В стволе было множество электромагнитов, которые, включаясь последовательно, притягивали металлические части ядра. Ядро с чудовищной

скоростью выскакивало из жерла бомбомета. Пролетев несколько сотен футов и ударившись о землю, оно ослепительно вспыхивало, смертоносным дождем разлеталось в разные стороны железное крошево.

Использовали ормолу против гарниши и другое оружие. Например, катапульты. С полдюжины физически сильных солдат оттягивали V–образную стрелу, прикрепленную к станине резиноподобным материалом. На конце стрелы в кожаное седло устанавливалась здоровенная бомба с зажженным запалом. Солдаты разжимали руки, и бомба летела в стан врага. Кроме столь экзотического вооружения, у ормолу были и очень похожие на земные пушки и винтовки, которые также несли смерть врагу. А враг подступал все ближе и ближе…

— Готово! — воскликнул Джерри.

— Поспешите! — закричал ближайший артиллерист. — Гарниши у ворот, если к ним подоспеет подкрепление, мы покойники.

— Не подоспеет, — пробормотал Джерри, нажимая кнопку.

В то же мгновение исчез целый батальон атакующих повозок: на песке виднелись следы шин, в воздухе кружились клубы пыли, а сами повоз-

ки растаяли! У обороняющихся вырвался крик восторга.

— Во плеснуло — даже здесь слышно, — пошутил Джерри, и приятели дружно рассмеялись.

Остальных нападавших постигла та же участь, и битва была выиграна за одну минуту. Оказалось, что топливо в баках повозок гарниши по химическому составу весьма схоже с авиационным горючим. Опьяненные победой друзья погрузили сырит–излучатель на борт «Плисантвильского орла», быстренько заделали дыру в крыле, заправили баки трофейным горючим и подняли самолет в воздух.

— Летим туда! — Стейджен–Стербен, взяв на себя роль гида, ткнул пальцем на север. — Мне кажется, стоит поднять ваш замечательный корабль над облаками, чтобы его не сбили проклятые гарниши. — Он взглянул в иллюминатор и, увидев внизу облака, довольно кивнул: — Я сейчас в прямом телепатическом контакте с нашими наблюдателями на линии фронта, которые сообщают о том, что там происходит. Скоро мы окажемся над позициями врага. — Он выждал с десяток секунд. — Приготовьтесь! Форт, что прямо под нами, две тысячи лет назад остановил продвижение наших войск… Давайте! — Стей-

джен–Стербен завороженно переводил взгляд с пальца Джерри, нажимающего кнопку сырит–излучателя, на иллюминатор и обратно. — Ура! Нет больше ненавистного форта!.. Если вы готовы, под нами сорокатысячная армия гарниши, сконцентрированная здесь для наступления... Давайте! Жмите!

Так и пошло. Стейджен–Стербен указывал на сосредоточение врага, а Джерри жал на кнопку. Через несколько часов такой работы у Джерри распух указательный палец, и за сырит–излучатель уселся Чак. К вечеру была уничтожена почти вся армия врага, и длившаяся десять тысяч лет война была победоносно выиграна ормолу. В баках «Боинга» оставалось совсем немного топлива, и приятели повернули назад. Утомленный Стейджен–Стербен мысленно связался с базой и, сообщив, что там их ждут всеобщее ликование и банкет, отбыл осматривать туалетное оборудование самолета.

— Сомневаюсь, что переживу еще один такой банкет, — прошептал Джон.

— Я тоже, — согласился Джерри.

— Да–а-а, тяжелое мероприятие, — пробормотал Чак. — Особенно после почти двух суток без еды и сна.

— Что правда, то правда, — подтвердил Джерри. — Последние дни нам было не до того. Как только вернемся в форт, попросим Салли, и она нам что-нибудь быстренько приготовит.

— Интересно, из чего? — поинтересовался голодный Джон. — Мы едой не запаслись, а у ормолу из пищи — только трава.

— Не беспокойся, — уверенно заявил Джерри. — Салли — молодчина, что-нибудь да придумает. К тому же она первоклассный повар.

Самолет приземлился перед самым заходом солнца, и приятели поспешили в форт.

— Стейджен–Стербен, мы удалимся на некоторое время, посмотрим, как там без нас Салли, — бросил Джерри. — Увидимся за праздничным столом.

— Конечно, конечно, но не задерживайтесь, вас с нетерпением ждут. Ведь сегодняшняя победа — величайшее событие за последние десять тысяч лет истории нашего народа. Ваши славные имена будут известны всем нашим потомкам, о ваших беспримерных подвигах будут сложены легенды.

— Да бросьте вы, — сказал Джерри, а Чак и Джон согласно закивали. — Мы простые американские парни, всегда помогаем друзьям. Но не ради почестей или наград! Нет, сэр! Такой уж у

нас характер!

И друзья с гордо поднятыми головами устало прошли через зал для торжественных приемов и открыли дверь смежной комнаты, где, как они знали, их с нетерпением ожидает очаровательная Салли.

— Салли! — позвал Чак.

Ответом был сдавленный крик. В дверях друзья несколько замешкались, выясняя, кто пойдет первым. Вбежав в комнату одновременно, они увидели леденящую душу картину: в полу открыт секретный люк, и безобразные щупальца увлекают туда вопящую девушку, которую по крайней мере двое из них любили. Друзья кинулись к люку, но тот перед самым их носом захлопнулся. Ругаясь и толкаясь, они тянули неподатливый металл, но безрезультатно. За этим занятием их и застал Стейджен–Стербен.

— Я услышал ваши отчаянные крики и тотчас пришел.

— Салли… — Чак судорожно глотнул. — Проклятая тварь утащила ее. Помогите открыть люк, мы мигом догоним гнусного похитителя и спасем нашу любимую.

Стейджен–Стербен, наморщив лоб, задумался. Через минуту, тяжело вздохнув, положил ладони

на плечи всем троим друзьям, свободной же рукой махнул в отчаянии.

— Как ни прискорбно, ваши усилия напрасны, — печально заявил он.

— Почему?!

— Мы спасем ее!

— Мы откроем люк и…

— Люк-то вы, может, и откроете, но девушку уже не спасете. — В голосе Стейджена–Стербена явственно звучала скорбь. — Слишком поздно. Я непрерывно поддерживал с ней телепатический контакт, намереваясь помочь вам в преследовании, но… Ее мысли внезапно оборвались.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что?..

— Как ни печально, но это именно так. Если бедное дитя не мыслит, то она мертва.

Глава 8. Страшная тайна раскрыта

В комнате надолго воцарилась гробовая тишина. Понимая чувства друзей, Стейджен–Стербен на цыпочках прокрался к двери и удалился.

— Она была отличной девчонкой, — наконец промолвил Чак.

— Лучше во всей Вселенной не сыщешь. — Джерри тяжело вздохнул.

— Давайте заправим самолет и поскорее отправимся домой, — предложил Чак.

— Хорошая идея, — поддержал приятеля Джерри.

И они ушли, а Джон, не без основания предположив, что им хочется побыть наедине, остался. Хотя знаком он с девушкой был всего два дня, но и для него потеря оказалась чрезвычайно болезненной. Погрузившись в невеселые думы, Джон принялся мерить комнату шагами и, проходя мимо запертого люка, в сердцах пнул его ногой. Люк неожиданно открылся. Джон отскочил назад.

Что бы это значило? Опасность? Весьма вероятно. Но, невзирая на риск, лаз необходимо исследовать. А если его там поджидает скопище омерзительных гарниши? Что ж, тем лучше!

Прежде чем до него доберутся, он прикончит столько, сколько сможет.

Вспомнив, что в соседней комнате арсенал, Джон поспешил туда. Вернувшись с тяжелым мечом в руке, подкрался к зияющей в полу дыре и недолго думая нырнул в темноту. Приземлился на полусогнутых. Выпрямился, и тут же сильнейший удар по темечку отправил его в небытие.

Как долго пробыл Джон без сознания, неизвестно. Очнулся он в кромешной тьме, голова от боли раскалывалась на части. В воздухе стояло омерзительное зловоние, и Джон сразу сообразил, что угодил в щупальца ненавистных гарниши. Кто же еще, кроме них, так омерзительно воняет?! Они вокруг, совсем близко, невидимые подкрадываются к нему. Почувствовав прикосновение к лицу скользкого щупальца, Джон, не раздумывая, выбросил вперед сжатый кулак. Кулак угодил во что-то твердое, раздался пронзительный, похожий на девичий крик.

Вспыхнул свет. Самые худшие опасения Джона подтвердились: его окружали проклятые гарниши! Но не только они. Рядом стояла и потирала ушибленный глаз Салли Гудфеллау. Это она, оказывается, погладила его по щеке, а в ответ получила кулаком.

— Так ты… ты жива?! — выдавил Джон.

— Как видишь, но вовсе не благодаря твоим стараниям. Почему ты пытался убить меня?

— Я думал, это монстр.

— Я — монстр?

— Мы были уверены, что тебя нет в живых. Стейджен–Стербен так нам сказал.

— Поганец С. С. наврал вам с три короба, а вы, простачки, и развесили уши. Теперь слушай правду…

— Нет, ты слушай. Я только что обнаружил под собой свой меч. Как только сосчитаю до трех, прыгай в сторону, а я уложу всех этих уродов. Раз, два…

— Нет, нет, подожди, выслушай меня.

Салли быстро подскочила к нему и схватила ручку меча, да так крепко, что, как Джон ни силился, вытащить его из-под себя он не смог, а подоспевшие гарниши в секунду обезоружили его.

— Ты… Ты… предатель человеческого рода и заслуживаешь…

— Я сказала слушай, а не надрывай понапрасну глотку.

— Вы намирини раськазить иму все? — заметно смущаясь, спросил гарниши с лампой в щупаль-

це. Смущался он, видимо, оттого, что рот у него находился между ногами, как раз там, где у уважающего себя человека находится известно что.

— Я расскажу ему, Слаг–Тогат, но пусть твои ребята держат его покрепче. Одного «фонаря» на сегодня мне более чем достаточно.

— Почему ты?..

— Заткнись и слушай. Стейджен–Стербен и его дружки не более чем стадо баранов, которые вот уже десять тысяч лет пытаются отнять планету у ее законных владельцев, гарниши.

— И кто тебе скормил подобный бред?

— Я, юноша, — ответил Слаг–Тогат. — Будь добр, выслушай умную леди и впредь не перебивай ее, а иначе мы завяжем тебе рот грязной вонючей тряпкой.

— Как скажешь, — сказал Джон, с трудом подавляя неприязнь. — Но, по–моему, твои манеры, не говоря уж о запахе, оставляют желать лучшего, а твой английский безобразен. Язык ты, наверно, выучил по радио?

— Так уж случилось, что именно по радио. Наши чувствительные радиоприемники вот уже годы принимают ваши передачи. Такие, например, как «Сиротка Анна», Би–би–си, «Маяк», «Независимая радиокомпания Трансильвании»,

«Олененок Роджер» и другие. Мы посылали вам по радио послания, но ответа не получили, видимо, всему виной помехи ваших передатчиков.

Понимая, что ему попросту морочат голову, Джон, насколько позволяли держащие его щупальца, расслабился и принялся слушать Салли.

— Прежде всего, — сказала она, — что бы ни говорили ормолу, они непрерывно копались в наших мозгах. Гарниши огрели тебя по голове и на время отключили твое сознание, чтобы враги решили, что ты убит. Пока ты был в отключке, на твою голову, как прежде на мою, гарниши надели мозговой щит, и теперь наши мысли невозможно прочитать. Вот, посмотри. — Салли подошла к свету и наклонила голову. Джон заметил у нее на затылке напоминающую ермолку шапочку из золотых проводов и, пощупав собственную голову, обнаружил точно такую же. — Как только мои мысли были экранированы, Слаг–Тогат рассказал мне со всеми мрачными подробностями историю своей планеты. Эволюция на Домите породила лишь один вид разумных существ — гарниши. Раса гарниши на миллионы лет старше человечества, и они намного обогнали нас в науках, искусствах и прочем. Государство у них истинно демократическое, каждый штат

прямым голосованием избирает главу. Слаг–Тогат — премьер–министр единого всепланетного государства. У гарниши есть двухпалатный парламент, Верховный и Конституционный суды, прогрессирующий подоходный налог и прочие атрибуты истинной демократии. Многие века Домит был раем в нашем понимании, но десять тысяч лет назад на планету явились лортонои и начали захватническую войну.

— Явились кто?

— Лортонои.

— А, понятно. Так и думал, что ты вспомнишь о лортонои. Хотя мне казалось, что гарниши воюют с ормолу.

— Ормолу — всего лишь прирученные животные, домашний скот вроде наших коров. Лортонои используют их в своих дьявольских целях, подчинив своей воле их разум.

— Да, такая версия дает логичное объяснение их вегетарианской диете… Постой, но мы же своими глазами видели фильм о зверствах гарниши.

— А, фильм… — вступил Слаг–Тогат. — Его действительно много лет назад отсняли гарниши. Тот фильм — учебное пособие для школы мясников, в нем наглядно показано, как разделывать туши ормолу на отбивные, бифштексы и прочее.

А теперь молчи и слушай юную леди.

— Спасибо, Слаг–Тогат. — Салли благодарно кивнула. — Так на чем я остановилась? Ах, да… Десять тысяч лет назад на Домит прилетели лортонои и сразу же попытались использовать разум гарниши, сделать их своими рабами. Дело в том, что собственной науки лортонои не создали, а пользуются передовыми технологиями порабощенных ими рас, так же как и их руками и разумом. Гарниши бесстрашно вступили с агрессорами в схватку, их невоспетые пока гении изобрели мозговые щиты, и теперь все гарниши с самого рождения носят их.

— Гарниши носят мозговые щиты? — удивился Джон. — Интересно, как это у них получается, ведь у гарниши нет голов и в помине.

— Гарниши прикрывают экраном мозги, а мозг у них находится не в голове, как у нас, а в левой ноге. — Салли одарила Джона снисходительной улыбкой, какой взрослые обычно одаривают ребенка–идиота. Джон оглядел гарниши. Действительно, на левой ноге каждого красовался мозговой щит. — Защитив мозг, гарниши нанесли сокрушительный ответный удар и непременно покарали бы захватчиков, но те в своем секретном штабе, быстро сориентировавшись, взяли

под ментальный контроль всех ормолу. Ормолу обычно миролюбивы, разум у них, как у овец, но ими на расстоянии управляли нечестивые лортонои. Подчиняясь приказам агрессоров, ормолу убили многих ковбоев и фермеров, вырвались из загонов и со скотных дворов и ринулись в города. Там они объединились в армии и теперь либо бьются с прежними хозяевами, либо, не разгибая спин, работают на захваченных фабриках и заводах.

Несколько минут Джон переваривал полученную информацию, а переварив, принял историческое решение.

— Все, что ты, Салли, сказала, звучит весьма правдоподобно. Мне и самому показалось, что ормолу ненавязчиво выведывают у нас секрет сырит–излучателя… И тогда выходит, что Чаку и Джерри грозит смертельная опасность!.. Но, видишь ли, я не верю, уж извини, как ты, всему на слово и, прежде чем ввяжусь в заварушку на стороне гарниши, должен иметь неопровержимые доказательства их версии. Одно дело убедить бесхитростную симпатичную девчушку, совсем другое…

— Бесхитростную симпатичную девчушку?! Ну спасибо, удружил! Да если хочешь знать, недавно

мне присвоили степень бакалавра, а специализируюсь я в столь сложной и запутанной науке, как международная экономика!

— …совсем другое — человека с моей подготовкой в таких отраслях знаний, как разведка и контрразведка, стратегия и тактика, хирургия мозга, ректоскопия, коды и шифры, и многих других. К тому же я знаток всех кухонь мира и беспощадный убийца!

Слаг–Тогат махал щупальцами все быстрей и быстрей.

— Как, по–твоему, товарищ, взмахи щупальцами сойдут за согласие?.. Или, может, вас называть мистером?

— Друзья зовут меня просто Джон… Но только друзья.

— Мы отчаянно желаем твоей дружбы, вскоре называемый Джон. Пойдем, я продемонстрирую тебе неопровержимые доказательства.

Последовав за Слаг–Тогатом по лабиринту туннелей, Джон оказался в тускло освещенной комнатенке со стеклянной стеной.

— Пожалуйста, тише, — предостерег его Слаг–Тогат. — Нас могут услышать, но не увидеть: стекло прозрачно лишь в одну сторону. Взгляни, там несколько ормолу, недавно взятых нами в

плен.

Джон взглянул, и от увиденного у него отвисла челюсть. Ормолу либо бесцельно бродили по вольеру бессмысленными взглядами, либо ели траву из кормушек, стоя на всех шести конечностях. Вдруг ближайший ормолу замычал, остальные подхватили — по звукам ни дать ни взять ферма где-нибудь на Дальнем Западе перед вечерней дойкой.

— Что это с ними? — недоуменно спросил Джон.

— Смотри внимательней. — Слаг–Тогат махнул сразу несколькими щупальцами. — На каждом — экран, так что лортонои их мозгами не управляют. А сейчас ты станешь свидетелем небольшого эксперимента: с одного из наших пленников мы снимем мозговой щит. Укажи, какой тебе больше приглянулся.

— Твои слова мне все больше кажутся похожими на правду. Хорошо, пусть будет вон тот, у кормушки. — Джон ткнул пальцем в стекло.

Из-под потолка опустилась металлическая рука, ловкие захваты подцепили щит и молниеносно сняли его с головы выбранного Джоном ормолу. Ормолу в ту же секунду поднялся на ноги, выплюнул траву, огляделся. Его прежде

бессмысленные глаза сияли дьявольским огнем. В дальнем конце вольера стояла подставка с мечами. Ормолу одним прыжком оказался рядом и схватил самый большой меч.

— Положи меч и сдавайся, — обратился к нему Слаг–Тогат. — Если не сдашься, мы приведем в негодность тело ормолу, которым ты сейчас овладел.

— Что мне за дело до коровьей туши?! — вскричало чудовище и, подняв меч, кинулось к стеклянной стене. — Я лортонои, и вам, гарниши, меня не убить. Но вот вас я убить могу и не остановлюсь, пока не уничтожу всех до единого…

— Достаточно, — сказал Слаг–Тогат.

Тут же из-под потолка вновь спустилась металлическая рука и проворно накинула на голову ормолу мозговой щит. Ормолу выронил из «руки» меч, опустился на все шесть, громко мыча, вернулся к кормушке и вновь набил рот травой.

Джон видел достаточно и теперь верил каждому слову Слаг–Тогата.

— Слаг–Тогат, ты убедил меня, я увидел вполне достаточно. Пожмем же в знак примирения руки. — И они пожали руки, вернее, щупальце пожало руку, а рука — щупальце. — С этой минуты мы союзники. Собирай скорее свою команду,

и мы покажем проклятым ормолу и лортонои где раки зимуют!

— Главное достоинство храбрости — осторожность, — прозрачно намекнул Слаг–Тогат. — Начнем с самого важного сейчас — захватим сырит–излучатель. Ты знаешь, как он выглядит и где находится. Поэтому сделаем так: мы отвлечем ормолу, выскочив из туннелей и дав бой в форте, ты же доберешься до «Плисантвильского орла», схватишь излучатель и назад. У нас только одна попытка, так что не упусти эту возможность.

— Одна попытка? Почему? Ведь даже если я погибну, вы…

— Вы, земляне, за день уничтожили девяносто девять и девять десятых процента гарниши. Все наши уцелевшие воины сейчас здесь, в туннелях, готовятся к атаке, в домах остались только калеки и дети.

— Мне очень жаль, что так получилось.

— Нам жаль гораздо больше, но что сделано, то сделано. К тому же для нас еще не все потеряно, и если мы победим ненавистных лортонои, то численность нашей расы через тысячу лет восстановится. А сейчас за работу! Снаружи уже достаточно стемнело, мы проведем тебя через лабиринт туннелей к лазу, который выходит на

поверхность рядом с вашей летающей повозкой. Помни: на твоей голове мозговой щит и для лортонои ты невидим, но, если тебя заметит один из их рабов, в охоту на тебя включатся все ормолу до единого. Так что не зевай, смело входи в штрафную площадку и бей в девятку!

— Ты, наверно, часто слушал по радио футбольные репортажи?

— Слишком часто. Пошли же! Да, чуть не забыл. Возьми два мозговых щита для своих друзей и сунь в карман вот этот радиопередатчик, а как только излучатель окажется у тебя, нажми кнопку с надписью «Apritzxer», что по–английски приблизительно означает «Все в полном порядке».

— Я не могу прочитать ваши каракули.

— Досадно. Тогда запомни: нужная тебе кнопка красного цвета.

— Запомнил. Пошли.

— Удачи! — закричала Салли. — Помни: судьба мира, а возможно, и всей Вселенной в твоих руках! Не подкачай!

Горячо пожав руку девушке, Джон пошел за Слаг–Тогатом. На своих толстых, с виду неуклюжих ногах–колоннах гарниши двигались удивительно проворно, и Джон едва за ними

поспевал. Наконец туннель кончился глухой стеной.

— Потушите свет, — распорядился Слаг–Тогат, — мы прибыли. Между нами и поверхностью только фут почвы. Мои воины в минуту выкопают дыру и помогут тебе выбраться. Помни: ты наша последняя надежда!

Солдаты–гарниши сноровисто заработали лопатками, с шумом посыпались песок и куски глины, наверху появилась и быстро расширилась дыра, в которую были видны звезды на безоблачном ночном небе. Сильные щупальца подсадили Джона, и он вылез на поверхность. Осмотрелся. Он находился в неглубоком овраге. Осторожно поднявшись на ноги, Джон высунулся над краем оврага. Невдалеке светился огнями форт, рядом стоял «Плисантвильский орел». Джон пополз к самолету, укрываясь за любым бугорком, за любым холмиком. Он полз и улыбался. То-то обрадуются друзья, узнав, что Салли жива! Ему обеспечен самый теплый прием! Оказавшись у люка самолета, Джон огляделся. Вокруг ни души. Джон молниеносно поднялся по трапу и заспешил через салон к пилотской кабине. Дверь кабины распахнулась, навстречу вышел Чак с сырит–излучателем под мышкой.

— Чак! — радостно закричал Джон. — У меня такие новости!.. Да положи ты излучатель, а то, чего доброго, уронишь и разобьешь.

— Да, — равнодушно сказал Чак, кладя излучатель на пол.

Бедняга, видно, еще не оправился после известия о гибели Салли. То-то сейчас удивится!

— А теперь слушай, парень. Новость касается Сал... — Джон не договорил, увидев перекошенное гримасой злобы лицо Чака, а в руках его автомат. — Эй, ты что? Чак, что с тобой?

— Со мной все о'кей, а тебя, грязная инопланетная свинья, я сейчас прикончу!

На Джона уставилось черное дуло автомата. В следующую секунду грянул оглушительный выстрел, и Джон провалился в пустоту.

Глава 9. Последняя битва… а может, и не последняя

Джон медленно приходил в себя. Голова болела так, будто ее вдребезги разнесли гигантским молотом, а потом кое-как склеили, перепутав кусочки. Какое-то время Джон лежал абсолютно неподвижно. Наконец с величайшим трудом он открыл левый глаз, затем правый. Над ним был потолок салона самолета. Выходило, что лежит он в проходе лицом вверх. Поколебавшись, Джон негнущимися пальцами притронулся к затылку. От прикосновения голова заболела еще сильней. Джон поднес пальцы к лицу. Кровь. «Видимо, застрелен наповал!» — подумал он, но, поразмыслив малость, сообразил, что жив и даже не парализован. Значит, по крайней мере одна пуля пропахала по его черепу, содрав кусок кожи и оглушив его. Джон еще раз осторожно коснулся затылка. Точно, пулевого отверстия нет, и кость вроде цела…

Пуля! Джон вдруг вспомнил последние события во всех подробностях. По непонятным причинам Чак выстрелил в него и, прихватив сырит–из-

лучатель, убежал. Застонав, Джон вытащил из кармана передатчик. Красная кнопка означала, что у него все в порядке, поэтому он принялся нажимать подряд на все остальные, сигнализируя, что операция провалилась.

Внезапно он осознал, что давно уже слышит леденящий душу скрип и гортанный вой. В ту же секунду, забыв о боли в голове, Джон оказался на ногах; тело само собой приняло защитную стойку дзюдо, глаза напряженно высматривали опасность. Жуткая какофония неслась из пилотской кабины, и Джон, по–боксерски прикрывая кулаками нижнюю челюсть, на цыпочках подошел к распахнутой двери. Заглянув внутрь, он непроизвольно открыл рот и на минуту даже позабыл о защите.

Удивиться действительно было чему: посреди кабины на спине лежал Джерри Кортени и извивался, как змея, глаза его были закрыты, кулаки сжаты, из глотки вырывался собачий вой. Целую минуту Джон в недоумении смотрел на друга, пока наконец в извилинах его травмированного мозга не зародилась догадка.

— Лортонои! Вот кто виноват!

Вытащив из кармана мозговой щит, Джон склонился над Джерри и, изловчившись, надел

на голову друга хитроумный прибор гарниши. Результат превзошел самые смелые ожидания: Джерри мгновенно прекратил корчиться и выть, его тело расслабилось, взгляд приобрел осмысленное выражение, на посиневших губах заиграла улыбка.

— О–о-о! — выдохнул он. — Наконец-то кошмар кончился.

— Кто-то забрался тебе под черепушку и пытался овладеть разумом? — поинтересовался Джон.

— А котелок у тебя, братишка, как я погляжу, варит. Коварные ментальные щупальца страшной внеземной формы жизни пытались подчинить себе мое тело, но я вступил с ними в бой. Это была битва, скажу я тебе! Выкинуть их из башки я не мог, но и им меня было не одолеть. Тогда они заставили меня лечь на пол и закрыть глаза. Я подчинился, но продолжал борьбу. Прошла вечность, и вдруг их атака кончилась, я снова оказался свободен!

— Это я надел тебе на голову мозговой щит. Теперь они до тебя нипочем не доберутся.

— Очень любезно, Джон, с твоей стороны. Кстати, не скажешь ли, где ты раздобыл эту самую штуковину — мозговой щит?

— Это длинная история, и вначале я…

— Смерть чужакам! — закричал вдруг Джерри, вскакивая на ноги. — Да здравствует звездно–полосатый!

Схватив сварочную горелку, он ловко зажег ее и бросился на входящих в кабину гарниши. Когда он пробегал мимо, Джон нанес ему подряд два каратистских удара: один — по запястью правой руки, другой — по почкам. Горелка выпала из ослабевших пальцев Джерри, а сам он растянулся на полу.

— Предатель! — взревел он с ненавистью.

Джон нагнулся, выключил горелку, затем двумя легкими ударами парализовал тянувшиеся к его горлу руки приятеля и, получив таким образом возможность говорить без помех, приступил к объяснению:

— История, которую я попытаюсь тебе рассказать, длинная и запутанная, но, по крайней мере частично, счастливая. Вон, гляди, кто пришел оказать тебе первую помощь.

— Салли! Снова живая!!! — заорал Джерри, увидев проталкивающуюся сквозь толпу гарниши девушку. — Вот уж чудо так чудо!

Салли нежно обняла Джерри, и они поцеловались. Джон к этому времени был, как и его приятели, по уши влюблен в прелестную девуш-

ку. Одолев приступ ревности, он отвел взгляд и встретился глазами со Слаг–Тогатом, который привел своих пахучих соплеменников в самолет.

— Полагаю, произошло следующее, — сообщил Джон премьер–министру. — Перестав улавливать мысли мои и Салли, лортонои насторожились, а поразмыслив малость, наделали в штаны и решили, пока не поздно, рвать когти.

— А какое отношение к делу имеют штаны и когти? — удивился Слаг–Тогат.

— Будь добр, заткнись и выслушай меня. Испугавшись, что их темные замыслы раскрыты, лортонои мысленно напали на Джерри и Чака. Джерри боролся всеми фибрами души, и им удалось лишь уложить его на пол, выключив таким образом на время из игры. Не знаю уж как, но разумом Чака они овладели. Подчиняясь их гнусным приказам, он схватил сырит–излучатель и бежал. При моем появлении Чаку велели стрелять, и он выстрелил. Чак — отличный стрелок, и с трех метров промазать никак не мог. Но я жив, следовательно, он не полностью потерял контроль над своим мозгом и пустил пулю выше. — Потрогав затылок, Джон поморщился. — Увидев, что я упал, он убежал с излучателем. У меня теперь к вам вопрос, вы уж извините. Долго

мы будем еще стоять и чесать языками? Когда наконец отправимся на выручку Чаку?

Слаг–Тогат тут же подал щупальцем знак и принялся выкрикивать в рацию, которую держал двумя щупальцами, непонятные приказы на своем инопланетном каркающем языке, а его команда, грохоча ножищами, бросилась к выходу.

— Атака начата, — повернувшись, сообщил премьер–министр приятелям по–английски. — Мы бросили все оставшиеся у нас силы на штурм форта. Молитесь Великому Какодилиу, чтобы мы взяли форт, прежде чем прибудет подкрепление ормолу.

— Позвольте мне пожать ваше мужественное щупальце, — воскликнул Джерри, полностью оправившийся после атаки коварных лортонои на его мозг и последовавшей затем беседы с Джоном. — Салли мне все рассказала, и я рад, что воюю теперь на правой стороне. Я, конечно, сожалею, что так получилось… Ну, вы понимаете… Мы, не разобравшись, уничтожили почти всю вашу древнюю благородную расу…

— Чего уж там, будем считать это превратностями войны. — Рация в щупальце Слаг–Тогата заблеяла и закаркала. — А, вот и сообщение! Атака идет успешно, стены в десятках мест пробиты,

наши внутри форта, хотя, конечно, имеются потери с обеих сторон. Подождите! Что это?.. Передовой отряд докладывает, что обнаружил неизвестную, по виду крайне омерзительную жизненную форму… Должно быть, речь идет о вашем друге Чаке, если не ошибаюсь… Наши преследуют его… Он совсем близко… Он бежал! — Слаг–Тогат ткнул дрожащими щупальцами в иллюминатор. — Он улетает!

Земляне бросились к иллюминатору. Их взорам предстало поле битвы. Половина форта лежит в руинах, другая половина объята пламенем, вокруг обломки военной техники, повсюду тела — союзников и врагов вперемежку. Из руин медленно поднимается летательный аппарат — паровой махолет, из труб хлещут клубы дыма, по сторонам черного обтекаемого корпуса бьются четыре пары огромных серых крыльев. Странный аппарат снизу освещают яркие лучи прожекторов гарниши, вокруг него рвутся снаряды, но он, чудом уцелев, набирает высоту и с нарастающей скоростью устремляется к горизонту.

— Всем занять кресла и пристегнуться ремнями! — закричал Джерри, садясь в кресло пилота. — Мы его догоним.

Едва все расселись, как взвыли турбины, и

огромный «семьсот сорок седьмой», пробежав по песку, взмыл в воздух.

— Вижу махолет на экране радара, — доложил Джон. — Похоже, он держит курс точно на север.

— Этого я и опасался, — мрачно пробормотал Слаг–Тогат, но разъяснений не дал.

— Мы его быстро догоним, — уверенно заявил Джерри. — Махолету не по силам тягаться в скорости с нашей «малюткой» — «Боингом».

Но предсказанию Джерри не суждено было сбыться. Как только махолет набрал необходимую высоту и скорость, взвыли встроенные в его корпус прямоточные воздушно–реактивные двигатели, крылья отвалились, и он понесся на север со скоростью около десяти махов.[3] «Семьсот сорок седьмой» продолжал преследование на полной скорости, но чужое воздушное судно догнать не мог, и постепенно оно переместилось на самый край радарного экрана.

— Рано или поздно он приземлится, — мрачно заметил Джерри, — тогда-то мы его, голубчика, и схватим.

Гонка продолжалась. Рассвело, и махолет темным пятнышком виднелся на фоне вечных

---

[3] notes: 3
Мах — скорость звука. (*Прим. пер.*)

снегов, над которыми теперь пролетал «Боинг».

— Какого черта его понесло на Северный полюс? — задумчиво пробормотал Джерри. — Разве там кто-нибудь живет?

— Считается, что нет, — ответил Слаг–Тогат. — Но на этот счет у нас есть некоторые сомнения. Многие столетия мы искали секретную базу, откуда лортонои посылают свои мысленные приказы. Мы прочесали один регион планеты за другим и теперь понимаем, что, как говорят у вас, нас все эти годы морочили за нос…

— Морочили голову, — поправил гарниши Джерри. — У нас говорят: морочили голову или водили за нос.

— Многие годы нам водили голову…

— Водили за нос или морочили…

— Молодой человек, может, я закончу свой рассказ, а урок грамматики вашего проклятого языка мы отложим до лучших времен? — раздраженно перебил землянина Слаг–Тогат, несомненно вымотанный событиями последних часов и раздосадованный истреблением большей части его древней расы. — Лет пятьдесят назад мы пришли к заключению, что база лортонои находится вблизи Северного полюса, где-то в районе потухшего вулкана Маунт Криско, и уже начали приготов-

ления к секретной атаке на штаб врага, но…

— Аппарат врага уменьшил скорость и начал снижение, — закричал Джон, наблюдающий за экраном радара. — Похоже, он направляется к той большущей горе, которая очень смахивает на потухший вулкан.

— Маунт Криско, — горестно сообщил Слаг–Тогат. — Как мы и подозревали.

— Он разобьется! — закричала Салли, видя, что реактивный махолет летит прямо на гору.

— Если бы… — Слаг–Тогат тяжело вздохнул. — Если бы летательный аппарат врезался в гору и взорвался, то излучатель не попал бы лортонои в руки… Хотя неизвестно, есть ли у проклятых тварей руки… Нет, о столь счастливом конце и мечтать не приходится.

— Но там же Чак! — возмутилась Салли.

— Понимаю, гибель вашего товарища причинила бы вам горе, но ваше горе было бы ничем по сравнению с моим горем, горем гарниши, потерявшего в один день всех своих близких и друзей… Но не волнуйтесь, он не разобьется.

И правда, за секунду до столкновения огромная плита в склоне вулкана отошла в сторону, и реактивный махолет влетел в открывшийся провал. «Семьсот сорок седьмой» попытался последовать

за ним, но секретный вход закрылся, и Джерри избежал столкновения, лишь заложив в последнюю секунду крутой вираж.

— Посажу самолет вон на том ледяном поле, — сказал он. — Мы проникнем в берлогу врага и вызволим Чака.

Меж тем Салли, чья красота несколько пострадала во время последнего похищения, решила привести свою внешность в порядок. Для начала она достала из сумочки расческу и недолго думая сняла с головы мозговой щит. Через мгновение она изменилась до неузнаваемости: лицо искажено злобной гримасой, рот перекошен дьявольской ухмылкой, пальцы сгибаются и разгибаются, точно когти разгневанной кошки. Бочком, бочком она пересекла кабину и схватила автомат.

— Вам всем крышка! — заорала она, щелкнув предохранителем. — Полюбуйтесь: в моих руках ваша смерть. Смотрите, смотрите, а я, прежде чем нажму на курок и проклятый самолет со всеми вами на борту врежется в ледяную арктическую пустыню, наслажусь вашим ужасом.

— Салли! — закричал Джерри, переключая управление самолетом на автопилот. — Ты с ума сошла?

— К сожалению, нет. — Слаг–Тогат вытянул щупальце и придержал Джерри. — Ваша подруга, должно быть, потеряла мозговой щит, и теперь с нами говорит не она, а лортонои, по голосу — один из моих старых недругов. Немало попортил он мне крови–сока.

— Весьма верно замечено, свинья–гарниши! — Салли засмеялась. Смех был резким, неприятным, наверно, оттого, что смеялась не она, а существо, овладевшее ее голосовыми связками, как, впрочем, и всем телом. — Но скоро ты перестанешь и думать, и замечать. У нас в руках секрет сырит–излучателя, и ваша второсортная планета нам больше не нужна. Теперь нам принадлежит вся Галактика!

С этими словами она нажала на курок, в кабине оглушительно загрохотало. Но, как ни была она проворна, Слаг–Тогат действовал быстрее. В мгновение ока его древовидное тело оказалось на пути пуль, а через секунду он выбил оружие из рук Салли, ее же самое обвил щупальцами.

— Вы ранены! — закричал Джерри. — В вас попало не меньше дюжины пуль.

— О моем здоровье, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы, гарниши, весьма выносливы и почти пуленепробиваемы, а те несколько пуль, которые

все-таки пробили мою шкуру–кору, в несколько дней растворятся внутри меня, не причинив ощутимого вреда.

— Все равно вы проиграли! — захрипела Салли и дико расхохоталась.

— О чем это она? Почему мы проиграли?

— Лортонои покидают нашу планету, прихватив с собой самый важный в Галактике секрет. — Слаг–Тогат ткнул одним из своих щупалец в иллюминатор. — Теперь они не остановятся, пока не покорят всю Галактику.

За иллюминатором уже вовсю грохотал вулкан, извергая языки пламени и клубы ядовитого дыма. Вслед за огнем и дымом из жерла поднялся космический корабль и со страшным ревом устремился в небо. Вскоре корабль превратился в крошечное пятнышко, а затем и вовсе скрылся из глаз.

— Проклятые лортонои сбежали, — подвел печальный итог Джон.

— Да. Теперь их не остановишь. — Слаг–Тогат тяжело вздохнул, и его щупальца повисли безжизненными плетьми вдоль тела–ствола.

Салли без сознания упала на пол, а Джон тотчас надел ей на голову мозговой щит.

— Не вешайте носы, ребята, — подбодрил всех

Джерри. — Проклятые твари не причинят Чаку вреда… Во всяком случае, пока он представляет для них интерес. Мы отправимся за ними в погоню, а настигнув, освободим друга и отберем у них сырит–излучатель. Они еще пожалеют, что родились на свет.

— Да? И на чем же мы отправимся за ними в погоню? — поинтересовался Джон.

— Да на нашем старом добром хищнике, «Плисантвильском орле». — Джерри любовно похлопал по штурвалу. — Он налетал в космосе уже немало часов, не подведет нас и теперь. Мы лишь слегка переделаем его, чтобы годился для полетов как в атмосфере, так и в вакууме, затем соберем новый сырит–излучатель, и в путь!

— Отличная идея! — Джон слегка приподнял правую бровь. — Только вот как ты намерен построить сырит–излучатель?

— Да проще простого. Возьму кусочек сыра «Ван Чивер Чедер», помещу его в синхро… — Джерри умолк на полуслове.

— Классно придумано, приятель! — сказал Джон с нескрываемой иронией. — Для полного счастья нам не хватает всего лишь кусочка сыра. Одна загвоздка: сыр остался дома, и без сырит–излучателя туда не попасть, а для его постройки

нужен сыр, оставшийся на Земле. Я правильно понимаю проблему? — Джон вопросительно взглянул на Джерри. Тот подавленно молчал, и Джон закончил свою мысль: — В моем обширном англо–немецко–русском словаре есть выражение, точно описывающее ситуацию, в которую мы угодили. По уши в дерьме. Вот как оно звучит!

Глава 10. Подготовка и начало величайшего крестового похода

В кабине повисла тягостная тишина. Состояние героев в такие минуты обычно характеризуют как граничащее с глубокой депрессией. Обычно характеризуют, но для Джона и Джерри этот термин не подходит, ведь в них еще жила надежда, а там, где есть надежда, как известно, есть жизнь. Острый ум Джерри принялся искать выход из, казалось бы, безвыходного положения, и через несколько секунд решение было найдено.

— Есть! — воскликнул он, победно щелкнув пальцами. — Собираясь в дорогу, мы полагали, что вернемся часа через два. Ха–ха–ха! До чего же мало мы тогда знали… Вот я и вспомнил, что Чак — сама предусмотрительность — приготовил несколько сандвичей.

— С чем были сандвичи?! — хрипло спросил Джон.

— Вот в чем вопрос. Сандвичи готовил Чак, а с чем уж… — Джерри пожал плечами. — Я помню только, что он ненадолго ушел и вернулся уже со свертком, однако, зная старину Чака, плененного

сейчас мерзкими дьяволами, но все равно оставшегося нашим другом, полагаю, что сандвичи были либо с колбасой салями… либо… с сыром «Ван Чивер Чедер»!

— Сомневаюсь, что построить колбасит–излучатель по силам даже таким талантливым ребятам, как мы с тобой, — сказал Джон. — Но если все же сандвичи с сыром и если их еще не съели… Ну, тогда у нас есть шанс. Пойдем на кухню, взглянем!

Джон кинулся через весь огромный самолет к кухне, Джерри не отставал от него ни на шаг. Салли, чьего ухода они не заметили, стояла у буфетной стойки и слизывала с пальчиков крошки, на стойке перед ней лежала измятая промасленная бумага.

— Довольно жирные и к тому же несвежие, — объявила она. — Но если вспомнить, когда я ела в последний раз… то, что ж, вполне съедобно.

— Ты съела сандвичи? — взревел Джерри. Салли кивнула. — Ты съела их все?!

Еще кивок, и напряженная тишина, которую нарушил сдавленный голос Джона:

— С чем они были?

— С сыром, с чем же еще. — Салли деликатно рыгнула в кулачок. — Господи, и как только Чак

умудряется есть такую гадость в таких количествах?.. Ребята, что с вами? Почему вы так хмуро на меня смотрите? Почему так настороженно приближаетесь?.. — Под недружелюбными взглядами она отступила на шаг. — Да, я съела сандвичи и на вашу долю ничего не оставила. — Она выдавила улыбку. — Извините, я была голодна, но, по–моему, несколько несчастных сандвичей не повод для ссоры…

— Несколько несчастных сандвичей?! — заорал Джерри. — А знаешь ли ты, что сожрала весь сыр, имевшийся в радиусе четырех световых лет? А–а-а… — Джерри махнул рукой.

— Из сыра мы бы сделали сырит, из сырита — сырит–излучатель, а с его помощью враз спасли бы Галактику! — продолжил разъяснение Джон. — Теперь понимаешь, что ты натворила?

— Нечего сваливать с больной головы на здоровую. — Салли небрежно поправила прическу. — В конце концов это были всего лишь сандвичи с позеленевшим сыром. Ну а Галактика… Если мы не спасем Галактику, то ее наверняка спасет кто-нибудь другой. И не кричите на меня, все равно, что сделано, того не исправишь.

— Исправлю, да еще как! — уверенно заявил Джерри, открывая аптечку. — Я дипломирован-

ный хирург и справлюсь с нашей небольшой проблемой, но действовать надо без промедления, пока желудочный сок…

— Нет! — закричала Салли.

Увидев в руках Джерри резиновый шланг, она побежала, но была схвачена сразу десятком щупалец Слаг–Тогата. Девушка вопила, отчаянно вырывалась, но щупальца держали крепко, а Джон и Джерри быстро подготовили желудочный зонд и приступили к нехитрой операции.

Через полчаса операция благополучно закончилась, все, за исключением, пожалуй, Салли, были счастливы. «Плисантвильский орел» без дальнейших промедлений взлетел и направился к секретной базе гарниши. Самолетом управлял Джерри, а Слаг–Тогат сидел в кресле второго пилота и указывал направление. Вскоре к ним присоединился сияющий Джон.

— Получилось, ребята, получилось! Кусочки сыра я отделил и высушил. Вот они, полюбуйтесь! — Он торжественно поднял пробирку. — Теперь сырья для нового сырит–излучателя у нас с избытком.

— Сырье — очень удачное слово, — заметил Джерри. — Как там себя чувствует наша пациентка?

— Приняв на пустой желудок две рюмки водки, она успокоилась и заснула в кресле салона первого класса. Но, ребята, какими именами она меня называла, пока я ее укладывал! Откуда маленькая прелестная горожанка, к тому же дочь ректора колледжа, знает такие грязные ругательства?

— Думаю, всему виной дурная компания. В колледже сейчас уже не те нравы, что раньше. Салли — ветреная девушка, вот и набралась всякой дряни.

— Приготовиться к посадке, — сказал Слаг–Тогат, поворачивая свое тело–ствол так, чтобы правый дальнозоркий глаз смотрел прямо вперед. — Мы над потайным входом в наше секретное убежище.

— Потайной — хорошо сказано, — пробормотал Джерри. — Под нами ничего, кроме песчаной пустыни.

— Сажай самолет прямо здесь и рули между теми скалами, — велел Слаг–Тогат.

Джерри так и сделал. Едва «Плисантвильский орел» остановился, как друзья почувствовали, что самолет падает. Оказалось, что участок пустыни, где они приземлились, был не чем иным, как гигантским лифтом. Лифт быстро опускал их под землю, в неизвестность. Фальш–крыша

над головами закрылась, и спуск продолжался в темноте. Вскоре внизу забрезжил свет, лифт замедлил стремительный спуск, а затем и вовсе замер посреди громадного грота, освещенного десятками огней и заполненного непонятными механизмами.

— Это убежище наши предки создали десять тысяч лет назад, — гордо объяснил Слаг–Тогат. — На поверхности шла бесконечная разрушительная война, здесь же, глубоко под землей, мы бережно сохраняли артефакты нашей древней цивилизации. С начала войны все наши ресурсы идут на военные цели, наша промышленность выпускает только боевые машины и оружие, наши матери рожают только воинов. Но и о культуре мы не забыли. Когда наши воины стареют и уже не годятся для боев, они выходят в отставку и до самой смерти работают здесь, сохраняя для потомков наследие нашей цивилизации. Они сдувают пыль с книг, смазывают машины, полируют стеклянные изделия и прочее, и прочее.

Земляне огляделись и застыли, пораженные. Действительно, поразиться было чему. Куда ни бросишь взгляд, всюду исполинские машины неизвестного назначения, чьи верхние части теряются в дымке, гигантские вращающиеся

колеса, шестерни, ременные передачи, невероятные приборы под стеклянными колпаками и уходящие в бесконечность ряды полок с книгами, напечатанными на листах из вечного металла.

— А у вас есть ускоритель элементарных частиц? — прервал благоговейное молчание Джерри.

— Сейчас выясню у заведующего отделом ядерной физики.

Слаг–Тогат направился к сучковатому гарниши весьма преклонного возраста, настолько преклонного, что его щупальца от времени и от перенесенных невзгод посерели, а половину глаз закрывали черные повязки. Заведующий отделом ядерной физики поскрипел–поскрипел, затем в знак согласия махнул щупальцем и повел приятелей по широкому коридору между бесчисленными экспонатами. Несмотря на преклонный возраст, двигался он весьма шустро, и Джерри с Джоном, неся поочередно ослабевшую Салли, вскоре взмокли. Через полчаса они добрались до искомого механизма. Джон уложил девушку на ближайшую скамью и вытер рукавом пот со лба.

— Мы с Джоном — первоклассные атлеты и сейчас находимся в отличной спортивной форме, — заметил Джерри. — С водой мы хлопот не

знали, но вот с едой… За последние четверо суток у каждого из нас крошки во рту не было. Салли, хотя и видела сандвичи по крайней мере дважды, тоже голодна. У нас к вам вопрос на засыпку. Может, вы нас накормите?

— Охотно, — ответил Слаг–Тогат и вдруг забеспокоился: — Однако не исключено, что наша пища для вас смертельный яд. Прежде чем накормить вас, мы возьмем из ваших тел на анализ кровь, слюну и краккис…

— Краккис?

— Думаю, обойдемся и без краккиса. Весьма вероятно, что краккис есть только у нас, гарниши. Итак, плюньте на это стеклышко, а на это нанесите капельку крови, и наши лучшие спецы в области биохимии за считанные минуты дадут заключение о пригодности нашей пищи для вас.

Не прошло и пяти минут, как гарниши принесли не только заключение спецов, но и вкатили накрытый блестящей металлической полусферой столик на колесиках.

— Примите мои самые искренние поздравления! — воскликнул Слаг–Тогат. — Ваши жизненные соки исследованы, и сделано заключение, что все они, за исключением, естественно, краккиса, которого у вас, похоже, нет, идентичны

нашим с точностью до десятого децимального знака. Вы можете без вреда для здоровья есть ту же пищу, что и мы, хотя, весьма вероятно, она вам не очень понравится.

— А что вы едите? — спросил Джон, с шумом втягивая носом воздух.

— Простую крестьянскую пищу, — Слаг–Тогат снял со стола полусферу. — Прифл, торкучи и корпск, — сообщил он, показывая на сочные бифштексы, печеный картофель и зеленый горошек.

— Положу себе побольше прифла с торкучи, — сказал Джерри, хватая длиннозубую вилку. — Впрочем, и немного корпска не помешает.

Через секунду, чудом не поранив друг другу руки вилками, земляне наполнили тарелки с горкой и дружно заработали челюстями. От громкого чавканья и аппетитных запахов очнулась Салли.

— Что тут происходит? — огляделась она.

— Да вот, пируем понемногу, — сообщил Джон, не переставая жевать.

— А мне?

Перед Салли поставили тарелку, вручили вилку, и она присоединилась к общему пиршеству, прерываемому лишь одобрительными звуками «м–м-м» и «у–у-у».

— Передайте, пожалуйста, нашу благодарность

повару, — пробурчал Джерри с набитым ртом, — бифштексы ему удались на славу.

— Он страшно обрадуется, узнав, что угодил, — сказал Слаг–Тогат. — Война отняла у нас почти всю традиционную пищу — ормолу, и мы постепенно становимся вегетарианцами. Но на ваше счастье в последней битве мы захватили трофеи.

Поняв вдруг, что едят мясо своих бывших союзников, а нынешних врагов, земляне замерли с отвисшими челюстями и округлившимися глазами.

— А мы и забыли, что воюем с вашими коровами, — сказал Джерри после минутного раздумья. — И то верно, не пропадать же прекрасным бифштексам только потому, что они из мяса врага. Друзья, а кто знает, что делают с тушей быка, заколотого тореро на корриде?

Вопрос Джерри подбодрил землян, и они быстро опустошили тарелки. Как только последние крошки были съедены, Салли и Джон откинулись на спинки стульев и захрапели. Джерри тоже отчаянно хотелось спать, но он считал себя лично ответственным за судьбу похищенного лортонои друга. Вскочив на ноги, он проследовал за заведующим отделом ядерной физики к неимоверно сложному механизму — синхрофазотрону. Как

работает синхрофазотрон гарниши, было неясно, и Джерри с головой погрузился в технические проблемы. Через считанные минуты синхрофазотрон был запущен и откалиброван, на место мишени был помещен кусочек сыра. Еще через минуту, кинув на черный шарик сырита лишь один торжественный взгляд, Джерри приступил к конструированию генератора каппа–излучения. Тут ему на помощь пришел древний, как само время, гарниши. Местный гений показал землянину, как работает его изобретение — машина для создания любых других машин и механизмов с заданными функциями. Через несколько секунд желаемые данные сырит–излучателя были заложены в чудо техники гарниши, и машина, с минуту порычав, выплюнула на раскрытую ладонь Джерри новый излучатель, размерами и формой весьма напоминающий обычный пятибатареечный фонарик, с той лишь разницей, что на месте электрической лампочки находился кусочек сырита.

Джерри бегом вернулся к друзьям и разбудил их.

— Бесспорно, великолепный прибор. — Джерри показал излучатель. — Работает теперь и как средство передвижения, перемещающее круп-

ный объект, например космический корабль, на практически любое расстояние, и как ручное оружие, перебрасывающее одушевленные и неодушевленные предметы, на которые он наведен, на поверхность ближайшей звезды.

— Так, половина дела сделана, — одобрительно отозвался Джон. — Теперь переоборудуем «Плисантвильский орел» в космический корабль, и в погоню за похитителями Чака.

— Пока вы дрыхли, над нашим «Орлом» уже поработали. Посмотрите, во что гарниши превратили его, — ахнете! — Джерри провел друзей к самолету. Внешне самолет почти не изменился, лишь сверкал зеркальной полировкой, главные же изменения были внутри, куда и прошли друзья после беглого осмотра корпуса. — Фюзеляж между металлическим корпусом и внутренней обшивкой заполнен почти невесомым пластиком — более совершенным теплоизолятором, чем даже вакуум. Все стекла в иллюминаторах заменены прозрачным армолитом, превосходящим по оптическим свойствам стекло, а по механическим — сталь. Баки заполнены топливом гарниши, которое не только не требует кислорода, но и мощнее любого известного на Земле в тысячи раз. Запасы кислорода все же пополнены, ведь

мы им дышим. В хвосте самолета установлены реактивные двигатели для полетов в атмосфере. Все аккумуляторы заменены аккумуляторами гарниши с неограниченной электроемкостью. Кухня расширена, оснащена микроволновой печью и здоровущим семнадцатикамерным холодильником. Продуктов, которые находятся в нем, нам хватит лет на пять. В хвостовой части оборудованы лаборатория и мастерская. В них есть все мыслимые и немыслимые материалы и приборы. В специальном шкафу у шлюзовой камеры — скафандры, каждый — миниатюрный космический корабль. Три скафандра — для меня, Джона и Салли, а четвертый — для бедняги Чака. — Джон поспешно отвернулся, надеясь, что друзья не заметят влагу в уголках его глаз.

Они заметили, все поняли правильно и виду не подали.

— Пилотская кабина тоже расширена, — продолжал рассказ Джерри. — Для размещения всей новой контрольно–измерительной аппаратуры она оказалась тесновата, и ее расширили за счет салона первого класса. Бар перенесен на нижнюю палубу. На фюзеляже и крыльях установлены двенадцать орудийных башенок, по пяти орудий в каждой. Артиллерист управляет

стрельбой отсюда, из пилотской кабины. Скорострельные пушки палят шариками размером с теннисный мяч, начиненными взрывчаткой чудовищной разрушительной силы. Новых приборов и аппаратуры очень много, и я расскажу о них как-нибудь при удобном случае, а пока остановлюсь лишь на этом… — Он с гордостью похлопал по похожему на платяной шкаф прибору. — Не знаю, понадобится нам это или нет, но наша птичка, «Плисантвильский орел», оснащена теперь таким же космическим приводом, каким пользуются лортонои, гарниши и все остальные разумные существа в Галактике, освоившие межзвездные перелеты. Привод называется деформатором пространства. Ему, конечно, далеко до нашего сырит–излучателя, но все же пусть будет.

— И как работает этот привод? — поинтересовался Джон.

— Он деформирует пространство. На внешней части фюзеляжа над пилотской кабиной установлен диск, который посылает перед собой неизвестное пока на Земле излучение. Излучение хватает ткань пространства и тянет ее на себя, перед космическим кораблем образуется гигантская складка пространства. Корабль прока-

лывает выпуклость и выходит с другой стороны на расстояние до одного светового года. Надеюсь, понятно?

— Чего уж не понять?! — заявил Джон. — Обычный мыльный пузырь из вакуума.

— Ну хорошо, объясню на наглядном примере. Представьте себе, что космический корабль — швейная игла и эта игла лежит на ковре… Успеваете за мной?

— А без сарказма никак нельзя?

— Да ладно, не обижайся. Значит, так, на космическом корабле, в нашем случае — игле, включают деформатор пространства, излучение мгновенно достигает дальнего конца ковра, хватает край и тянет его к игле. Ковер деформируется, перед иглой образуется складка. Игла двигается вперед, дважды прокалывает ткань ковра, ковер распрямляется, и — хоп! — игла в двух футах от своего первоначального положения, переместившись всего на сантиметр–полтора. Понял? — дождавшись кивка Джона, Джерри повернулся к Салли. — А ты, дорогая?

— Конечно, это же элементарно. А у гарниши ковер красивой расцветки?

Наступившую неловкую паузу прервал Джон:

— Надеюсь, что сей мудреный деформатор нас

не подведет. Миссия не из легких, неизвестно, что понадобится.

— Ну, деформатор пространства на «Плисантвильском орле» — лишь запасной космический привод. Двигаться мы будем на сырит–излучателе. Он проще, надежней и, самое главное, за один прыжок перемещает на любое расстояние.

— А вот и мы, — сообщил Слаг–Тогат, входя в самолет с толпой соплеменников.

— Кто это мы? — удивился Джон.

— Я и пятьдесят добровольцев. Моя просьба об отставке с поста премьер–министра удовлетворена, и теперь я вместе с храбрейшими из храбрейших буду сопровождать вас. Хотя для восстановления разрушенной войной экономики нашего мира нужен каждый трудоспособный гарниши, мы летим с вами, так как ответственны перед разумными существами всей Вселенной. Вы освободили нас от бремени многовековой войны с лортонои, но в Галактике есть другие разумные расы, угнетенные кровожадными и презренными пиявками разума, и мы для них сделаем не меньше, чем вы для нас.

— Я слышу благородные слова! — воскликнул Джон.

— Признаюсь, нами движет не только желание

освободить другие расы в Галактике, — продолжал Слаг–Тогат. — Мы ненавидим ублюдков лортонои лютой ненавистью, и их визг и вой, когда они познают сокрушительную силу нашего и вашего оружия, будут для нашего слуха самой сладкой музыкой.

— Согласен, веская причина. — Джерри кивнул. — Пощады они не заслуживают. Мы приветствуем вас и ваших воинов на борту нашего самолета. Пусть принесут с собой оружие и боеприпасы, да побольше, и мы будем с ними сражаться плечом к плечу, спасая Галактику от поганцев лортонои.

— Давайте выпьем за победу, — предложила Салли.

— О да!

— Отличная мысль!

— Конечно!

Салли удалилась и вскоре вкатила в салон сервировочный столик из бара. Гости и хозяева проворно расхватали пластиковые стаканчики и бутылки с алкоголем.

— За союз до победы! — воскликнул Слаг–Тогат.

— Смерть проклятым лортонои! — воскликнул Джон.

— Смерть проклятым лортонои! — воскликнули люди и гарниши в один голос.

Люди подняли стаканы и залпом осушили их. Гарниши перелили выпивку из бутылок в пластиковые стаканы и отставили их в сторону, а пустые бутылки проглотили, ведь, как хорошо известно, стекло действует на представителей их древней расы, как этиловый спирт на людей. Двигатели взвыли, и великий крестовый поход начался.

Глава 11. Неожиданная встреча в глубоком космосе

Подобно выпущенной из гигантского лука стреле сияющий в лучах солнца «Плисантвильский орел» взмыл над поверхностью Домита и вскоре, набрав скорость, дважды превышающую звуковую, устремился к границе атмосферы.

Самолет вели двое землян, рядом стоял Слаг–Тогат и направлял полет. Салли готовила в кормовом отсеке сандвичи и напитки для воинов гарниши, кляня сквозь зубы свою незавидную роль прислуги. Гарниши подобно истуканам сидели в салоне и, зачарованно уставившись на вмонтированные в спинки кресел телевизионные экраны, слушали через наушники джаз. Художественных фильмов в фильмотеке «Плисантвильского орла» не нашлось, и Салли всунула в видеомагнитофон первую подвернувшуюся под руку кассету — как оказалось, с учебным фильмом о тактике игры в футбол. Гарниши не возражали, не без основания считая, что бегающие по зеленому полю игроки совершают чудные языческие ритуалы.

Вскоре самолет вырвался в открытый космос, и вокруг холодным немигающим светом засияли звезды.

— Наши радары установили, что лортонои, изогнув пространство, направились к звезде, известной у нас под названием Крштевлемнут–крм, но остановились ли они там или последовали дальше, неизвестно, — сказал Слаг–Тогат.

— Скоро прибудем туда и все выясним, — заверил его Джерри, снимая с сырит–излучателя чехол. — У нас, на Земле, ту звезду называют Спика.[4] Давайте будем и мы называть ее так, тем более что Спика звучит гораздо короче и приятней для слуха, чем Крште… Тьфу!

Джерри в этой экспедиции был командиром, и Слаг–Тогат неохотно с ним согласился, хотя в глубине души остался уверен, что Крштевлемнут–крм — это Крштевлемнут–крм, а вовсе не Спика.

— Новый сырит–излучатель еще не опробован, — сказал Джерри, настраивая прибор. — Для начала прыгнем только на десять световых лет, а там посмотрим.

Джерри щелкнул переключателем, и они перенеслись на десять световых лет к звезде Спика.

---

[4] notes: 4

Спика — звезда в созвездии Девы, первой звездной величины, голубой гигант со светимостью в 740 раз больше солнечной. (*Прим. пер.*)

Сняв показания приборов, Джерри вновь настроил излучатель, и они вновь прыгнули. Потом еще раз. И еще. С каждым прыжком Спика приближалась, становясь все больше и ярче. Еще один прыжок — и «Плисантвильский орел» уже внутри внешней орбиты планеты. Тут же на корабле взвыли все аварийные сирены и гудки, тревожно затрезвонили колокола.

Оказалось, что в нормальное пространство «Плисантвильский орел» вынырнул на краю космического поля боя. Джерри тут же повел самолет в сторону, а остальные члены экипажа, припав к иллюминаторам, во все глаза глядели на разыгрывавшуюся на фоне немигающих звезд битву (учитывая, что на каждого гарниши приходится по двадцать три пары глаз, глаз этих было немало). Бой был неравный: три белых корабля на один черный, но этим черным управлял настоящий ас. Белые корабли окружали его, заходили и спереди, и сзади, прижимали к горячему голубому светилу, пускали в него ядерные торпеды и палили смертоносными тепловыми лучами, но черный всякий раз уходил от них целым и невредимым.

— Снимаю шляпу перед мастерством того пилота, — сказал Джон. — Ему, наверно, нет равных

даже среди американцев.

— Вопрос в том, — пробормотал Джерри, — на чьей стороне выступим мы?

— Хороший вопрос, — заметил Слаг–Тогат. — Несомненно, либо черные, либо белые в союзе с ненавистными лортонои. Давайте свяжемся с ними по радио и выясним, кто есть кто.

Такая попытка была предпринята, но в ответ на вопросы «Плисантвильского орла» на всех частотах из динамика неслись лишь свист да щелчки, вызванные активностью голубого гиганта.

— Может, бросим монетку? — предложил Джон.

— Нет, у меня идея получше, — сказал Джерри. — Если в заварушке замешаны лортонои, то без чтения мыслей, управления деятельностью мозга на расстоянии и прочих ментальных штучек дело не обошлось. Уж лортонои-то по этой части доки. Предлагаю следующее: ты, Джон, возьмешь управление кораблем на себя, Слаг–Тогат встанет позади и обовьет меня щупальцами, чтобы я в случае чего не причинил себе и другим вреда. Затем с меня снимут мозговой щит, я попытаюсь вступить в контакт с неизвестными кораблями и выяснить, кто из ребят воюет на правой стороне, а кто — нет. Если я слишком

разбушуюсь, наденьте мне на голову мозговой щит и выключите из игры.

— А ты храбрец, товарищ. — Слаг–Тогат приблизился к Джерри и заключил его в свои богатырские объятия. — Приготовься, снимаю с тебя мозговой щит.

— Пока не чувствую ничего необычного, — сообщил Джерри через минуту. — Сейчас пошлю мысленное сообщение. — Сосредоточившись, он наморщил лоб: — Привет боевым кораблям! Вы меня слышите? Я враг лортонои и помогу любому воюющему с этими вампирами разума. Эй, на кораблях, слышите меня? — Джерри внезапно дернулся и, тут же одеревенев, заговорил совсем другим голосом: — Весьма рад встрече! Вы, ребята, как раз вовремя. Уходить от них мне все трудней. Если можете, избавьте меня от тех белых шакалов, что палят из смертоносных тепловых пушек.

— Кто ты такой? — подозрительно спросил Джон.

— Извините, забыл представиться. Я лорд Пррси, потомственный дворянин из весьма уважаемой семьи хагг–индеров. Ребята, а может, отложим церемонию полного знакомства на более подходящее время? Один из белых кораблей

как раз заходит мне в хвост.

Действительно, битва в космосе с каждой секундой становилась все ожесточенней.

— Извините, — сказал Джон, — но, чтобы встать на вашу сторону, нам одних слов недостаточно, нужны доказательства. Мы войдем в контакт с тремя атакующими кораблями, и если сказанное вами правда, то поможем вам.

— Весьма мудрое решение, — заметил лорд Пррси. — Переключаю вас на ближайшего бандюгу хагг–луса. Пообщайтесь с ним и дайте мне знать, что надумали. Конец связи.

Через миг с Джерри произошла страшная перемена: лицо перекосила гримаса злобы, на губах выступила пена, и он с нечеловеческой силой забился в объятиях гарниши.

— Мягкотелые извращенцы! Как посмели вы вторгнуться в святая святых, космическое пространство хагг–лусов?! Мы, хагг–лусы, союзники миролюбивых лортонои и не потерпим грязных демократо–республиканских подонков на…

— По–моему, вполне достаточно, — сказал Слаг–Тогат, надевая на голову Джерри мозговой щит. — Обстановка ясна.

— Уф–ф! Побывай в ваших головах то злобное создание, вы бы уяснили обстановку куда

быстрей! — Джерри быстро настроил сырит–излучатель и трижды нажал на кнопку. В одно мгновение три вражеских корабля исчезли, перенесясь на поверхность горячего голубого солнца, и что с ними там стало, ясно без слов.

Джерри вновь снял мозговой щит и тут же заговорил мягким голосом лорда Пррси:

— Я бы сказал, весьма эффектный способ демонстрации, на чьей вы стороне. Хоп! — и их уже нет! При случае научите меня этому трюку. Предлагаю побеседовать поближе, так сказать, с глазу на глаз. Вы кислорододышащие?.. О, мне сегодня чертовски везет! Давайте подведем наши корабли шлюз к шлюзу, и я зайду к вам в гости.

— Согласны.

Космические корабли сблизились, и земляне увидели, что кораблю лорда Пррси — черной космической стреле, почти такой же длины, как «семьсот сорок седьмой», — изрядно досталось в бою: на броне там и сям выжженные тепловыми лучами полосы, множество щербин от близких разрывов ядерных торпед, кое–где не хватает выступающих частей. Корабль лорда Пррси лихо затормозил и оказался точно под крылом «Плисантвильского орла». Последовал едва ощутимый толчок, шлюзы кораблей состыковались.

Джерри передал управление «Орлом» автопилоту и вместе со всеми гарниши и землянами прошел в салон к главному шлюзу. Зашипел воздух, давление уравнялось, хлопнул внешний люк шлюза «семьсот сорок седьмого», затем открылся внутренний, и в салон вошел храбрец, в одиночку сражавшийся с тремя кораблями неприятеля. Салли пронзительно завопила, остальные поспешно отступили и прижались к стенам.

И было отчего. Несмотря на мягкий, спокойный голос, каким он говорил через Джерри, лорд Пррси оказался настоящим монстром: двадцати футов длиной, закованный в черный, как антрацит, хитиновый панцирь, с хвостом, увенчанным ядовитым шипом, и трескучими клешнями скорпиона. Кроме того, от него исходили волны обжигающего жара.

— Прохладно тут у вас, — сказал монстр хрипло. — Ну да ладно, потерплю. Кому мне выразить свою благодарность?

Гость повернулся, и земляне поняли, что вполз он, пятясь как рак. С непроницаемо черной головогруди на них взирали два красных горящих глаза, один — маленький круглый, другой — раздутый и искаженный линзой величиной с обеденное блюдо. Джерри, самый смелый, вышел

вперед и представил своих друзей.

— Весьма рад знакомству, — пробубнил монстр, поправляя линзу, привинченную к хитиновому панцирю металлическими болтами.

— Для существа, пышущего жаром, как раскаленная печь, и выглядящего двадцатифунтовым черным скорпионом, вы на редкость хорошо изъясняетесь по–английски, — бесстрашно заметил Джон.

— Словами не передать, до чего я рад такой похвале, — сказал лорд Пррси. — Если честно, то я и сам горжусь своими лингвистическими способностями. Скажу вам по секрету: я возглавляю общественное движение по замене нашего старого, на мой взгляд, неуклюжего и не годящегося для цивилизованного общения языка на ваш, замечательный и утонченный. А ваш столь изысканный язык я выучил по радио. Понимаете ли, наши мощные радиоприемники уже давно ловят передачи с планеты со странным названием «Третья программа Би–би–си». Наши радиоинженеры вычислили, что источник радиоволн расположен рядом с непримечательным желтым солнцем, которое находится вон в том направлении. — Взмахом огромной, по краям острой как бритва клешни он указал, в каком именно, разрезав при

этом внутреннюю переборку. — О да… Прошу прощения, ваша звезда вовсе не незначительная, а очень даже симпатичная… Раз вы говорите на том языке, то рискну предположить, что вы родом оттуда. Ах да, я же это уже выяснил… Ужасно глупо с моей стороны… Да, что-то я отвлекся…

— Может, слегка подкрепитесь? — предложила вежливая Салли.

— Как вы добры, сударыня. Если вас не слишком обременит, то я бы не отказался от стакана воды. Последний раз я пил воду месяца четыре назад, так что с удовольствием воспользуюсь вашим радушным предложением, наполню свой водяной пузырь, заодно произнесу тост в честь нашей замечательной встречи… Спасибо, большущее спасибо, до чего же огромный стакан! Воды в нем достаточно для пятерых таких, как я. Ваше здоровье! — Он залпом осушил стакан и с грохотом вытер ротовое отверстие передней, самой здоровенной клешней.

— Не расскажете ли, с кем и почему вы воюете? — спросил Джерри.

— О, конечно, конечно, но предупреждаю, история эта очень и очень страшная.

— Мы потерпим.

— Тогда начну. Моя раса называется хаггис, мы

эволюционировали на третьей планете солнца, которое вы видите за иллюминаторами. Планета называется Хаггис. От ее имени, полагаю, и пошло название нашей расы. Наше солнце, как вы, наверно, заметили, очень яркое и горячее. Хаггис вращается вокруг него на довольно близком расстоянии, и температура там почти на всей поверхности выше температуры кипения воды. Вот почему у нас так ценится сия драгоценная жидкость… Но я опять отвлекся. Благодаря интенсивному жесткому излучению светила эволюция на нашей планете шла семимильными шагами, и очень скоро после зарождения жизни возник разум. Обладатели разума, хаггисы, мирно плодились и развивались, но приблизительно двенадцать тысяч лет назад разделились на две расы. Часть хаггисов обзавелась черными хитиновыми панцирями, которые великолепно защищают от губительных солнечных лучей, и возник мой народ — хагг–индеры. Другая часть хаггисов, которая теперь зовет себя на своем деградировавшем языке хагг–лусами, так и осталась белой. Помимо того, что черный цвет тела чертовски красив…

— Совершенно с тобой согласен! — воскликнул Джон, любовно глядя на свою черную пятерню.

— …он также хорошо защищает хозяина от губительной радиации. Белый же, напротив, совсем не защищает от радиации, и неудивительно, что мозги в головогрудях хагг–лусов очень скоро сварились вкрутую. Скажу без преувеличения, что мудрейший хагг–лус глупее последнего идиота хагг–индера. Кроме того, что хагг–лусы безумны, они еще и злы, развратны и не похожи один на другого. Мы объявили им войну и каждый день уничтожали тысячами, но они, к несчастью, плодятся как кролики. Ради сохранения собственной расы все хагг–индеры переселились на четвертую планету системы. Но проклятым хагг–лусам присуща дьявольская изворотливость. Очень скоро они открыли межпланетные, а затем и межзвездные перелеты, война между нами вступила в новую фазу, космическую, и не утихает вот уже без малого девять тысяч лет.

— Наша война длилась десять тысячелетий, — с гордостью изрек Слаг–Тогат.

— Рад за вас, — сказал лорд Пррси. — Но впредь, пожалуйста, не перебивайте меня. Мы одерживали победу за победой, и конец войны был не за горами, как вдруг прибыли ненавистные лортонои. Хагг–лусы приняли их с распростертыми клешнями. О, эти негодяи стоят друг друга! Наши

хагг–лусы — единственная известная нам раса разумных существ, добровольно вступившая в союз с вампирами разума. Лортонои помогли хагг–лусам военной техникой, боевые действия стали интенсивнее, число жертв с обеих сторон возросло, и теперь мы лишь удерживаем свои рубежи, а о скорой победе и не мечтаем. Но я что-то разговорился, наверно, наскучил вам. Пожалуйста, расскажите, что привело вас в этот рукав Галактики?.. О да, извините мои провинциальные манеры, я совсем позабыл… Я доставлял важное сообщение нашему королю, которое, как мне известно, он с нетерпением ожидает. Примите мою сердечную благодарность за то, что выручили меня в бою.

— Помочь вам было для нас удовольствием, — сказал Джерри. — Как вы уже знаете, прилетели мы от желтой звезды. Наша звезда называется Солнце, а наши друзья, — Джерри указал рукой на гарниши, — из системы проксима Центавра. Мы объединились, чтобы стереть с лица Галактики ненавистных лортонои…

— Замечательно! Замечательно!

— …и вырвать из их лап нашего друга, Чака ван Чивера.

— Ваш друг в плену? О, какое несчастье! Но

не беспокойтесь, он недолго мучился. Обычно, попав в плен к лортонои, разумное существо оглянуться не успевает, как оказывается без кожи или с литром–другим жидкого свинца в желудке. Хотя, возможно, для вашего друга лортонои придумали что-нибудь пооригинальней. Но даже если он жив, его давно отдали хагг–лусам, а те уж непременно отправили его в шахты ДнДрф на Северном полюсе, откуда нет возврата.

Салли пискнула и лишилась чувств.

— Мы последуем за Чаком, куда бы он ни попал, и спасем его! — заявил Джерри с непоколебимой уверенностью, и все, кроме Салли, которая лежала на полу, торжественно закивали.

— Отлично сказано, землянин! Предлагаю вам отправиться со мной к нашему королю. Возможно, ваш рассказ о новом, весьма эффективном, на мой взгляд, оружии тронет сердце монарха, и он придумает, как вызволить вашего друга.

— Согласны!

Лорда Пррси давно уже пробирала дрожь, и он поспешно покинул «Плисантвильский орел». Земляне и гарниши, порядком вспотев от соседства с его пышущим жаром огромным телом, не возражали.

Лорд Пррси подал опознавательный сигнал,

чтобы их ненароком не сбили, и повел длинный черный корабль к планете. «Плисантвильский орел» последовал за ним. Вскоре корабли начали спуск к форту–крепости, возвышавшемуся посреди изрытой воронками равнины. Только перед самыми носами кораблей в форте — гигантском мрачном сооружении, ощетинившемся стволами здоровенных орудий и антеннами следящей аппаратуры, — открылся громадный люк. Пилоты, как им и было велено, очень быстро ввели корабли внутрь, и многотонные ворота за ними мгновенно захлопнулись. Как раз вовремя. Следовавшие за кораблями по пятам из космоса торпеды ударились о непробиваемую броню форта и взорвались, не причинив вреда.

Друзья открыли люк. У трапа их поджидал лорд Пррси.

— Добро пожаловать на нашу планету. Я отдал распоряжение, и для вашего удобства в коридорах, по которым вы проследуете, и в тронном зале понижена температура. Не сочтите нас грубиянами, но в вашем присутствии на нас будут обогреватели вроде того, что свешивается с отравленного жала на моем хвосте.

— Чего уж там, носите, — разрешил Джерри, чувствуя, как из каждой его поры ручьями стру-

ится пот. Если это пониженная температура, то какая же здесь нормальная?

Спотыкаясь и обливаясь потом, земляне и гарниши проследовали за лордом Пррси по длинным, скудно освещенным коридорам и попали в громадную комнату, украшенную многочисленными трофеями — высушенными белыми жалами, очевидно, некогда принадлежавшими врагам. В дальнем конце комнаты находилось возвышение, на нем — золоченый трон. На троне с золотой короной на головогруди и золотым обогревателем на хвосте возлежал здоровущий черный скорпион.

— Преклоните колени, перед вами король, — представил черного скорпиона лорд Пррси и сам поджал перед троном лапы. Земляне и гарниши тоже встали перед Его Величеством на колени.

— Оставьте, оставьте, не до этикета сейчас, — запротестовал черный скорпион. Гости переглянулись и нерешительно поднялись, а король продолжал: — Добро пожаловать на нашу планету. Мне доложили, что вы обладаете чудесным оружием. — Король подался вперед и в нетерпении потер клешней о клешню. — Это так?

— Наше изобретение — не совсем оружие, а скорее привод для межзвездных путешествий, —

разъяснил Джерри. — Но при желании его можно использовать для уничтожения неприятеля, что мы и продемонстрировали трем военным кораблям хагг–лусов, переместив их на поверхность вашего солнца.

— Замечательно! — король вновь с душераздирающим скрежетом потер клешней о клешню. — Продолжайте, пожалуйста.

— Это все. За исключением, пожалуй, того, что у нас всего лишь один излучатель. Правда, был еще второй, но его у нас украли проклятые лортонои и удрали в вашу планетарную систему, а мы последовали за ними, намереваясь отнять излучатель и вызволить из плена нашего друга Чака, которого негодяи похитили вместе с излучателем.

— Что я слышу?! Оружие чудовищной разрушительной силы у лортонои?!

— К сожалению, да, Ваше Величество.

— Весьма досадно. — Печальная новость до того расстроила короля, что он непроизвольно сжал левую клешню и перерезал пополам шестидюймовый стальной брусок, который прежде рассеянно крутил в лапах. — Лорд Пррси, если мне не изменяет память, вы поддерживаете связь с нашим шпионом, как его там?.. Ну, тем

симпатичным парнем, если не считать, конечно, того, что он белый. — Дождавшись утвердительного кивка своего подданного, монарх приказал: — Немедленно вызовите его по секретному каналу связи и выясните, что ему известно о новом оружии.

— Будет исполнено, Ваше Величество. — Лорд Пррси взмахнул правой передней клешней в салюте и поспешно удалился.

— Этот шпион — забавный малый, — разъяснил король, нарезая стальной брусок малюсенькими ломтиками. — Альбиносом родился. Каприз природы, понимаете ли. Его рождение было настоящим несчастьем для уважаемых родителей. Кому-то из моих подданных пришла в голову великолепная идея — тайно внедрить его к хагг–лусам. Под хитин ему имплантировали металлический экран, который не только защищает мозг от убийственной радиации, но и не позволяет читать его мысли, и забросили на Хаггис. Идея сработала! Извращенцы хагг–лусы настолько глупы, что любой хаггис хотя бы с проблеском разума тут же становится у них чуть ли не министром с портфелем. Наш разведчик из интеллигентной семьи, получил отличное образование, а непрерывные насмешки, под-

калывания и шутки сверстников закалили его характер. Он очень быстро вознесся по служебной лестнице и сейчас, как мне известно, возглавляет министерство то ли разведки, то ли контрразведки, то ли еще чего-то. А–а-а, вот и наш дорогой лорд Пррси! Какие новости?

— Одна новость хорошая, Ваше Величество, другая — плохая. Начну с хорошей. В секретную подземную лабораторию на Хаггисе прибыли лортонои. Они очень недовольны тем, что безумные ученые хагг–лусы никак не решат проблему управления сырит–излучателем. Так что не беспокойтесь, Ваше Величество, враги в ближайшее время не используют это высокоэффективное оружие против нас. А теперь плохая новость. Друг моих спасителей, его имя, если не ошибаюсь, Чак, не помог врагам в их злодейских планах, и после страшных пыток его отправили в шахты ДнДрф.

— Мы спасем его! — вскричал Джерри.

— Это невозможно, оттуда нет спасения.

— Мы все равно спасем его!

— Ну… Вообще-то есть одна возможность.

— Какая?!!

— Кого-нибудь из вас мы продадим в рабство. Его непременно пошлют в шахты ДнДрф, и он возглавит восстание невольников, которое совпа-

дет по времени с атакой наших боевых кораблей извне. Кто добровольно вызовется стать рабом и обречь себя на более чем вероятную гибель?

В тронном зале послышался дружный топот, когда гарниши и земляне сделали шаг назад. Медленно текли секунды, все хмуро смотрели в пол. В конце концов вперед неохотно вышел Джерри.

— Черт с вами! — Он стоял, откинув голову и гордо скрестив на груди руки. — Я — доброволец.

По залу пронесся крик всеобщего одобрения, а Салли обняла его и нежно поцеловала в щеку.

Глава 12. В шахтах

— Для успеха операции хотелось бы побольше знать об этих ужасных шахтах ДнДрф, — сказал Джерри, вытирая потной ладонью потный лоб. — Например, что там добывают?

— Мерзкую, мерзкую отраву! — Лорд Пррси поежился, а остальные хагг–индеры в зале непроизвольно вздрогнули. — Разумное существо, хотя бы раз понюхав эту отраву, до конца своих дней становится наркоманом и ради очередной порции готово на любое преступление. Через два–три года его хитиновый панцирь рассыпается, и мучениям несчастного приходит конец.

— А если у разумного существа, как, например, у меня, нет хитинового панциря? — поинтересовался Джерри.

— А что такое хитин? — шепотом спросила Салли. — Я всегда полагала, что это вышедшая из моды одежда, но вы вроде говорите о чем-то другом.

— Дорогая, ты перепутала хитин с хитоном, — прошептал в ответ Джерри. — Действительно, хитон — одежда древних греков, а хитин — вещество, которое покрывает большинство земных

насекомых и инопланетян, вроде присутствующих здесь хагг…

— Если ваши переговоры закончены, то я с удовольствием отвечу на вопрос, — прошипел лорд Пррси, раздраженно покачивая увенчанным ядовитым жалом хвостом; Джерри и Салли подавленно замерли. — Ответ прост: если у разумного существа нет хитинового панциря, то к наркотику ДнДрф у него врожденный иммунитет. Оттого-то представителей мягкотелых рас из холодных миров, вроде вас, и посылают в шахты. Межзвездные работорговцы всегда приземляются на Хаггисе, так как знают, что за свой живой товар получат там хорошую цену. Вот и решение проблемы, как вам попасть в шахты! Я продам вас первому же пролетающему мимо работорговцу, а запрошу я сто кредиток и не отступлю, пока он не выложит хотя бы восемьдесят пять.

— Отличная идея, — одобрил король. — Уверен, что какой-нибудь корабль работорговцев либо сейчас разгружается в нашем космопорте, либо приземлится там в самое ближайшее время. Контрабандный ввоз наркотика ДнДрф подрывает устои нашей экономики, и, если землянин покончит с его добычей в шахтах Хаггиса, мы ему будем безмерно благодарны.

— Если у вас садятся корабли работорговцев, — задумчиво пробормотала Салли, — то выходит, что… О Господи!.. Вы держите рабов?

— Ну, совсем немного, — несколько смущенно ответил король. — Мы хорошо с ними обращаемся. Не то чтобы у нас была особая нужда в рабах, а просто рабство поддерживает экономическую и политическую стабильность в обществе. Рабочие, зная, что в любую минуту могут превратиться в рабов, не объединяются во всякие политические партии и профсоюзы и не бастуют.

Салли, сложив на груди руки и шмыгнув носом, демонстративно повернулась к монарху спиной и не проронила больше ни слова. Лорд Пррси тем временем быстро просматривал металлические листы с непонятными символами.

— Вот то, что нужно! — закричал он вдруг. — Только сегодня утром из нашего космопорта взлетел корабль работорговцев, следующий курсом на Хаггис. Корабль примитивный, с ракетной тягой. Если мы поторопимся, то запросто догоним его и продадим Джерри за достойную цену. Купив его, работорговцы тут же перепродадут нашего друга хагг–лусам, а те непременно отправят в шахты ДнДрф, откуда нет возврата.

— А как же оттуда выберемся мы с Чаком? —

спросил Джерри.

— Выбраться оттуда действительно непросто. К тому же любой план, который мы разработаем, телепаты лортонои тут же прочитают у вас в голове. А, придумал! Вы будете постоянно носить миниатюрный мозговой щит!

Мозговой щит хагг–индеров действительно оказался миниатюрным — не больше булавочной головки. Достаточно было поднести его к ноздре и поглубже вдохнуть, как он, застряв в носовой полости, мгновенно включался от влаги и тепла и работал не хуже громоздкого щита гарниши. Больше сотни таких миниатюрных щитов были вшиты Джерри в плавки. Предполагалось, что даже если хагг–лусы отберут у него одежду и обувь, плавки они не тронут. Хагг–лусы, конечно, безумные монстры, но не настолько же!

После того как лорд Пррси разодрал на Джерри одежду, а на спине нарисовал весьма правдоподобные следы от хлыста, земляне, гарниши и лорд Пррси вернулись в блаженную прохладу «Плисантвильского орла» и тут же взлетели.

Через считанные минуты самолет догнал грязно–ржавую посудину — корабль работорговцев. Джон вызвал капитана по радио:

— Эй, работорговый корабль! Слышишь меня?

— Мы предпочитаем, чтобы нас называли советниками по трудоустройству, — немедленно послышалось в ответ.

— У нас на борту нетрудоустроенный гуманоид.

— Раб на продажу?

— Именно.

— Дайте его характеристики.

— Самец, сильный физически, глупый, с рвением выполняет приказы, — монотонно забубнил в микрофон лорд Пррси. — Относится к низкотемпературной жизненной форме, пригодной для работ в шахтах ДнДрф. Я хочу за него сотню.

— Предлагаю восемьдесят пять или не беру товар.

— Принято. Стыкуемся, и я передаю его вам. И смотрите, не забудьте о деньгах.

— Мы честные бизнесмены, приносим обществу благо и при легальных сделках, подобных этой, не обманываем. К тому же нам отлично видны стволы ваших атомных пушек.

Гордо расправив плечи, Джерри вошел в воздушный шлюз и через секунду услышал за спиной глухой стук закрывающегося внутреннего люка. Тут же распахнулся люк работоргового корабля, и Джерри шагнул туда. В шлюзе его уже

поджидал безобразный гуманоид семи футов роста. Гуманоид швырнул в люк «Плисантвильского орла» пачку банкнот и обрушил на спину Джерри хлыст, который сжимал в здоровенной лапище. Джерри заторопился и вскоре оказался прикованным к металлической стене между двумя рабами. Рабы, безразлично взглянув на него, отвернулись, но для Джерри они представляли определенный интерес. Он слегка толкнул локтем гуманоида справа — ярко–красное существо с почти нормальной семипалой левой рукой и острым костяным мечом вместо правой — и заговорил:

— Как дела, приятель?

Существо вместо ответа зарычало и, выставив перед собой костяной меч, бросилось на Джерри. Тот ловко увернулся и ударом в ярко–красный подбородок уложил грубияна.

— Классная работа!

Джерри повернулся на голос. Прикованный от него слева чужак был толст, лыс и, за исключением огромного белого живота, зелен; глаза навыкате, рот — от уха до уха, вместо ушных раковин дырки в черепе, узловатые пальцы соединены перепонками. Наверное, он был родом из водного мира.

— Я тоже считаю, — продолжал чужак, — что не стоит понапрасну терять время, беседуя с красными меченосцами с Виндалу. Мозги у них крошечные, оттого они, кроме драк, ничего знать не желают. Не то что мой народ с Вачрии — цивилизованный и интеллигентный. Представлюсь. Я Пипа Пипа, но, если хочешь, зови меня просто Пипа.

— Рад знакомству, — учтиво сказал Джерри. — Меня зовут Джерри Кортени.

— Не возражаешь, если я буду звать тебя Кортени?

— Тогда уж лучше Джерри.

— Тише, — едва слышно квакнул Пипа. — Сюда идет надзиратель, и если он услышит, что мы разговариваем, то угостит нас хлыстом. — Он тяжело вздохнул. — Хотя, разговариваем мы или нет, он все равно ударит нас.

Пипа оказался прав. Надзиратель огрел его по спине и пошел по проходу дальше, раздавая удары направо и налево. Бедняга Пипа вновь тяжело вздохнул.

— Вставайте, отбросы Галактики! — взвыл вдруг надзиратель. — Мы прибыли. Вам понравится ваш новый дом. Это шахты ДнДрф на Хаггисе!

Рабы разом не то застонали, не то взвыли. Каждый знал, что прибыл в конечный пункт, откуда не возвращался еще ни один раб. Замки, крепившие кандалы на руках пленников к стене, разомкнулись, и рабы, звеня цепями, неохотно поднялись и побрели к открывшемуся грузовому люку.

— Конец всему… — Пипа в очередной раз вздохнул. — Не увижу я больше родного пруда.

Джерри отчаянно хотелось подбодрить беднягу, но, вспомнив, что его мысли блокирует мозговой щит в носу, а мозг остальных рабов для лортонои открытая книга, не осмелился. Пусть до поры план бегства останется в секрете. Но пробьет час, и тогда!..

Бичи в лапах работорговцев мелькали подобно молниям, несчастные рабы один за другим сходили по наклонному трапу в холодную арктическую пустыню. Конечно, пустыня была холодной только по стандартам хаггисов, температура здесь не опускалась ниже тридцати восьми градусов по Цельсию, что для людей переносимо, но удовольствия не доставляет. Едва очередной раб сходил с трапа, как работорговец срывал с него или нее всю одежду и ударом кнута гнал дальше. Настал черед и Джерри. Его любимые ботинки из кожи

тюленя были сняты с него двумя взмахами меча. За ботинками последовали джинсы «Левис», и на нем остались только плавки. За плавки Джерри был готов драться до последнего, но, к счастью, работорговец решил, что ярко–красная полоса — часть его собственного тела, и дал Джерри пинок: пошевеливайся, мол. Джерри присоединился к толпе павших духом рабов.

Пасть духом было от чего. Впереди ждали шахты ДнДрф, а пейзаж вокруг весьма напоминал преддверие ада: повсюду валялись куски серы, оплавленные и сверкающие в лучах солнца; голубой гигант, хоть и висел над самым горизонтом, безжалостно жег голую кожу; невдалеке виднелась горная цепь, в ближайшей горе — ворота шести футов высотой из коллапсиума,[5] над дверью в скале выбиты закорючки. «Оставь надежду всяк сюда входящий», — предположил Джерри и вряд ли ошибся.

Бичи захлестали яростней прежнего, подгоняя рабов к мрачным воротам.

— Слушайте и мотайте на ус! — закричал глав-

[5] notes: 5

Коллапсиум — фантастический искусственный материал из атомов металлов, у которых влияние сил взаимоотталкивания устранено, а связей усилено. Изделия из коллапсиума очень тяжелы, не поддаются коррозии и практически неразрушимы. (*Прим. авт* .)

ный надсмотрщик с огромного валуна, откуда ему были видны все дрожащие, полные страха рабы. При первых же его словах хлысты замелькали еще быстрее, и рабы покорно замолчали. — Повторять не буду, так что расправьте свои уши, антенны или что там у вас. Перед вами дверь в шахты ДнДрф, первая из семнадцати таких же. Дверь открывается, один из вас заходит, дверь за ним закрывается, и затем открывается другая перед ним. Он проходит и ждет, пока откроется следующая. Проходит и ждет, проходит и ждет — и так семнадцать раз, пока не окажется в шахте. Двигаться советую пошустрее. Пол металлический, и через три секунды после того как открылась очередная дверь, по нему пропускается ток напряжением пятьдесят шесть тысяч вольт. Так что идите, скулите, обливайтесь горючими слезами, кляните судьбу, но идите. Попав внутрь, вы окажетесь среди рабов, уже вкалывающих в шахте. Хагг–лусам наплевать, какие там царят порядки. Пока дробильные машины внутри перемалывают наркотик ДнДрф в пудру, а тонна этой пудры ежедневно отсасывается через дюймовую трубу, по другим трубам в шахту поступают вода и пища. Нет нормы — нет пищи. Надеюсь, понятно. Старайтесь изо всех сил, и у

вас будет жратва. А теперь киньте прощальный взгляд на солнце, и вперед, в вечную ночь!

Внешняя дверь открылась, захлестали бичи, и первый раб проследовал в шахту. За ним второй, третий.

Вскоре очередь дошла и до Джерри. Он последний раз взглянул на бесплодную равнину, на корабль работорговцев, на купола, под которыми, несомненно, скрываются проклятые лортонои, и пошел. Дверь за его спиной, противно заскрипев несмазанными петлями, закрылась; наступила тьма.

— Я иду за тобой, Чак, — сказал Джерри решительно и, шмыгнув носом, вытер его тыльной стороной ладони.

Открылась дверь впереди. Перспектива получить электрический удар напряжением пятьдесят шесть тысяч вольт вовсе не радовала, и Джерри поспешно вбежал в следующий тамбур. Через три секунды открылась следующая дверь. За ней еще. И еще…

Путешествие в шахту было кошмаром, но еще большим кошмаром оказалось прибытие. Едва Джерри переступил последний порог, как огромный волосатый монстр огрел его по шее дубинкой, подозрительно напоминающей берцо-

вую кость человека. Джерри оказался на полу, но прекрасные рефлексы, не раз уже спасавшие его, не подвели. Он с быстротой молнии перекатился, и второй удар дубины пришелся по каменному полу. Джерри схватил голень монстра и что было сил рванул его на себя. Монстр гулко плюхнулся на пол, и, прежде чем он очухался, на его груди уже сидел Джерри и сжимал горло японским захватом. Пять секунд, и жертва отключается, десять секунд — умирает. Джерри давил в полную силу. Зверь под ним попытался заговорить, но из его глотки вырвался лишь сдавленный стон. На четвертой секунде он выдохнул что-то вроде «Э–э-э… Дже… ри…» и отключился.

Джерри задумался: откуда существу известно его имя? На восьмой секунде он всмотрелся в грязную заросшую морду, а на девятой разжал пальцы. К мозгу монстра прилила свежая кровь, вскоре он открыл налитые кровью глаза и с ненавистью взглянул на Джерри.

— Чак, приятель, ты, что ли? — спросил Джерри. Монстр, поморгав, захрипел:

— Я Чак… Но ты?.. Откуда… Мое имя?

— Бедняга. — Джерри помог другу встать и заботливо стряхнул с него пыль. — Проклятые лортонои промыли тебе мозги и дорого за это

заплатят. А когда-нибудь, обещаю, ты снова станешь прежним Чаком ван Чивером. Ты понял меня, Чак?

— Давай поедим. Чак голоден.

Джерри, проклиная судьбу, которая так круто обошлась с его лучшим другом, потрепал Чака по плечу и повел к кормушке. Там собрались существа самой различной наружности и, зачерпывая из корыта руками, клешнями, щупальцами мутную жижу, с жадностью поглощали ее. Еда запахом и видом напоминала баланду из разваренной в воде кормовой свеклы. В действительности так оно и было. Чак, растолкав грязных волосатых существ, протиснулся к кормушке, а Джерри, брезгливо поморщившись, огляделся. Глазам его предстала демоническая сцена. Именно демоническая, лучше слова не подберешь, сколько ни старайся. Пещеру освещали мерцающие костерки, разведенные в вырубленных в каменных стенах нишах. К ближайшему костерку подошел раб и вывалил из помятого ржавого ведра в огонь куски черного вещества. Топливо, догадался Джерри. Рядом с костерком одни рабы с громкими стонами крутили ручки дробильной машины, а другие кидали в машину глыбы черной субстанции, которые подвозили

на одноколесных тачках третьи. Раздробленное машиной в пудру черное вещество ссыпалось в воронку и исчезало в уходящей к потолку трубе. Шум в пещере стоял неимоверный.

— Страшный наркотик ДнДрф! — воскликнул Джерри и, с опаской подойдя к дробильной машине, поддел ногой блестящий черный кусок, выпавший из ее недр. — Если бы я не знал, что это смертельно опасный наркотик ДнДрф, от которого разрушаются хитиновые панцири, то решил бы, что это кусок обыкновенного черного древесного угля.

— Так оно и есть, ведь наркотик ДнДрф не что иное, как уголь, — раздался неприятный хриплый бас за спиной Джерри. — А ты, парень, я погляжу, считаешь себя здесь самым умным!

Джерри уже уяснил, насколько зверские порядки царят в шахтах, и поэтому сначала отскочил в сторону, а уж потом обернулся. Дубинка — берцовая человеческая кость — просвистела мимо его головы, не причинив вреда.

— Попробуешь еще раз на мне этот трюк, и ты покойник, — сказал Джерри существу с дубиной, становясь в стойку карате.

Существо озадаченно оглядело Джерри, а тот в свою очередь оглядел существо. Ничего при-

мечательного: покрытый облезлой свалявшейся шерстью гуманоид, примерно одного с Джерри роста, с горящими белым пламенем круглыми глазами.

— Меня зовут Девил Дуд, — гуманоид обнажил острые крупные клыки — видимо, улыбнулся. — Я в этой шахте за начальника. Может, вызовешь меня на поединок? Будем драться до смерти.

В голове Джерри уже сформировался план, и он, изображая простачка, приветливо улыбнулся.

— Нет, что ты. Я отдаю себя на твою милость и подчиняюсь всем твоим командам. Покажи, что делать, и я выполню любую работу, только не бей меня.

— Эх–х, — разочарованно буркнул гуманоид, опуская дубинку. — Будешь выкапывать куски ДнДрф вон из того угла и подтаскивать их к дробильной машине. И помни: не будешь вкалывать — умрешь как собака, — он выразительно потряс дубинкой.

— Конечно, конечно, о чем разговор. А что делают другие рабы?

— Другие тоже добывают ДнДрф, или подтаскивают его к дробильным машинам, или крутят ручки машин. Норма — тонна в день. Пока вы ее выполняете, у вас есть жратва и вода.

— Ясно. А что делаешь ты?

— Я и мои ребята едим, пьем, следим за порядком и не делаем никакой работы, если не считать работой разбивание голов непослушным.

— Скучно же вы живете. Знаешь, а у меня есть план, как выбраться отсюда.

— Что? Побег?

— Именно.

— О побеге забудь и шагом марш на работу!

— Конечно, конечно. А почему бездельничают те два парня?

— Где?

— Да у тебя за спиной.

Девил Дуд, подняв дубинку, повернулся. Джерри тут же ударил его ребром ладони в основание массивной шеи, и тот, потеряв сознание, со стуком рухнул на пол.

Джерри, не мешкая, вытащил из плавок мозговой щит, уселся на грудную клетку местного заправилы, правой рукой зажал ему рот, а левой ноздри. Не приходя в себя, Девил Дуд застонал и судорожно задергался, его кожа там, где был выдран мех, пошла багровыми пятнами. Сжалившись над ним, Джерри открыл ему одну ноздрю и вставил туда мозговой щит. Мозговой щит тут же исчез, а Девил, выгнув спину, сбросил с себя

Джерри и схватил дубинку.

— Секундочку! — закричал Джерри, уверты-ваясь от удара. — Будь добр, остановись, и я объясню, в чем дело.

Разъяренный босс слушать объяснений не по-желал, а принялся с криками гонять Джерри по пещере. Рабы закрутили головами и заверещали, радуясь немудреному развлечению. Вскоре Джер-ри надоела беготня, и, уклоняясь от очередного удара, он присел, подобрал кусок угля и внезапно швырнул. Джерри, чьи подачи в бейсболе счита-лись неберущимися, конечно, не промазал. Кусок угля, просвистев в воздухе, угодил Девилу Дуду точнехонько в лоб и уложил его на месте. Джер-ри схватил выпавшую дубину и, отогнав самых любопытных рабов, уселся рядом. Через минуту Девил открыл глаза и сразу увидел занесенную над его головой дубину.

— Чего медлишь? Убей меня! Посмотрим еще, как тебе понравится командовать этими иди-отами.

— Заткнись! — осадил его Джерри. — Слушай меня внимательно, или я выпущу из твоей тупой башки мозги. Я здесь, чтобы возглавить восста-ние рабов, а сбив тебя с ног в первый раз, сунул тебе в нос мозговой щит, и теперь твои мысли

экранированы от прочтения.

От этой новости глаза Девила вылезли на стебельках из глазных впадин дюйма на три.

— Знаешь, а ты вроде прав, — сказал он. — Я довольно посредственный телепат, но сейчас понимаю, что не получаю, как прежде, приказов извне. Значит, и мысли мои теперь не читают?

— Ну наконец-то! Пообещай, что, если я верну тебе дубину, ты не бросишься на меня, а поможешь организовать рабов для побега.

— Ты освободил меня от коварных ментальных щупалец, и отныне я твой должник и верный союзник! — взвыл Девил, вскакивая на ноги. — За дело!

И они взялись за дело. Одного за другим они отзывали самых крупных, мускулистых рабов, стукали их по головам дубинкой и вставляли в носы мозговые щиты. Как только рабы приходили в себя, им вкратце объясняли обстановку, они присоединялись к команде Джерри и помогали набору добровольцев. Так продолжалось до тех пор, пока не кончились мозговые щиты.

— Собирайтесь вокруг меня, — приказал своим сторонникам Джерри. — Я объясню вам план побега в деталях. Наша часть работы…

— А–а! А–а! А–а! — взвыл Девил Дуд.

Джерри неодобрительно оглядел его.

— Будь добр, заткнись!

— А–а! А–а! А–а-а! — не унимался тот. Решив не обращать на него внимания, Джерри продолжал:

— Как я уже сказал, наша задача — обезвредить стражу у выхода…

— Но как мы выберемся наружу? — поинтересовался покрытый тусклой чешуей здоровяк.

— Нам помогут…

— А–а! А–а! А–пп–ппп–чхи! — наконец разродился Девил Дуд.

— Будь здоров, — вежливо заметил Джерри.

— Что здесь за сходка? — подозрительно спросил Девил. — Почему вы не работаете? Почему я не могу прочитать в ваших мозгах? А–а-а, вы планируете побег!!!

Дубинка Джерри с глухим стуком соприкоснулась с его черепом.

— Он так сокрушительно чихнул, что потерял свой мозговой щит, и враги вновь овладели его разумом, — объяснил Джерри. — Теперь им известно, что мы задумали.

— Скрежетать клыками не время, — заметил верзила с выступающими изо рта загнутыми клыками. — Пора о шкуре подумать.

Действительно, опасность была велика. Рабы,

побросав работу, точно зомби, приближались к заговорщикам: руки подняты, когтистые пальцы растопырены, зубы обнажены в хищных оскалах, глаза горят дьявольским пламенем.

— Их разумом управляет стража! — закричал Джерри. — Отступаем, ребята! Я посылаю наружу сообщение, скоро там начнется атака! — Он определенным образом надавил на определенный зуб и взвыл (надавил слишком сильно, к тому же не на тот зуб, и сломал его). Сосредоточившись, он надавил на нужный зуб и активировал вмонтированный туда крошечный, но чрезвычайно мощный субэфирный передатчик. Сигнал передатчика, пройдя сквозь пласты угля, камни и песок, вырвался наружу и устремился в космос, где его с нетерпением ожидал «Плисантвильский орел». — Сигнал подан! — радостно сообщил Джерри. — Помощь идет!

Тем временем в шахте завязалась битва. Управляемые ментальными силами рабы, не ведая страха, с голыми руками бросались на сторонников Джерри. Те, не скупясь, раздавали удары дубинками, но на месте одного упавшего тотчас вставали двое. Толпа рабов наседала, обороняющихся становилось все меньше, и они шаг за шагом отступали, пока не оказались прижатыми

к стене. Казалось, все потеряно, но вдруг пещеру залил ослепительный солнечный свет. И оборонявшиеся, и нападавшие застыли, раскрыв рты. За неуловимый миг сырит–излучатель устранил все ведущие в шахту двери вместе с половиной рабов. Путь к свободе был открыт.

— Путь к свободе открыт! — закричал Джерри и бросился к выходу. — За мной!

Его сторонники растолкали еще не очухавшихся рабов и, размахивая дубинками, последовали за ним. Джерри бежал первым, отвыкшие от света глаза ничего не видели. Малейший бугорок на его пути, падение, и его бы растоптали, мокрого места не осталось бы. Но обошлось. Вот и выход из подземелья.

Снаружи вовсю кипит бой. Над равниной носится «Плисантвильский орел» и методично уничтожает врагов с помощью сырит–излучателя, внизу с ними расправляются взвод гарниши и пять хагг–индеров под командованием отважного лорда Пррси. К ним присоединяется команда Джерри, а затем и остальные рабы, освободившиеся вдруг из-под ментального контроля. Хотя дерутся хагг–лусы как дьяволы, шансов на победу у них нет…

Все, конец кровавой битве. От подлых хагг–лу-

сов остались лишь дымящиеся куски хитиновых панцирей, подергивающиеся клешни да хвосты с ядовитыми жалами. Джерри утер ладонью пот со лба и, прищурившись, посмотрел, как приземляется «Плисантвильский орел».

— В самолет, живо! — скомандовал лорд Пррси. — Через тридцать секунд взлетаем.

— Подождите! — закричал Джерри, выбираясь из потока рабов, устремившихся в «семьсот сорок седьмой». — Где Чак?

— А разве он не в самолете? — удивился Джон.

— Нет.

— Значит, в шахтах остался.

— Сейчас я его приведу. — Джерри побежал к темному входу.

— Вернись! — вскричал лорд Пррси. — Скоро здесь будет весь воздушный флот хагг–лусов, и сомневаюсь, что против их натиска мы продержимся больше минуты.

— Мы затеяли эту вылазку ради освобождения Чака! Разве забыли?

— Нет, но ждать мы не можем. Ведь если нас схватят проклятые хагг–лусы, мы лишимся не только жизней, но и сырит–излучателя с самолетом в придачу.

— Без Чака я не вернусь! Оставайтесь здесь, де-

ритесь, если надо, но меня дождитесь. Я мигом.

Джерри что было сил побежал по темному коридору. Через десяток метров оказалось, что, привыкнув к яркому солнечному свету, он не видит вокруг ни зги. Джерри чертыхнулся и перешел на шаг.

— Чак! — позвал он, пройдя чуть дальше. — Чак, где ты?

В ответ гулкое эхо и тишина. Джерри вытянул перед собой руки и, поминутно спотыкаясь, добрел до кормушки. Здесь он услышал громкое чавканье. Кто бы это мог быть? Глаза Джерри мало–помалу привыкли к полумраку, и он разглядел у кормушки своего приятеля.

— Чак, дружище, сейчас мы с тобой выберемся отсюда! — Джерри потянул Чака за руку.

— Отвали! — зарычал тот в ответ. — Чак кушает.

Джерри с сожалением поднял руку и ударом карате по мускулистой шее отключил приятеля. С трудом взвалил бесчувственное тело на плечо и побрел к выходу. Работа была не из легких, но Джерри, хоть и вымотался изрядно за последние часы, все же справился.

Вот и выход. Джерри вышел на свет и замер, пораженный. Там, где стоял «Плисантвильский

орел», было пусто. Абсолютно пусто.

Они брошены на кишащей кровожадными врагами планете в сотнях световых лет от дома.

Умирать чертовски не хотелось…

Глава 13. Брошенные на Хаггисе

Ситуация была отчаянная. До того отчаянная, что Джерри, бесстрашный космический исследователь, едва не разочаровался в самой идее космических исследований.

Что же предпринять? Самоубийство казалось самым приемлемым выходом. Джерри положил бесчувственного Чака на песок и принялся размышлять, каким именно способом покончит с собой. Прошли минуты, и, не найдя более привлекательного ухода из жизни, чем утопиться в свекольной баланде, он оставил мысль о самоубийстве.

На горизонте появились боевые корабли хагг–лусов и начали расстреливать все подозрительные, по их мнению, объекты, но поблизости, кроме обломков белых панцирей да двух–трех тел рабов, не видно было никого и ничего.

Или все-таки кто-то есть? Что за мерзкий треск и скрежет доносится из-за скалы?

Джерри вновь взвалил Чака на плечо и отступил в темную пещеру. Скрежет нарастал, приближался, и вот из-за скалы появился огромный страшный хагг–лус: увенчанный отравленным

жалом хвост покачивается взад–вперед, фасетчатые глаза горят дьявольским пламенем. Увидев, должно быть, беглецов, он прямиком направился к пещере.

Джерри с Чаком на загривке пробежал в глубь шахты, заскочил за корыто с баландой и затаился. Через минуту льющийся из входа солнечный свет заслонило хитиновое тело.

— Войди и испытай свою судьбу! — закричал Джерри, набирая в пригоршню угольной пыли. Хагг–лус, будто не слыша угрозы, пер вперед. — Ты слышишь меня?.. Еще шаг, и я кину в тебя смертельный наркотик ДнДрф, и твой хитиновый панцирь в одночасье сгниет!

Белый гигант неумолимо приближался. Джерри сдержал слово и швырнул во врага угольную пыль. Естественно, попал, но скорпион даже не приостановился. Тогда Джерри схватил подвернувшуюся под руку дубинку из берцовой кости человека — игрушку по сравнению с клешнями в ярд длиной — и бесстрашно ринулся в бой.

— На помощь, Чак, на помощь! — воскликнул он. — Умрем как мужчины в бою!

Но помощь не пришла. Чак, очухавшись, тут же припал к корыту с баландой и драться не желал. Враг приближался. Вот уже над Джерри

нависает огромный белый хитиновый панцирь. Джерри занес дубину для, может быть, последнего в жизни удара, но тут в брюхе врага открылся потайной люк, и оттуда высунулись щупальца.

— Вроде мне эти щупальца знакомы, — пробормотал Джерри, отбрасывая дубину. — Ты, что ли, старина Слаг–Тогат?

— Я, и никто иной. Меня оставили здесь, чтобы я вытащил из переделки двух глупых землян.

— Кому-то в голову пришла великолепная идея. А что ты делаешь в брюхе нашего общего врага?

— Не врага, а робота. Видишь ли, как только тебя продали в рабство, неожиданно прервалась секретная связь с нашим шпионом–альбиносом, видимо, его разоблачили. Гарниши и хагг–индеры, объединив усилия, построили этого робота, и я, как последний идиот, согласился доставить его во вражеский город и разыскать шпиона, но тут потерялись вы, и меня, несмотря на протесты, выкинули у Северного полюса. — От жалости к себе он с силой ударил сразу десятком щупалец по карте с грифом «Совершенно секретно».

— Да не расстраивайся ты! — подбодрил его Джерри. — Теперь тебе в этой миссии помогут по крайней мере полтора храбрых человека. Чака я считаю за полчеловека, ведь после промывания

мозгов он на большее не тянет.

Чак довольно рыгнул, должно быть, в знак согласия.

— Слушай, давай поговорим позже, — предложил Слаг–Тогат, обеспокоенно смотря во все стороны сразу, что при его количестве глаз было вовсе не сложно. — Залезай в машину, и я, пока нас не заметили, закрою люк.

Оттащить Чака от корыта с пойлом оказалось непросто. Тот выл, ныл, брыкался и плевался, и только обещание Джерри дать бутерброд с солидным куском мяса ормолу помогло увести его в машину. Наконец Чак прикреплен ремнями к креслу, люк задраен. Джерри с интересом огляделся. Внутри машины было тесновато: в носовой части находились кресло водителя, обзорные экраны, штурвал, рычаги и педали, рядом — пульт, управляющий хвостом, конец которого оснащен не только ядовитым жалом, но и ультразвуковой и лазерной пушками, справа и слева располагались стеллажи с инструментами и пищей, напротив люка — малюсенькая кухонька, тут же стояли сложенные раскладушки, бар и цветной телевизор, у кормы за занавеской — биотуалет, стены сплошь обклеены плакатами, рекламирующими военную службу и предосте-

регающими от венерических заболеваний.

— Неплохо, — заключил Джерри, кладя в микроволновую печку гамбургер для истекающего слюной Чака.

От печки пошел такой аппетитный запах, что Джерри, подумав, положил туда же второй, для себя. Через тридцать секунд печка мелодично звякнула, сообщая, что гамбургеры готовы. Джерри сунул один Чаку в зубы, другой принялся жевать сам.

— Мне известна ваша земная легенда о Нероне, музицировавшем, пока горел Рим, — сказал Слаг–Тогат, с неодобрением глядя на жующего Джерри. — У нас есть аналогичное предание о юноше, занимавшемся крогис нардлес, в то время как мать его друга каракас.

— И в оригинале звучит достаточно грязно, так что с переводом не затрудняйся, — заметил Джерри с набитым ртом. — Кстати, я не просто жую, я одновременно обдумываю план бегства. Прежде чем я изложу свои предложения, давай решим два–три неотложных вопроса. Прежде всего не мешало бы надеть Чаку на голову мозговой щит, а то, если враги уловят его голодные мысли, они сочтут, что с хагг–лусом, в котором мы находимся, что-то не в порядке.

— Не беспокойся, не уловят. Весь робот — огромный мозговой щит, так что мысли Чака останутся при нем.

— Хорошее начало. Но, принимая робота за себе подобного, хагг–лусы непременно попытаются вступить с ним в контакт и не уловят вообще никаких мыслей. Что тогда?

— Создавая робота, конструкторы учли и это. У нас есть записи различных биотоков мозга хагг–лусов. Такие, например, как «отвали», «не стой над душой» или «здоровый глубокий сон». Нажимаешь кнопку на этом пульте, и нужная запись транслируется с усов–антенн робота.

— А что означает кнопка со значком в виде восьмерки?

— Как ты знаешь, подвергаясь непрерывному воздействию жесткого излучения голубого гиганта, все хагг–лусы безумны в большей или меньшей степени. Чаще в большей. Многие из них безумны до такой степени, что периодически впадают в состояние полного умопомрачения, и от них в такие минуты держатся подальше даже их безумные соплеменники, не без основания опасаясь за собственное здоровье. Так вот, кнопка с символом в форме восьмерки включает запись биотоков мозга хагг–луса во время такого присту-

па помешательства.

— Я узнал все, что нужно! — Джерри собрался было похлопать Слаг–Тогата по спине, но, увидев раздраженно смотрящие на него со спины три–четыре глаза, отдернул руку и станцевал в тесной кабине джигу. — План бегства готов!

Познакомившись с планом, Слаг–Тогат заразился энтузиазмом Джерри и тут же взялся за рычаги управления роботом. Пользуясь огромными передними клешнями, робот обсыпал свой белый корпус угольной пылью, затем набрал во все клешни по куску угля и направился к выходу, а Джерри поспешно нажал на кнопку с символом, напоминающим восьмерку.

На бесплодной арктической равнине уже приземлилось не меньше двадцати боевых кораблей, и воины хагг–лусы с оружием на изготовку осторожно приближались ко входу в шахты. Тут им навстречу из пещеры вылез покрытый смертоносным наркотиком ДнДрф хагг–лус, чьи усы–антенны излучали мозговые волны полного умопомрачения. Пораженные воины замерли, но, когда безумец замахал передними клешнями, в которых были зажаты куски той же смертоносной субстанции, галопом бросились прочь, а счастливчики, еще не покинувшие своих боевых

кораблей, поспешно стартовали.

Придуманная Джерри уловка сработала!

Слаг–Тогат развернул робота и направил к ближайшему кораблю с открытым люком. Команда корабля в панике разбежалась перед ним, а робот, все еще посылая волны безумия, поднялся по трапу и, пройдя по коридору в носовую часть, вошел в рубку управления. Джерри и Слаг–Тогат, в секунду разобравшись, как здесь что работает, захлопнули входной люк и запустили турбины. Корабль, приподнявшись на струе пламени и покачавшись как бы в нерешительности, свечой взмыл над арктической равниной и через несколько секунд уже летел по крутой параболе к границам атмосферы.

Джерри на радостях налил большой бокал джина и одним глотком осушил его.

— Куда мы направляемся? — спросил он Слаг–Тогата.

— Чак хочет кушать!

Джерри неохотно поднялся с кресла и сунул в микроволновую печь очередной гамбургер.

— В Хаггис–Сити. Дорогой нас попытаются сбить, но надеюсь, что, прежде чем нас запеленгуют, мы выскочим в космос и, пройдя по низкой орбите, сядем в нескольких милях от города.

Там бросим корабль и отправимся на встречу с нашим разведчиком пешком.

— Хороший план, — одобрил Джерри. В эту секунду они пересекли границу ночи, и он глубокомысленно добавил: — Как раз кстати, темнота скроет наш корабль от глаз противника.

— Я запрограммировал бортовой компьютер, — доложил Слаг–Тогат. — Через четыре секунды после посадки корабль взлетит, взяв курс в никуда. Уверен, свирепые хагг–лусы уничтожат корабль, чтобы на планету не попала даже пылинка смертоносного ДнДрф, нашего же исчезновения из корабля не заметят.

С этими словами Слаг–Тогат посадил корабль на равнине среди холмов. Едва стабилизаторы коснулись грунта, распахнулся люк, и робот хагг–лус под управлением Джерри выскочил наружу. Корабль, натужно завывая ракетными двигателями, поднялся в небо. Тут же в него угодило сразу несколько ракет–перехватчиков, и предрассветный сумрак озарила голубая вспышка.

— Прежде чем мы отправимся в город, необходимо удалить с корпуса машины всю угольную пыль, — сказал Джерри, ставя пластиковое ведро в раковину и наполняя его водой. — Бери, старина, это ведерко и жесткую щетку и действуй.

— Почему именно я? — возмутился Слаг–Тогат. — На родине я как-никак был премьер–министром и к грязной работе не привык.

— Согласен, работа не совсем по тебе, но, видишь ли, температура за бортом — больше ста двадцати по Цельсию, и я там мгновенно изжарюсь. Твоей же замечательной шкуре, в отличие от моей слабой мягкой плоти, даже пули нипочем. Так что предлагаю тебе, мой старый древовидный приятель, вызваться добровольцем на эту работенку.

Слаг–Тогат, поворчав для порядка, вылез наружу и занялся делом. Джерри принял еще стакан джина и задремал. Набивший наконец-то до отвала желудок Чак сопел рядом. Мирный сон нарушил хлопнувший люк, и друзей обдало волной жара.

— Уф–ф! Уф–ф!

При каждом выдохе из ротового отверстия бывшего премьер–министра вылетало облачко пыли. От непривычной работы на жаре его шкура–кора сморщилась, а тело–ствол похудело по крайней мере вдвое. Он вразвалку подошел к раковине, взял пластиковый шланг, один его конец надел на кран, другой сунул в отверстие в теле, включил и начал медленно раздуваться.

— Похоже, снаружи припекает? — Джерри невинно улыбнулся, а Слаг–Тогат одарил его мрачным взглядом сразу не менее дюжины глаз. — Заполнишь емкости, сразу возьмемся за дело. Кстати, как зовут того секретного агента, на встречу с которым мы спешим?

— Не скажу. Его имя — государственная тайна.

— Брось темнить, старая гнилушка. Я же свой.

— Агента зовут Икс–девять, — прошептал Слаг–Тогат. — Теперь, если тебя схватят, сразу же убей себя.

— Понятно, понятно.

— Каковы наши дальнейшие планы?

— При посадке я заметил к северу отсюда монорельсовую дорогу. Чтобы зря не разряжать аккумуляторы, отправимся в Хаггис–Сити поездом.

— Хорошая мысль. Так и сделаем.

Слаг–Тогат уселся в кресло водителя и вывел робота хагг–луса из расщелины в скале. На западе занималась голубая заря. Землянин и гарниши огляделись: совсем рядом действительно проходила монорельсовая дорога, а в полумиле находилась станция. Из-под валунов, служивших жилищами, вылезали хагг–лусы, махали на прощание супругам, ласково похлопывали детишек

по хитиновым спинам и спешили к станции. Слаг–Тогат направил робота туда же.

— Похоже, мы попали в час «пик», — заметил Джерри. — Пассажиры спешат на работу. У нас есть подходящая на этот случай запись биотоков мозга?

— Сейчас соображу… Как ты считаешь, «Воспоминания о ночной оргии» подойдут?

— «Воспоминания о ночной оргии»?

— Именно. Вряд ли соседи заговорят с индивидуумом, думающим о столь непристойных вещах.

— Да, то, что нам нужно. Их несложно понять. Треск клешней, антенн, хитиновых панцирей!.. Бр–р-р! В дрожь бросает! Неудивительно, что с индивидуумом, вспоминающим такое, никто не заговаривает.

Робот незаметно влился в толпу спешащих к станции хагг–лусов. В его сторону дернулись было несколько антенн–усиков, но, поняв, что на уме у соседа, беспокоить его хагг–лусы не рискнули. Робот благополучно добрался до платформы, взобрался по ступенькам, а через несколько минут подкатили блестящие вагоны монорельсового поезда. Последовала ожесточенная борьба за кресла, их, конечно, захватили пассажиры со

стажем и тут же отгородились от толпы металлическими листами утренних газет. Поезд тронулся, через десяток минут показался Хаггис–Сити, а еще через минуту они прибыли на Паддиг–тан вокзал. Хагг–лусы, толкаясь, выскочили на платформу и заспешили к выходу в город. Ведомый Слаг–Тогатом робот плелся позади толпы.

— Почему ты тормозишь? — удивился Джерри.

— Видишь, у выхода стоят хагг–лусы со здоровенными блестящими бляхами на панцирях?

— Да, похоже, полицейские.

— И все выходящие предъявляют им бумажки, должно быть, удостоверения личности.

— А у нас нет его?

— Ты прямо выхватываешь мои мысли из отверстия для общения.

— Тогда выберемся отсюда другим путем. Пошли вдоль платформы в сторону пригорода. Там наверняка складские помещения, а в них имеются служебные выходы.

Робот хагг–лус, гремя двадцатью клешнями на концах лап, побежал по платформе. Платформа кончилась перед металлическими воротами, увенчанными надписью на неизвестном языке. «Служебный выход» — догадался Джерри. Оглядевшись, робот вскрыл ворота взмахом мощной

передней клешни. За воротами находился пандус. Проворно сбежав по нему, робот попал в лабиринт служебных помещений станции.

— Может, сменим пластинку в мозгах робота, — предложил Джерри. — По–моему, трансляция порнографических мыслей не совсем подходит к ситуации.

— Отличная идея. У нас есть запись мыслей опустившегося наркомана, чей хитиновый панцирь от неумеренного потребления ДнДрфа того и гляди рассыплется.

Джерри передернуло.

— А нет чего-нибудь попроще?

— Может, заведем неторопливые размышления игрока–любителя скачек на джеддаках относительно результатов сегодняшних пятого и седьмого заездов?

— Думаю, как раз с такими мыслями наш робот хагг–лус сойдет за станционного рабочего. Ставь эту запись.

Робот меж тем попал в широкий коридор, уставленный ящиками и коробками самых разных размеров. Изредка по коридору проезжали электрокары, но они так громко дребезжали и скрипели, что робот всякий раз заблаговременно прятался за коробками. Вскоре коридор привел

робота в просторное помещение.

— Гляди-ка, пустая кара, — заметил Джерри. — Воспользуемся?

— Конечно.

Оглядевшись, робот залез в открытую кабину и уселся за руль, дальше они довольно быстро покатили на колесах. Попадавшиеся все чаще рабочие не обращали на кару ровным счетом никакого внимания. Слаг–Тогат, откинувшись на спинку кресла водителя, довольно булькал, Джерри беспечно насвистывал немудреный мотивчик, Чак дремал.

Впереди показались распахнутые настежь ворота, за ними виднелось яркое голубое небо.

— Выбрались, — заключил Слаг–Тогат.

Но с выводами он поторопился. Рядом с воротами в стене раскрылась неприметная дверца, и оттуда выполз безобразный хагг–лус: на хитиновом панцире блестит начищенная бляха, в лапах — оружие, похожее на здоровенную винтовку, но с раструбом на конце ствола.

Коп!

Коп засеменил в их сторону, и Джерри поспешно включил прибор, читающий мысли окружающих.

— О пятом заезде гадает, ублюдок! — раздался

в кабине робота грубый голос. — А у самого кузов битком набит авиационными бомбами! Эй, куда прешь? Читать разучился? А ну-ка живо тормози и, пока я не сшиб тебя выстрелом, вылезай из кабины. Да удостоверение личности прихвати!

Джерри со Слаг–Тогатом переглянулись. Попали в переплет!

Глава 14. Рождение галактических рейнджеров

В действительности в переплет попал коп. Поворотом ручки на пульте Джерри развернул хвост робота и надавил на гашетку. Из отравленного жала вылетел разрушительный ультразвуковой луч, и незадачливый страж порядка тут же осел грудой белого хитина, а кара, не замедляя скорости, покатила дальше.

Но стычка с копом не осталась незамеченной. Пронзительно взвыли сирены, зазвонили колокола, из-за ящиков, из незаметных дверей и щелей выскочили вооруженные охранники.

— Давай оставим кару с бомбами им, — предложил Слаг–Тогат.

— Не только кару оставим, но и преподнесем подарочек, который они долго не забудут! — нараспев проговорил Джерри.

Подчиняясь ловким щупальцам Слаг–Тогата, робот хагг–лус резко крутанул руль, кара врезалась в притолоку ворот, двигатель заглох. Робот вскочил на лапы, выпрыгнул из открытой кабины и припустил по улице, а у заблокированных

карой ворот возникла толкучка. Прежде чем робот повернул за угол ближайшего здания, Джерри тщательно прицелился и выпустил тепловой луч в авиабомбы в кузове кары.

Бабахнуло будь здоров! Почва содрогнулась, и половина станции превратилась в груду обломков. Робот как ни в чем не бывало бежал дальше. Слаг–Тогат развернул на пульте управления подробную карту Хаггис–Сити и, внимательно изучив ее, направил робота к месту, где предположительно скрывался секретный агент Икс–девять.

— Притормози, — сказал через минуту Джерри, — мы у цели.

— Карты я читаю не хуже тебя, — обиженно проворчал Слаг–Тогат.

— Весьма похвально. Надеюсь, ты заметил впереди канализационный люк?

— Какой еще люк?

— Тот открытый люк двадцати футов в диаметре, из которого за нами наблюдают блестящие глаза. Ну посмотри же, старина, внимательней!

— Там, наверно, скрывается полицейский! — Щупальца Слаг–Тогата, точно пальцы виртуозного пианиста, запорхали над рычагами управления, и робот забежал за ближайший дом,

развернулся и осторожно выглянул из-за угла.

— Да не суетись ты, старина, — посоветовал Джерри. — Вряд ли это полицейский. Может, просто водопроводчик.

Противно зашипел громкоговоритель на стене кабины управления.

— Что бы это значило? — озадаченно спросил Слаг–Тогат.

— Из люка слышится неприятное шипение, — прокомментировал Джерри. — Похоже, сидящий там шипит, привлекая наше внимание. Давай-ка не спеша подойдем к люку и посмотрим, кто там.

Слаг–Тогат взялся за рычаги, и двадцатифутовый белый скорпион с самым невинным видом выполз из-за угла и принялся вальсировать, с каждым кругом приближаясь к открытому люку. Блестящие в темноте глаза, не отрываясь, следили за ним, и, когда люк оказался в нескольких футах, оттуда послышался сдавленный шепот:

— Один, два, три, четыре, пять…

— Пароль! — радостно вскричал Слаг–Тогат и, включив наружный динамик, проговорил в микрофон: — Шесть, семь, восемь, девять, десять.

— И это ты называешь паролем? — удивился Джерри. — Да такой пароль разгадает даже пяти-

летний карапуз!

— Ты говоришь так потому, что не знаком с психологией хагг–лусов, — обиженно заявил Слаг–Тогат. — Они настолько глупы, что, досчитав до трех, в лучшем случае до четырех, звереют и кончают с собой ударом отравленного жала в мозг. Существо в люке без запинки досчитало до пяти, следовательно, там сидит разведчик хагг–индер, известный нам под кодовым именем Икс–девять.

Из люка появилась белая клешня и поманила их. Окинув улицу быстрым взглядом и убедившись, что за ними никто не наблюдает, Слаг–Тогат подвел робота к самому люку.

— Ты Икс–девять? — спросил Джерри в микрофон.

— Конечно, — ответил Икс–девять. — Пока я вас ждал в проклятом канализационном люке, я весь плесенью покрылся.

— Превратности судьбы, ничего не поделаешь, — сказал Джерри, будто не заметив раздражения в голосе секретного агента.

— Мы кинулись к тебе на выручку, как только ты не вышел на очередной сеанс связи, — солгал Слаг–Тогат.

— Меня застукали в секретной лаборатории, но

недаром я самый умный хаггис на этой чертовой планете безумцев. Я наврал хагг–лусам с три короба, и они, дурачки, поверили и на время забыли о своих подозрениях. Но убедить лортонои в своей невиновности я бы не смог, они слишком проницательны, и, когда меня пригласили в их Центр, чтобы задать несколько вопросов с использованием малоизвестной у нас техники опустошения мозгов, я дал деру и с тех пор торчу здесь, ожидая вас.

— Тебе известно, где находится секретная лаборатория?! — возбужденно закричал Слаг–Тогат.

— Да.

— Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — недовольно поинтересовался Джерри.

— Чак голоден, — послышалось сзади.

— Много чего произошло после того, как тебя продали в рабство, — приступил к объяснению Слаг–Тогат. — Эксперименты показали, что новый сырит–излучатель значительно превосходит по мощности первую модель. Настолько превосходит, что способен переместить в любую точку Галактики с точностью до трех–четырех метров не только «Плисантвильский орел», но и до ста боевых космических кораблей в придачу. Возможно, работа сырит–излучателя так улучши-

лась из-за того, что сыр, прежде чем стал сыритом, был подвергнут воздействию желудочного сока земной женской особи. Мы вознамерились было провести несколько экспериментов, результаты которых подтвердили бы или опровергли эту теорию, но женская особь оказала активное сопротивление, и образцы ее желудочного сока взяты не были…

— Чак хочет пить.

Чак заскулил и яростно задергался в кресле, но, к счастью, веревки держали крепко. Джерри, сжалившись над безмозглым существом, некогда бывшим ему другом, плеснул в стакан на два пальца неразбавленного виски и влил ему в глотку. Чак блаженно заулыбался, закатил глаза и умолк.

— Мы запланировали массированный налет на хагг–лусов, — продолжал Слаг–Тогат. — Первый удар решено было нанести по секретной лаборатории, дабы проклятые лортонои опять не скрылись, прихватив сырит–излучатель. Выяснение местонахождения секретной лаборатории и было нашей основной задачей. — Слаг–Тогат поднес микрофон к отверстию для общения: — Икс–девять, назовите, пожалуйста, координаты секретной лаборатории, и наши войска немед-

ленно начнут атаку.

— 83556,98 на 23976,23, — выпалил мастер–шпион.

Слаг–Тогат, не мешкая, включил ультракоротковолновый радиопередатчик и раздельно произнес в микрофон:

— Докладывает Слаг–Тогат с планеты Хаггис. Координаты объекта: 83556,98 на 23976,23. Как меня поняли? Прием.

— Понял вас, Слаг–Тогат. Начинаем операцию. Конец связи.

— Есть конец связи.

Едва Слаг–Тогат положил микрофон, как небо потемнело от несметных полчищ боевых кораблей, мгновенно перенесенных сюда через бездны космоса сырит–излучателем. Робот хагг–лус поспешно нырнул в канализационный люк и закрыл за собой крышку, а корабли, сея разрушение и смерть, с ревом устремились на город. Земля затряслась от взрывов бесчисленных ракет, артиллерийских снарядов и авиационных бомб; в мгновение ока обратились в руины крупнейшие военные арсеналы хагг–лусов, космопорт, свинцовые металлургические заводы, фабрики, станции по очистке сточных вод. Пощады врагам не было!

Робот хагг–лус осторожно приподнял крышку канализационного люка и выглянул. Город лежал в развалинах, казалось, даже воздух потрескивает от избытка разрушительной энергии. Вдруг невидимая сила подхватила робота и секретного агента Икс–девять, будто перышки, подняла в воздух и потащила в небо. Слаг–Тогат и Джерри одновременно схватились за ручки управления стрельбой, но, едва коснувшись гашеток, увидели источник этой неведомой силы и расслабились. Их несло прямо к парящему над ними «Плисантвильскому орлу». В последнюю секунду перед, казалось бы, неминуемым сокрушительным столкновением скорость подъема уменьшилась, и робота с секретным агентом мягко прижало к дюралевому крылу «Боинга». Из кабины приветливо махал Джон, а из динамика донесся его бодрый голос:

— Рад встрече, ребята! Как видите, мы прибыли, едва только получив ваше сообщение. Попав сюда, мы тут же запеленговали вашу рацию и, дождавшись, когда вы высунетесь из люка, подцепили вас магнитным лучом, разработанным в королевских лабораториях хагг–индерами под чутким руководством умудренных знаниями тысячелетий гарниши. Но не думайте, что я просто

летаю кругами и треплю с вами языком. Пока мы разговариваем, сырит–излучатель срезает слой за слоем почву над подземной секретной лабораторией, что под нами, и отправляет ее на поверхность местного светила. А, что я говорил! Показались железобетонные конструкции!

— Та самая лаборатория! — мысленно передал секретный агент Икс–девять — от природы великолепный телепат.

— Сейчас мы зададим негодяям хагг–лусам взбучку! — восторженно закричал Джерри.

Небольшой поворот ручки сырит–излучателя — и в крыше лаборатории зияет здоровенная дыра, там, обезумев, носятся хагг–лусы. «Семьсот сорок седьмой» камнем метнулся к руинам и сел в дыру, подмяв под себя великое множество врагов.

Еще не замер самолет, как в фюзеляже распахнулись недавно установленные люки, и оттуда с воинственными криками хлынули вооруженные хагг–индеры, а из кабины с не менее громкими криками и тоже с оружием на изготовку выскочили гарниши. Среди лабораторных установок тут же завязалась битва не на жизнь, а на смерть. Хагг–лусы пощады не просили, а отбивались от атакующих хагг–индеров и гарниши тем, что

подвернется под лапы: стульями, монокристаллическими ретортами, железными брусками, пробирками с анализами мочи. Но как бы ни были храбры хагг–лусы, под натиском бесстрашных союзников они умирали десятками.

Видя, что битва того и гляди кончится, а их робот хагг–лус, как марионетка, болтается под крылом самолета, Джерри отчаянно закричал:

— Джон, будь любезен, отцепи нас! Да побыстрей!

— Извините, совсем забыл.

Джон щелкнул выключателем, магнитное поле отключилось, и робот и секретный агент Икс–девять шлепнулись на пол. Слаг–Тогат проворно поднял робота на лапы, и тут Джерри увидел такое, отчего его мужественное сердце сжалось.

— Две ракообразные свиньи сбежали с излучателем! — закричал он в микрофон наружного громкоговорителя. — Быстрей туда! Остановим их любой ценой!

Он еще не договорил, а управляемый Слаг–Тогатом робот метнулся через комнату, разбрасывая оказавшихся на пути хагг–лусов. Вот перед ними только двое ученых хагг–лусов, несущих излучатель. Джерри тут же прицелился и надавил на гашетку, один из ученых упал, сраженный

тепловым лучом, но второй, прячась за телом компаньона, нырнул в секретный ход в стене и захлопнул за собой металлическую дверь. Слаг–Тогат не успел вовремя остановить робота, и тот со страшным грохотом врезался в дверь. В пульте управления коротнуло, во все стороны брызнули искры, оголенный провод под напряжением упал на металлический пол кабины, превратив кресла в электрические стулья, и Джерри со Слаг–Тогатом, закричав, вскочили на ноги. Через мгновение подоспели гарниши и хагг–индеры. Отодвинув поврежденную машину, они выломали дверь и, ведомые лордом Пррси, ворвались внутрь.

Секундного замешательства у двери похитителю излучателя оказалось достаточно. Он прыгнул в кабину монорельсового поезда и дернул на себя красный рычаг. Поезд рванул с места и стрелой понесся прочь. Хагг–индеры и гарниши открыли вслед беспорядочную стрельбу, но почти не поврежденный ни пулями, ни тепловыми лучами поезд скрылся в темном туннеле.

— Он направляется прямо на север, — сообщил лорд Пррси, разрезав искалеченного робота двумя взмахами передних клешней и вытащив из-под обломков Джерри. У перрона стоял всего

один поезд, и преследование было невозможно.

— Прямо на север… — задумчиво бормотал Джерри, вновь забираясь в искалеченного робота. — Прямо на север…

Через минуту он вновь выбрался, волоча за собой бесчувственного Чака. Следом из-под обломков вылез и Слаг–Тогат. Джерри с Чаком на плече припустил к «Плисантвильскому орлу» и, оказавшись в божественной прохладе салона, поспешно захлопнул люк.

— Что с Чаком? — закричала Салли, обнимая существо со стеклянными глазами, которое некогда было парнем, любившим ее всеми фибрами души.

— У нас есть прибор, обнаруживающий на расстоянии сырит–излучатель? — спросил Джерри.

— А как же! Вот он, — Джон показал на небольшой ящичек со множеством лампочек и шкал. — Проклятый похититель излучателя удаляется от нас прямо на север.

— Быстрее стартуем и летим за ним!

— Чак хочет кушать! — Чак оглядел девушку голодными глазами: — Чак хочет кушать!

Должно быть, в его поврежденном мозгу сохранились воспоминания о любимой, и он вдруг вскочил на ноги и принялся сдирать с нее одеж-

ду.

— Чак, уймись!

Чак не унимался, и через секунду–другую на Салли остались лишь прозрачные черные лифчик и трусики. Джерри, тяжело вздохнув, ударом карате отключил разбушевавшегося безумца и сейчас же запрыгал по кабине на одной ноге, потирая раздувающуюся руку. Салли, пискнув, убежала в туалет, и друзья не мешкая подняли самолет и взяли курс на север.

— Прямо на север… — задумчиво произнес Джон. — Я, кажется, знаю, куда он направляется!

— И я тоже, — заявил Джерри. — Потухшего вулкана на горизонте не видно?

— Вон торчит. — Джон холодно улыбнулся. — А фантазия у лортонои небогатая. Но на этот раз им не уйти! Как только над вулканом покажется их космический корабль, бери его на прицел излучателя — и оп! Проклятые лортонои на Спике!

— Именно! А вон и ракета! — Джерри взялся за ручки настройки сырит–излучателя.

И действительно, вслед за клубом черного дыма над жерлом вулкана появился космический корабль. Джерри навел излучатель и нажал на гашетку. Корабль исчез.

— Отличная работа! — закричал Джон и по-

хлопал приятеля по плечу. — Один выстрел, и их больше нет!

Джерри, неуверенно улыбнувшись, прикрыл глаза ладонью.

— Спасибо, но, по–моему, корабль исчез за микросекунду до того, как я нажал на кнопку. Из этого следует, что…

— Не напрягайся, только что поступило сообщение.

— …что лортонои все-таки научились обращаться с нашим излучателем и опять от нас удрали. Но это им даром не пройдет! Я засек их прибором, они переместились на десять световых лет и вынырнули возле того звездного скопления. — Джерри ткнул пальцем в иллюминатор, показывая, возле какого именно. — Так они разнесут разрушение и смерть по всей Галактике. Выбора у нас нет. Заправляем «Плисантвильский орел» и следуем за ними.

— Я с вами, — заявил вошедший в кабину Слаг–Тогат. — И мои воины тоже.

— И благородные хагг–индеры от гарниши не отстанут, — сообщил появившийся следом лорд Пррси.

— Спасибо, друзья! — Джерри обрадованно ударил кулаком по раскрытой ладони и помор-

щился от боли. — Спасибо! Вы понимаете, что это значит?!

— Нет, а что?

— Впервые в многовековой истории Вселенной разумные существа разных рас объединяются против сил зла! Мы будем драться плечом к плечу во имя идеалов свободы, равенства и братства в Галактике!

— Не во всем с тобой согласен, мой двуного–двурукий друг, — зашипел лорд Пррси. — Действительно, мы протягиваем вам клешню помощи, но драться намерены за незыблемость существующей классовой системы и сохранение привилегий для избранных.

— Называй наши благородные цели как угодно, — с жаром воскликнул Джерри. — Все равно боремся мы во имя демократии! Наш маленький отряд бесстрашных бойцов наперекор всем опасностям и трудностям пойдет вперед! Мы, избранники судьбы, расширим границы цивилизации, как это некогда сделали наши предки — техасские рейнджеры!

— Отлично сказано, парень! — воскликнул Джон. — И слово красивое. Рейнджеры! Рейнджеры космоса, уничтожающие зло, где бы и в каких бы формах его ни встретили.

— Галактические рейнджеры! — проскрипел Слаг–Тогат. — Где тут записывают в эту благородную организацию?

Глава 15. Таинственный кракар

Огромный тронный зал хагг–индеров пестрел знаменами, вымпелами, яркими одеждами и разноцветными телами существ чуть ли не со всей Галактики. Гуманоиды с изумлением обнаружили, что тронный зал даже с включенными на полную мощность кондиционерами — раскаленная духовка, и вскоре пол от их пота стал скользким, как ледяной каток. Но всем было плевать на жару! День был великий! Настолько великий, что он будет навечно вписан в историю Галактики золотыми буквами. Сегодня организация галактических рейнджеров официально объявляла о своем возникновении. У возвышения, на котором был установлен трон, толпились будущие рейнджеры. На троне восседал король. Сегодня он приколет первую звезду с номером один на грудь счастливчику, который возглавит самую мощную силу демократии в Галактике.

По поводу того, кто станет во главе ее, поначалу возникли некоторые разногласия. Оснащенный сырит–излучателем «Плисантвильский орел» — опора боевого могущества рейнджеров — принадлежал четырем землянам. Было единодушно

решено, что один из них и займет столь важный пост. Салли, обыкновенная, хотя и весьма симпатичная девушка, оружием владела не очень, а Чак, как ни старались лучшие психиатры хагг–индеров, соображал не лучше раздавленного арбуза, и их кандидатуры быстро исключили из списка претендентов. Остались двое — Джерри и Джон. Джерри считал, что раз он изобрел сырит–излучатель, то ему и быть среди галактических рейнджеров номером один, но ему тактично указали, что парень, сконструировавший «Монитор»,[6] не стал адмиралом военно–морского флота США. Джерри пробурчал что-то под нос, но возражать не стал. По мнению инопланетян, оба землянина обладали одинаковыми способностями, и любой из них был достоин высокого поста. Решили, что окончательный выбор сделает король хагг–индеров, и тот без колебаний указал на Джона.

— Дискриминация, — прошептал Джерри на ушко прекрасной Салли. — Король выбрал Джона

---

[6] notes: 6

«Монитор» — американский бронированный военный корабль, построенный в 1861–1862 годах по проекту шведского инженера Дж. Эриксона. Был успешно использован северянами в ряде морских сражений Гражданской войны. Выявив слабость артиллерии того времени против сильной брони, послужил прототипом целого класса кораблей–мониторов. (*Прим. пер.*)

только потому, что тот черный, как хагг–индер.

— Но Джерри, дорогой, разве в США дела обстоят не аналогичным образом, только наоборот?

— Салли, милая, кто напичкал тебя подобной чушью?

— Ш–ш-ш, король начинает речь.

По залу пронесся гул неподдельного интереса, и король призвал к тишине, потерев передние клешни друг о друга. Толпа вмиг успокоилась.

— Дорогие хагг–индеры, земляне, гарниши и представители других разумных видов! — заговорил король. — Я и моя коронованная супруга с удовольствием объявляем об учреждении новой организации с чудным названием… — король мигнул и нацелил свой правый фасетчатый глаз на металлический лист, установленный перед ним на пюпитре, — «Галактические рейнджеры»!

Зал разразился бурей оваций. Тишина наступила лишь после того, как по металлическому полу под самыми шумными был пропущен электрический ток. Король продолжал:

— После создания столь достойной организации встал вопрос о ее лидере — самом смелом, умном и талантливом воине среди вас. После демократического голосования был избран зем-

лянин, носящий имя… — король вновь уставился на металлический лист перед собой и вроде бы не заметил ненавидящего взгляда Джерри, — носящий имя Джон! Волею народа я избран, чтобы приколоть значок с цифрой один на грудь первого галактического рейнджера!

В зале вновь грянули восторженные аплодисменты. Джон, гордо подняв голову, приблизился к трону. Возбужденный собственной речью, король позабыл, что земляне носят значки на одежде, а не прокалывают для них хитиновые панцири, и воткнул булавку на добрых три дюйма в грудную мышцу Джона. Джон, сдавленно вскрикнув, выдернул золотую звезду с выложенными бриллиантами огромной цифрой один и словами «Галактический рейнджер» и дрожащими пальцами приколол ее к окровавленной сорочке.

— Братья рейнджеры! — заговорил он, повернувшись к микрофону. — Ваш командир приветствует вас! Я польщен тем, что именно мне выпала честь приколоть звезду с цифрой два на грудь моему верному другу и брату по оружию Джерри Кортени, и затем звезды с цифрами три, четыре, пять и так далее к грудям, или что там у вас, всех желающих. Не деритесь, устремляясь ко мне, звезд хватит на всех. Сомневающимся

растолкую, какие перспективы открываются после вступления в рейнджеры. Бесплатный проезд во все концы Галактики — это раз! — Джон говорил и загибал пальцы. — Работа по вашему выбору — два. Красивые медали, ордена и значки за пролитую кровь — три. Возможность быстрого продвижения по службе — пять. Бесплатное медицинское обслуживание — девять. И, это четырнадцать, даже бесплатное лечение зубов! Последнее, скажу я вам, немаловажно. Например, стоящему от меня справа инопланетянину, у которого зубов больше, чем клавиш на рояле, бесплатные услуги дантиста придутся ой как кстати. И помните, все эти привилегии закрепляются за вами пожизненно! — Джон откашлялся: — А вот вам еще один веский довод в пользу добровольной записи в «Галактические рейнджеры». Транспорта, чтобы доставить всех освобожденных рабов по родным планетам, у нас нет, и, как только галактические рейнджеры улетят на борьбу с силами зла, хагг–индеры выключат кондиционеры, и температура здесь за считанные минуты поднимется до двухсот пятидесяти градусов по Цельсию. Не ворчите, я вовсе не оказываю на вас давления, в своем выборе вы свободны, как птички поднебесные. А

теперь, храбрецы, решившие присоединиться к галактическим рейнджерам, выстройтесь в линию у правой стены, я приколю вам значки, а те, кто отказывается… Что ж, пусть стоят, где стоят, и потеют. Ха–ха–ха! Долго же им здесь потеть!

Все инопланетяне выстроились у правой стены, Джон прошел вдоль ряда, прикалывая на грудь или головогрудь, туловище или ухо, щупальце или лапу золотой значок. Отряд галактических рейнджеров был сформирован.

На этом историческая церемония окончилась. Земляне поспешно проследовали в «Боинг» и, приготовив коктейли и бутерброды с ливером из ормолу, уселись в салоне первого класса. Тут им в головы пришла весьма неприятная мысль.

— Чак теперь не умней, чем кухонная швабра. — Джерри кивнул в сторону своего давнего друга, который с довольным видом сидел на полу и, бормоча под нос, жевал шнурки своих ботинок.

— Почему же психиатры хагг–индеры не вылечат беднягу? — спросила Салли, заламывая руки.

— Они сделали все, что могли, но увы!.. — Джерри глубокомысленно покачал головой.

— Хагг–индеры — весьма искусные медики, — сообщил Джон. — Они великолепно читают

мысли, исправляют дурное настроение и много еще чего могут, но, как ни велики их таланты, Чака они вылечить не могут, он слишком сильно болен.

— Да, местные медики — лучшие в Галактике, — невесело подтвердил Джерри. — Но если вылечить беднягу Чака даже им не по силам, то пора решать, как мы безболезненно умертвим его.

— Нет!!! — воскликнула Салли.

— Почему нет? — удивился Джон. — По–твоему, пусть сидит и жует шнурки до второго пришествия? А нам что, прикажешь с улыбками любоваться им?

— Все вы, мужчины, — жестокие звери!

— Не жестокие и не звери, а просто мы реалисты, — не согласился Джерри. — Если бы сейчас на месте Чака оказался я, то уверен, он бы для меня сделал то же самое.

В салон вполз лорд Пррси.

— Извините, я никого не перебил?

— Нет, нет, — заверил его Джерри, косясь на его увенчанный ядовитым жалом хвост.

— И, надеюсь, не оторвал вас от важных дел?

— Нет, что вы, мы тут всякими пустяками занимаемся, — сказала Салли с горечью. — Так,

планируем убийство беспомощного человека, не более!

— Действительно пустяки. Тогда с вашего разрешения я войду, устроюсь в уголке и включу на полную мощность обогреватель. — Не дожидаясь возражений, лорд Пррси так и сделал.

Заботливая Салли протянула ему коктейль.

— О, спасибо, сударыня, вы так добры! — Он одним глотком осушил стакан мартини. — Я пришел с неофициальным визитом и надеюсь, все сказанное здесь не покинет этих четырех стен. Или шести стен? Потолок и пол вы считаете?

— Извини, старина Пррси, но сейчас мы решаем дальнейшую судьбу нашего товарища, Чака, и не настроены на секретные дела, — сказал Джерри. — Надеюсь, ты нас понимаешь?

— Миссия, которую я вам предложу, впрямую касается вашего приятеля. Предупреждаю, она незаконна и весьма опасна.

— Что за миссия? — в один голос спросили земляне.

— Ради Великой Скаландры, не перебивайте меня! История, которую я вам сейчас поведаю, звучит невероятно, но, клянусь правой клешней, каждое слово в ней — истинная правда. К тому же эта история — величайший секрет на нашей

планете. Итак, вы слушаете? — Лорд Пррси обвел землян тяжелым взглядом, те молча закивали. — Начну. Далеко к югу, за пустыней Аверно, находится горная цепь, прозванная местными крестьянами Горами Безумных. Хагг–индеры, отважившиеся когда-либо пойти туда, бесследно сгинули. И вот много десятилетий назад тогдашний король, славившийся любознательностью, снарядил туда экспедицию. В хорошо вооруженный отряд вошли только самые умные и бесстрашные хагг–индеры. Многие месяцы о них не было ни слуху ни духу. Наконец в столицу пришла весть, что с тех гор спустился уцелевший воин. Вид его был жалок: весь в грязи и царапинах, хитиновый панцирь крошился на глазах. О своих злоключениях воин молчал, а крестьяне в тех краях нелюбопытны. Король приказал доставить воина во дворец, и воля монарха была исполнена. Мы, дворяне, присутствовали при беседе короля с тем воином, и теперь нам известна страшная тайна.

— Страшная тайна? — заинтересованно переспросил Джерри.

— Я же просил не перебивать! — раздраженно прошипел лорд Пррси, и его хвост с ядовитым жалом на конце заходил взад–вперед, а передняя

клешня оглушительно чиркнула по обшивке самолета. Земляне затаили дыхание. — Если не возражаете, я продолжу. С тех стародавних времен тайна оставалась тайной. А суть ее в следующем. В тех горах обитает невероятно древний хагг–индер. Живет он в пещере совсем один и не любит, когда его отвлекают от размышлений. Если случайный путник все же забредает к его пещере, то мистический отшельник силой своей мысли выжигает у несчастного мозг. Как вы знаете, наша раса обладает огромной ментальной силой, уступающей лишь силе гнилых лортонои, но ни один хагг–индер, оказавшись в тех горах, не выстоял против отшельника, так что судите сами, насколько силен его разум. Ну так вот, уцелевший воин, прежде чем был на веки вечные заключен в темницу, рассказал нам, что отшельник задает дерзнувшему приблизиться к его пещере три загадки, и, если нарушитель спокойствия отвечает на них верно, отшельник отпускает его с миром, а если нет — выжигает мозги.

— А какое отношение эта история имеет к нам? — спросила Салли. — Я, например, вовсе не желаю, чтобы мой мозг выжег какой-то отшельник, и к той пещере не собираюсь.

— Успокойся, прекрасная землянка, на твои нежные мозги никто не посягает. С вашего разрешения, я продолжу. Уцелевший воин поведал также, что в горах на хагг–индера из их отряда упал огромный камень и, пробив хитиновый панцирь, размозжил мозг. Воин остался жив, и, хотя все согласились, что медицина ему уже не поможет, решено было нести его с собой, чтобы отправить потом в госпиталь. Так он вместе с отрядом оказался у той страшной пещеры, и отшельник, прежде чем задать вопросы, невероятной силой своего разума излечил его, да так, что соображал раненый воин не хуже, чем прежде, и даже ответил на два вопроса, но на третьем срезался, и отшельник тут же выжег его мозг.

— Понял, — задумчиво пробормотал Джерри. — Действительно, отшельник — единственный шанс для несчастного Чака.

— Именно, — подтвердил Джон.

Два землянина, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу, и в салоне повисла напряженная тишина.

— Если вы отказываетесь, то так и скажите! В пещеру пойду я! — закричала Салли, резко встав. — Лорд Пррси, у вас есть карта?

— О, да ты, землянка, не из робкого десятка!

Надеюсь, ты не обидишься на меня за прямоту, но для этой миссии твой слабый разум не годится. Чтобы тягаться с отшельником, нужен гений с коэффициентом умственного развития не ниже семисот сорока трех, прирожденный лидер богатырского здоровья и великой силы духа.

— Это я! — одновременно закричали Джерри и Джон, вскакивая на ноги.

Прежде чем друзья осознали, в сколь опасное предприятие их втравил черный скорпион, на них и на Чаке уже были жаропрочные костюмы. Салли помахала им на прощание и пожелала удачи, и они уехали из города на огромной повозке с широкими гусеницами.

— Мы не взяли в дорогу пищу, — приходя в себя, пожаловался Джерри.

— Не беда, дорога недолгая, — ободрил его сидящий за рулем лорд Пррси.

Прошел час, другой, мощная машина все так же катила по безликой пустыне. Третий час, четвертый, по–прежнему от горизонта до горизонта ни пятнышка, ни травинки, ни камушка, лишь за машиной поднимаются густые облака пыли. Джерри и Джон изнывали от скуки. Наступила полночь, тьму впереди прорезали фиолетовые лучи фар, неутомимый лорд Пррси снизил ско-

рость. К рассвету у южного горизонта появилась темная полоса. Через час оказалось, что полоса — горная цепь. После полудня лорд Пррси затормозил перед горловиной узкого каньона.

— Наконец-то приехали? — поинтересовался Джерри.

— А вы ничего не ощущаете? — спросил лорд Пррси.

— Нет. А что?

— С вашими рудиментарными чувствами это неудивительно. Вот уже два часа на меня давят ментальные волны чудовищной силы, приказывая повернуть и ехать обратно, я же наперекор им следовал к их источнику, этому каньону, но, боюсь, больше не вынесу борьбы. Так что вылезайте и идите дальше пешком. Желаю удачи.

— Вместо пустых пожеланий дал бы нам хотя бы один атомный пистолет.

— Оружие в этой долине запрещено.

— Плевать на дурацкие запреты!

— Существо с оружием здесь мгновенно умрет, так что идите лучше с пустыми руками.

— Уговорил. Куда идти?

— Туда. — Лорд Пррси махнул клешней на крутой склон справа. — Жду вас здесь. На всякий случай прощайте.

— Прощай.

— Пока.

Джерри взял в руку поводок, к концу которого был привязан несчастный Чак, и храбрые земляне поползли по сыпучему щебню. Подъем был труден, не раз они останавливались, усаживались прямо на камни и, припав к трубочкам внутри шлемов, высасывали воду из заплечных канистр. В пути они никого не встретили и не услышали ничего необычного, хотя не покидавшее их чувство угрозы усилилось. Через несколько часов почти физически ощутимые волны тоски толкали их назад, но земляне сделали свой выбор и шли только вперед, готовые погибнуть, но спасти друга.

Перед крутым поворотом в долину на них обрушилась команда:

— ОСТАНОВИТЕСЬ!

Приказ был столь сокрушительной силы, что у друзей едва не выгорели синапсы,[7] и они остановились, парализованные.

— УХОДИТЕ, ПОКА ЖИВЫ!

Голос звучал прямо в головах землян гораздо

---

[7] notes: 7

Синапсы (от *греч.* «synapsis» — соединение) — области контакта (связи) нервных клеток (нейронов) друг с другом и с клетками исполнительных органов. (*Прим. пер.*)

громче, чем любой звук, который они слышали в жизни.

— Мы проделали долгий путь и не отступим, — твердо сказал Джерри. — А не могли бы вы убавить громкость?

Вновь зазвучал голос, тоже громко, но уже переносимо:

— А известно ли вам, что для тех, кто пришел в Долину Смерти и не выдержал испытания, возврата нет? А выдержали его немногие.

— Известно, — сказал Джерри.

— И пришли мы сюда не из любопытства, а ради спасения друга, — сказал Джон. — Если мы выдержим испытание, то, быть может, вы…

— Здесь не биржевые торги! Решаю только я! Идите вперед!

Ноги сами собой понесли землян вперед, за скалой они повернули, а у каменного валуна перед темным входом в пещеру остановились. Вокруг валялись груды костей и пустых хитиновых панцирей. Кто обитает в пещере, землянам было ясно.

— Меня зовут Бакшиш, — вновь зазвучал в головах землян голос. — Всякий пришедший сюда до судорог боится меня.

Действительно, страхом был пропитан сам

воздух в долине.

— Мы отдаем себя на вашу милость, мистер Бакшиш. — Джерри упал на колени, чувствуя, что, несмотря на двухсотсорокаградусное пекло, по его спине под жаропрочным костюмом стекает струйка холодного пота.

— Вы готовы к испытанию?

— Готовы, — ответил Джон с дрожью в голосе.

— Тогда начнем. Слушай первый вопрос. На ответ у тебя десять секунд…

— Эй, мы прежде не знали об ограничении во времени!

— Теперь знаете, — прозвучал неумолимый ответ. — Это моя игра, и играть будем по моим правилам. Итак, кто черный сидит на дереве и сеет вокруг смерть?

Джон, сосредоточившись, наморщил лоб, а монотонный голос Бакшиша отсчитывал неумолимый ход секунд:

— Один… Два… Три…

Джерри коснулся своим шлемом шлема приятеля и попытался было прошептать ответ, но сокрушительный порыв ментальной энергии отбросил его на добрых три метра.

— Впредь так не делай!

— Извините, я не знал, что подсказки против

правил.

— Теперь знаешь. Итак, семь… Восемь… Девять…

— Ответ готов! — закричал Джон. — Это черный ворон с автоматом!

— А ты, парень, умен! — раздраженно прозвучало в головах землян. — Посмотрим, так ли сообразителен твой приятель. На второй вопрос у него пять секунд. Если он вовремя не ответит или ответит неверно, то все вы умрете!

Джерри потряс головой, прочищая мозги.

— Если вы, Бакшиш, готовы, то я тоже.

— Что выглядит, как круглая коробка, пахнет гуталином и в придачу летает? — немедленно последовал мысленный вопрос. — Пять… Четыре… — Считал Бакшиш на этот раз заметно быстрее.

— Летающая коробка из-под гуталина! — победно вскричал Джерри.

На землян обрушилась волна мысленного гнева, указывая, что Джерри отгадал верно.

— На два вопроса вы ответили, но не радуйтесь, игра еще не сделана. Остался последний вопрос, и задам я его вашему приятелю, который стоит с открытым ртом и пускает слюни…

— Это нечестно! Проклятые лортонои повреди-

ли его мозги, и он не в своем уме!

— Гм… И правда. Ну да не беда, я починю его. Работенка нехитрая. Так, здесь снимаю ментальную блокаду мозга, здесь стираю ложные воспоминания, сюда добавляю истинные, отрезаю от сознания этот пласт подсознания, соединяю вон те нейроны. Готово! Его мозг как новый, если не лучше. А теперь мой вопрос…

— Эй, подождите! — закричал Джон. — Вы сказали, что починили его, но мы не знаем, так ли это. Прежде чем вы зададите ему вопрос, мы с ним погово…

Его слова заглушил наводящий ужас смех.

— Правила здесь устанавливаю я! Разве забыли? Теперь, Чак, слушай вопрос. На ответ у тебя всего секунда. Сколько будет, если 456,78 умножить на 923,45, произведение поделить на 65,23, к частному прибавить 92565,286 и полученный результат возвести в квадрат?

— Сумма равна 99031,75 с точностью до второго десятичного знака, а округленный до целого числа квадрат — 980713896, — выпалил Чак. — Если желаете более точный результат, то укажите, до какого знака после запятой.

Ответом послужило отвратительное мысленное проклятие. Галактические рейнджеры

победили! Приятели подбежали к Чаку, похлопали его по плечам и спине, поздравляя с выздоровлением.

— Скажите, а что мы здесь делаем? — Чак растерянно огляделся. — Последнее, что я помню, это ужасная пытка, затем темнота, и вдруг я стою у пещеры, и неизвестный задает мне детский вопрос, и я, конечно, чисто рефлекторно отвечаю.

— Хватит самодовольной болтовни!

Внезапно земляне поняли, что голос звучит не только в их головах, но они и ушами слышат его. Они взглянули на камень перед пещерой и невольно отпрянули. Из-за камня показался Бакшиш.

Бакшиш был стар, хитиновый панцирь испещрен царапинами и щербинами, бесчисленные поколения пауков оплели его клешни паутиной. Казалось бы, в столь древнем возрасте неминуем старческий маразм, но глаза хаггиса светились безмерной мудростью. Самым же удивительным был не возраст и даже не мудрость отшельника, а цвет его панциря. Панцирь был… белый!

— Да, белый! — обрушился на землян мысленный голос. — Безобразно белый, как у мерзких хагг–лусов, а не великолепно черный, как у благородных хагг–индеров. Удивлены? Ну так знайте,

я — хагг–лус! Ха! Если хотите, то растрезвоньте об этом по всей Галактике, я выше мирской суеты. Хотя, не скрою, некогда мне было небезразлично мнение света. В ту пору я, как и всякий хагг–лус, был безумен. Затем судьба солдата занесла меня сюда, на эту планету, в эту пещеру. Здесь, рядом с мощным источником радиации, мое безумие само собой прошло, здесь я обрел покой, не знающую границ мудрость и бессмертие по вашим стандартам. Впрочем, и по моим тоже. Но бессмертен я лишь рядом с источником радиации, и если покину пещеру надолго, то умру. Поэтому мне пора обратно. Теперь вам известна моя тайна, но многовековая мудрость подсказывает мне, что вы меня не выдадите. Напоследок предостерегу вас. — Его усы–антенны с треском задрожали, и на землян, подобно урагану, обрушилась последняя мысль отшельника: — ПОМНИТЕ О КРАКАРЕ!

Под напором ментальной энергии земляне отшатнулись, а вновь подняв головы, увидели, что мертвенно–бледный хаггис скрылся в пещере, и они опять одни среди костей и панцирей.

Глава 16. Загадка в космосе

— Кракар… Кракар… Где-то я уже слышал это слово, — тихо бубнил лорд Пррси.

Первое в истории галактических рейнджеров совещание высшей секретности проходило в салоне первого класса «Плисантвильского орла». Мужчины обсуждали последние судьбоносные слова Бакшиша, а Салли, с гордостью носящая теперь на платье золотую брошь в виде звезды — эмблему президента вспомогательного женского корпуса «Галактических рейнджеров», — разносила коктейли и сигары. Земляне с удовольствием закурили, инопланетяне же либо проглотили свои сигары, либо незаметно попрятали их под кресла.

— Вспомнил! — закричал вдруг лорд Пррси и, щелкнув в порыве энтузиазма передней клешней, перерезал стальное кресло перед собой надвое. — О Кракаре вспоминал хагг–лус, взятый нами в плен в секретной лаборатории. Что же он говорил? Не помню. Подождите, друзья, сейчас я мысленно соединюсь с Большим Информационным Компьютером, и он раскопает нужные нам сведения.

Джон поставил пустой стакан на столик перед собой, и Салли поспешно налила в стакан виски.

— Пока компьютер думает, давайте заслушаем секретный рапорт о лортонои. Прошу, старина Слаг–Тогат.

Бывший премьер–министр откашлялся двумя или тремя дыхательными отверстиями, поднес головные щупальца с исписанными листами к близкосмотрящей паре глаз и, снова откашлявшись, монотонно забубнил:

— Данный доклад обобщает всю имеющуюся на сегодняшний день информацию о наших заклятых врагах, вампирах разума, лортонои. Сведения получены из всех доступных нам источников, как от рас, воюющих с ненавистными врагами, так и от их союзников. У последних, естественно, под пыткой. Прежде всего скажу, что ни враги, ни союзники лортонои в глаза их не видели. Известно, что лортонои всегда и всюду прибывают на собственных космических кораблях и не вылезают из них, отдавая команды и инструкции телепатически. Доподлинно известен единственный случай, когда лортонои покинули свой космический корабль. Тогда они посетили секретную лабораторию хагг–лусов, но прибыли туда в здоровенном бронированном

танке, из которого не вылезли ни разу, так что и этот случай не помогает нам установить внешний облик врагов.

— Зачем ты рассказываешь о том, что нам неизвестно? — недовольно спросил Джон. — Говори лучше о том, что мы знаем.

— Я как раз подошел к этой части доклада. Нам известно, что лортонои обладают ментальными способностями фантастической силы, которые используют только во зло. На протяжении многих веков они появлялись в различных уголках Галактики и, встретившись с расой разумных существ, либо порабощали их с помощью своих ментальных сил, либо, если разумные существа оказывались достаточно безумны, как, например, хагг–лусы, вступали с ними в союз. Расы, порабощенные лортонои либо вступившие с ними в союз, немедленно ввязывались в войну с ближайшей разумной расой. Известно также, что в своих странствиях по Галактике лортонои собирают информацию о новейшем оружии и технологии его производства. Таким образом они усиливают собственную военную мощь и обескровливают либо уничтожают все известные им расы разумных существ. Конечная цель лортонои очевидна. Они добиваются тотального контроля

над всей Галактикой.

— А наша цель — сокрушить дьяволов лортонои ради повсеместной победы свободного предпринимательства, равенства всех перед законами и прочих идеалов истинной демократии, которой мы преданы всей душой! — воскликнул Джон, и галактические рейнджеры восторженно зааплодировали. — Лорд Пррси, старый, пышущий жаром скорпион, где же обещанная информация о Кракаре? Ваш Большой Информационный Компьютер что, построен во времена пара и газовых рожков?

— Наш БИК весьма современный и быстродействующий, Номер Один, — обиженно ответил лорд Пррси. — Ответ пришел через три наносекунды после моего мысленного приказа, но перебивать докладчика я не стал.

— Ну и что же ответил ваш БИК? — поинтересовался Джерри.

— Он сообщил, что во время допроса бывший техник секретной лаборатории, а ныне пленник под номером Х.Н. — 2712 воскликнул что-то вроде: «Кракар всех вас покарает, ха–ха–ха!» — и впал в коматозное состояние.

— И это все?

— К сожалению, все. Наши спецы пытались

вывести его из комы и продолжить допрос, но у них ничего не получилось. Сами понимаете, хагг–лусы — существа с низким уровнем интеллекта, к тому же чертовски упрямые.

— А пытки вы не пробовали? Может, под изощренной пыткой он бы и разговорился.

— Дорогой Номер Два, именно под изощренной пыткой мы и проводим наши допросы. Другие методы общения с хагг–лусами нам неизвестны.

— А какими именно пытками вы пользуетесь?

— В панцире пленника сверлят отверстия, хитин кусок за куском отбивают, а в образовавшиеся дыры заливают кипящий свинец.

— А почему вы не поговорили с ним по душам? — спросила Салли, наполняя стаканы.

От нее отмахнулись, и Джерри углубился в детали известных на Земле пыток, выясняя, не упустили ли чего хагг–индеры. Тогда Салли вылила стакан мартини Джерри на голову и, обратив на себя таким необычным способом всеобщее внимание, вновь спросила:

— Почему вы не вылечили бедолагу и не предложили ему добровольное сотрудничество?

— Буржуазные предрассудки! — прокомментировал предложение Салли лорд Пррси.

— Но вы даже не пытались разговаривать с

пленником без пыток? — спросил Джерри, вытаскивая из уха маслину.

— Нет.

— Я считаю, что Салли говорит дело, — сказал Джон. — Старина Отравленное Жало, прикажи, чтобы тому парню заменили хитиновый панцирь на металлический, вылечили его от слабоумия, а затем почитали ему из Библии, из Великой хартии вольностей и из Декларации независимости…

— Забить ему голову гнусной пропагандой?! Никогда!

— Но ведь, получив от него интересующую нас информацию, вы можете его и убить.

— Действительно, Номер Один! Как я сам не сообразил? Сейчас отдам приказ по мыслепочте… Сделано! Работа с заключенным Х.Н. — 2712 начата.

— Хорошо, вернемся к текущим делам, — сказал Джон. — Сооружение секретной базы рейнджеров на планете Икс — девятой планете системы Сириуса — закончено. Теперь переправим туда наших добровольцев, и хагг–индеры смогут выключить кондиционеры.

— Наконец-то, хвала Великой Скаландре! — закричал лорд Пррси. — Клянусь, в последние дни

я с ужасом гляжусь в зеркало. От постоянного холода я из очаровательно черного превратился в бледно–голубого. Видимо, подхватил серозно–фибринозную форму пневмонии, и не исключено, что даже двустороннюю. Вообще любая температура ниже точки кипения воды вымораживает мне внутренности.

— Оставим медицинский треп, — предложил Джон. — И, друзья, прошу вас, не налегайте на крепкие напитки. Особенно это касается тебя, Джерри. За последние четверть часа ты выпил уже три коктейля, и у тебя глаза стекленеют. Будь добр, сдерживайся, не подавай новобранцам дурной пример. Итак, вернемся к делам. В последний раз проклятые лортонои удрали от нас к звездному скоплению на окраине Галактики. Из осторожности мы решили не соваться с боями, не выяснив там положения дел. Пока не вернулся посланный туда разведывательный корабль, мы укрепляем свои позиции, строим новые базы, набираем добровольцев, нападая на работорговые корабли, ну и занимаемся прочей текучкой. Таким образом, прежде чем мы будем вовлечены в новые баталии, у нас есть время, чтобы разобраться с таинственным Кракаром, который покарает нас всех.

— Поддерживаю предложение Джона, — сказал Чак. — Тайну Кракара нужно раскрыть.

Тем временем команда медиков хагг–индеров, используя свои колоссальные ментальные способности и известные на Земле методы лечения душевнобольных, такие, как шоковая и вызывающая рефлекс отвращения терапия, префронтальная лоботомия, интеллектуальное выслушивание и психоанализ, быстро поставила техника на лапы. Едва обретя здравомыслие, он раскаялся в прежних заблуждениях и добровольно рассказал все, что ему было известно о Кракаре. А знал он, как оказалось, немного: только пространственные координаты места, где обитает Кракар, и небезынтересную информацию, что тот, кто управляет Кракаром, управляет Галактикой.

— Давайте двинем за Кракаром всем флотом! — Джерри в нетерпении потер руки. — Вломимся туда на полной тяге, застанем врагов врасплох, разложим их на атомы, захватим Кракара, и Галактика в наших руках!

— По–моему, рубить сплеча не стоит.

— Чак, приятель, о чем ты?

— А я знаю о чем, — похвасталась Салли. — Когда рубят сплеча, во все стороны летят щепки, и

могут пострадать…

— Помолчи, — оборвал ее Джон. — Чак, если у тебя есть идея, так и скажи.

— Думаю, что не стоит соваться туда всем флотом. Лучше пошлем разведчиков. Пусть выяснят, кто или что это за фрукт — Кракар. Если бы его было легко захватить, то проклятые лортонои давно бы так и сделали. В разведку предлагаю отправить только «Плисантвильского орла» с воинами–землянами на борту и Салли за повара.

— Великолепная идея, Чак, дружище! — воскликнул Джон. — День–другой каникул! Видит Бог, мы их заслужили!

— А я, по–вашему, заслужила бессменный наряд на кухне? — поинтересовалась Салли, но ее никто не услышал.

Вскоре «Плисантвильский орел» был снаряжен в разведку: топливные баки заправлены, кислородные баллоны закачаны под завязку, орудия заряжены, запасы бара пополнены. С Джерри за штурвалом самолет совершил прыжок в десять световых лет. Затем — второй. Третий. После четвертого Чак включил вмонтированный в нос «Плисантвильского орла» новый электронный суперскоп, и на экране с высокой разрешающей способностью появилось контрастное изобра-

жение.

— Ни черта не видно, — заявил Чак. — А попали мы почти в середину звездного скопления, где, по сведениям техника, обитает Кракар. Номер Один, ты уверен, что мы не напутали с координатами?

— Уверен, — сказал Джон, просматривая расчеты техников. — Координаты вычислены восемью различными методами с точностью до сто тринадцатого децимального знака, и все результаты сошлись. Без сомнения, Кракар где-то рядом. Прыгнем еще на два световых года в северном направлении, что составит всего лишь 1 671 321 600 000 морских миль. Там оглядимся.

— Будет сделано! — отрапортовал Джерри.

Они прыгнули. Тотчас взвыли все корабельные сирены, предупреждая об опасности. Оказалось, что «семьсот сорок седьмой» из эль–измерения вынырнул рядом с ощетинившимся десятком мощных орудий космическим крейсером мили полторы в длину.

Джерри занес палец над кнопкой излучателя, намереваясь побыстрее убраться от опасного соседа, но тут из крейсера вылетели парализующие волю лучи, и земляне замерли, а могучие магнитные лучи как пушинку подхватили «Плисантвильский орел» и подтянули к космическому

гиганту. Из ржавого корпуса крейсера выдвинулась металлическая труба фута два в диаметре. Труба коснулась «Боинга», взвыли циркулярные пилы на ее конце, и кусок корпуса самолета вывалился внутрь. Как ни сопротивлялись земляне, властная сила выстроила их перед круглой дырой с рваными краями. Из соединившей корабли трубы послышались тяжелые шаги, и руки землян сами собой поднялись в приветственном салюте. В кабину ввалился чужак, и земляне раскрыли рты. И было отчего. Чужак восьми футов роста имел короткие толстые ноги и длинное тощее тело, с каждой стороны которого было по четыре руки, всего — восемь. На чужаке была аккуратная черная форма, на голове — черный шлем. А сама голова!.. Из-под черного шлема на землян смотрели восемь горящих глаз, под ними располагался нос, формой напоминающий насадку пылесоса, из широкого рта торчали черные блестящие клыки.

— Смирно! — гаркнул чужак, и руки землян вытянулись по швам. — Название вашей посудины, планета приписки, какое вооружение на борту, паспорта экипажа и справки о прививках, — выпалил он на одном дыхании. — Рапорт! Живо!

Чужак в нетерпении замахал сразу всеми рука-

ми, в которых были зажаты блокнот, короткий меч, пистолет, дубинка и еще какое-то неизвестное землянам оружие, две же свободные были просто сжаты в кулаки.

Джерри бойко доложил обо всем, что было на борту, но, собрав волю в кулак, умолчал о сырит–излучателе — самой важной тайне в Галактике.

— Милый, по–моему, ты кое-что забыл! — воскликнула Салли. — Я имею в виду сыр…

Кто грубо пнул ее под зад, Салли так никогда и не узнала. Пинок возымел действие, она, обидевшись, умолкла. Черный чужак пронзил ее взглядом пары самых ярко горящих глаз.

— Она имела в виду продовольственные запасы в холодильнике и кладовках, — поспешно сообщил Джерри. — Сыр, сушеный горох, колбаса, консервы и прочее, но, думаю, вам неинтересны подобные мелочи.

Чужак хмуро взирал на землян, казалось, целую вечность. Наконец он заговорил густым басом:

— Проваливайте отсюда. Если не уберетесь на полном ходу, то через две секунды после выключения магнитных лучей разлетитесь вместе со своим летающим корытом на бесконечно маленькие кусочки.

— Минуточку! — закричал Джерри. — По како-

му праву вы говорите с нами таким…

— По праву силы!

— Хорошо, хорошо, говорите как сочтете нужным, но будьте добры, объясните нам, что тут происходит.

— А вы будто сами не знаете?

— Нет.

— Вы находитесь в арьергарде сил, осаждающих Кракар. Наши непрерывные атаки продолжаются вот уже двести восемьдесят пять лет, и конца им не видно, поэтому нам всегда нужно пушечное мясо и мы приветствуем новобранцев в наших рядах. Как только мы захватим Кракар, мы поделим Галактику между дравшимися за него воинами пропорционально количеству их конечностей, и…

— А что такое Кракар?

— А кто его знает. Известно лишь, что тот, кто управляет Кракаром, управляет Галактикой. Остальное нас не интересует. Вас, как я понимаю, тоже. Но я отвлекся. Ваши силы настолько ничтожны, что вступить в наш славный флот мы вам даже не предлагаем. А теперь ваше время истекло. Проваливайте!

Чужак, чеканя шаг, направился к дыре.

— А вы берете взятки? — крикнул ему вслед

Чак.

Чужак повернулся на каблуках, поднял бесчисленные руки с оружием и, скрипя чудовищными черными зубами–клыками, уставился на землян. В воздухе повис запах смерти. Чувствительная Салли упала в обморок.

— Естественно, я беру взятки, — сообщил наконец чужак. — Как, впрочем, и все. Что вы предлагаете?

— Бриллианты, золото, банкноты, водку, журналы с непристойными фотографиями, авиационное топливо, кислород, херши барс.[8] Выбор за вами.

— У ваших баб рук не хватает, так что засуньте свои порножурналы сами знаете куда. Топливо и кислород мне тоже ни к чему, а вот от пригоршни бриллиантов не откажусь. Что вы просите взамен?

— Пустяк.

— А именно?

— Мы хотели войти в зону боевых действий

---

[8] notes: 8

Херши барс — золоченые нарукавные нашивки, каждая из которых указывает, что американский военнослужащий прослужил за океаном шесть месяцев. Ценились весьма низко. Во время второй мировой войны солдаты шутили, что лучше бы им выдавали не нашивку, а плитку шоколада. Такую нашивку также часто использовали в качестве платы проститутке. (*Прим. пер* .)

и обрушить на врага всю мощь своего оружия. Затем мы немедля стартуем в сторону дома.

— Ну, думаю, если вы разок–другой стрельнете из своих хлопушек, вреда не будет… С другой стороны, бриллианты помогут мне дотянуть до очередного жалованья… Что ж, сыпь их в этот карман, сынок. — Чужак выразительно посмотрел на подошедшего к сейфу Чака. Тот так и сделал. Чужак раскрыл блокнот, быстро что-то написал, вырвал страницу и протянул ее Джерри. — Вот вам пропуск и координаты. Отправляйтесь, сбрасывайте свои бомбы, но через десять минут чтобы духу вашего в радиусе ближайших десяти световых лет не было. Иначе вы, ребята, покойники. Извините, но на большее ваша скромная взятка не тянет.

— Всегда к вашим услугам, сэр, — бросил Джерри вслед многорукому чужаку.

Экономя кислород, друзья быстро приварили зазубренный металлический кусок корпуса на прежнее место. Труба убралась в космический крейсер, выключились магнитные лучи, и самолет вновь обрел свободу.

— К полю боя доберемся на деформаторе пространства, — сказал Чак, усаживаясь в кресло пилота. — Если воюющая братия, не дай Бог, за-

подозрит, что у нас на борту сырит–излучатель, то мы оглянуться не успеем, как от нашего «Орла» только перья полетят. Пристегните ремни, друзья, мы стартуем.

Деформировав ткань межзвездного пространства, самолет вынырнул в самой гуще колоссального космического сражения. Кругами носились космические корабли всех мыслимых форм и размеров, паля огненными лучами и выпуская атомные торпеды и снаряды. От непрерывных вспышек и огненных разрывов резало глаза, и, только надев черные очки, друзья разглядели объект, противостоящий могуществу величайших в Галактике машин разрушения. Объект был золотым шаром не больше мили в диаметре. Шар не только защищался, но и атаковал. На глазах у изумленных землян из него вырвался тонкий красный луч. Луч коснулся пятимильного крейсера, последовала ослепительная вспышка, которая поглотила не только крейсер, но и четыре находившихся поблизости боевых корабля. Их место тут же заняли другие, неведомо откуда появившиеся корабли, и бой закипел с прежней яростью.

— Кто бы ни сидел в той золотой сфере, они парни не промах, — высказал общее мнение Джон.

— Да уж… — глубокомысленно заметил Чак.

— У нас осталось только две минуты, — доложил Джерри, сверяясь с хронометром.

— Бьюсь об заклад, у тебя та же идея, что и у меня. — Джон засмеялся.

— И у меня та же! — воскликнул Чак.

— Правильно! Все оружие обороняющихся нацелено наружу. Мы же, тщательно сфазировав сырит–излучатель, объявимся внутри золотой сферы, захватим ее, а вместе с ней и Кракар!

— Нет! — закричала Салли.

— Почему нет?

— Вы задумали самоубийство! Мы слабые земляне, и не нам тягаться в могуществе с огромной космической армадой, которая вот уже почти три века атакует золотую сферу.

— Решение принято, — непреклонно сказал Джерри, а Чак и Джон кивнули, соглашаясь. — Мы докажем, что люди гораздо сильнее всех инопланетян с их боевыми кораблями, бесчисленными руками и торчащими изо ртов острыми клыками. Правильно я говорю, ребята?

— Да!

— Конечно!

— Тогда поехали.

И склонные к самоубийству парни в минуту

сфазировали излучатель, а Джон немедля нажал кнопку.

Глава 17. Чудеса, да и только!

План сработал!

«Плисантвильский орел», мгновенно исчезнув из межзвездного пространства, материализовался внутри золотой сферы и грохнулся с высоты двух футов на пол. Пассажиров изрядно тряхнуло, из кухни послышался звон разбитой посуды.

— Ребята, вы только посмотрите! — Чак ткнул пальцем в иллюминатор. — Похоже, нас здесь не ждали!

Чак, несомненно, был прав. «Семьсот сорок седьмой» стоял посреди просторного помещения, изогнутые стены которого закрывали гигантские, изготовленные из чистого золота машины неизвестного назначения и принципа действия. Повсюду мерцающие телеэкраны, шкалы следящей аппаратуры, кнопки, клавиши, ручки управления… Обилие безумно сложной техники впечатляло! Пока парни разглядывали детали и доставали из кобур заряженные пистолеты, Салли затряслась, застонала и даже пустила слюни.

— Помнится, перед тем как Джон нажал на кнопку сырит–излучателя, она причесывалась… — Чак раздраженно ударил себя по лбу. —

Наверно, опять сняла с головы мозговой щит и сунула в сумочку.

В одно мгновение пистолеты друзей оказались нацелены на трясущуюся девушку.

— Уходите, чужаки, — заговорила она басом. — Мы не причиним вам вреда за бесцеремонное вторжение в наши владения.

— И не подумаем! — ответил за всех Джерри.

— Наша золотая сфера — исследовательская лаборатория. Здесь нет ничего ценного для вас.

— А не врешь? — спросил Джон.

— Вру, — прохрипела Салли, и ее плечи поникли. — Ах… Мы, чачкасы, говорим только правду, а я соврал… О, как мне худо! Я не переживу позора… Прощайте, друзья чачкасы! Прощайте, мягкотелые чужаки! Я сделал… Ой! — Салли покачнулась и едва не упала, но, прежде чем друзья подоспели к ней, выпрямилась и заговорила еще более хрипло: — Чачкас Два покончил с собой. Я, Чачкас Три, беру командование на себя. Немедленно покиньте нашу базу…

— Слушай, — перебил чужака Чак. — Мы не желаем говорить с помощниками. Зови Чачкаса Один.

— Не могу.

— Это еще почему?

— Чачкаса Один больше нет. Когда появилась ваша машина–монстр, он пересекал комнату, и теперь из-под переднего колеса виднеется его подергивающаяся нога.

— Несчастный случай, — определил Джерри. — Но не важно. Главное, что мы прибыли, и наступил момент истины. Вы охраняете Кракар?

Молчание.

— Говори! — приказал Джон.

— Охраняем, — неохотно подтвердила Салли чужим голосом. — Такой уж тяжкий жребий нам выпал много веков назад. Мы потомки чачкасов, старейшей расы в Галактике. Наша раса уже осваивала космос, когда на вашей отсталой планете только–только зарождалась жизнь. В болотах Земли бултыхались огромные неуклюжие ящеры, а наша империя была в зените, покоряла Вселенную, расширяя свои владения от звезды к звезде. Мы были могучи, но молодые расы, завидуя нашей силе, объявили нам войну. Война год от года становилась свирепее, век от века ожесточеннее. С годами, как известно, приходит мудрость, и когда мы изобрели самое разрушительное во всей Галактике оружие, то уже поняли, что счастье не в господстве над природой, а в самопознании. Оружие нами так и не

было использовано. Нас теснили другие расы, мы отступали от планеты к планете, подписывая унизительные пакты о мире, и вскоре оказались запертыми в пределах своей родной системы. За прежнюю гордыню на нас, как кара небесная, обрушились болезни, перестали рождаться дети, на полях не всходили посевы. Наша раса была обречена. Мы, кто был некогда так силен, давно покорились судьбе.

— А что вы делаете здесь сейчас? — спросил Джерри.

— Если ты помолчишь, то я расскажу. Мое печальное повествование как раз подошло к этому месту. Изобретя самое разрушительное во Вселенной оружие и не использовав его, наша раса получила истинно духовное развитие. Большинство рас считает себя вершиной творения природы. Так уж случилось, что мы о себе это знаем точно. Предположив, что в будущем вероятна чрезвычайная ситуация, угрожающая самой жизни в Галактике, мы построили золотую сферу — воплощение всех наших научных достижений, в нее поместили самых талантливых представителей своей древней расы. Вот уже миллион лет мы наблюдаем и ждем, но не было еще случая, чтобы мы всерьез хотя бы задумались о примене-

нии нашего оружия, тем более о…

— Абсолютное оружие называется «кракар»? — спросил Джон.

— Именно. А вы, земляне, не так глупы, как выглядите.

— Спасибо на добром слове.

— Пожалуйста. С вашего разрешения продолжу. Все расы, прознавшие о существовании кракара, собрались вокруг нашей золотой сферы с жаждой убийства в сердцах и пытаются отнять его у нас силой.

— Мы не такие! — с жаром воскликнул Джон, отстегивая пояс с кобурой и незаметно запихивая его под кресло. — В наших сердцах только мир, свобода и братство, ведь мы галактические рейнджеры! Мы посвятили свои жизни уничтожению лортонои, ненавистных существ, пытающихся завладеть всей Галактикой. Клянемся, что используем ваш старый кракар только ради благородной цели. Может, отдадите его нам?

— Никогда! — Салли отшатнулась. — О каком мире вы ведете речь?! Нам же видны стволы ваших варварских артиллерийских орудий и носы торпед под крыльями вашей машины!

— Торпеды и орудия только для самозащиты, — заверил чачкаса Джон.

— Врете! Вот мы действительно лишь защищаем себя. Вы видели, как мало вреда наносят грубые космические корабли нашей неразрушимой золотой сфере. Это оттого, что мы окружили ее стеной энергии, которую невозможно преодолеть.

— Но мы преодолели ее, — гордо сказал Чак. — Так что ваша защита не такая уж и совершенная.

— К сожалению. Но знайте, ваш сырит–излучатель — лишь упрощенный вариант нашего РШ–излучателя, от которого мы отказались, как от детской игрушки, многие тысячелетия назад и о существовании которого уже даже забыли.

— По–моему, зря, — сказал Джон, полируя ногти о манжету сорочки. — Если бы вы о нем не забыли, то мы бы не свалились как снег вам на головы и не потребовали кракар.

— Подобная ситуация была предусмотрена. На нашу базу вы проникли, но если попытаетесь захватить кракар силой, то любой из моих соплеменников нажмет аварийную кнопку, и золотая сфера вместе со всеми нами мгновенно испарится, а кракар и секрет его изготовления будут утеряны для Вселенной раз и навсегда! Мы лучше погибнем, но кракар не в те руки не отдадим.

— Звучит убедительно, — сказал Джерри. — А

почему бы нам, как и подобает представителям интеллигентных форм жизни, не сесть за стол переговоров и не найти компромисс? Да и Салли, похоже, вконец охрипла.

— Мы согласны, — сказал Чачкас Три после секундного раздумья. — Будьте добры, оставьте оружие на своем корабле и выходите. Скафандры надевать ни к чему, наша атмосфера годится для вас. Конец связи.

Салли тяжело вздохнула и схватилась за шею:

— Господи! Все связки сорвала!

— Пополощи горло соленой водой, — посоветовал Джерри.

Салли опрометью бросилась в туалет, а парни, оставив оружие, вышли из самолета. У трапа их знакомым голосом приветствовал Чачкас Три:

— Добро пожаловать!

— Будь я проклят! — сказал Чак за всех. — Эти чачкасы ни дать ни взять черные тараканы в фут длиной с малюсенькими розовыми ручками вместо передних лап.

— А земляне для нас выглядят точь–в-точь мягкими червями, которые обитали в зловонных болотах на нашей родной планете и питались падалью, вставая на головы.

— А вы…

— Давайте оставим расистскую ругань и займемся делом. Пока вы выходили из своей неуклюжей повозки, я обсудил создавшуюся ситуацию с остальными лидерами чачкасов. Думают чачкасы в сотни раз быстрее людей, и поэтому, просовещавшись по вашим примитивным стандартам не меньше суток, мы пришли к единодушному решению. Слушайте же его. Против вас лично мы, чачкасы, ничего не имеем, за исключением, конечно, того, что выглядите вы безобразными червями. Мы согласны даже дать вам кракар, если только вы убедите нас, что Галактике угрожает серьезная опасность. Для этого нам нужна полная информация о вашем прошлом, истории и культуре вашего мира, моральных и сексуальных отклонениях в поведении представителей вашей расы и прочее, и прочее.

— А не слишком ли многого вы требуете? — спросил Джон. — Мы и за десять лет не снабдим вас всей необходимой вам информацией.

— Вы не правы, безобразные мягкотелики. Если вы согласитесь, мы сделаем мгновенные слепки ваших сознаний, включающие даже ваши расистские заблуждения, и разберемся в записях в течение двух минут. Вы согласны?

— А у нас есть выбор? — подозрительно спросил Чак.

— Да, вы вправе отказаться. Мы, чачкасы, существа чести и не берем силой ничего чужого, даже воспоминаний. Если же вы согласитесь, то наши ментальные лучи, легко преодолев ваши примитивные мозговые щиты, мгновенно проникнут к вам под черепа и запечатлеют всю информацию, содержащуюся там на сером веществе. Вы при этом ничего не почувствуете.

— Ну, ребята, что делаем? — спросил Джерри. Земляне, переглянувшись, неохотно кивнули. — Черт с вами, снимайте наши воспоминания!

— Запись уже произведена, — сказал Чачкас Три через секунду. — Как я и обещал, вы ничего не почувствовали. Пока обрабатывается извлеченная из ваших мозгов информация, предлагаю взбодриться. Надеюсь, от великолепного коньяка столетней выдержки, мгновенно изготовленного реконструкционной машиной по описанию в ваших мозгах, вы не откажетесь?

— Нет!

— Еще бы!

— То, что сейчас нужно!

— Вот, держите.

Три подал землянам поднос, на котором стояли

запотевшая пол–литровая бутылка и резные хрустальные бокалы. Те сорвали сургучную печать, вскрыли пробку и, разлив золотистый напиток по бокалам, пригубили. Затем, закатив глаза, принялись прихлебывать божественный, неотличимый от оригинала коньяк малюсенькими глотками.

— Бутылку оставьте себе, я не пью, — сказал Три. — А–а-а, вот и результаты обработки ваших воспоминаний. О–о, до чего мерзкие образы получены из ваших подсознаний методом глубокого очищения от ложных воспоминаний! К счастью, они сейчас неважны. Интерес представляет лишь то, что лортонои действительно несут угрозу всей Галактике! Решено, кракар может быть использован против них. Примите мои поздравления, мягкотелые земляне!

— Значит, вы дадите нам абсолютное оружие? — воскликнул Джон, подпрыгивая от нетерпения.

— Конечно, нет. Мы дадим вам лишь устройство, позволяющее мгновенно связаться с нами откуда угодно, если вам покажется, что лортонои захватывают Галактику и вам собственными силами с ними не совладать. Вы сообщите об этом нам, нажав кнопку на нашем приборе и

прижав к нему головы, а мы вмиг снимем вашу ментальную информацию и, беспристрастно оценив ситуацию, возможно, повторяю, возможно, применим против агрессоров кракар.

— Устройство связи… — разочарованно протянул Джерри. — И только-то?

— Считайте себя везунчиками. Последний раз мы делали подобное предложение восемь миллионов лет назад. Передатчик уже доставлен в ваше транспортное средство. Счастливого пути.

— Прощайте.

Земляне направились к «Плисантвильскому орлу».

— Да, чуть не забыл, — закричал Три им вдогонку. Друзья как по команде обернулись. — Все наши механизмы и машины питаются от конвертера, полностью преобразующего материю в энергию. Постепенно в конвертере сгорает масса нашей сферы. Топлива осталось столетия на два, на три, не больше, и мы не прочь пополнить его запасы. Если вам интересно, предлагаем обмен.

— Какой?

— Мы вам — ящик «Наполеона», вы нам — двести галлонов керосина.

— Согласны! — в один голос закричали земляне.

— Отлично. Коньяк уже у вас на борту, топливо из вашего бака переливается. Двухсот галлонов нам хватит на ближайшую тысячу лет. Прощайте.

Земляне помахали Чачкасу Три и, прихватив бутылку, поднялись по трапу. В салоне первого класса их встретила Салли. Помня о ее поврежденном горле, друзья налили и ей стакан. Три не соврал: в кабине управления стоял ящик коньяка, а на сиденье пилота лежала золотая сфера размером с мяч для гольфа. На ее единственной красной кнопке было написано: «Нажми меня».

— Эти чачкасы знают толк в микроминиатюризации, — сказал Джон, засовывая сферу в карман. — Убираемся отсюда, ребята?

— И побыстрей, — сказал Чак. — Предлагаю, чтобы никто не заподозрил, что мы побывали в гостях у чачкасов, до секретной базы на планете Икс добраться одним прыжком.

— Согласен, — сказал Джон.

Джерри быстро настроил сырит–излучатель.

— Даю максимальную тягу, так что, леди и джентльмены, держите свои головные уборы, — сказал он и нажал на кнопку.

Прыжок получился самым длинным из всех, какие совершали земляне прежде, и ощущения

были не из приятных.

— Фу! — выдохнула Салли, как только они прибыли. — Мне показалось, что мои внутренности заменили на спагетти и их наматывают на гигантскую вилку.

Она отстегнула ремни, поднялась, пошатнулась и рухнула в кресло. Стаканчик «Наполеона» привел ее в чувство, и Салли уже без труда прошла в кухню, сварила крепкий кофе и вернулась в кабину с кофейником и чашками на подносе. Несколько литров горячего черного кофе и три бутылки божественного коньяка помогли парням оправиться после прыжка в десятки световых лет, и, когда «Плисантвильский орел» наконец приземлился на планете Икс, они чувствовали себя бодрыми, хотя и слегка навеселе.

Покинув упругим шагом самолет, земляне прошли в рубку управления секретной базой галактических рейнджеров, и Джон тут же щелкнул несколькими переключателями на пульте. Большая часть аппаратуры пока не работала, но минут через пять он все же связался с дежурным офицером.

— Рад вашему возвращению, сэр, — сказал рогатый чужак на экране.

— Рапорт, быстро!

— Докладываю. Разведывательный корабль, посланный за лортонои, вернулся. У них такая информация, что обалдеете!

— Отлично. Срочно пришли сюда командира разведчиков.

— Есть, сэр! — Чужак откозырял, но рука зацепилась за рога, и жест получился не по уставу.

Командиром разведчиков оказался старый знакомый Джерри, Пипа. От хорошего питания он заметно раздобрел, зеленую кожу покрывал ровный загар, а на лице сияла обычная улыбка от уха до уха.

— Привет, Джерри, — квакнул Пипа. — Давненько не виделись. С той самой памятной заварушки в шахтах ДнДрф. Да, замечательное было времечко! Приключения… Опасности…

— Сначала рапорт, приятные воспоминания потом, — приказал Джон.

— Есть, сэр.

— Вы обнаружили лортонои?

— Да, сэр. Мы гнались за ними через всю Галактику. Их след привел нас к звездному скоплению на краю правого рукава Галактики. Если быть совсем точным, к звезде Дисан. У этой звезды, скажу я, весьма необычная планетарная система. Вернее, всего один сателлит. Сожалею, сэр, но я

не в силах его описать. Лучше взгляните на него своими глазами, а затем я уточню детали. Знаю, увидев эту чертовщину, вы глазам не поверите, как поначалу и мы. С вашего разрешения включу изображение?

— Давай.

Посреди рубки возникла четкая голограмма, и земляне выдохнули в унисон.

— Не верю, — воскликнул Джон. — Что за дурацкие шутки ты с нами шутишь, жалкая жаба?!

— Пожалуйста, сэр, верьте мне.

— Врешь!

— Если желаете, сэр, я приведу весь экипаж в свидетели, и они поклянутся хоть на Библии, хоть на детекторе лжи, что именно эту хреновину мы обнаружили, следуя за лортонои.

На голограмме был изображен предмет, похожий на обруч для хулахупа. Ничего особенного, если не знаешь, что маленький светящийся шарик, вокруг которого вращается обруч, — солнце.

— А я знаю, что это такое, — заявил Джерри, щелкнув пальцами. — О такой штуковине писали в специальных астрономических журналах года два назад.

— Если знаешь, то не выпендривайся, объясни, — попросил Джон.

— С удовольствием. Для начала скажи, с какими, по–твоему, проблемами сталкивается бурно развивающаяся цивилизация?

— Черт его знает.

— Всякая бурно развивающаяся цивилизация сталкивается с двумя основными проблемами: перенаселенность и нехватка полезных ископаемых. Возьмем, к примеру, планету Земля. Год от года на ней становится все больше людей. Людям нужно все больше пространства, больше товаров и пищи для жизни, а природные ресурсы постепенно истощаются. Можно, конечно, послать к ближайшим планетам космические корабли и, отправив на них излишки населения, начать разработку полезных ископаемых там, но их доставка на родную планету обойдется недешево, а колонисты вскоре тоже начнут размножаться. Цикл повторится. Существа, построившие тот мир, что мы видим на голограмме, решили эти проблемы другим путем. Они просто перекроили свою солнечную систему. Для этого они стащили все планеты и Луну на одну орбиту, спаяли их, а затем, раскатав их в гигантскую ленту, соединили концы. Получился мир–кольцо. Вот вам пример того, каких поразительных результатов можно достичь, имея неограниченные запасы

энергии и времени!

— Да ты, Джерри, пьян как сапожник!

— Ты спросил, я ответил, — обиженно сказал Джерри. — Я сам не знаю, как сделан тот мир, а объяснил лишь принцип его строительства.

— Спасибо.

— Ты только представь, что построил такой мир–кольцо. Раскрутив его вокруг солнца, создал центробежную силу, заменяющую гравитационную. После того как мир остыл, ты сажаешь там деревья, заселяешь его животными и людьми. У тебя замечательный мир. Обруч находится на оптимальном расстоянии от светила, и на всей его поверхности — нужная тебе температура и всегда полдень. Только представь, какими ресурсами ты обладаешь! Например, на такой планете, как Юпитер, полезных ископаемых в миллионы раз больше, чем на Земле, и все природные ресурсы у тебя прямо под ногами, шахты не нужны. Итак, у тебя сколько душе угодно природных ископаемых, солнечная энергия круглые сутки и поверхность для заселения, в миллионы раз превышающая поверхность Земли. О перенаселенности можешь забыть! Размножайся на полную катушку! Конечно, все сказанное мной звучит достаточно безумно, но то, что мы ви-

дим на голограмме, лишний раз подтверждает аксиому, что сколь бы ни была идея безумна, где-нибудь когда-нибудь во Вселенной найдется чудак, который, хорошенько потрудившись, воплотит ее в жизнь.

— А лортонои потрудились дай Бог! — сказал Джон, с благоговением глядя на голограмму.

— Ребята! — воскликнул Чак. — А вы представляете, какие беды монстры–лортонои способны натворить в Галактике, если им по плечу создание такого обруча в космосе?!

— М–да… — изрек Джерри.

Земляне помрачнели. Затянувшееся молчание прервал Джон:

— Не вешайте носы, парни! Перед рассветом всегда сгущается тьма!

— Ну спасибо, утешил, — сказал Джерри, жалея, что они не прихватили в рубку хотя бы одну бутылочку «Наполеона».

— А об этом вы уже забыли? — Джон достал из кармана золотую сферу и, подбросив ее, ловко поймал в воздухе. — Чем хуже у нас дела, тем больше вероятность, что нам помогут. Если окажется, что проклятые лортонои сильны настолько, что самим нам их не одолеть, то мы просто свяжемся с чачкасами, и те враз уничто-

жат негодяев кракаром.

Джерри громко рассмеялся.

— А ты прав. Давайте не мешкая двинем весь наш космический флот к той таинственной звезде, и будь что будет!

Глава 18. Самая могучая в галактике космическая армада? Смех, да и только!

В авангарде самой могучей в Галактике космической армады двигался серебристый «Плисантвильский орел»: крылья гордо расправлены, на хвосте нарисован славный звездно–полосатый, под ним, поменьше, флаг Объединенных Наций. За «Плисантвильским орлом» следовал военно–космический флот хагг–лусов, который пожертвовали галактическим рейнджерам хагг–индеры, как только одержали окончательную победу над безумными сородичами. За кораблями хагг–лусов летели космические корабли остальных разумных рас Галактики, и конца им не было видно. Среди них были корабли миров, на себе ощутивших «прелести» войны с проклятыми лортонои и готовых на все, лишь бы покончить со страшной угрозой. Были корабли с планет, знавших о лортонои лишь понаслышке, но понимавших, что, пока жив враг, их свободе грозит опасность, и без колебаний снарядивших своих добровольцев в галактические рейнджеры.

Были космические корабли и свободных миров, ничего не слышавших о лортонои, но хотевших остаться свободными и потому «добровольно» отдававших рейнджерам по нескольку кораблей, едва над их планетами зависала космическая армада.

Были в космической армаде крейсера в мили длиной; были крошечные маневренные корабли–разведчики; были корабли — артиллерийские орудия, изготовленные из средних размеров астероидов, в которых были просверлены дыры и вмонтированы гигантские пушки; были небольшие, скоростные, весьма неплохо вооруженные перехватчики; были… Каких только космических кораблей не было в могущественнейшей в Галактике армаде! Корабли–призмы, корабли–иглы, корабли–сферы, корабли–колеса, корабли–сигары, корабли–блюдца, корабли–сковородки, корабли–кастрюли… В глазах рябило!

Берегитесь, проклятые лортонои! На тропу войны вышли галактические рейнджеры! Тряситесь от страха в своих темных сырых берлогах! Час отмщения пробил! Мстители, оставляя за кормой своих мощных кораблей десятки световых лет, приближаются!

На последний банкет перед выступлением

армады в поход к звезде Дисан и вращающемуся вокруг нее таинственному миру–кольцу собрались командиры всех кораблей галактических рейнджеров. Накрытые белыми, как первый снег, скатертями столы в салоне первого класса «Плисантвильского орла» ломились от изысканных яств; блеск столового серебра резал глаза; из кухни доносились невероятно аппетитные запахи. Джон, как галактический рейнджер Номер Один, сидел во главе самого почетного стола, Джерри и Чак — от него по правую и левую руку соответственно; включив обогреватели на полную мощность, лорд Пррси и двое его соплеменников устроились в углу; остальные командиры галактических рейнджеров сидели за столами плечом к плечу. Были среди них и скалоподобные филзениги с планеты Филзен, на которой сила тяжести превосходит земную в десятки раз; были и похожие на эльфов из детских сказок ганзелпоги с планеты Ганзел–Пог, где сила тяжести меньше одной десятой земной; были и змеевидные караколлеры с планеты–пустыни Караколл; были и разумные растения с планеты Каротин; были даже мыслящие минералы с планеты Кхр; были командиры черные, белые, красные, зеленые, пятнистые, серо–буро–малиновые в крапинку…

Не обращая ни малейшего внимания на различия в анатомии и цвете кожи, они пили и смеялись, изредка деликатно рыгая. За столами царила атмосфера истинного братства, какого прежде не видывали в Галактике.

Как и надеялись друзья, Салли, приготовив вместе с подругами–инопланетянками пищу и ополоснувшись под душем, присоединилась к общему празднеству. Джон со стаканом вина в правой руке поднялся, и в салоне наступила относительная тишина.

— Рейнджеры! — заговорил Джон. — Вершители судьбы Вселенной! Мы вместе гнали проклятых лортонои от планеты к планете, от звезды к звезде, и теперь они отступили к своему оплоту — похожей на обруч конструкции, вращающейся вокруг звезды Дисан. Разосланные нами по всей Галактике агенты докладывают, что враг затаился. Мы загнали его в угол! Предстоит грандиозный бой, но, пролив в этом бою кровь, мы обретем неувядаемую славу! Уничтожим ненавистных лортонои любой…

Кресло с грохотом отлетело в сторону, на полу забилось в конвульсиях зеленокожее существо, и великолепную речь Джона прервал крик агонии:

— О–о-о–о-о! Куо–о-о!

— Окажите рейнджеру медицинскую помощь! — приказал Джон. — По всему видно, что он тяжело болен.

— Не трогайте его! — закричал другой зеленокожий инопланетянин, вскакивая на перепончатые лапы. — Я из того же водного мира, что и Пипа, и мне знакомы эти симптомы. Это вовсе не болезнь.

— А что же?

— Наша раса очень древняя, и мы владеем пси–способностями, неизвестными в других мирах. Обычно пси–силы дремлют в нас, но иногда, как правило, перед величайшими историческими катаклизмами, в самых чувствительных из нас они пробуждаются, и тогда счастливчик, проломив темпоральный барьер, заглядывает в будущее. Так и случилось с моим другом Пипой. Его корчащееся сейчас на ковре тело — пустая оболочка, душа же отправилась в будущее. Вскоре он вернется с посланием. Не знаю, что он сообщит, но уверен, речь пойдет о жизни и смерти всех нас, а иначе душа Пипы и не отлетела бы в будущее. Слушайте! Он заговорил!

— Квоа… Квоа… Ква… — Пипа, откашлявшись, напрягся всем телом, и речь его стала вполне

отчетлива: — Куоо! О–о! Куо! Впереди только страх… Все окажется вовсе не тем, чем выглядит… Величайшая победа обернется грандиозным поражением… Победители — проигравшими… Квоа! Квоа! Остерегайтесь! Впереди расставлены страшные ловушки… Галактика в руках… Многие из собравшихся здесь никогда больше не увидятся… Помните мои пророческие слова! Помните! Скажите друг другу: «Прощай!» Конец близок! Квоа! Квоа! А–а-а! А! — Слова Пипы вновь стали неразличимы. — Квоа! Квоа! О–о-о! А… — Кваканье перешло в нечленораздельное бормотание, бормотание — в храп, и Пипа прямо на полу заснул мертвецким сном.

— Что все это значит? — поинтересовался Джон у соплеменника Пипы.

Тот пожал плечами.

— К сожалению, Номер Один, побывавшие в будущем души часто говорят загадками. Но на всякий случай попрощаемся. Думаю, все галактические рейнджеры погибнут, но погибнут не напрасно. Хотя я, конечно, предпочел бы не погибать вовсе.

Он пожал Джону руку и отбыл. Командиры космических кораблей рейнджеров один за другим пожали Номеру Один руку и тоже отбыли. Бан-

кет закончился, и земляне остались одни среди столов с объедками.

— Может, помоем тарелки? — предложил друзьям Джерри.

— На ерунду нет времени, — ответил Джон. — Просто запихните их в коробку, помоем потом. Через несколько часов мы будем у мира–кольца.

— Наш старый «Орел» оснащен сырит–излучателем, — задумчиво пробормотал Чак. — Может, двинем туда, не дожидаясь остальных, и сами решим все проблемы?

— Я голосую за поход, хоть он и чертовски опасен, — сказал Джон.

— Я — с вами, — сказал Джерри.

— Вы все с ума посходили! — воскликнула Салли. — То, что вы задумали, самоубийство!

— Сожалею, Салли, старушка, но на уговоры мы не поддадимся, — заверил ее Джон.

— Пусть в разведку отправляется кто-нибудь другой, — возразила Салли. — В конце концов, у нас же целый флот кораблей!

— Драку затеяли не мы, а проклятые лортонои, но мы не покажем себя слабаками, — сказал Чак.

— А ты, Салли, никогда не задумывалась, почему мужчины сражаются с быками? — продолжил мысль приятеля Джерри. — Почему гоняют сло-

мя голову на гоночных автомобилях? Почему отправляются на Луну? Почему взбираются на Эверест? Это оттого, что они…

— Безумцы! Непрерывно меряются силами. Но я-то не дура, и ваши забавы не для меня. Сейчас приберу и отправлюсь в постель. Две–три таблетки снотворного и лихой детектив помогут мне уснуть и проснуться живой и здоровой.

Она выскочила из кухни, а друзья, посмеявшись над женскими слабостями, занялись настоящими мужскими делами. Были отданы приказы, и боевые корабли остановились. При этом, конечно, не обошлось без столкновений. Оно и понятно, разве остановишь такой громадный космический флот без происшествий? Рейнджеры, приписанные к «Плисантвильскому орлу», заняли места по штатному расписанию, все хаггисы залезли в теплоизолированный отсек, а лорд Пррси, высунув оттуда головогрудь, кивнул. Одна за другой на пульте управления «Боинга» зажглись зеленые лампочки, сигнализируя, что все в полном порядке.

— Рейнджеры, готовы? — спросил Джон в микрофон общего оповещения. Отовсюду, кроме, конечно, каюты Салли, пришли подтверждения. — Тогда даю старт!

Один прыжок через эль–измерение — и «Плисантвильский орел» у звезды Дисан. Тут же взвыли все аварийные сирены, и друзья припали к обзорным экранам. Рядом в космосе вели бой корабли–громадины, самый маленький из которых в десятки раз превосходил размерами самый большой из флота галактических рейнджеров. Корабли–монстры палили смертельными лучами, столь мощными, что деформировали саму ткань пространства, и отражали, в свою очередь, защитными экранами смертельные лучи противника. Среди кораблей вроде бы беспорядочно летали крошечные, всего несколько футов в диаметре, светящиеся сгустки ионов, обладающие разрушительной силой сотен термоядерных бомб и готовые взорваться от малейшего прикосновения; сновали ядерные торпеды, мины, снаряды…

Джон повернул штурвал и поспешно отвел «Плисантвильский орел» на несколько миллионов миль назад.

— Правильно, — одобрил Джерри. — С расстояния лучше видна перспектива.

— Не хотелось бы ввязываться в эту заварушку, не выяснив, что здесь происходит, — заметил Чак.

— Не желательно влезать сюда вовсе, — глу-

бокомысленно изрек Джон. — У нас с теми кораблями разные весовые категории.

— Согласен, — откликнулся Джерри. — Хотя не все так плохо, как кажется с первого взгляда. Ведь дерутся здесь по крайней мере две враждующие стороны. Одна из них, как я надеюсь, станет нашим союзником.

— ВНИМАНИЕ! — заорала автоматическая сигнальная система.

— От поля боя отделился неизвестный объект, — доложил оператор радарного комплекса. — Объект движется прямо на нас. Расчетное время столкновения четырнадцать секунд.

— Пристегните ремни! — воскликнул Джерри. — Я отведу «Орел» в сторону.

«Семьсот сорок седьмой» отошел вправо на полторы сотни миль. Галактические рейнджеры не отрываясь смотрели на обзорные экраны. Что к ним приближается? Боевой корабль? Или, может, ядерная торпеда? Или спасательная капсула? Намерен ли неизвестный объект атаковать галактических рейнджеров? Время покажет.

Объект на экранах рос. Вот он уже из светящейся точки превратился в пятнышко. Вот уже различимы детали.

— Обломки космического крейсера, — опреде-

лил Чак.

— Подведу нашу птичку поближе. — Джерри тронул штурвал. — Возможно, в той куче металлолома скрыты ответы на многие наши вопросы. На всех надеты мозговые щиты?

— Да.

— Конечно.

— Естественно.

— И на Салли тоже?

— Кто же ее знает.

— Чак, дружище, сбегай к Салли в каюту и надень ей на голову мозговой щит. Да не опоздай хотя бы на этот раз!

Обломки тем временем приближались. Вот уже и невооруженным глазом видно, что это не торпеда и не артиллерийский снаряд, а отрезанный тепловым лучом кусок гигантского крейсера. Через многочисленные дыры различимы внутренние помещения. Везде разгром, тьма, плавают искалеченные приборы.

— Вряд ли там кто-нибудь остался жив, — предположил Джерри. — Но все же попробую связаться с ними по радио. — Он переключил тумблер на пульте и заговорил в микрофон: — Привет обломкам крейсера. Как меня слышите? Я рядом. Предлагаю помощь. Прием.

В ответ из динамика послышалось лишь потрескивание.

— Попытайся на частоте 176,45 килогерца, — посоветовал Джон. — Эта частота аварийная у многих разумных рас.

Джерри повторил предложение о помощи на аварийной частоте. Из динамика вдруг послышался слабый голос:

— Слышу вас. Я единственный уцелевший. Кислород почти на нуле. Откройте шлюз, и я перейду в ваш корабль.

— Открыть внешний люк шлюза! — приказал Джерри.

Приказ был молниеносно исполнен. Джерри, захватив обломки крейсера магнитными лучами, подтянул их к «Плисантвильскому орлу». С глухим ударом захлопнулся внешний люк, в шлюзе заработали мощные воздушные насосы, давление вскоре уравнялось. Вся команда «Орла» напряженно смотрела на автоматически открывающийся внешний люк. Как-то выглядит обладатель слабого голоса?

В салон, нагнувшись, вошел чужак. Птица! И какая! Огромный желтый клюв, способный одним ударом проделать дыру в броне танка; глаза — круглые, желтые; взгляд — равнодушный,

немигающий, как у орла или беркута. Одежда на чужаке отсутствовала, что при его густом нарядном оперении было неудивительно. За спиной сложена пара здоровенных крыльев; когти на лапах при ходьбе раздирают ковер. Были у чужака и руки — мускулистые, длинные; большой палец правой просунут под портупею рядом с кобурой. Чужак остановился посреди салона и, не торопясь, оглядел галактических рейнджеров.

— Кто среди вас командир? — спросил пришелец властно.

— Я галактический рейнджер Номер Один, — представился Джон. — Человек с планеты Земля, зовут меня Джон.

— Очень приятно, Джон. Я — Тросепс, полноправный представитель расы флигиглехов, но Тросепсом меня зовут только близкие друзья. Ты, Джон, спас мне жизнь, поэтому зови меня так. И еще: я перед тобой в долгу. Кого мне здесь для тебя убить? — Тросепс снял бластер с предохранителя.

— Тросепс, старый цыпленок, убивать никого не надо. У нас так не принято. Хотя, конечно, спасибо за предложение. Считай, что свои обязательства по отношению ко мне ты выполнил.

— Ты, Джон, старая мартышка, благодаришь

меня и говоришь, что мои обязательства выполнены, но это не так. Если я не могу убить кого-нибудь за тебя, то, согласно нашим обычаям, убью себя.

Он выхватил бластер и приставил дуло к своему левому глазу. Джон метнулся к нему и схватил за руку.

— Остановись. Перемажешь самолет перьями и забрызгаешь ковер кровью. Подожди немного, мы предложим тебе пленника или шпиона…

— Шпион! Великолепная идея! — Тросепс обвел галактических рейнджеров тяжелым взглядом немигающих круглых глаз. Рейнджеры как один прижались к стене. — О, то, что нужно. Слабое создание, бывшее некогда рабом, которое теперь передает сведения о вас прямо проклятым лортонои. Он трепещет, но надеется, что я веду речь не о нем. Я смеюсь над ним! Ха–ха! Он знает, что мой мозг закрыт для него. Мощь моей мысли сильней, чем даже у проклятых лортонои. Я дам ему намек, чтобы он понял, что я знаю, кто он такой. Его мать в девичестве носила имя Иксстаикли!

Второй помощник артиллериста выхватил пистолет, но нажать на курок не успел. Бластер в руке огромной птицы полыхнул пламенем, и несчастный шпион мгновенно превратился в

головешку.

Тросепс продул ствол бластера. Ядовитый дым попал ему в ноздри, и он, откашлявшись, сунул бластер в кобуру и гордо сказал:

— Мой долг тебе, Джон, выплачен.

— Да, — подтвердил Джон и, беззаботно улыбаясь, сунул свой пистолет в кобуру. Примеру командира последовали остальные рейнджеры. — Теперь, когда мы квиты, будь добр, расскажи нам, кто ты и с кем воюешь. И еще, ты упомянул лортонои. Они тебе враги или друзья?

Тросепс расправил огромные крылья. Из левого вылетело перо. Тросепс ловко подхватил его в воздухе и принялся ковырять им в клюве. Рейнджеры не спускали с пришельца напряженных глаз. Внезапно Тросепс откинул голову и расхохотался.

— Извините, не сдержался, — сказал он, смахивая пером с глаз слезы. — Вы такие наивные. После того как я уничтожил шпиона, могли бы и догадаться, что ваши простенькие мозговые щиты не экранируют от меня ваши мысли. Я знаю о вас все и, демонстрируя свою добрую волю, приглашаю одного из вас к себе в мозг. Пусть это будет вон тот пышущий жаром черный скорпион, обладающий вроде бы вполне приличными

ментальными способностями. Давай же, скорпион, прочитай мои самые потаенные мысли. Мой мозг для тебя — открытая книга!

— С превеликим удовольствием. — Лорд Пррси, сосредоточившись, щелкнул передней клешней. — Ребята, вот это да! — воскликнул он через минуту и щелкнул клешней еще громче. — А наш гость-то герой! И, самое главное, его народ воюет с ненавистными лортонои с незапамятных времен!

Глава 19. Тайна ненавистных лортонои раскрыта

Галактические рейнджеры восторженно закричали, поняв, что под знамя врагов лортонои прибыли новые силы. И какие силы! Отважные могучие воины, под стать Тросепсу, обладающие огромными космическими кораблями.

— Тросепс, старый говорящий попугай! — воскликнул Джон. — Рад, что ты на нашей стороне! Но скажи, с кем сражается ваша космическая армада?

— С радостью удовлетворю твое любопытство. Но сначала… У вас найдется стакан воды?

— У нас найдется стакан с чем угодно, включая коньяк столетней выдержки.

— Коньяк ни к чему, нужна вода. Не для меня, мы, флигиглехи, можем сражаться неделями, съев только пригоршню зерен. Вода для моего любимца, Пишки.

Тросепс, едва слышно чирикая, вытащил из кобуры бластер, отвинтил приклад и извлек из него маленькую зеленую черепашку.

— Твой зверек — точь–в-точь маленькая зеле-

ная черепашка с Земли, — сказал Джерри.

— Весьма вероятно. Как я вижу в ваших мозгах, вы, земляне, часто держите при себе ручных птиц. Точно так же и мы, флигиглехи, держим ручных черепашек. Они очень красивы и привязаны к нам. В какой бы бой я ни отправлялся, малютка Пишки сопровождает меня в прикладе бластера и…

— Все это, конечно, интересно, — перебил Тросепса Джон. — Но, может, о своем любимце расскажешь попозже? Нам не терпится узнать, с кем вы все-таки воюете?

— Конечно, конечно, сейчас объясню, — сказал Тросепс и замолчал.

Принесли стакан воды. Он посадил малютку Пишки в него и, с минуту полюбовавшись, как тот плавает, близоруко щурясь на хозяина, и погладив черепашку указательным пальцем, приступил к рассказу:

— Эта история началась давным–давно. Настолько давно, что ни одна из ваших систем подсчета времени не годится для описания этого срока. Моя раса очень древняя. С незапамятных времен нас мучили две проблемы: нехватка природных ресурсов и перенаселенность. Проблемы эти обусловлены нашей психологией. В жизни

у нас лишь два интереса: заиметь автомобиль подлинней и помощней и отложить побольше яиц. О, видели бы вы только, как великолепны наши яйца! Какие они белые, круглые!.. Но я отвлекся. Любой флигиглех–самец считал себя законченным неудачником, если у него не было автомобиля хотя бы двадцати футов в длину и если он не стал отцом хотя бы двадцати цыплят. Надеюсь, вы понимаете, откуда пошли все наши беды? Мы освоили космические перелеты, довольно быстро заселили все ближайшие миры, но по натуре мы, флигиглехи, домоседы. Единственное, чего бы нам хотелось, так это, не покидая своего мира, непрерывно откладывать восхитительные яйца и гонять на машинах в сорок футов длиной. И тут одному из наших многочисленных гениев пришла в голову замечательная идея создать мир–кольцо. Пользуясь его наставлениями, мы стащили все планеты нашей системы на одну орбиту, спаяли их вместе, раскатали в ленту, концы ленты соединили и раскрутили получившийся мир–кольцо вокруг солнца. Новый мир назвали в честь гениального изобретателя Которром… О, вы только полюбуйтесь, до чего потешно царапает малютка Пишки стеклянные стенки стакана. Пытается выбраться, бедняжка!

— Красивая черепашка, красивая! — Чак фальшиво улыбнулся. — Но что же случилось после того, как вы обосновались на Которре?

— Запаситесь терпением. Рассказ, как я уже сказал, длинный. Мы обосновались на Которре и наслаждались жизнью. Представляете, неограниченная рождаемость и автомобили любой длины и мощности! Чего еще желать от жизни?! Мы непрерывно строили новые гнезда и дороги, постепенно расселяясь по ленте в обе стороны от первого гнезда на Которре. Так продолжалось миллионы лет. Эти годы не без основания в летописях называют Эрой Золотого Яйца. Но всему на свете приходит конец. На Которре высадились лортонои! — с яростью каркнув последнее слово, Тросепс непроизвольно дернул левой лапой. Кривые острые когти разодрали ковер и оставили на дюралюминиевом полу глубокие царапины. — О, эти дьяволы лортонои! Ко времени их высадки мы освоили почти три четверти поверхности своего мира, и через несколько миллионов лет наши первопроходцы неминуемо встретились бы. Мы уже подумывали о сооружении еще одного мира–кольца у ближайшего солнца. Но сбыться этим смелым проектам было не суждено! Мы, флигиглехи, от природы наделены разумом невероятной

силы, но, к несчастью, из-за необратимых генетических изменений ментальные способности флигиглехов на левом конце кольца ослабли настолько, что левисты оказались беспомощны перед ментальной мощью проклятых лортонои. Мы же, жители правого конца, сохранили былое ментальное здоровье и, как только ненавистные ментальные щупальца коснулись наших неиспорченных мозгов, дали захватчикам достойный отпор. Уверен, о дальнейшем вы уже догадались. Управляемые лортонои левисты начали вооружаться. Мы, глядя на них, тоже вооружались для защиты. Левисты вероломно напали на нас. Началась война. Незаселенное пространство между нашими территориями вскоре стало непригодно для жизни. Оружие совершенствовалось, становилось все разрушительней, но толщина ленты невелика, наш мир весьма хрупок, и оружие уже не осмеливалась применять ни одна из сторон. Война была перенесена в воздух. Затем — в космос. С годами космические корабли становились все больше и мощнее. Так и воюем мы вот уже миллион лет. Война уносит избыток населения и потребляет все природные ресурсы. Результат развития военной техники вы видели. Мы, прависты, не в состоянии уничтожить лортонои, но

и мы им не по зубам. К сожалению, до сих пор нам не удалось ментально проникнуть в их штаб, поэтому мы даже не знаем, как они выглядят, но в остальном мы держим ситуацию под контролем. В заключение добавлю, что обломок, с которого вы меня так удачно сняли, — всего лишь сотая часть очень маленького разведывательного корабля. Посмотрели бы вы, какой бывает фейерверк при взрыве настоящего крейсера!

Рейнджеры в салоне взбудораженно зашептали, и, сглотнув, заговорил Джон:

— Полагаю, наше прибытие для вас весьма кстати. Выступив на вашей стороне, наша звездная армада нарушит сложившийся баланс сил, и вы быстро выиграете войну за свободу.

— Я уже осмотрел в ваших мозгах размеры вашей так называемой звездной армады, — серьезно сказал Тросепс. — Не желая оскорбить своих спасителей, скажу, что вся ваша звездная армада не выстоит против любого из наших крейсеров или из крейсеров левистов и микросекунды.

— Я вовсе в этом не уверен, — сказал Джон. — У нас есть не только звездный флот, но и сырит–излучатель — мощнейшее в Галактике оружие, которое отправит звездный крейсер на поверх-

ность вашего светила, прежде чем он подойдет на расстояние выстрела из ядерной пушки или выпустит по нас торпеду.

Джон снял чехол с сырит–излучателя и гордо помахал им перед клювом Тросепса. Галактические рейнджеры одобрительно закричали.

— Ах, это… — Клюв Тросепса не выражал эмоций, но если бы выражал, то глазам галактических рейнджеров предстала бы презрительная усмешка. — Это оружие нам известно. Месяца два назад лортонои приволокли откуда-то такую штуковину и отдали ее левистам. Левисты с ее помощью уничтожили два или три наших крейсера, но наши ученые изобрели защитное поле от каппа–излучения, и равновесие было вновь восстановлено.

— Да?.. — разочарованно протянул Джерри.

— Весьма сожалею. Очень тронут вашим предложением, но в нашей потасовке вас вмиг прихлопнут, и никакой излучатель не поможет. Отправляйтесь домой, здесь для вас нет работы.

— Мы не можем, — угрюмо заявил Джон. — Галактические рейнджеры поклялись, что покончат с ненавистными лортонои, и мы не остановимся, пока не выполним свою клятву.

— Да, — сказал Джерри каким-то не своим

голосом. — Галактические рейнджеры не остановятся, пока их не сотрут в порошок.

— Прикуси язык! — закричал Чак. — С чего это ты так заговорил?

— Хи–хи, — хихикнул Джерри, и его язык заходил во рту подобно языку змеи.

— Им овладел лортонои! — закричал лорд Пррси. — Я ощущаю присутствие проклятой твари.

— Да, лортонои здесь, — зашипел Джерри. — Вашим детским играм в независимость конец! Мы выиграли!

— О чем это он? — спросил Чак, невольно отступая от приятеля, в которого вселился лортонои.

— Я говорю о том, что настал час, которого мы давно ждали. Как мы и хотели, галактические рейнджеры собрали все противостоящие нам военные силы в одном месте. Огромное спасибо рейнджерам! Теперь флот флигиглехов, которым командуем мы, уничтожит всех наших врагов разом.

— Проклятый лортонои, ты забыл о силах флигиглехов, которыми вы не командуете! — воскликнул Тросепс, делая шаг вперед. — Джон, спаситель, надеюсь, ты не против, если я разорву твоего бывшего приятеля ударом когтя!

— Остановись! — скомандовал лже–Джерри, и

Тросепс, ко всеобщему удивлению, остановился. — Сейчас я открою вам правду, — зашипел лже–Джерри. — Знайте же, что мы, лортонои, можем управлять разумом любого флигиглеха. Это мы организовали между глупыми птицами Большую Войну, да так ловко, что примерно равные по силам противники, не уничтожая друг друга, сражались многие тысячелетия. Все эти годы, опираясь на неисчерпаемые природные ресурсы Которры, они совершенствовали военную технику, строили все более мощные боевые космические корабли. Теперь их кораблям нет равных во всей Галактике. Сегодня два их флота соединятся. И командовать объединенным флотом будем мы, лортонои. Наши планы чуть было не сорвали неведомо откуда явившиеся земляне с сырит–излучателем, но мы похитили у них излучатель, отдали его одной из враждующих сторон флигиглехов, и ученые противоположной стороны быстренько нашли защиту от каппа–излучения. Теперь, как видите, земляне не представляют для нас угрозы. Галактика наша! Нас ничто не остановит… Остановись! — взвыл лже–Джерри, увидев, что Джон достает из кармана золотую сферу. Джон замер, занеся палец над кнопкой с надписью «Нажми меня». — Этого-то я

и ждал! — продолжал лже–Джерри. — Таинственный кракар! Единственное оружие во Вселенной, которого мы боялись! Но теперь опасность устранена! Ха–ха! Давай же, жми на кнопку, если сможешь!

Джон напрягся, но, как ни силился, между дрожащим пальцем и кнопкой оставался дюйм. Проклятый лортонои был сильнее и забавлялся с ним, как кошка с мышкой! Чак прыгнул к приятелю на помощь, но в эту секунду Джон с ужасом увидел, что его рука разжалась, золотая сфера упала на пол, и сверху на нее обрушился его собственный каблук. Из-под каблука брызнули блестящие осколки. Конец всем надеждам!

— Я же сказал, что игра сделана! — Джерри противно хихикнул. — Итак, наступил час полного триумфа! Теперь мы даже откроем вам свою внешность. Я здесь, среди вас! Глядите же! Неужели не видите? Ха–ха!

Галактические рейнджеры, выхватив оружие, отпрянули друг от друга.

— Проклятое существо здесь, — пробормотал лорд Пррси, обшаривая, как и остальные рейнджеры, глазами кабину. — Я чувствую его присутствие, но у него ментальные силы вне моего понимания. Клянусь, я не отыскал врага,

хотя прощупал мозги всех на «Плисантвильском орле»!

— Всех? — спросил лже–Джерри. — А ты не ошибся?

— Ха–ха–ха! — тут же шарахнуло в мозгах рейнджеров.

— Я вижу тебя! — закричал лорд Пррси.

Глаза всех рейнджеров были устремлены на стол. На столе стоял стакан с водой. В стакане, царапая прозрачное стекло крошечными коготками, плавала зеленая черепашка.

— Пишки… Ты — лортонои? — Тросепс застыл, приоткрыв клюв.

— Отныне — лорд Пишки, член Совета Десяти, высшего органа управления лортонои, которым принадлежит Галактика. Здорово я вас одурачил! О, до чего мы вас ненавидим! Вы, мерзкие неуклюжие громадины с пальцами, руками, щупальцами и прочим, и прочим… А мы, наделенные самым великим разумом во Вселенной, заперты в крошечные беспомощные тельца! Когда-то мы даже манипулировали с собственной генной структурой, и рождались огромные, но глупые черепахи вроде тех, что обитают в океанах планеты Земля. Увеличиваясь в размерах, мы — увы! — глупели. Эксперименты были прекра-

щены, и тогда мы решили превратить всех вас в своих рабов и использовать ваши физические силы себе на благо. Наконец после миллионов лет напряженных усилий настал долгожданный день! Разумные существа всей Галактики отныне станут нашими рабами, а вы, непокорившиеся, сами себя уничтожите! Лортонои победили! Вам всем конец!

Услышав такое, рейнджеры ринулись к столу, дерясь за привилегию раздавить проклятое создание собственным каблуком. Но их усилия оказались напрасны. Мерзко хихикая, дьявольское существо овладело разумом каждого и отбросило их назад.

Поражение было полным.

— Не хочу умирать! — закричал Джон. — Выпустите меня отсюда!

Нацелив сырит–излучатель себе на грудь, он нажал на кнопку и тут же исчез.

— Крыса покинула тонущий корабль! — прокомментировал лорд Пишки и вновь захихикал, что было для плавающей в стакане с водой черепашки весьма непросто. — В головной крейсер своего флота отправился, но весь флот галактических рейнджеров очень скоро будет уничтожен, так что пользы ему от побега немного. В данную

минуту мы, лортонои, овладели обоими флотами флигиглехов и слили их в единую армаду. Ах, как мы смеялись над глупыми флигиглехами, притворяясь их ручными любимцами! Мы незаметно управляли их мыслями, оттого-то они так любили нас и, приближая час собственной гибели, всегда держали при себе. Теперь конец близок! Объединенный флот флигиглехов идет на сближение с флотом галактических рейнджеров. Если кто-то из вас верующий, для молитвы сейчас самое время! Но не падайте на колени, я не позволю! Уйдете на тот свет, не покаявшись. Ха–ха–ха! До чего я вас всех ненавижу! Готовьтесь! Еще минута, и вы умрете!

— А вот и не умрем! — закричал Джон, внезапно появившись посреди кабины. На нем был космический скафандр, за плечом — мешок. — Ваша затея, негодяи, не удалась! Полюбуйся, что я принес!

Джон залез в мешок, достал оттуда длинный красный предмет и замахал им над головой.

В его руке был батон салями!

Глава 20. Секрет салями

— У тебя что, крыша поехала? — спросил за всех Джерри, обнаружив вдруг, что лортонои уже не используют его вместо микрофона.

— Не более чем у тебя, Джерри, старичок. Пока вы тут дружно пытались расправиться с негодной зеленой черепашкой, мне в голову пришла великолепная идея. Чтобы проклятый лортонои не прочитал ее у меня в мозгу, я подавил свою мысль, притворившись до смерти напуганным, что, как вы понимаете, было вовсе не трудно. Думая о побеге и о том, как было бы здорово оказаться на флагманском корабле флота галактических рейнджеров, я направил себе в грудь сырит–излучатель, а дурачок лортонои позволил мне бежать. Едва я оказался на крейсере, как тут же надел на себя скафандр, настроил сырит–излучатель и, нажав кнопку, переместился внутрь золотой сферы. Остальное очевидно. Чачкасы прочитали мои мысли и, уяснив, что произошло, мгновенно приняли решение использовать против лортонои абсолютное оружие — кракар! — Джон вновь взмахнул батоном салями. — Кракар здесь, внутри батона колбасы!

— Вот и славно! — прокричал голос Пишки в головах всех рейнджеров, и они, подчиняясь его воле, тут же застыли. — Ты, землянин, ошибся лишь в одном: если кто и использует кракар, так это мы, хозяева Галактики! А теперь, Джон, дружочек, медленно положи колбасу на стол, возьми в руку нож и разрежь ее. Посмотрим, как выглядит загадочный кракар!

Но Джон не пошевельнулся, зато зашевелился мешок у него за плечами. Из мешка показался уже знакомый землянам черный таракан и уставился на плавающего в стакане с водой лортонои.

— Это Чачкас Три! — закричал Чак. — Ура! Мы спасены!

— Да, вы спасены, — пробурчал таракан. — Но зовут меня вовсе не Чачкас Три, а Чачкас Четыре. Чачкас Три сейчас очень занят, но не волнуйтесь, с лортонои справлюсь и я. Дело-то нехитрое.

— Так уж и справишься? — ехидно поинтересовалась зеленая черепашка.

— Не сомневайся, мерзкий лортонои, справлюсь. И знай, мы за вами наблюдаем вот уже миллион лет. Вернее, наблюдаем не за вами, ибо даже наш не знающий границ разум оказался неспособен пробить ментальное поле вокруг вашего секретного штаба, а наблюдаем за тем,

что вы вытворяете в Галактике. И то, что мы видим, нам не нравится. Мы уже давно решили, что используем против вас, свиньи, кракар. Заминка была лишь в том, что мы не знали, как вы выглядите. Теперь, когда вы по глупости раскрыли свою внешность, мы объявляем вам войну и не отступим, пока хоть кусочек гнусного зеленого панциря…

Слова Чачкаса Четыре были прерваны яростной вспышкой ментальной энергии из стакана. Вспышка была столь сильна, что в мозгах рейнджеров потемнело, а во всем «Боинге» потух свет. Затем включилось аварийное освещение, и рейнджеры разом непроизвольно вздохнули, увидев в ковре перед Чачкасом Четыре огромную прожженную дыру.

— Что ж, проклятый лортонои, спору нет, ты силен, — сказал Чачкас Четыре. — Но теперь моя очередь. Защищайся.

И два гиганта мысли вступили в ментальное единоборство. Воля против воли, мозг против мозга. От исхода битвы зависит судьба Галактики. Кто же победит? Галактические рейнджеры напряглись, в кабине явственно запахло озоном. Секунды слагались в минуты, силы зеленой черепашки и черного таракана, казалось, были

равны.

Но что это? Что?.. Почему Пишки заметался по стакану, а потом, царапая гладкое стекло коготками, попытался выбраться? Вроде бы даже из стакана поднимается облачко пара?

— Великая Скаландра! — воскликнул лорд Пррси. — Я чувствую, что Чачкас Четыре неимоверной силой мозга кипятит воду в стакане.

Рейнджеры, застыв в благоговейном молчании, наблюдали, как зеленая черепашка все быстрее и быстрее перебирает лапками, а вода в стакане пузырится. Вскоре наступила развязка. В мозгах рейнджеров, возвещая конец поединка, прозвучал писк агонии.

— Мы выиграли! — закричал Джерри, подходя к столу и беря в руку стакан. — Кроме победы, нам достался еще и трофей — двести граммов великолепного черепахового бульона.

— Хотите сандвичи? — спросила Салли, заходя в кабину. — После банкета осталось несколько. Почему вы не разбудили меня и не попросили? Отлично ведь знаете, что я терпеть не могу беспорядок, который остается в кухне, если там хозяйничают мужчины. Салями предпочитаете с ржаным хлебом или с пшеничным?

Она взяла из рук оторопевшего Джона батон

колбасы и занесла над ним нож.

— Остановись! — вскричали разом десятки рейнджеров.

Салли остановилась, но скорее не от криков, а оттого, что ею овладели сразу все разумы на «Плисантвильском орле», способные управлять чужим мозгом. Из ее рук выпали и нож, и батон салями. Джон подошел к ней, нагнулся и осторожно поднял колбасу.

— В моих руках судьба Вселенной! — с чувством прошептал он.

— А я-то думала, это салями, — сказала Салли, но ее никто не услышал.

Следуя мысленным инструкциям Чачкаса Четыре, Джон с величайшей осторожностью очистил батон от оболочки, аккуратно разрезал его посередине и медленно вытащил из сочной мякоти кракар.

— Если бы мне не сказали, что это самое мощное оружие во Вселенной, никогда бы не догадался! — воскликнул Джерри.

— И я бы тоже! — согласился Чак.

— Ваше самое мощное оружие выглядит обыкновенным аэрозольным баллончиком, каким я пользуюсь, чистя кухонную плиту, — равнодушно сказала Салли.

— Физическая форма кракара не имеет значения, — заявил Чачкас Четыре, ни к кому конкретно не обращаясь. — Верьте мне, это действительно кракар.

— Может, расскажешь, как он работает? — предложил Джон, с тревогой глядя на экран подпространственного радара. — Желательно побыстрей. Сюда на полной тяге направляется объединенный флот флигиглехов.

— Боюсь, принцип работы нашего замечательного прибора сложноват для ваших детских мозгов. Хотя, конечно, на баллончике есть детальное описание. Если сможете, разбирайтесь, я же объясню только, как пользоваться кракаром. Чтобы привести кракар в действие, нужно взять его в правую руку, направить отверстие на врага и нажать на пластиковую кнопку наверху баллончика.

— Я же сказала, что эта штука похожа на аэрозольный баллончик, — сказала Салли, но рейнджеры посмотрели на нее так выразительно, что она, буркнув что-то себе под нос, покинула кабину.

— Кракар, к вашему сведению, темпоральный катализатор, соединяющий мишень, на которую нацелен, с временным потоком, текущим

через нашу Вселенную в направлении обратном к нормальному потоку времени. Как вам всем прекрасно известно, против временного потока ничто не устоит. Обратный поток времени создаст быстро вращающееся темпоральное торнадо, которое, набрав максимальную угловую скорость, всосет в себя всю материю в радиусе двух световых лет и, пронзив ткань времени, начнет раскручиваться в обратном направлении, но уже не здесь, вернее, не сейчас, а за тридцать один триллион лет…

— Насколько точна последняя цифра? — возбужденно поинтересовался Чак.

— Весьма точна.

— Большой Взрыв?

— Именно. Весьма рад, что хотя бы кто-то здесь понимает, о чем идет речь. По округлившимся глазам и отвисшим челюстям остальных я делаю вывод, что без разъяснений не обойтись. Кракар — такая штука, которую не только можно, но и необходимо использовать против смертельного врага Вселенной. И всего лишь раз. Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему мы так тщательно выбирали врага, которого уничтожим кракаром? — Дождавшись кивков рейнджеров, Чачкас Четыре продолжал: — Затянутый в темпоральное

поле космический флот флигиглехов по дороге в прошлое наберет огромную темпоральную энергию и, попав за тридцать один триллион лет от сегодняшнего дня, взорвется. Взрыв получится ОЧЕНЬ большой! И этот взрыв положит начало Вселенной. Обдумайте философские аспекты услышанного, а я тем временем включу абсолютно непроницаемый мозговой щит. — Чачкас нырнул в мешок, который все еще держал в руке Джон, и вновь появился, сжимая в розовой ручке черную сферу, за которой тянулся провод с двухштырьковой штепсельной вилкой на конце. — Где тут у вас розетка на сто десять вольт?

— Вон там. — Джон показал взмахом руки. — Сейчас помогу.

Выбравшись из скафандра, он воткнул вилку в розетку, а Чачкас, немного повозившись с прибором, щелкнул выключателем и объяснил:

— Теперь, как бы ни старались лортонои, ваши мозги для них непроницаемы.

— А разве это имеет значение? — спросил Джерри. — Их же через две–три минуты поглотит темпоральное торнадо.

— Объясню. Если вы меня слушали внимательно, то помните, что темпоральное торнадо всасывает всю материю в радиусе двух световых

лет. К сожалению, кракар палит лишь на одну целую девять десятых световых года, и смельчак, нажавший кнопку на баллончике, тоже будет затянут в темпоральное торнадо. Надеюсь, среди вас найдется доброволец. Если нет, тяните жребий. Да побыстрей, флот флигиглехов на подходе, а всем остальным надо еще эвакуироваться с помощью сырит–излучателя.

В кабине загремели шаги. Галактические рейнджеры поспешно отступили и, опустив глаза, прижались спинами к стенам. Счастье, попав в темпоральное торнадо, стать отцом–основателем Вселенной, не улыбалось никому.

Но нашлись среди галактических рейнджеров и смельчаки. Не один. И даже не два. Три! Трое землян взглянули друг другу в глаза и одновременно вышли вперед, обрекая себя ради жизни Вселенной на верную гибель.

— Мы добровольцы!

— Достаточно одного, — сказал Чачкас Четыре.

— Кто выберет между нами? — спросил Джерри и обнял улыбающегося Чака.

— Мы вызываемся добровольцами как единая команда, — сказал Чак. — И никак иначе.

— Остальные уходите, — распорядился Джон. — Сознание того, что все галактические рейнджеры

живы и здоровы, подбодрит нас в последнюю минуту.

Понимая, что сегодня величайший день в истории Вселенной, галактические рейнджеры подошли и пожали руки своим лидерам. Многоглазый Слаг–Тогат обнял одновременно троих землян за плечи; зеленокожий Пипа со слезами на выпученных глазах пожелал им крепкого здоровья; лорд Пррси, превозмогая адскую боль, погрузил правую переднюю клешню в ледяную воду и затем пожал руку каждому; Тросепс просто кивнул головой, выдернул из хвоста три пера и вручил землянам на память. Галактические рейнджеры один за другим отступали в сторону, и сырит–излучатель переносил их в корабли звездной армады. Уходя последним, Чачкас Четыре подал землянам на прощание призрак надежды:

— Как я сказал, вас зацепит лишь край темпорального торнадо. Из сердца урагана нет возврата, но из его края… Кто знает?.. Полагаю, что ваши шансы на спасение приблизительно один к миллиону. Немного, но все же лучше, чем ничего. Прощайте, я уже вижу приближающийся космический флот флигиглехов и отбываю на предельной скорости.

И он отбыл, а славные звездолетчики остались.

— Взгляните! — Чак указал на экран переднего обзора.

Земляне взглянули и тяжело вздохнули. Космос впереди был заполнен гигантскими космическими кораблями, каких они не видели даже около Которры. Корабль за кораблем, эскадра за эскадрой, флот за флотом — все летели к «Плисантвильскому орлу»; каждое орудие направлено на них, каждый генератор смертельных лучей смотрит на них, каждая торпеда нацелена на них. Космос полон смерти, и «Плисантвильскому орлу» уже нет спасения.

— Хотелось бы отсюда смотаться, — мечтательно сказал Чак.

— Да, — согласился Джерри, — нажать бы кнопку и оказаться подальше.

— До них всего три световых года, — сообщил Джон.

— Хотя бы сказали, что все разлетелись, — обиженно пробурчала Салли, входя в кабину с подносом, на котором были аккуратно разложены сандвичи с салями.

— Мы думали, ты отбыла вместе со всеми! — воскликнул Джон.

— Включай сырит–излучатель, отправим ее к лорду Пррси! — закричал Джерри.

— Поздно! — закричал Чак, наводя кракар и нажимая кнопку. — До флота флигиглехов ровно одна целая девять десятых световых года.

Баллончик едва слышно зашипел, и больше ничего не произошло.

— Не сработал! — закричали Джон и Джерри в один голос.

Но они оказались не правы. Чак показал на передний иллюминатор.

— Смотрите!

В межзвездном пространстве что-то произошло. Приглядевшись, земляне увидели поблизости черную дыру. Корабли флота флигиглехов стреляли смертоносными тепловыми лучами, выпускали атомную торпеду за торпедой, но всю их энергию поглощала расширяющаяся черная дыра. Огромная армада попыталась изменить курс, но не успела. Черная дыра росла с невероятной скоростью, пожирая их. Темнота меж тем подобралась и к «Плисантвильскому орлу». Салли пронзительно закричала. Действительно, было от чего закричать. Здесь, на краю торнадо, было пока спокойно, но в центре бушевала темпоральная буря! Космические корабли флигиглехов, подхваченные невидимой силой, крутились, подобно детским волчкам, и, нагревшись докрасна,

один за другим исчезали. Торнадо добралось и до «Боинга». Снаружи воцарилась непроницаемая тьма. Время в кабине будто сошло с ума. Стрелки часов застыли, затем повернули вспять. Салли неожиданно умолкла и, оглядевшись, попросила:

— Может, объясните, что происходит?

— Взглянем на диаграмму, — закричал Джерри. Через мгновение он и Чак припали к баллончику кракара. Джон, оставшись без дела, усадил Салли в кресло и попытался успокоить. Узнав, что происходит, она разрыдалась. Джон мужественно подставил для слез свое плечо. Вскоре плач Салли перешел во всхлипывания, затем она умолкла, вытерла глаза и предложила Джону сандвич с салями. Поняв, что, съев сандвич, он угодит ей, Джон не отказался. Салли предложила еще. Он съел второй. Третий. Затем — все.

— Великолепные сандвичи! — похвалил он.

— Спасибо, Джон, я старалась. — Салли улыбнулась. — Скажи, а после этого приключения мы останемся живы?

— Ну, шансы только один к миллиону. Джерри и Чак — гении, и если кто и сможет привести кракар в реверс, так это только они. Великолепные парни!

— Согласна с тобой! И ты, Джон, тоже парень что надо!

— О!.. Ты говоришь так только потому, что скоро всему конец?

— Глупенький. Кто же лжет перед смертью? Я счастлива, что меня любили трое таких отличных парней, как вы. Да, Джон, я давно знаю, что не только Джерри и Чак, но и ты любишь меня. И не красней. Стыдиться нечего.

Она взяла его огромную руку в свою крошечную и нежно сжала. Тут вскочил на ноги Джерри и, тряся листок бумаги, закричал:

— Эврика!

— Что это значит? — спросила Салли.

— Не знаю, это по–гречески, но я нашел решение. Сейчас быстро спаяем простенькую электрическую схему, которую я придумал в соответствии с разработанной Чаком математической теорией темпоральных перемещений, и проверим теорию на практике.

Друзья слаженно взялись за дело. Разобрав пульт управления артиллерийскими орудиями, извлекли из него необходимые радиодетали, а через минуту, вскрыв консервным ножом кракар, установили готовую плату внутрь.

— Есть! — воскликнул Джерри, крутя ручку

настройки. — Используя кинетический момент темпорального торнадо, мы создадим локальное завихрение, которое швырнет нас во времени назад, но так как движемся мы сейчас по оси времени назад, то обратное движение будет вперед. Расколов поток времени в нужном месте, мы попадем туда, откуда стартовали. Салли, мы впутали тебя в эту авантюру, поэтому именно тебе поручаем нажать кнопку. Жми!

Салли послала друзьям воздушный поцелуй и надавила на кнопку дверного звонка.

Снаружи все та же непроницаемая темнота, а в самолете померк свет. Землянам показалось, что они пересекают океан невидимой патоки, и каждое движение дается им ценой неимоверных усилий.

— Боремся… с… потоком времени, — с трудом выговорил Джерри.

Лампочки загорелись вполнакала, стрелки на часах замерли, затем медленно пошли в привычном направлении. Быстрее, быстрее. Свет загорелся полностью, двигаться стало легче.

— Уф–ф! — выдохнула Салли. — Не хотелось бы пережить такое вновь!

— Мы сейчас находимся за миллион лет до рождества Христова и быстро движемся по оси

времени в будущее, — сообщил Чак, посчитав на бумажке. — Джерри, настрой свою схему так, чтобы нас забросило в пространство поближе к старушке Земле.

— Сделано, — сказал Джерри секунд через тридцать. — Пристегните ремни. Предполагаю, что при переходе в нормальный пространственно–временной континуум нас весьма ощутимо тряхнет.

Земляне пристегнулись. Стрелка хронометра вращалась как сумасшедшая, в кабине повисла напряженная тишина. На Земле бежало время, эпоха сменялась эпохой, эра — эрой. Эра гигантских ящеров. Появление первых млекопитающих. Появление человека. Цивилизации Древнего Египта в зените. Гибель Атлантиды в морской пучине. Осада Трои. Оргии в Риме. Славные подвиги бесстрашного короля Артура. Расцвет рыцарства. Мрачное средневековье. Крестовые походы. Открытие Нового Света. Индустриальная революция. Мировая война. Снова мировая война…

— Прибыли! — закричал Джерри и нажал на кнопку.

Пробив барьер времени, «семьсот сорок седьмой» вынырнул в вечернем небе Земли. Барьер

времени оказался попрочней, чем звуковой. Вибрация при переходе была чудовищной, приборы на пульте раскололись, правое крыло «Боинга» оторвало, левое изогнуло, хвост треснул и держался чудом.

— Неплохо, — прокомментировал Чак. — Мы вернулись на Землю, даже вроде бы в свою эпоху, и, что самое главное, мы живы. Знать бы поточней, где мы?

— На высоте тридцать тысяч футов, — сообщил Джон, взглянув на треснувший альтиметр. — Вижу внизу огни. Похоже, город. Мы падаем прямо на него.

— Запускать двигатели не имеет смысла, — решил Джерри. — Какая польза от двигателей, если у самолета нет крыльев?

— Это точно, — согласился Джон, неотрывно глядя на приближающуюся Землю.

Салли пронзительно закричала.

Глава 21. Полная победа!

— Успокойся, Салли, успокойся. — Чак погладил девушку по голове. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. У нас на борту куча всякой техники. Например, сырит–излучатель…

— Об излучателе забудь, — сказал Джерри, извлекая из-под обломков аппаратуры покалеченный излучатель. — Придумай что-нибудь другое.

— Ребята, а может, переделаем генератор магнитных лучей так, чтобы он не притягивал предметы, а отталкивал. Включив его, мы бы замедлили падение.

— До Земли двадцать тысяч футов, — бесстрастно констатировал Джерри. — Отличная, на мой взгляд, идея. Подайте отвертку, я попытаюсь воплотить ее в жизнь.

Ему дали отвертку, он вскрыл кожух, остальные напряженно ждали.

— До земли десять тысяч футов, и падение убыстряется, — попытался поторопить приятеля Чак.

Джерри отпустил изощренное ругательство, которое его воспитанные друзья пропустили

мимо ушей.

— А знаете, — сказал вдруг Джон, задумчиво глядя на приближающуюся землю, — город под нами чертовски похож на Плисантвиль.

— Плисантвиль, он самый! — восторженно закричала Салли. — Вон колледж, вон дом моего отца, а вон аэродром. И смотрите, на нем готовится к взлету самолет.

— Осталось пять тысяч футов, — сообщил Чак. — Как думаешь, Джерри, управишься?

— Сейчас, только спаяю эти два проводка… Готово! Всем занять свои места и пристегнуться ремнями!

Друзья поспешно уселись в кресла и пристегнулись. На высоте двух тысяч футов Джерри нажал кнопку на усовершенствованном им генераторе магнитных лучей. Самолет изрядно тряхнуло, левое крыло и хвост отвалились. Скорость падения уменьшилась.

— Отлично! — воскликнул Джон. — Мы на высоте тысяча футов и плавно опускаемся.

— Прямо под нами аэродром, — закричал Чак. — И там… Смотрите! Тот самолет поднялся и пролетает прямо под нами… Смотрите же!

Земляне посмотрели и раскрыли рты. Под ними летел «Плисантвильский орел»!

— Не понимаю, — сказала Салли.

— А вы видели, кто за штурвалом самолета? — спросил Джон.

— Кто?

— Я!

— А я знаю, что произошло, — сказал Чак.

— И что же?

— Мы прибыли на Землю чуть раньше, чем улетели, и сейчас угнанный Джоном самолет отправляется навстречу приключениям!

— Да, великие приключения начались, — сказал Джерри, глядя на скрывающийся в сумерках «семьсот сорок седьмой». — Знали бы мы тогда, что нас ожидает!

— Хорошо, что нас никто не предупредил, а то бы испортил всю потеху, — сказал Джон, и друзья рассмеялись.

Неожиданно из генератора магнитных лучей посыпались искры.

— Короткое замыкание! — определил Джерри и занялся ремонтом.

Самолет стремительно падал. Джерри починил и включил прибор на высоте одного фута. Падение замедлилось лишь слегка. Самолет с грохотом рухнул на бетонную посадочную полосу и вспыхнул.

— Спасай Салли! — закричал Джерри.

— Сделано! — закричал Джон, отстегивая на девушке ремень безопасности и взваливая ее на плечо. — А ты позаботься о Чаке! Похоже, он потерял сознание.

— Сделано! — закричал Джерри, сгибаясь под тяжестью Чака.

Джон и Джерри бросились через потемневший от удушливого дыма салон к аварийному люку. К счастью, от удара сработал аварийный трап, и теперь дальний его конец касался земли. Подгоняемые обжигающими языками пламени, друзья проворно спустились по трапу, пробежали по мокрому от вечерней росы полю и свалились в удачно подвернувшийся на пути кювет. «Орел» оглушительно взорвался, во все стороны полетели смертоносные осколки.

— Мы вернулись! — закричал Джерри. — И мы живы!

От пылающего «Плисантвильского орла» праздничным фейерверком разлетались разноцветные искры, светло было как днем.

Салли слабо застонала и открыла глаза.

— Мы живы! — сказал Джон, и в то же мгновение они оказались друг у друга в объятиях, а их губы слились в пламенном поцелуе.

Салли, как всегда, целовалась с открытыми глазами, поэтому увидела из-за плеча Джона, как поднялся Чак, и Джерри тут же заключил его в объятия, и они слились в поцелуе, долгом и страстном. Джон и Салли начали поцелуй первыми, у них первых перехватило дыхание, и они, жадно глотая воздух, уселись на траву. Минуты через две Джерри и Чак тоже разомкнули объятия и увидели, что за ними наблюдают.

— Не краснейте, ребята. — Салли понимающе улыбнулась им. — Я давно приметила в вашей лаборатории раскладушку и догадалась, что вы любовники. — Салли рассмеялась, ребята тоже. — Я не виню вас. Жизнь есть жизнь, любовь есть любовь. Поздравьте меня, я нашла мужчину, которого люблю всей душой, и, как только он сделает мне предложение, выйду за него замуж.

— Выходи за меня замуж, — предложил Джон.

— Да, дорогой… Я выйду за тебя, как только ты отрастишь длинную кудрявую бороду и бачки. С волосами на лице ты будешь просто неотразим, и я полюблю тебя еще сильней.

— Ну, дорогая, не знаю… — нерешительно пробормотал Джон. — Я думал, что утром явлюсь в местное отделение ЦРУ и предложу свои услуги. Держу пари, что с моей подготовкой и разносто-

ронними знаниями меня там с удовольствием возьмут на работу и предложат приличное жалованье.

— Мой муж не будет шпионом! Решай, дорогой, либо ЦРУ, либо я! — Салли, запрокинув голову, провела языком по влажным губам и томно прикрыла глаза.

— Гм–м… — Джон крепче прижал ее к себе и погладил по круглым ягодицам. — Согласен, не иду в шпионы, не бреюсь до конца своих дней и даже, если хочешь, вставлю в ухо золотое кольцо.

— Дорогой, а ты не против, если я присоединюсь к феминистскому движению?

— С чего это тебя в феминизм потянуло?

— Надоело быть человеком второго сорта и вечно дежурить по кухне. Хочу бороться за свои права.

— А–а-а… — Джон махнул рукой. — Согласен.

— Очень рада, дорогой. — Салли чмокнула его в щеку. — Ну а у вас, ребята, какие планы на будущее?

— Вернемся в колледж! — воскликнули Джерри и Чак разом и заразительно засмеялись.

— Я получу еще две–три технические специальности, — сказал Джерри.

— А я вступлю в дискуссионный клуб, — со-

общил Чак. — Джерри, дорогой, у меня денег куры не клюют. Может, я сниму для нас двоих квартиру?

— Договорились!

Джон задумчиво поглядел на догорающий «семьсот сорок седьмой» и философски заметил:

— Будто и не было наших лихих приключений.

— Будто все случившееся с нами — сон, — добавила Салли.

— Но наши приключения не сон! — запальчиво воскликнул Чак. — Они были!

— Давайте сохраним их в секрете, — предложил Джерри. — Если мы расскажем о них, нас примут за сумасшедших. Скажем лучше, что самолет взорвался при взлете.

— И если страховая компания не заплатит за самолет, ну… Мой отец богат, купит для колледжа новый, — сказал Чак.

— Наш секрет! — воскликнули четверо друзей в один голос и пожали друг другу руки.

Великие приключения действительно подошли к концу, и две счастливые пары, обнявшись, зашагали через темное поле. Их головы были гордо подняты от сознания того, что они закалены в горниле жизни, познали и горе разочарования,

и радость победы, и теперь, какие бы испытания ни уготовила судьба, им все нипочем.